Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
МОСКВА, 9, Тверская, 48.

Продолжается прием подписки на IV квартал 1929 г.

на ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал

„Под Знаменем Марксизма"

8-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: А. М. ДЕБОРИНА, А. А. МАКСИМОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, Я. Э. СТЭНА, А. К. ТИМИРЯЗЕВА.

Отв. редактор А. М. ДЕБОРИН.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

В своей статье, ставшей для журнала программной, В. И. ЛЕНИН подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

В наши дни, когда к этим намеченным В. И. Лениным задачам журнала прибавилась, как важнейшая задача—борьба с ревизией теоретических основ марксизма и ленинизма, значение журнала выросло еще более.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	. . . . .	1 р. 50 к.
» 3 »	. . . . .	4 р. 25 к.
» 6 »	. . . . .	8 р. — к.
» 12 »	. . . . .	15 р. — к.

—— Цена отдельн. номера—1 р. 50 к. ——

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе Издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

Бюро международного книгообмена

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 10—11

ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
МОСКВА 1-9-2-9

Содержание вышедших из печати номеров.

№ 1. Ст. Кривцов.—Проблема стихийности и сознательности в ленинизме. Вл. Бонч-Бруевич. — Женевские воспоминания. Ф. Шиллер. Франц Меринг. Л. Зивельчинская.—Готгольд Эфраим Лессинг. В. Позняков. Марксовы схемы воспроизводства и производство золота. Э. Брегель.—Об одной неудачной вылазке (к понятиям денежного и ссудного капитала у Маркса). С. Горловский.—Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов. Д. Джинс.—Физика вселенной. Р. Милликэн.—Полезная энергия. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Ф. Энгельс.—Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. Паркер Томас Мун.—Империализм и мировая политика. «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928 г. Неизданные тексты, материалы и статьи».

№ 2—3. Ник. Карев.—А. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму. К. Виттфогель. — Геополитика, географический материализм и марксизм. Н. Цаголов.—К пониманию марксовой теории кризисов. Вл. Дунаевский.—Закон трудовой стоимости при капитализме в «Очерках» И. Рубина. В. Погонкин.—О пределах морального снашивания в хозяйстве капиталистическом и хозяйстве социалистическом. Ц. Фридлянд.—О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР. Я. Захер.—Конец Жака Ру. С. Горловский.—Борьба течений в германской с.-д. в первые годы эпохи исключительных законов. В. Гриб.—О принципах построения марксистской эстетики. В. Боровский. — Роль инстинктов в поведении человека. П. Вальден.—Значение велеровского синтеза мочевины, с предисл. А. Максимова. З. Цейтлин.—Внутреннее строение звезд. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ: И. А. Трахтенберг—Современный кредит и его организация, ч. I. Теория кредита. Dr. Willy Hircsh.—Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II. «La Revue Marxiste» № 1, 1929, Paris.

№ 4. Гр. Баммель.—Ленин и проблема логики в марксизме. В. Асмус.—Формальная логика и диалектика. М. Фурщик.—К. Каутский и диалектический материализм. И. Рубин. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Гр. Деборин.—Предмет политической экономии в современных спорах. Е. Ривлин.—Проблема революции в германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона Н. Серебровский.—Дарвинизм и «дарвинизм», КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. К. Маркс. — Нищета философии. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Д. Рязанова. В. Зомбарт.—Современный капитализм, т. III, ч. 1. Пугачевщина, т. II. Из следственных материалов и оффициальной переписки. Фриц Кристман.—Биологическая причинность. Исследование по вопросу о преодолении противоположности механизма и витализма.

№ 5. Передовая.—Новый этап. Резолюции II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. К. Шмюкле.—Заметки по поводу «возрождения Гегеля» в Германии. П. Кучеров.—Практика, как единство суб'екта и об'екта. Ник. Карев.—К вопросу о предмете политической экономии. И. Рубин.—Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Е. Ланде.—Механистический метод и обоснование теории стоимости. Я. Захер.—Идеология «бешеных». I. Всесоюзное совещание общества воинствующих материалистов-диалектиков. Резолюции совещания. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Летописи марксизма, вып. I—VIII, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II. П. С. Оранский.—Основные вопросы марксистской социологии, т. I. Альберт Матьез. Термидорианская реакция. Ц. Фридлянд. История Западной Европы.

№ 6. К. Виттфогель.—Геополитика, географический материализм и марксизм (статья II). З. Атлас.—К теории банковского кредита (Капиталоаккумуляция и кредитная эмиссия). П. Логинов.—Проблема рыночной стоимости у Маркса. А. Острецов.—К вопросу о диалектике художественного процесса. Н. Курманов.—Рефлексология или психология. Акад. Н. Вавилов.—Географическая локализация генов пшеницы на земном шаре. В. Рудаш.—Проблема материи в новейшей естественно-научной и философской литературе. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Н. Петров. И. Степанов.—Предметный указатель к первому тому «Капитала» Маркса. С. Гурвич и В. Позняков.—Заработная плата. Теоретические основы и современные проблемы. Л. Зивельчинская. Опыт марксистского анализа истории эстетики. Проф. Г. Е. Шумков.—Основы эволюционной персоно-рефлексологии, со схемой по изучению личности человека.

№ 7—8. К. Виттфогель.—Геополитика, географический материализм и марксизм. А. Реуэль.—«Социальное направление» политической экономии в наших современных спорах. З. Атлас.—Теория банковского кредита (Капиталоаккумуляция и кредитная эмиссия. В. Волгин.—Система Фурье. Я. Захер. — Теофиль Леклер.—А. Максимов.—Методология измерения и диалектический материализм. В. Рейх.—Диалектический материализм и психоанализ. И. Сапир.—Фрейдизм, социология, психология. (По поводу статьи В. Рейха «Диалектический материализм и психоанализ). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Н. Г. Чернышевский.—Литературное наследие, т. II. Тад. Авделбегян. Золото в схемах простого воспроизводства. М. Кривицкий. Теория заработной платы германской социал-демократии. С. Высоцкий. Очерки по теории кредита К. Маркса. СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ: С. Васильев. Письмо в редакцию.

№ 9. Б. Гессен и И. Подволоцкий.—Философские корни правого оппортунизма. А. Айзенберг.—К постановке проблемы классов у Каутского. Б. Борилин.—О мере индустриализации и новых формах смычки. А. Леонтьев.—К вопросу об организованном капитализме. И. Вайнштейн.—К вопросу о методологии политической экономии у Маркса и классиков. К. Шмидт.—Фашизм как новейшая форма буржуазной контрреволюции. Н. Мирошхина.—К вопросу о методе в современном естествознании. Ф. Риттер.—Диалектический материализм и новая атомная физика. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Henrik Crossman.—Das Acumulations und Zusammendbruchstendenz des kapitalistischen Sistems. «Против механистических тенденций в политической экономии». Сб. ст. под ред. Борилина и Леонтьева. П. В. Максаковский. Капиталистический цикл. Очерк марксистской теории цикла. А. А. Новосельский.—Вотчинник и его хозяин в XVII в. СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ: А. Максимов.—Письмо в редакцию. Петров и Степанов.—Письмо в редакцию. —Каганович.—Письмо в редакцию. Д. Зивельчинская.—Письмо в редакцию.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ **№ 10—11** 1929

СОДЕРЖАНИЕ.

ПЕРЕДОВАЯ.—О последнем выступлении механистов (1) *Гр. БАММЕЛЬ.*—К постановке проблем исторического материализма в реконструктивный период (15). *К. ШМЮКЛЕ.*—К критике немецкого историзма Ранке и принцип легитимизма (44). *В. ПОЗНЯКОВ.*—Рыночная ценность и ее место в экономической системе Маркса (57). *Гр. ДЕБОРИН.*—К спорным вопросам товарного фетишизма (75). *Б. КУЗНЕЦОВ.*—Механистическая концепция политической экономии (107) *С. БАТИЩЕВ* „Диалектика" Рубина (124). *В. НИКОЛЬСКИЙ.*—Важнейшие направления современного исследования первобытного хозяйства (143). *З. ЦЕЙТЛИН.* — Христиан Гюйгенс (197). КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ: *И. ЛАПИДУС.*—К борьбе с формалистическими тенденциями в политической экономии. И. Кушин — Диалектическое строение капитала Маркса (225). *А. РЕУЭЛЬ.*—Письма Маркса к Кугельману (230). *З. АТЛАС.*—У. Рандольф Бэрджес. Банковская организация американского капитализма. Резервные банки (237). *А. НИФОНТОВ.*—В. Кирпотин. Радикальный разночинец Д. Н. Писарев (240). *С. Т.*—И. Литвинов. Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства (246). СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ: Материалы к дискуссии в теоретической экономии: Письма в редакцию (250). Резолюция по вопросу о современной дискуссии в теоретической экономии (принятая общим собранием экономистов Института красной профессуры) (259). Условия пользования консультацией на заочно-консультационном отделении ИКП для партактива и преподавателей в 1929/30 уч. году (259).

О последнем выступлении механистов.

Последний сборник механистов «Диалектика в природе» № 5 носит замечательно удачный подзаголовок: «Механика новейшего похода на диалектический материализм» Москва, 1929 г. Стр. 103.

Действительно, лучшего примера для разоблачения «механики» похода механистов против диалектического материализма трудно найти. Механисты, как известно, относятся с большим предубеждением ко всему органическому. Естественно поэтому, что и те приемы, при помощи которых они стремятся подменить марксизм ревизионизмом, по преимуществу носят механический характер, так же как и их воззрения представляют чисто-механическое соединение идей Богданова и Канта, Фрейда и Больцано, Берга и Бернштейна. В последнем сборнике механистов есть, однако, и одна новая нотка, которая и побуждает нас еще раз вернуть к ним внимание читателей.

В апреле этого года состоялась 2-я Всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений, подытожившая четырехлетнюю дискуссию между диалектическими материалистами и механистами. Конференция, в которой участвовали представители всех крупнейших научно-исследовательских учреждений страны пролетарской диктатуры, единодушно характеризовала механистов, как течение, представляющее «явный отход от марксистско-ленинских позиций в философии». За эту резолюцию голосовали представители таких учреждений, как Коммунистическая Академия, Инсти-

тут Ленина, Институт Маркса и Энгельса, Институт Красной Профессуры и т. д. Казалось бы, что для всякого мало-мальски прислушивающегося к голосу своего коллектива марксиста-ленинца было бы обязательно после этого решения еще раз продумать свои воззрения, по меньшей мере — заняться серьезной теоретической работой и изучением указанных ему ошибок, прежде чем снова выступить на их защиту. Не тут-то было! «Диалектика в природе» № 5 доказывает, что механисты и на опыте последнего звена дискуссии ничего не забыли и ничему не научились. Без единого нового аргумента, без тени каких бы то ни было доказательств, они выступают со своими старыми положениями, показывая тем самым, что они не намерены считаться с организованным теоретическим марксистско-ленинским общественным мнением. Но тот, кто не считается с определенным коллективом, — и не принадлежит к нему.

Новое, характеризующее последний сборник механистов, не в аргументах и не в теоретических положениях. Новое сборник вносит в характеристику политической тактики механистов. Если до сих пор о ней можно было говорить, лишь устанавливая тенденции развития направления, то теперь о ней можно судить по делам.

* * *

Как и на всех предшествующих этапах борьбы, и в настоящее время отличительной особенностью «механики» механистического похода против философии диалектического материализма являются три приема: 1) фальсификация воззрения диалектиков-материалистов, 2) попытка — под прикрытием этой фальсификации — пронести отрицание основ марксистско-ленинской философии, 3) полное умалчивание о самых грубых выступлениях отдельных представителей механистического блока против марксизма и коммунизма.

Рассмотрим каждый из этих приемов на основе материала, даваемого новым сборником механистов, и посмотрим, к какой общей характеристике механистов в настоящий момент он нас обязывает.

1. Фальсификация воззрений диалектиков-материалистов [1]).

До сих пор в сборниках, издававшихся механистами, анонимна была редакция сборников, но известны были авторы статей. В этом сборнике известна редакция, но анонимны авторы статей. До появления механистов в литературе было известно обыкновение печатать лишь передовые статьи

[1]) Механисты называют защитников материалистической диалектики «деборинцами». Но Деборин и работающие вместе с ним в области философии диалектического материализма товарищи, как это тов. Деборину неоднократно указывалось, ставят своей задачей лишь защиту и разработку учения Маркса, Энгельса и Ленина. Они не выступали ни разу в прошедшей борьбе ни против одного из положений философии марксизма-ленинизма. В основу своей работы ими было положено осуществление указаний Ленина о задачах марксистской философии в нашу эпоху. В это же время, как будет показано дальше, механисты прямо требуют ревизии формы материализма Энгельса и в ряде вопросов высказываются за Богданова против Ленина. За или против Маркса, Энгельса и Ленина — так стоит вопрос в наши дни, и механистам не увильнуть от него под прикрытием воплей о «деборинской школе».

без подписей авторов в научных журналах и сборниках, но механистам никакие законы литературного приличия не писаны. Впрочем, по сравнению с другими приемами механистов это — один из наиболее невинных. Все же мы знаем, что есть два редактора — А. Тимирязев и А. Варьяш, которые ответственны за всех анонимных авторов [1]). Без некоторой же доли тумана ни одно из коллективных изданий механистов выдержать, очевидно, не может.

Итак, перейдем к первому «серьезному» приему. В конце сборника напечатана статья под интригующим заголовком: «Есть ли система в философии деборинской школы?». Ответ А. Тимирязева и А. Варьяша на этот вопрос столь же прост, сколь и изящен. Система такая есть, — это система взглядов, во всех вопросах философии противоречащая марксизму. Но эти взгляды Дебориным и его сторонниками не систематизированы не то потому, что «они не хотят», не то потому, что они «не могут систематизировать своих взглядов». В виду этого почтенные редакторы сборника, проворство которых вне конкуренции, заявляют, что они были «вынуждены взяться за эту задачу».

И вот два профессора своего дела берутся за систематизацию воззрений диалектиков. Серьезный исследователь, излагая взгляды противника, считает своим долгом точно передавать его мысль и приводить все, касающиеся существа дела, положения, по возможности, его же словами. Жонглер, попавший в литературу, подтасовывает цитаты и излагает взгляды противника так, как ему хотелось бы их представить, чтобы затем с победоносным видом опровергать свой собственный вздор.

К какому из этих типов ближе два почтенных маэстро — определит сам читатель.

В качестве первого отличия учения Деборина и его сторонников от философии Маркса, Энгельса и Ленина А. Тимирязев и А. Варьяш указывают, что диалектики признают «всеодушевленность материи». И, чтобы не было сомнений, прибавляют в скобках: «(Деборин, Карев)».

Деборин писал: «Мы не только не отрицаем возникновения органической материи из неорганической, но принципиально настаиваем на таком возникновении, ибо последовательно-материалистическое мировоззрение на иную точку зрения становиться не может, но именно поэтому, именно потому, что на определенной ступени мирового процесса неорганическая материя неизбежно превращается в органическую живую материю, отличающуюся от неживой рядом особенностей, специфических

[1]) Правда, и фамилии А. Тимирязева и А. Варьяша тоже названы не в тексте самого сборника, а в предисловии к нему правления Гос. Тимирязевского научно-исследовательского института, в котором это последнее отмежевывается от содержания сборника. В предисловии же к сборнику самих его авторов, в качестве человека, систематизировавшего и проредактировавшего материал сборника, указан некий А. И. Степанов, ничем и нигде до сих пор себя не проявивший. Уж не псевдоним ли и это? Но так как в конце концов все же подлинные редакторы названы, хотя бы и не ими самими,— все остальное с точки зрения нравов, царящих в изданиях механистов, можно признать мелочью.

свойств, мы должны рассматривать органическую материю, как особое качество, особый узел, который завязывается самой природой» («Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 3, стр. 7).

В предисловии к сочинениям Дидро, возражая против положения Плеханова (поэтому вовсе не антиматериалистического), что «и камень мыслит», Деборин присоединялся к мысли Ленина о том, что в «фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением», но переход от неорганизованной материи к организованной надо мыслить не только как количественное изменение, но и как качественное изменение, скачок [1]).

В статье против Л. И. Аксельрод Карев писал: «Сознание, мышление есть свойство высокоорганизованной материи, неизбежно возникающее в ней при соответствующих условиях на определенной ступени развития» [2]).

Похоже ли это на то, что приписывают Деборину и Кареву редакторы сборника? Нет, не похоже. Редакторы, выражаясь вежливо, заведомо приписывают противнику не разделяемую им точку зрения. Как называется такой «механический» прием?

В качестве второго обвинения А. Тимирязев и А. Варьяш утверждают, будто Деборин и его «школа» обвиняют механический материализм в том, что он отрицает атрибутивность мышления и учит, что мышление является свойством особо организованной, высшей формы материи. В одной фразе два искажения одновременно: а) Глупо обвинять механический материализм в том, что он отрицает атрибутивность мышления по отношению к материи, так как существовал такой механистический материализм, который как раз считал, следуя Спинозе, мышление атрибутом материи, и при этом в том именно смысле, что оно присуще всякой материи. Таков был материализм Дидро. Лишь невежественные в области истории материализма Варьяш и А. Тимирязев могут кому бы то ни было приписывать противопоставление механического материализма идее атрибутивности мышления и, далее, у некоторых мыслителей — учению о всеобщей одушевленности материи. Логически, как это было показано А. Деборины, именно механический материализм, не признающий качественного преобразования форм, вынужден часто бывает становиться на точку зрения всеобщей одушевленности материи. б) Признание атрибутивности мышления и всеобщей одушевленности материи — не одно и то же. Это также неоднократно печатно выяснялось механистами [3]).

Энгельс признавал мышление атрибутом материи и полагал, что оно необходимо возникает на определенной ступени ее развития. Так Энгельс писал: «Мы все же уверены, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погибнуть, и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух,—она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 2, стр. 177). Именно признавая атрибутивность мышления, Энгельс и Плеханов называли себя спинозистами, независимо от того, как они решали вопрос о всеобщей одушевленности материи. Но что до всего этого механистам? Они молчат об Энгельсе и Плеханове, так как боятся выступить против их воззрений и трубят о якобы отходящих от марксизма «деборинцах». Не старайтесь, уважаемые, смеем вас уверить, — никого обмануть не удастся. В науке вообще обман—дело последнее. Наука—не мелочная лавка.

[1]) Д. Дидро, Соч., т. I, стр. XXIV—XXVI.

[2]) За материалистическую диалектику, стр. 268.

[3]) См., напр., отчет о диспуте в театре Мейерхольда с Л. Аксельрод («Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 1) и дискуссию на Второй конференции по докладу А. Деборина.

Далее, редакторы сборника об'являют: «В действительности же мышление по воззрению деборинизма (!!!) не есть результат особого рода сложного движения высокоорганизованной материи (мозга)». А в доказательство приводится цитата из статьи т. Деборина «Энгельс и диалектика в биологии», что «химии недостаточно для исчерпывающего об'яснения жизни». Но положение Деборина есть лишь пересказ положения Энгельса о том, что сущность мышления не исчерпывается сведением его к молекулярным и химическим движениям в мозгу, положения, против которого борются механисты. А это положение Энгельса вовсе не означает отказа от материализма. Химии недостаточно для об'яснения происхождения религии, но религиозные воззрения есть лишь особая сторона определенного материального движения в мозгу людей, находящихся в определенных социальных условиях. Почтенные авторы сборника не замечают, что они, приписывая Деборину идеализм, обвиняют в идеализме весь марксизм.

На стр. 91 редакция сборника утверждает, что «по мнению «школы» материя неделима, так же как и субстанция Спинозы, которую они отождествляют с материей». В доказательство приводится утверждение Карева, что «марксизм не может говорить об отношении между предметами, как субстанциями, марксизм признает только одну субстанцию—материю». В «Под Знаменем Марксизма» указывалось уже однажды, что, фальсифицируя таким образом точку зрения диалектиков, механисты сами защищают чистейший идеализм («Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 4). Отсылая к этому номеру нашего журнала читателей (механисты делают вид, словно его и не было, так как возразить им нечего), отметим здесь лишь, что 1) нет ни одной цитаты из диалектиков, в которой отрицалась бы делимость материи. Так, в ответе проф. Самойлову обвиняемый механистами Карев писал: «Разложение явления на простейшие составные части представляет важную задачу науки, без него невозможно познание действительности, и электрон должен быть разложен далее, об'яснен из более простых форм движения материи. Наука не должна останавливаться на этом пути и должна неустанно рыть глубже. Выдумки, что диалектика ставит исследователю какие-либо запреты! Наоборот, она требует, чтобы он не останавливался ни на каком уже достигнутом результате, а неустанно двигался вперед». 2) Признавать одну только субстанцию—материю не значит считать ее неделимой. Лишь скандальным невежеством—или сознательным ввe-

дением читателей в заблуждение—можно об'яснить подобное утверждение. Спиноза сам признавал наличие отдельных вещей, модусов. Признание одной только субстанции—материи означает лишь отрицание плюрализма и дуализма в мировоззрении, т.-е. отрицание идеализма. Признавать много субстанций—значит отрицать, что материя есть единственная и единая об'ективная реальность. Но что до того Варьяшу и Тимирязеву! Их интересует не судьба материализма, а то, как ловчее дискредитировать его защитников. Напрасный труд!

По поводу разногласий между механистами и диалектиками в вопросе о роли категории качества и «сведении» высших форм к низшим возражения нового сборника механистов сводятся к риторическому вопросу: «Зачем нужна эта шумиха о сведении, о его невозможности? Вот почему! Раз слово «сведение» укоренится в сознании людей, как вредное, недопустимое уничтожение, значит, надо остерегаться и кричать караул и механический материализм» (стр. 93). Бедные механисты! Они не знают, почему диалектические материалисты столь решительно дают отпор всем попыткам подменить диалектику—механическим «сведением». С их точки зрения не надо воспитывать молодежь в духе критического отношения к механическому (так и запишем!) материализму. А помнят ли авторы и редакторы сборника одобренное ими заявление Боссэ на заре деятельности Тимирязевского института по докладу И. Степанова, что «теоретически в конечном счете социальные явления также доступны не только качественному-социологическому анализу, но и количественному-физико-химико-биологическому» [1])? Знают ли механисты, что «сведение» социальных явлений к биологическим, не говоря уже о химических и физических, законам и отношениям Ленин называл издевательством над революционным марксизмом? Знают ли почтенные теоретики, что, скажем, непосредственное «сведение» качественного своеобразия социальной формы к технике есть основа правого, ревизионистского понимания развития советского хозяйства, когда чисто-количественный рост производительных сил, независимый от его качественной, классовой формы, отождествляется с ростом социализма? Почтенные теоретики либо не понимают того, что они пишут (тогда зачем они вообще пишут о том, чего не понимают?), либо «тут умысел иной был».

Следующее обвинение механистов направлено против идеи конкретного понятия, выдвигаемой диалектико-материалистической логикой. А. Деборин в его статье «Диалектика в биологии» было написано, что К. Маркс впервые показал, что «общественный класс существует, движется и изменяется, переживает историю, рождается, борется и умирает, что общественный класс, словом, не отвлеченное понятие, а живое коллективное существо» [2]).

Механисты называют эту точку зрения виталистической. Тем самым

[1]) Механистическое естествознание и диалектический материализм, изд. Тимир. института, 1925 г., стр. 63.

[2]) «Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 1—2, стр. 63.

они доказывают лишь, что они сами стоят на позиции буржуазного атомизма и индивидуализма в общественной науке, для которого общественный коллектив есть лишь сумма составляющих его индивидов, а не реальная целостность. Эта точка зрения вполне гармонирует с мнением вождя механистов Л. Аксельрод, что «низшие, угнетенные классы лишены, по существу, традиции и крепких осязательных связей со своими прошедшими поколениями». Правда, Л. Аксельрод признает, что зато высшие классы сохраняют в своей памяти «яркие воспоминания» о своем прошлом. Но то ведь высшие классы! [1]).

Прошло более полугода, и до сих пор ни один механист ни словом не отмежевался от Л. Аксельрод, тем самым солидаризируясь с ней в отрицании всех традиций борьбы и истории рабочего класса. И эти люди осмеливаются называть себя последователями Ленина!

Механисты обвиняют диалектиков в признании об'ективной случайности. Но еще Маркс писал, что «история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли». Но в самом причинном ряду мы должны уметь различать то, что вытекает из основной закономерности развития от таких, лишь в конечном счете уравновешивающих друг друга, случайностей, как характер людей, стоящих во главе движения, и т. п. Отвергнуть это различие — значит отвергнуть исторический материализм в том виде, в каком его создал Маркс.

На стр. 96—97 своего «труда» механисты приписывают диалектикам (тов. Лупполу) отрицание универсальности первого закона диалектики — перехода количества в качество. Это обвинение пред'являют те самые механисты, которые отрицают об'ективность самих качественных узлов в природе. Механисты ссылаются на книгу т. Луппола «Ленин и философия», стр. 79. Но, как читателю не трудно убедиться, никакого отрицания универсальности закона перехода количества в качество там нет. Луппол, наоборот, пишет, что это—важный закон, но сам этот закон в свою очередь есть производное от закона единства противоположностей. Но последнее—не открытие Луппола, а точка зрения Ленина. В IX Ленинском сборнике на стр. 277 сказано, что переход количества в качество есть пример единства и перехода друг в друга противоположностей. Единство противоположностей; по Ленину, есть «ядро диалектики», которое раскрывается во всем ее развитии. Выходит, что, целясь в тов. Луппола, механисты попадают в Ленина. Прямо против Ленина редакторы сборника выступить не смеют. Но напрасно они думают, что в наше время так легко им удастся скрыть истинный характер своей ревизии ленинизма.

На этом мы можем покончить с «систематизацией» воззрений диалектиков, предпринятой А. Тимирязевым и А. Варьяшем. Разобранных примеров достаточно, чтобы характеризовать «метод». Нет буквально ни одного заявления со стороны механистов, которое не представляло бы грубой фаль-

[1]) Эти положения Л. Аксельрод были разобраны в № 2—3 «Под Знаменем Марксизма» за этот год.

сификации взглядов противника и под прикрытием ее — защиты антимарксистских идей. Мы не будем разбирать всех остальных подделок в области изложения наших теоретических воззрений, чтобы не слишком растягивать статью и чтобы иметь возможность дополнительно демонстрировать методы механистов, если они попытаются выступить еще раз.

Такая фальсификация, как в области теоретической, применяется естественно (единый метод!) механистами и в области оценки фактической работы диалектиков.

Механисты заявляют, что диалектики не ведут антирелигиозной пропаганды. А им превосходно известно, что эта работа ведется диалектиками не меньше, чем механистами и в Союзе безбожников (где работает тов. Лукачевский и др.), и в Бюро антирелигиозной пропаганды МК, и в Обществе воинствующих материалистов-диалектиков, и изданием атеистической литературы, и по всей стране. Сделано, конечно, далеко не достаточно. Но то, что сделано, дает право сказать, что действительные успехи антирелигиозной пропаганды достигаются лишь на базе ортодоксального диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина.

Механисты обвиняют диалектиков в недостатке массовой работы. Это утверждает жалкая кучка интеллигентов,—Варьяш, Тимирязев, Перов,—люди, не написавшие ни одной политической статьи в борьбе за политическую линию партии. Обвиняют они сторонников диалектического материализма, несущих по заданиям партии в ИКП, в Обществе воинствующих материалистов-диалектиков, в местных организациях огромную работу по обслуживанию теоретической подготовки новых кадров в области марксистской философии. По всей стране созданы ячейки воинствующих материалистов-диалектиков. Поднят огромный интерес к марксистско-ленинской теории. Ведется значительная политическая работа по борьбе с уклонениями от генеральной линии партии, в первую очередь на данном этапе — с правым уклоном и теоретическими основами его ошибок, ведется значительная работа по марксистско-ленинскому перевоспитанию технической интеллигенции и внедрению во все области науки и техники методологии диалектического материализма, а А. Варьяш и А. Тимирязев выходят и заявляют о недостатке массовой работы. Посмотрите в зеркало, почтенные! Проснитесь! Вы проспали небывалый под'ем массовой теоретической работы и, в частности, марксистско-ленинского философского движения. Для вас его нет, так как вы — вне его и, если не откажетесь от своих ошибок, никогда в нем и не будете.

Механисты обвиняют диалектиков в недостаточной борьбе с классовыми врагами. Не шутите! А. Варьяш и А. Тимирязев, которые ни разу прямо не выступили ни против одного ревизиониста, обвиняют диалектиков в недостаточной борьбе с классовым врагом. Доказательства? Какие там доказательства! Как мы покажем дальше, А. Варьяш и А. Тимирязев не понимают даже, что такое классовый враг, и где его искать. Да это и неудивительно для людей, для которых свет клином сошелся на одном — на ненавистных «деборинцах».

В качестве доказательства механисты пробуют привести каталог идеалистических формулировок в ряде естественно-научных изданий ГИЗ'а. Такие формулировки в этих изданиях есть. На них надо указывать. Это верно. Но какое отношение к ним имеют Деборин и его товарищи, законно спросит читатель? Да никакого. Этот каталог несколько лет тому назад был принесен в редакцию «Под Знаменем Марксизма» от имени Тимирязевского института З. Цейтлиным. Редакция решила его напечатать, сделав Цейтлину ряд указаний. Статья была набрана и сверстана. ГИЗ прислал ответ, который также было решено печатать, так как ГИЗ обвинял Цейтлина и Тимирязевский институт в ряде искажений. Но тогда в дело вмешался Наркомпрос, заявивший, что так как дело касается двух его учреждений, Тимирязевского института и ГИЗ'а, то он предлагает создать комиссию для рассмотрения дела при Наркомпросе. Предложение это было внесено В. Н. Яковлевой, тогда замнаркомпроса, и принято. При чем же тут диалектики, спросит снова читатель? Ровно не при чем. В числе изданий, приводимых в статье Тимирязевского института, есть фрейдистская литература. Теперь механисты в своем ослеплении, всюду видя лишь одних ненавистных «деборинцев», обвиняют в ее издании диалектиков. А ведь никто иной, как Варьяш, был одним из провозвестников идеи сочетания Маркса с Фрейдом и именно диалектики,—Деборин, Карев, Юринец,—выступили против него. Теперь тот же самый Варьяш без зазрения совести обвиняет диалектиков в поощрении фрейдизму. Таковы нравы! В счет диалектикам ставится издание ГИЗ'ом книги Райса о теории относительности, книги с идеалистическим содержанием в известной своей части. И молчок при этом, что первым на недопустимость издания этой книги в таком виде указал тов. Гессен сейчас же после выхода ее в свет. Тов. Егоршина механисты обвиняют в забвении идеи классовой борьбы в науке—и молчок о том, что одна из первых статей Егоршина в «Под Знаменем Марксизма» — «Естествознание и классовая борьба» (№ 6 за 1926 г.) — была посвящена как раз этому вопросу. И так далее, по любому вопросу.

Выступая с абсолютно вздорными обвинениями в забвении классовой борьбы против людей, самым активным образом ее ведущих, сами механисты в то же время там, где речь идет о содержании этой борьбы, действительно не только не понимают смысла ее, но и становятся по ту сторону баррикад на идеологическом фронте. В этом — новое их пятого сборника. К рассмотрению его мы и переходим.

2. Политическое содержание выступления механистов.

На стр. 53—54 своего сборника механисты пишут: при выборах в Академию Наук «деборинцы не заявили отвода против кандидатуры идеалиста Лузина на философскую кафедру Академии Наук, желая провалить кандидатуру марксиста Аксельрод. Учинив раскол на фронте марксизма, деборинцы ослабили фронт марксизма и добились первоначального скандального провала А. Деборина на выборах в Академию». В примечании сказано, что «представителем деборинцев в правительственной комиссии по выдвижению кандидатов в Академию был И. Луппол».

Это заявление механистов нуждается в тщательном разборе, так как имеет серьезнейшее политическое значение.

Во-первых, И. Луппол был не представителем «деборинцев» в комиссии, а представителем научных учреждений Закавказской Сов. Фед. Соц. Респ. Это известно и механистам. Механисты извращают печатно сведения о работе наших советских организаций. Никаких представителей «деборинцев» ни в каких комиссиях по выборам в Академию Наук никогда не было и нет. Все решения этой комиссии были приняты единогласно и имели политическое значение. Выступление теперь в печати против линии, проводившейся этой комиссией, есть тоже политическое выступление, имеющее совершенно определенный смысл.

Во-вторых, ни один сторонник диалектического материализма ни в одном из марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений Лузина не выдвигал и не поддерживал. Поставить поэтому избрание Лузина в вину «деборинцам», значит заведомо извращать действительное положение дела.

В-третьих, механисты упрекают диалектиков в том, что они желали «провалить кандидатуру марксиста Аксельрод» и тем учинили «раскол на фронте марксизма». Диалектики действительно не выдвигали и не поддерживали кандидатуры Аксельрод, выдвинутой ГАХН. Почему? Прежде всего диалектики не считают Л. Аксельрод ныне представителем марксизма. Согласно указаниям Маркса и Ленина марксистом может быть назван лишь тот, кто принимает идею диктатуры пролетариата в марксистско-ленинском ее понимании со всеми вытекающими отсюда выводами. Меньшевики для диалектиков—не марксисты. Л. Аксельрод за 12 лет Октябрьской революции до сих пор не собралась выяснить своего отношения к ней. За кого Л. Аксельрод: за большевиков, за советскую власть, за коммунизм—или за кого-нибудь другого—мы до сих пор не знаем. Выступление ее в предисловии к сочинениям Толстого, защита ею до последних дней простых законов права и нравственности никак не могут быть согласованы с революционно-марксистским миропониманием. Поэтому для коммунистов, большевиков Л. Аксельрод спец, которого в известных пределах надо использовать, как мы используем самых различных спецов, но не представитель их мировоззрения. А то, что механисты не отмежевались до сих пор от ее ошибок—лишь характеризует их собственный «марксизм».

В-четвертых. Механисты полагают, что провал Деборина при первом голосовании на общем собрании Академии Наук был «скандальным». В том, что кучка реакционеров, прятавших царские документы, не голосовала за коммунистов (Деборина, Фриче и Лукина), нет ничего скандального. Это—лишь эпизод классовой борьбы. Скандально же действительно то, что на 13-м году социалистической революции находятся коммунисты, «марксисты», считающие этот факт «скандальным» и злорадствующие по поводу его [1].

[1]) Отметим, как знаменательный факт смыка именно механистов с академиками, выступление в Академии Наук идеалиста и мистика Щербатского в защиту... А. Варьяша! Рыбак рыбака видит издалека!

Это, тем самым, люди, готовые использовать все трудности борьбы на идеологическом фронте для своих жалких ревизионистских интриг. Бойтесь только, почтенные редакторы и анонимные авторы, как бы не зайти так далеко, что не будет уже возврата.

* * *

Оценка, даваемая механистами выборам в Академию, совпадает по своему политическому характеру и с их пониманием задач, стоящих в области классовой борьбы на идеологическом фронте вообще.

На стр. 49 сборника они пишут:

«Когда же дело доходит до борьбы с представителями немарксистского и нематериалистического лагеря, то оказывается, что деборинцы показывают чудеса храбрости только в драке с выдуманными ими же самими фантомами механизма, фрейдизма, ревизионизма и т. д. Они очень решительно воюют с покойными Беркли, Юмом, Махом и т. д., с заграничными Бергсоном, Гуссерлем, Фрейдом и т. д., но когда им приходится выступать против подлинной, живой, сидящей под носом реакции, они вооружаются картонными мечами и обращаются позорно в бегство».

Это место—центральное для определения нынешней теоретической физиономии механистов. Попробуем отдать себе отчет в том, что скрывается за этой витиеватой фразой.

1) Во-первых, оказывается, что ревизионизм, фрейдизм, механизм и т. д. есть только «фантомы», «выдуманные» «деборинцами».

2) «Деборинцы» решительно воюют с покойными Беркли, Юмом, Махом и т. д., что, очевидно, мало чего стоит — не велика храбрость!

3) «Деборинцы» решительно воюют с заграничными Бергсоном, Гуссерлем, Фрейдом и т. д., что тоже не есть настоящее дело.

4) Но они пасуют против сидящей «под носом» реакции.

Разберем каждый из этих пунктов в отдельности.

«Фантомы» ревизионизма, фрейдизма, механизма и т. д. «выдуманы» «деборинцами».—Что это значит? Это стремление под покровом громких фраз опорочить всю борьбу против ревизионизма, которую ведут марксисты-ленинцы. Это полное оправдание фрейдизму, который об'является пустым «фантомом». Это полный отказ от диалектической критики механизма, который тоже есть лишь фантом.

Скажем, «Под Знаменем Марксизма» критикует механистическую, заимствованную у Богданова, методологию тов. Бухарина [1]).

[1]) Конечно, эта критика Бухарина с точки зрения материалистической диалектики не имеет ничего общего с той критикой Бухарина, которую выдвигал когда-то один из нынешних механистов, В. Сарабьянов. В. Сарабьянов критиковал Бухарина за то, что у Бухарина надстройка активно участвует в переформировании базиса. По В. Сарабьянову «надстройка изменяется качественно только под действием базиса, а базис превращается в новое качество независимо от надстройки» («Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 3, стр. 75). Это—критика с точки зрения меньшевиков, так как захват государственной власти пролетариатом для марксиста есть как раз средство изменения самих созревших для нового строя производственных отношений. Сарабьянов защищал в те дни своей формулировкой врастание социализма в капитализм до диктатуры пролетариата. Диалектики критикуют Бухарина с точки зрения ленинизма, а не с точки зрения Гильфердинга и Каутского. С последней критикой они не имеют ничего общего.

С точки зрения механистов—это «фантом», так как никакой механистической опасности и ревизионистской опасности у нас в стране нет. Утверждение механистов означает попытку разоружения марксизма перед лицом всех его врагов и всех ревизионистов.

— «Деборинцы» решительно воюют с покойными Беркли, Юмом, Махом и т. д.,— иронически замечают механисты.— Как остроумно! — И как гнило! Да, диалектики «решительно воюют» с покойными Беркли, Юмом, Махом и т. д. Спасибо за признание! Не забудьте о нем! Но в этой формуле есть небольшая ошибка. Беда в том, что Беркли, Юм, Мах и т. д.— не покойные в историческом смысле этого слова. Они живут еще, между прочим, и в творениях наших механистов.

Разве механистам не известно, что Ленин очень решительно воевал «с покойными» и в его время Беркли и Юмом. Если бы А. Тимирязев и А. Варьяш писали что-либо во время появления «Материализма и эмпириокритицизма» о философии, они, пожалуй, тоже беззубо назвали бы эту борьбу «чудесами храбрости». А на деле это был действительно теоретический подвиг, нанесший сильнейший удар одному из опаснейших врагов марксизма.

Об'ективно заявление механистов есть негодная попытка отвлечь внимание марксистско-ленинской философии от борьбы с махизмом—главнейшим врагом в современном естествознании. В свете этого заявления все клятвы механистов в ортодоксии, что бы они ни говорили в других местах, как бы они ни противоречили самим себе — пустяки. Люди, позволяющие себе издеваться над решительной борьбой с махизмом, проводимой диалектиками-материалистами,—люди потерянные.

— «Деборинцы» «решительно воюют» с заграничными Бергсоном, Фрейдом, Гуссерлем и т. д.,— издеваются механисты.— Ха-ха-ха! Как смешно! Экая храбрость!—В ответ на это мы можем спросить лишь одно: «Что это — глупость или измена?». Разве А. Тимирязеву и А. Варьяшу не известно, что идеологические враги марксизма и ленинизма живут и духовной пищей капиталистического Запада? Разве им не известно, что по-русски Гуссерль читается Шпет, Фрейд — скажем, Ермаков, а Бергсон — Лосев? Что есть международные обязанности пролетарских революционеров? Что наше учение — мировое учение? Что каждый удар туда есть удар по нашим врагам и у себя «под носом» — и наоборот?

Тупоумная насмешка механистов есть на деле величайшая похвала диалектикам. Если в чем можно нас обвинить—так в том, что мы недостаточно уделяли до сих пор внимания тому, что происходит за границей. Но какое дело механистам до заграницы! Ведь Варьяш сам представляет эклектика, сочетающего Гуссерля и Фрейда с Марксом. Понятно, что удары по Гуссерлю и Фрейду—с его точки зрения вещь ненужная. А. Тимирязев же видит лишь то, что у него «под носом». А откуда появляется то, что он видит у себя «под носом»—знать ему, очевидно, не дано.

Да и у себя «под носом» механисты никакой настоящей борьбы не ведут. Никакой критики «отечественного» идеализма никто от них не видел. Известно, что В. Сарабьянов поддержал идеалиста Берга, в ряде вопросов и близок к А. Богданову и т. д. А в то же время вся текущая борьба с «нашим» идеализмом ведется все теми же «диалектиками» — критика Лосева, А. Богданова, Нуцубидзе, Берга и т. д.

И эти люди, дискредитирующие всю борьбу марксистов-ленинцев против ревизионизма и буржуазной идеологии, претендуют на роль блюстителей пролетарской теории! Не выйдет.

Для вас весь мир и все классовые враги олицетворились в одном—в ненависти к диалектикам. Ослепленные, вы готовы прикрыть кого угодно, лишь бы найти побольше аргументов против представителей диалектического материализма. В результате своей фракционной ослепленности в борьбе с диалектиками вы потеряли и свое марксистское и свое политическое лицо. Вы поистине у последней черты. Теперь всякому ясно, что тот день, когда вы стали бы представлять марксистско-ленинскую философию, был бы для нее последним днем. Но этого не случится.

3. О чем они молчат!

Мы видели, как механисты под прикрытием фальсификации воззрений диалектических материалистов договорились до геркулесовых столбов ревизионизма.

Для полноты картины надо указать еще на то, о чем они умалчивают.

О чем молчат механисты?

1) Насчет выступления Аксельрод, поддержанного Сарабьяновым, против ленинской теории отражения в философии, которой Аксельрод и Сарабьянов противопоставляют скатывающуюся к агностицизму теорию иероглифов.

2) Насчет защиты Л. Аксельрод «простых законов права и нравственности»—этого идейного оружия социал-шовинистов.

3) Насчет выступления Л. Аксельрод в ее предисловии к собранию сочинений Л. Толстого.

4) Насчет выступления Степанова с требованием «ревизии формы материализма Энгельса».

5) Насчет выступления Сарабьянова за Богданова против Ленина по вопросу об об'ективной истине.

6) Насчет выступления Сарабьянова в защиту идеалиста Берга против Дарвина [1]).

---

[1]) Между прочим, в сборнике № 5 редакторы его одобряют заявление, что «учение Дарвина является фундаментом физико-химического метода в биологии» (стр. 42), а К. А. Тимирязев написал особую книгу о том, что оно является примером и основанием исторического метода в биологии, не исчерпываемого физико-химическим. Тем самым они отрекаются и от метода К. А. Тимирязева в области биологии. За то у них есть в запасе Сарабьянов с Бергом!

7) Насчет защиты Варьяшем фрейдизма и подмены им марксистского учения о происхождении государства—фрейдистским.

8) Насчет махистского понимания критерия истины у З. Цейтлина и т. д.

Из номера в номер «Под Знаменем Марксизма» требовало от механистов ответа на эти вопросы. Заговор молчания был ответом. Молчание же означает, что все механисты солидаризируются с перечисленными бесспорными и открытыми выступлениями против учения Маркса, Энгельса и Ленина. Они забывают, что каждый день молчания по всем этим вопросам означает углубление разрыва с пролетарской революционной теорией.

Пусть же на опыте критики и разоблачения ошибок механистов будут воспитываться все новые и новые кадры борцов за марксизм-ленинизм. Пусть они ясно видят классового врага за всеми его масками, не отрывают своего дела от дела борьбы с заграничным идеализмом, не считают ревизионизм — фантомом, а считают его смертельным врагом, пусть решительно борются с до сих пор еще отравляющими идеологическую атмосферу трупами идейных вождей поповщины. Словом — пусть они не будут механистами!

К постановке проблем исторического материализма в реконструктивный период.

Гр. Баммель.

1. О третьем периоде нашего теоретического развития и о возврате к механическому материализму.

Практика классовой борьбы показала, что отрицание марксистской философии, отождествление диалектического материализма с общими выводами современного естествознания и сведение материализма к вульгарному позитивизму об'ективно способствуют классовому разоружению пролетариата. Прошло время теоретических споров о том, «выбрасывать ли нам за борт» философию, споров о том, нужна ли пролетариату своя, особая, материалистическая философия, или философия—пережиток буржуазной науки, и пролетариат должен его «выбросить за борт» истории. Это уже решенная вчера задача. Защита теоретического значения материалистической диалектики, борьба против механистического миропонимания, обоснование величайшего значения материалистической переработки диалектики Гегеля, методологически-диалектическая критика проблем современного естествознания, дискуссия с механистами заполнили всю вторую полосу нашего теоретического развития, второе революционное пятилетие. Это — уже пройденная ступень, и величайшее оружие пролетариата в борьбе за социалистическое переустройство общества—марксистско-ленинскую философию, диалектический материализм,—из этой полосы мы вынесли еще более очищенным, еще более отточенным. Подчеркнув значение материалистической диалектики в условиях эпохи умирающего капитализма, в условиях пролетарских революций и строящегося социализма, подчеркнув необходимость дальнейшей разработки теории диалектики и углубленное проведение метода диалектического материализма как в области общественных наук, так и в области естествознания, Вторая всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений указала, что она «считает необходимым продолжать систематическую критику и разоблачение ошибок механистического направления с точки зрения последовательного марксизма-ленинизма».

Эпоха социалистического наступления ставит перед философией марксизма-ленинизма те же важнейшие задачи — задачи борьбы за материализм и разработки теории материалистической диалектики. При этом ни на минуту не следует забывать, что старые задачи, как всегда и везде, будут связаны с новыми, что было бы пустым педантством, было бы сухим доктринерством теоретизировать о них вместо того, чтобы превращать их в практические лозунги дня. В процессе решения старых задач возникают новые, происходит наполнение старых форм новым содержанием, теряют односторонность старые задачи, усложняются формы борьбы, усложняются противоречия развития. Благодаря методологической критике проблем современного естествознания, в свете философского наследства Энгельса и Ленина, теория

диалектики закаляется и растет. Надо итти вперед и, как говорится в резолюции конференции, органически связывать теоретическую разработку диалектики с задачами социалистического строительства и борьбой за коммунизм. Особенность переживаемой теоретической полосы состоит в том, что по-новому ставится задача не только знания и усвоения диалектики, но и уменья применять ее на практике. Теоретическая база, на которую мы в силу необходимости, как материалисты, опирались, ставя задачу разработки материалистической диалектики, — именно современное естествознание, — теперь дополняется обществознанием.

Своеобразие теоретических задач, выдвигаемых социалистической реконструкцией и обострением классовой борьбы с врагами пролетарской диктатуры, состоит в том, что на первый план вновь выдвигаются вопросы исторического материализма.

Чем об'ясняется этот факт? Он об'ясняется тем, что чем дальше вперед идет социалистическое наступление пролетариата, тем яростнее сопротивляются классовые враги социализма, тем, что в этих условиях задача повышения классовой бдительности пролетариата — это первостепенной важности задача, задача, органически связанная с борьбой за социалистическую реконструкцию хозяйства, с борьбой за коммунизм. Он об'ясняется уроками многолетней дискуссии с механистами. Основной урок дискуссии с механистами тот, что она воочию продемонстрировала глубокое классовое значение отхода от марксистско-ленинских позиций в философии. Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений в своей итоговой по поводу дискуссии с механистами резолюции отметила, что происходящая в условиях развивающегося социалистического строительства «классовая борьба вызывает известное оживление как открыто враждебных марксизму-ленинизму идейных течений, так и различных ревизионистских отклонений от него». Антифилософская, антидиалектическая платформа механистов оказалась ни чем иным, как платформой для об'единения всех враждебных пролетарской диктатуре буржуазных влияний. На конференции [1]) были приведены факты смыкания механистических ревизионистов с теориями Каутского, зарубежной эмигрантщины, германской социал-демократии, с теориями буржуазных профессоров идеалистов Самойлова, Берга, Любищева, Гурвича и др.

В период борьбы с ликвидаторством Ленин писал: «В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов. Задача марксистов: и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками», и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам классов и сил». Вот чего не сумели понять механисты, и вот в чем оппортунистическое нутро механистического ревизионизма.

Политическое значение идеологического фронта было еще и еще раз продемонстрировано практикой классовой борьбы. Задачи переживаемого нами периода, задачи коренной ломки старого, борьбы за социалистическое наступление вызывают яростное сопротивление капиталистических элементов страны, вызывают обострение классовой борьбы не только на экономическом фронте: теперь и слепой видит, что обострение классовой борьбы происходит и на всех участках идеологического фронта. Мы вступили

[1]) См. Стенограммы конференции, вып. I: «Соврем. проблемы философии марксизма», изд. Ком. Ак., 1929 г., стр. 135, 136, 138, 139, 153, 163, 169.

в такую теоретическую полосу, когда особенно важно во главу угла наших теоретических задач, нашей идеологической борьбы ставить повышение классовой бдительности пролетариата, классовое вооружение пролетариата.

Вот почему повышением классовой бдительности пролетариата ставится в плоскости теории вопрос об особенности переживаемой идеологической полосы с необычайной силой. Ни на минуту не может быть ослаблено внимание к защите материализма и разработке теории диалектики, но в наших условиях эти задачи ставятся в новой конкретизированной и потому усложненной форме.

Борьба против механистического извращения исторического материализма, борьба против ликвидаторства, заменявшего революционную диалектику пошлым позитивизмом в понимании общественной динамики, является боевым лозунгом дня. Исторический материализм есть теория классовой борьбы. Как теория классовой борьбы, он является по существу величайшим орудием ориентировки в сложнейшем переплете классовых сил в реконструктивный период. И именно потому, что марксизм-ленинизм не догма, а руководство к действию, потому, что он опирается на живую реальную связь с действительностью, с борьбой классов, с «практикой миллионов»,—он не случайно, а в силу необходимости, отражает в себе изменение исторической обстановки. Перед лицом великих задач и трудностей социалистической реконструкции, в свете нового этапа социалистического строительства, разработка теории материалистической диалектики ставит задачу ее конкретизирования, ее применения к историческому материализму, как диалектике реконструктивного периода.

Диктуемое обострением классовой борьбы повышение классовой бдительности пролетариата требует диалектического овладения марксистско-ленинским учением о диктатуре пролетариата, как о продолжении классовой борьбы в новых формах.

Задачи роста производительных сил, задачи быстрого под'ема промышленности и сельского хозяйства требуют четкого диалектического понимания взаимоотношения «экономики» и «политики» в нэпе. Понятие производительных сил оказывается неразрывно связанным с качественно-новыми общественными связями, ибо не за рост производительных сил вообще, а за социалистический закон их движения борется пролетариат, и это ставит вопрос об особом, совершенно исключительном значении разграничения социалистического и капиталистического характера развития производительных сил. С другой стороны, то же «качество» или форма общества выражает особый закон экономического движения, но этот закон движения — ничто без борьбы за особый характер этого движения. Даже обобществление, едва ли не основной закон нашего развития, интересует пролетариат не сам по себе, — его интересует не вообще обобществление, а обобществление социалистическое. Отсюда диалектика формы и содержания, не укладывающаяся ни в какие механистические схемы.

Диалектика, которая требует брать явления в их развитии, в их качественных изменениях, в смене форм движения, ставит вопрос о стадиях, звеньях, этапах развития нэпа. Нэп не есть готовая формула тактики, нечто законченное, раз навсегда оформленное. От отступления через приостановку и перегруппировку сил к решительному наступлению и выкорчевыванию корней капитализма,—эти стадии в развитии нэпа диалектика требует различать по их «качественным» показателям, по особой свойственной каждой из них расстановке «экономики» и «политики». Механи-

ческий материалист не замечает качественных сдвигов в развитии нэпа и обусловленной этим смены лозунгов борьбы.

Эту цепочку проблем, как видит читатель, не трудно продолжить (мы это сделаем позже): по отношению к ней надо сказать то же, что сказал Ленин о переписке Маркса и Энгельса: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки Маркса и Энгельса, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее—к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

На примере трех философских категорий (причинность, противоречие и качество) мы попытаемся в нижеследующих заметках показать, что механистическое отрицание и непонимание диалектики в вопросах исторического материализма перерастает в области «политики и тактики рабочего класса» в ревизионистскую теорию правого оппортунизма.

Но прежде приходится ставить более общий вопрос о философских основах материалистического понимания истории. Дискуссия с механистами показала антимарксистский характер механического миропонимания в естествознании, она показала реакционность всех попыток тащить нас назад — от задач теоретической разработки материалистической диалектики к механическому материализму, механистическим схемам и обозначениям. Еще и еще раз приходится ставить вопрос об антимарксистском, реакционном значении возврата к механическому материализму в обществознании.

В отличие от иных «механистов», выступающих «в защиту диалектического материализма» под «левым» флагом критики мистики и витализма тов. Бухарин в «Теории исторического материализма» прямо пишет, что он «считает возможным переложить «мистический», как Маркс его назвал, язык гегелевской диалектики на язык современной механики». «Против механических обозначений,—говорит он,—сравнительно недавно были протесты в среде почти всех марксистов. Это происходило потому, что старое представление об атомах изолировало их, как обособленные, не связанные с другими, изолированные частицы. Теперь с учением об электронах, об атомах, как целых системах, наподобие солнечной, нет никаких оснований бояться механических обозначений» [1]). Тов. Бухарин полагает даже, что «наиболее прогрессивные течения научной мысли во всех областях ставят вопрос именно так». «В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против «механического об'яснения», предпочитая говорить об «органических» связях и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой «органической школы» в социологии» [2]). Старое представление об атоме, как изолированной единице, переносилось на индивидуум, робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. «Правильны ли были протесты против «механического» в области общественных наук? Конечно, да. Но нельзя напоминать одни термины, не понимая сути дела. Теперь правильное диалектически превращается в свою собственную противоположность».

Итак, тов. Бухарин выдвигает два довода в защиту поворота к механике и механическому толкованию основных категорий исторического материализма, или, как он говорит, «два решающих фактора: во-первых, переворот в представлениях о строении материи; во-вторых, чрезвычайный рост идеализма в официальной буржуазной науке».

[1]) «Теория исторического материализма», стр. 76.
[2]) Там же.

Не трудно показать, почему выдвинутые здесь «два решающих фактора» доказывают как раз обратное тому, на что претендует механический материализм. Не трудно показать, почему оба «фактора» являются не доводами в пользу механического материализма, а доводами против него.

Начнем с первого «довода». Правильно ли думать, что коренное изменение наших представлений об атоме, как абсолютно изолированной единице, позволяет нам теперь прибегать к «механическому об'яснению»? Правильно ли думать, что переворот в представлениях о строении материи позволяет отбросить «старое» противопоставление механического и органического? Нет, неправильно. Из того, что «изолированный и бескачественный атом скончался», из того, что «элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д. восстановлен во всех правах», следует, что—механическое понимание их, как изолированных и непроницаемых, должно уступить место диалектическому пониманию.

В этой связи мы не можем заняться подробным обоснованием этой мысли. В дискуссии с механистами, в работах естественников и философов диалектиков-материалистов достаточно был проанализирован тот переломный методологический кризис, в котором очутилось современное естествознание. Стихийная тяга к диалектике у естественников вызвана самим процессом развития науки. Открытие новых форм движения материи, открытие различных форм закономерности, усложнение всех наших представлений о формах связи в материи, необходимость связать в синтетическом охвате целого возникновение новых качеств с количественными связями в материи заставляют естественников прибегать к новым формам мышления, к новым методам, заставляют их заявлять, по выражению одного из виднейших физиков Запада, что «было бы лучше» сохранить временный и ограниченный характер механистической теории в ее особенной, узкоограниченной области.

В этой связи нас, повторяем, интересует не существо достаточно разжеванного в дискуссии с механистами вопроса, а «тактика и стратегия» механиста, если можно так выразиться, сопоставление манеры его мышления,—словом, его методологии с методологией ленинизма. Методология механиста вытекает из непонимания, из отрицания диалектики и является полной противоположностью тому, чему учил Ленин. Если диалектические переходы противоположностей проникают даже в область механических теорий, то это значит, что мы глубже, полнее, цельнее познаем материю, это значит, что исчезает, по выражению Ленина, тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже, исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи». Ленин подчеркивает, что Маркс и Энгельс защищали и развивали, двигали вперед не материализм вообще, а «современный материализм, неизмеримо более богатый содержанием и несравненно более последовательный, чем все предыдущие формы материализма» [1]). Ленин видит заслугу И. Дицгена в том, что он «особенно напирал на исторические изменения материализма, на диалектический характер материализма» [2]). «Недостаток старого материализма несомненен: непонимание относительности всех научных теорий, незнание диалектики, преувеличение механи-

[1]) Собр. соч., т. X, изд. 1-е, стр. 284.
[2]) Там же, т. XII, стр. 105.

ческой точки зрения — за это упрекал прежних материалистов Энгельс» [1]).

По поводу плехановской критики кантианства и агностицизма Ленин писал, что Плеханов «критикует более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения» [2]), что «марксисты критиковали в начале XX века кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски» [3]). Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей, — говорил Ленин, — не есть материализм, а есть метафизический, т.-е. антидиалектический материализм». Это сплошной вздор, писал он далее, будто материализм утверждает «обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как движущейся материи».

Выходит, что «разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения,—по Ленину,—всегда были опорой диалектического материализма», а по тов. Бухарину—они требуют, чтобы мы вернулись к механическому материализму. Выходит, что недостатком старого материализма было преувеличение механической точки зрения и что, по Ленину, углубление человеческого познания идет дальше неизменных и бескачественных атомов и что это «много мудренее старой механики» (Ленин), а по тов. Бухарину, наоборот, диалектика должна надеть механистические схемы и обозначения и переложить себя на язык современной механики. «Ограничение механических законов движения одною только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д.—все это, по Ленину, только лишнее подтверждение диалектического материализма» [4]), а по Бухарину — в силу тех же фактов противопоставление «механического» и «органического» стало бессмысленным [5]), следовательно, «нет никаких оснований бояться механических обозначений» [6]). Выходит, что первый довод, приводимый тов. Бухариным в пользу возврата к механическому материализму, на самом деле является доводом против механического материализма. Выходит, что тов. Бухарин в этих коренных вопросах теории отступает от философских позиций ленинизма.

Перейдем ко второму «доводу». Правильно ли думать, что из чрезвычайного роста идеализма в общественных науках, приведшего к «органическому» мистицизму, следует изгнание из нашей идеологии какого бы то ни было упоминания «органического»? Правильно ли требовать «механического об'яснения», «если только мы хотим всерьез бороться за материалистическое мировоззрение вообще и материалистическую общественную науку в частности»? Нет, не правильно. Говорить так, значит растеряться перед трудностями идеологической борьбы, значит испугаться сложности теоретических задач, значит очутиться в плену противоположности вульгарного, абстрактного материализма и идеализма, вместо того, чтобы бороться на два фронта — и против вульгаризации материализма, и против идеализма. Если физика, на основе растущего знания природы, доказывает ограниченность атомистически-механического понимания мира и если в глазах идеалиста это является доводом против материализма, то для материалиста-диалектика, для марксиста-ленинца отсюда вовсе не следует, что мы должны цепляться за старые формы материализма, критикуя идеалистическую философию физиков. Если в обществознании этический идеализм Штаммлера и органические теории вообще сыграли роль реакции против одностороннего механистического понимания общества, то это не значит, что только на основе механистического понимания общественной жизни возможна борьба против идеализма в истории. Это было бы равносильно позиции обывателей, хвостистов, паникеров в теории, это было бы типичным проявлением оппортунизма в философии. Оппортунист не умеет сочетать с борьбой за основы теории борьбу за текущие задачи, изменяющиеся и каждый раз по-особому свойственные конкретному этапу развития теории, не может сочетать борьбу за задачи «момента» с борьбой за материалистическую «линию». «Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм требует ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле» [1]), говорит Ленин. Уметь же вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам классов и сил надо сочетать с умением переработать те завоевания, которые делаются ими, и отсекать их реакционные тенденции. Идеологическая борьба возможна лишь на базе классового вооружения пролетариата, а не приспособления к враждебным нам теориям и силам. Если в глазах идеалиста крушение механического об'яснения общественной жизни есть крушение материализма вообще, то только паникеры и хвостисты от философии могут на этом основании цепляться за то пошлое вульгарное понимание материализма, с которым борются всегда и везде идеалисты.

Это и есть беспринципность, это и есть оппортунизм. Между тем, тов. Бухарин скатывается к этой беспринципности, когда органическим теориям общества он противопоставляет свое «учение» о необходимости возврата к механическому материализму; вместо того, чтобы противопоставить идеализму принципиально выдержанную линию современного марксистско-ленинского, диалектического материализма, тов. Бухарин тащит нас назад, к давно преодоленной форме материализма. Борьба против идеализма, борьба в ее самой последовательной, в самой решительной форме невозможна без отпора всяким ревизионистским попыткам опошлить, упростить материализм, выхолащивать из него революционное содержание. Без борьбы на два фронта нельзя провести до конца и последовательно борьбу за диалектический материализм, нельзя решить задач, поставленных перед марксистской философией в реконструктивный период.

2. О механическом понимании причинности и о теории мирного врастания кулака в социализм.

С точки зрения материалистической философии в природе и истории господствует всеобщая причинная связь; процессы возникновения, уничтожения и превращения форм движения материи подчинены причинной закономерности. Все исторически преодолеваемые и сменяющие друг друга формы материализма признавали всеобщую закономерность развития и строгий детерминизм защищается и диалектическим материализмом со всеми остальными формами материализма. В полном согласии со всем развитием естествознания, диалектический материализм решительно отвергает какой бы то ни было разрыв во всеобщей причинной связи и, стало быть, отвергает случайность в смысле беспричинности. Мы — враги телеологии, так как опираемся на подлинную науку, мы разоблачаем классовый реакционный смысл телеологического мировоззрения, об'ясняющего мир как продукт це-

[1]) Там же, т. X, стр. 261.
[2]) Ленинский сборник, IX, стр. 197.
[3]) Там же, стр. 199.
[4]) Собр. соч., т. X, изд. 1-е, стр. 219.
[5]) «Атака».
[6]) «Теория исторического материализма», 1929 г., стр. 76.

[1]) Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XX, ч. 1, стр. 329.

лесообразного творчества, и тов. Бухарин прав, когда, отождествляя случайность с беспричинностью, утверждает, что «строго говоря никаких случайных, т.-е. беспричинных, явлений нет» [1]). «Все происходит закономерно, и случайного, в смысле беспричинного, не бывает вообще».

Однако, отвергая случайность, как об'ективную категорию, выражающую беспричинность, современный, т.-е. диалектический материализм в то же время отвергает и противоположную точку зрения суб'ективизма, согласно которой случайности вообще нет и что во всем господствует одна лишь простая необходимость. Механистическое понимание причинности состоит в том, что закономерность развития сводится к простой, непосредственной необходимости, а случайные явления—к суб'ективным представлениям, основанным на нашем незнакомстве с истинными причинами явлений. К этой точке зрения и склоняется тов. Бухарин. «Явления же могут представляться нам «случайными», поскольку мы недостаточно знаем их причины». Существуют причины, не поддающиеся учету, мы их не знаем. «Это наше незнание мы и называем в данном случае случайностью» [2]). «В историческом развитии общества нет никаких случайных явлений»... «и то, что Каутский не спал в такую-то ночь, когда ему снились ужасы большевистской революции, и то, что убит австрийский эрцгерцог незадолго до войны, и то, что Англия вела колониальную политику, и то, что возникла мировая война, — словом, все события, «начиная с самых мизерных и незаметных и кончая потрясающими событиями современности, — все эти события одинаково не случайно, одинаково причинно обусловлены, т.-е. одинаково причинно-необходимы» [3]) — или одинаково неизбежны.

Вот это замечательное рассуждение и разоблачает собственный механистический смысл, оно покоится на плоском, одностороннем понимании причинности: все явления, будет ли это бессонница Каутского, или мировая война, будут ли это сны, которые Каутскому снились, или убийство австрийского эрцгерцога незадолго до войны, — безразлично, все явления «одинаково причинно необходимы». Неужели не ясно, что история приняла бы весьма мистический вид, если бы действительно все в мире было вызвано механическим, стало быть, неизменным, незыблемым («об'ективными», по выражению тов. Бухарина) сцеплением причин и следствий ?Разве взгляд на причинность, как на механическую связь заложенных в самом устройстве вселенной причин и следствий не приводит нас к фаталистическому пониманию необходимости? «История имела бы очень мистический характер, если бы случайности не играли в ней никакой роли»,— говорил Маркс, а по тов. Бухарину выходит, что случайности существуют лишь в наших суб'ективных представлениях, основанных на незнакомстве с причинами.

Таким образом, механический материализм тов. Бухарина противопоставляет случайность необходимости [4]), не замечая диалектики противоречивого развития, внутренней борьбы противоположных тенденций. Абсолютное противопоставление случайности и необходимости характерно для метафизики, которая, по словам Энгельса, находится в плену этой противоположности. «Необходимое есть причинно обусловленное. Ни больше, ни меньше» [5]), — вот как ставит вопрос тов. Бухарин: простая, непосредственная необходимость покрывает собою все формы закономерности. Отсюда

[1]) Н. Бухарин, Теория исторического материализма, Гиз, 1929 г., стр. 42.
[2]) Там же, стр. 41.
[3]) Там же, стр. 44. Всюду, где не оговорено, разрядка наша.
[4]) Там же, стр. 45: «понятию случайности противоположно понятие необходимости (причинной необходимости)».
[5]) Там же, стр. 45.

фаталистический характер механического понимания развития. Правда, механист критикует фатализм, как веру в слепой, неизбежный рок, «судьбу» [1]), но на деле механистически понимаемый, плоский, односторонний детерминизм, рассчитывающий покончить со случайностью тем, что он вообще отрицает ее, скатывается к фаталистическому пониманию необходимости. Все одинаково закономерно говорит механист, следовательно, случайных явлений нет, и стало быть все необходимо. На деле «одинаковая для всех явлений необходимость» остается простой фразой, и с необходимостью этого рода — мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. «Для науки совершенно безразлично,— писал Энгельс,—назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божиим или, вместе с турками, кисметом, или же назовем необходимостью. До тех пор, пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным, а от того, что нам скажут, что этот факт предвиден уже в первичном устройстве солнечной системы, мы не продвигаемся ни на шаг дальше».

Фаталистический характер бессодержательного механического детерминизма наиболее ярко проявляется в области истории: по мнению механиста, «следует изгнать понятие «случайности» и из общественных наук» [2]), даже в действиях людей закономерность развития такова же, как и «одинаковая для всех явлений необходимость». Но чем отличается эта точка зрения от точки зрения Р. Штаммлера? «Одно из двух,—говорил Штаммлер,— либо социализм наступит, как затмение луны,—тогда нечего стараться, нечего бороться, нечего организовывать партию рабочего класса и т. д. Ведь никому не приходит в голову организовывать партию, помогающую лунному затмению, либо вы организуете партию, боретесь и т. д.; это значит, что социализм может и не быть, но вы его хотите и потому естественно за него боретесь. Тогда его необходимость не при чем [3]). От такой постановки вопроса ровно ничем не отличается фаталистическое, механистическое понимание тов. Бухариным необходимости. «Лучшим образцом,—читаем мы в книге тов. Бухарина,—такого извращенного на фаталистический манер «марксиста» является Г. Кунов, вся философия которого сводится к положению: «история всегда права», а потому нельзя бороться ни против мировой войны, ни «против империализма». Но что меняется от того? Преодолевает плоское куновское понимание необходимости тов. Бухарин? Отнюдь нет! Кунов говорит: «история всегда права», и это ровно ничем не отличается от формулировки тов. Бухарина: «Необходимое есть причинно-обусловленное. Ни больше, ни меньше».

Не трудно видеть, в чем ошибка такого противопоставления необходимости и случайности. Все дело в том, что унаследованное от французского материализма плоское механистическое представление о необходимости отказывается служить. «Сохранять его, — говорит Энгельс, — значит навязать природе в качестве закона противоречащее самому себе и действительности произвольное логическое построение, значит отрицать всякую внутреннюю необходимость в живой природе, значит вообще об'явить хаотическое царство случая единственным законом живой природы [4]). С точки зрения бессодержательного плоского механического детерминизма выходит, что нечего стараться, нечего бороться, нечего организовывать партию, если социализм наступит с такой же необходимостью, с какою наступает в определенный момент солнечное затмение. Механист говорит: «все явления одинаково при-

[1]) Там же, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 42.
[3]) Цит. по Бухарину, Теория исторического материализма, стр. 49.
[4]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. II, стр. 195.

чинно-необходимы» [1]). Или механическая необходимость и «одинаковая» для всех явлений неизбежность, или господство случайности, телеология и беспричинность—такова метафизическая постановка вопроса, и механист находится в плену у метафизики, когда, отрицая телеологию и беспричинность, отстаивает механическую необходимость, как единственную и абсолютную форму причинности и закономерности. Защищаясь от обвинений в телеологизме и идеализме, механист не поднимает теоретическую борьбу с врагами пролетариата до уровня диалектического материализма и ограничивает, урезывает марксистскую теорию защитой механического материализма. Вот почему механист не в состоянии опровергнуть Штаммлера. Сказать, что «марксизм не отрицает воли, а об'ясняет ее», что общественные явления «совершаются через волю людей» [2]), что воля людей есть также «фактор развития»—значит ничего не сказать: увижу ли я в борьбе людей «судьбу», «рок» или выражение «исторической необходимости», от этого дело не подвинется ни на шаг вперед. Действия людей выражают «историческую необходимость», восстание рабочих есть проявление исторической необходимости», все в мире есть выражение необходимости. «Социализм неизбежно наступит потому, что неизбежно люди, определенные классы людей будут действовать в сторону его осуществления, и при том в таких условиях, когда они победят» [3]). Социализм оказывается выражением такой же «исторической необходимости, как и бессонница Каутского и его сновидения.

В связи с этим мы приведем еще одно место из статьи: «Ленин как марксист», очень удачно и ярко излагающее, как простая вульгарная механическая детерминированность смыкается с социал-демократической теорией реформистского пути развития общества. Указывая на то, что до захвата власти пролетариатом термин «врастание в социализм» был ненавистен, как термин, обозначавший учение ревизионистов, тов. Бухарин продолжает: изменники марксизма «создали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из об'ективного хода исторического развития, и что рабочему классу можно прекрасно обойтись без революции, потому что органическим путем, без катастроф, в силу внутренне присущих самому капиталистическому развитию условий капитализм переходит в такие формы, которые соответствуют социалистическим, пролетариат постепенно развивает свои щупальцы в разных направлениях, и в области экономической жизни, и в области государственного администрирования, и, таким образом, в конечном счете рабочий класс займет свои стратегические позиции и в государственном аппарате, и в области экономического аппарата, без революции, без диктатуры пролетариата» [4]).

Для диалектического материалиста процесс развития есть борьба противоположностей, с перерывом постепенностей, с перерастанием старых общественных связей в новые. Для механиста процесс развития есть процесс мирного «врастания». Фаталистическое, метафизическое понимание необходимости и причинности в философии отражается у механиста в политике в таких резко-противоречащих марксистской теории классов утверждениях, как утверждение о том, что «кулацкий кооператив, если он хочет процветать, неизбежно должен быть, так же, как и все прочие, связан с экономическими государственными органами. Что это не оговорка, что речь действительно идет о необходимом, неизбежном, неминуемом врастании кулака в социализм, можно убедиться из по-

[1]) Теория исторического материализма, стр. 44.
[2]) Там же, стр. 49—50.
[3]) Там же, стр. 49.
[4]) «Атака», стр. 275.

следующих слов: «кулацкий кооператив» будет вносить свою свободную наличность в наши банки для того, чтобы получать определенный процент, даже в том случае, если бы возникли свои собственные банковские организации у подобного рода кооперативов, все равно они неминуемо должны были быть связанными с могущественными кредитными учреждениями пролетарского государства, имеющими в своем распоряжении основные кредитные средства страны. Кулаку и кулацким кооперативам все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры... Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, «если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы» [1]).

Социал-демократы в эпоху II Интернационала так и ставили вопрос о врастании в социализм «под углом зрения врастания в буржуазное государство», они «ставили своей задачей мирное культурное строительство не для опрокидывания капиталистического режима, а для приспособления и молекулярно-эволюционной переделки этого капиталистического режима» [2]).

После того, как достигнуто «новое общественное равновесие, т.-е. создана новая устойчивая оболочка производственных отношений, могущая служить формой развития производительных сил», начинается небывалый под'ем, происходит техническая революция. А дальше начинается «нормальный», «органический период развития новой общественной формы, которая создает себе соответствующую психологию и идеологию» [3]). «После диктатуры пролетариата ведь начинается органический период развития» [4]), «начинается действительное врастание в социализм» [5]) — «после начала пролетарской диктатуры это врастание в социализм только и начинается.

Действительность опровергла «органические» «нормальные» перспективы «гражданского мира» со всем крестьянством, действительность открыла новые «детали» развития, новые переходные этапы в переходном периоде, открыла, после того как мы уже «ввязались в бой», такие узловые этапы переходного периода, под которые отнюдь нельзя подвести «одинаковую для всех явлений необходимость», одинаковую детерминированность и неизбежность. Механическая теория причинности в истории приводит в области политики к фатализму, к этой сердцевине правого оппортунизма.

Философские корни последнего лежат, однако, еще глубже.

3. Механистическая теория противоречия и теория изживания классовых противоречий.

Теория мирного врастания кулака в социализм предполагает не только механическое понимание процессов развития, отрицающее об'ективность случайности и сводящее причинность явлений к простой фаталистической, «одинаковой для всех явлений необходимости»: теория мирного врастания кулака в социализм предполагает вместе с тем механистическое отрицание об'ективности противоречий. Разбирая теорию «мирного врастания кулака в социализм» с точки зрения методологии, мы оставили в стороне одно

[1]) «Путь к социализму», 1927 г., стр. 49.
[2]) «Атака», стр. 257.
[3]) Там же, стр. 297.
[4]) Ленин как марксист, «Атака», ГИЗ, стр. 274, 275, 276.
[5]) Там же.

важное указание ее автора в защиту «угла зрения эволюционности»: изменение угла зрения обусловливается захватом власти рабочим классом, «особой закономерности» периода диктатуры пролетариата, когда характер развития приобретает совершенно иной смысл, иное принципиальное значение, чем при капитализме» [1]). «Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении, с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капиталистический период развития» [2]), — мы бы могли, очевидно, добавить: отличных именно в силу совершенно новой классовой структуры строя пролетарской диктатуры. Этим доводом мы сейчас и займемся.

Перед нами поставлен вопрос о классовых противоречиях в реконструктивный период. Через понятие противоречия диалектический материализм и тут является общей методологической предпосылкой для правильной постановки важнейшей проблемы исторического материализма, проблемы классов. Механистическое извращение марксистско-ленинского философского учения о диалектике противоречия неизбежно влечет за собою оппортунистическое искажение теории классовой борьбы и классовых противоречий, оппортунистическую теорию мирного изживания или затухания классовых противоречий.

Рассмотрим, в чем заключаются основные черты механистической теории противоречия.

В полном соответствии с механическим пониманием мира тов. Бухарин рассматривает противоречие, как борьбу двух противоположно направленных сил: противоречие состоит в том, что одна из них «перевешивает» другую. «В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние «покоя», т.-е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутренние противоречия» обнаруживаются». Обнаружение «внутренних противоречий», оказывается, есть не что иное, как «нарушение равновесия». Если же устанавливается новое равновесие, то оно установится на новой основе, «т.-е. при другом сочетании сил». «Отсюда и следует, что «борьба», «противоречия», т.-е. антагонизмы различнонаправленных сил, и обусловливают движение» [3]).

Приводя тот факт, что Гераклит и Гегель не ограничились общим законом изменяемости и подвижности всего сущего и вскрыли внутреннюю противоречивость процесса изменения, тов. Бухарин добавляет от себя: «Это положение несомненно правильно. В самом деле, представим себе на минуточку, что в мире не было бы столкновений никаких сил, что не было бы никакой их борьбы, что различные силы ненаправлялись бы одна против другой. Что это означало бы? Это означало бы, что весь мир находится в состоянии неподвижного равновесия, т.-е. в состоянии полной и абсолютной устойчивости, в состоянии полного покоя, исключающего всякое движение». Движения не может быть там, где нет никакого нарушения равновесия. Именно, в основе движения лежит антагонизм «среды» и «системы» («система» — это любая вещь); «среда» действует на «систему», «система» действует на «среду». «Равновесие» указывает на такое отношение между «системой» и «средой», когда изменение «системы» зависит от того, в каком взаимоотношении она находится со «средой».

[1]) «Атака», Гиз, стр. 276 (год не указан).
[2]) Там же, стр. 276–277.
[3]) Там же, стр. 75.

Что же такое равновесие, по т. Бухарину? «Более или менее точное понятие равновесия таково», — говорит он, цитируя следующее определение: «О какой-нибудь системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе, т.-е. без извне приложенной к ней энергии, не может изменить данного состояния». «Если, скажем, — продолжает далее т. Бухарин, — на какое-либо тело давят уравновешивающие друг друга силы, оно находится в состоянии равновесия; если одну из этих сил уменьшить или увеличить, тогда равновесие нарушается» [1]).

Такова механическая теория противоречия, как борьбы двух противоположно направленных сил. Ничего нового эта теория, однако, не содержит по сравнению с теорией антагонистической схематики Евг. Дюринга, уничтожающую критику которой дал в свое время Энгельс в «Анти-Дюринге». Евг. Дюринг писал, что «в вещах нет противоречий», что противоречие, если оно признается как об'ективно существующее, есть вершина бессмыслицы. «Антагонизм сил, противоборствующих друг другу в противоположном направлении, есть основная форма всех действий в «природе и в ее проявлениях», — говорит Дюринг. И отличие точки зрения Дюринга от взглядов тов. Бухарина состоит лишь в том, что Дюринг отсюда совершенно последовательно заключает об абсурдности противоречия, в то время как тов. Бухарин непоследователен в своей защите диалектики, всеобщей противоречивости развития и т. д., и пр.

В самом деле, особенность теории равновесия следует видеть в том, что механическое понимание одного из важнейших понятий диалектики — противоречия,—как противоположности направления сил, во-первых, сводит момент отрицания в диалектическом развитии явления к нарушению равновесия между явлением и средою, во-вторых, выхолащивает из диалектики ее живую революционную душу, не умея об'яснить «скачков», «перерывов постепенности», качественных сдвигов, и в-третьих, — и это вытекает из последнего обстоятельства,—трактует противоречие как нечто внеисторическое, застывшее, неподвижное, бескачественное.

Теория равновесия низводит понятие диалектического «отрицания» до плоского представления о «противодействии» одной из противоположно направленных сил. Тов. Бухарин полагает, что теория равновесия позволяет переложить «мистический» язык гегелевской диалектики на язык современной механики следующим образом: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия—антитезисом, т.-е. противоположением, восстановление равновесия на новой основе — синтезом (об'единяющим положением, в котором «примиряются противоречия») (стр. 76).

Это «переложение» мистического Гегеля на язык трезвой механики, к сожалению, ничего общего не имеет с марксистско-ленинским отношением к диалектике Гегеля. Антитезис не сменяет тезис, как равновесие, после его нарушения, не сменяется движением. Неверно думать, что движение есть результат нарушения равновесия, что равновесие как бы сменяется движением. Нет, равновесие и движение существуют одновременно, а не последовательно, сменяя друг друга; равновесие есть частный случай движения, движение невозможно без относительного покоя, равновесия. Движение нельзя противопоставлять равновесию, и, наоборот, равновесие не есть отрицание движения. Равновесие неотделимо от движения. «В живом организме, — говорит Энгельс, — мы наблюдаем непрерывное движение всех мельчайших частиц его, а также более крупных органов, имеющее своим результатом, во время нормального периода жизни, постоянное равновесие всего организма и, однако, пребывающее всегда в движении; мы наблюдаем здесь живое

[1]) Там же, стр. 75.

единство движения и равновесия». Всякое движение, относительное движение находится в равновесии, в движении небесных тел и равновесие в движении. «На земле движение дифференцировалось в смене движения и равновесия: отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение уничтожает отдельное равновесие». Механист ограничивается одной частной формой движения, вместо того, чтобы подвергать ее исследованию с точки зрения развития форм движения.

Соотношение тезиса и антитезиса, положительного и отрицательного моментов в диалектическом развитии теория равновесия представляет также, как механическое нарушение равновесия. Но и это противоречит диалектически-материалистической интерпретации Лениным учения Гегеля об «отрицании». «По отношению ко 2-му отрицательному положению, — говорит Ленин, — диалектический момент требует указания «единства», т.-е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном» [1]). Отрицание здесь не голое, не «зряшное» (Ленин), не скептическое и не механическое, а такое отрицание, которое «содержит внутри себя определение первого, отрицаемого положения,— не вообще отрицание, а отрицание, внутренне обусловленное самим процессом развития данного конкретного, т.-е. «отрицаемого», явления. Только так можно понять учение Ленина о «единстве в противоположностях» и о «раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности», как о наиболее существенной, наиболее глубокой стороне диалектики. Только диалектическое понимание отрицания дает ключ к «самодвижению», к «имманентному происхождению различий». Теория равновесия говорит об отрицании, как о противодействии одной из двух протиположно направленных сил, а Ленин говорит о «негативности, которая является внутренней пульсацией самодвижения и жизненности» [2]), об отрицании, как о «моменте развития с удержанием положительного» [3]). Отрицание — это ступень в развитии явлений, ибо каждая ступень в развитии есть «отрицание» предыдущей ступени, но оно не внешне, не равнодушно ей, а есть результат его собственной диалектики. Словом, с точки зрения механистического материализма тов. Бухарина всякое явление «противоречиво» в том смысле, что оно находится в подвижном, вечно нарушающемся и вновь восстанавливающемся равновесии со средой, а с точкой зрения марксистско-ленинского диалектического материализма всякое явление противоречиво в том смысле, что оно само из себя развивает те элементы, которые в процессе развития положат конец его существованию и превратят его в свою собственную противоположность.

Отсюда вытекает вторая ошибка механистической теории противоречия. Теория противоречия так, как она изложена в бухаринском учении о «равновесии», не в состоянии об'яснить качественных сдвигов в развитии явлений. Схема равновесия равнодушна к вопросам качества. Отрицание об'ективности противоречия есть лишь другое выражение отрицания об'ективности качества. Это нетрудно видеть уже в том, как понимает движение теория равновесия. От нас требуют рассматривать движение, как изменение места в пространстве, как перемещение. Но после дискуссии с механистами теперь и слепой видит, что это противоречит марксистско-ленинской диалектике: движение гораздо богаче, глубже, конкретнее, разностороннее, сложнее.

«Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого»,—говорит Ленин [4]). Не нарушение равновесия, а раздвоение единого в его конкретном развитии, не зависимость внутренних изменений от соотношения с внешней средой, а, наоборот, проявление внутренних противоречий в форме внешних противоположностей — вот откуда исходит познание противоречивости развития, вот в чем отличие диалектики от теории равновесия.

Ленин подчеркивает, что понимание развития как количественного процесса, как «уменьшения и увеличения, как повторения», есть понимание мертвое, бедное, сухое. Идея развития, эволюции в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Диалектика, как более содержательное (чем обычное), учение о развитии, требует, чтобы мы брали развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии, как раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности. Только такое понимание, говорит Ленин, дает ключ к «самодвижению» всего сущего, только оно дает ключ к «скачками», к «перерыву постепенности», к превращению в «противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового. Условием познания всех процессов мира в их действительном развитии, в их «самодвижении», Ленин считает познание их как единства противоположностей. Развитие по «теории равновесия» обусловливается антагонизмом двух противоположно направленных сил, а по Энгельсу и Ленину в основе «борьбы» противоположностей лежит раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности. Развитие по «теории равновесия» есть нарушение равновесия, т.-е. столкновения двух внешних и противоположно направленных сил; даже «внутреннее равновесие» (в самой системе) нарушается в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой, а по Энгельсу и Ленину именно при механической теории «остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив». Отсюда безразличие теории равновесия к вопросам качества, невозможность охватить в ней качественные сдвиги в развитии.

Процесс движения и развития представляет собою, «во-первых, состояние равновесия, во-вторых, нарушение этого равновесия, в-третьих, восстановление равновесия на новой основе» [1]). Не трудно видеть, что в такую «формулу» можно вкладывать какое-угодно содержание. Бессодержательность и пустота этой формулы превращает процесс движения и развития в количественный процесс. «Развитие» имеет место там, где равновесие между средой и системой нарушается, а это значит, что «отношение между средой и системой не воспроизводится в той же самой пропорции» [2]). Нарушение равновесия приводит не к восстановлению равновесия на точь-в-точь такой же основе, как раньше, а к равновесию на новой—количественно новой основе, когда «противоречие между средой и системой количественно стало другим» [3]).

Тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» специально останавливается на «одном методологическом приеме» Марксова метода, «который, по его выражению, можно условно назвать постулатом равновесия». Капиталистическое общество, при всех уклонениях, колебаниях, усложнениях, в общем и целом находится в состоянии равновесия. «Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии. Результат рассмотрения всей капиталистической системы при условии ее равновесия и есть теоретическая экономия, как научная система» [4]). В «Теории исторического материализма» мы читаем: «Сходное явление (равновесия. *Г. Б.*) мы встречаем и в обществе. Общество, худо ли, хорошо ли, жи-

[1]) Ленинский сборник, IX, стр. 286.
[2]) Там же, стр. 132.
[3]) Там же, стр. 284.
[4]) Соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 1-е, стр. 57.

[1]) Там же, стр. 75.
[2]) Там же, стр. 78.
[3]) Там же.
[4]) Эконом. перех. периода, 1920 г., стр. 127, 128.

вет в природе: оно более или менее к ней «приспособлено», так или иначе находится с ней в равновесии. И различные части общества все же, поскольку общество живет, так прилажены друг к другу, что возможно их одновременное существование: сколько лет существовал капитализм с капиталистами и рабочими» [1]). Общество окружено «средой», и от того, в каком соотношении находится оно с этой средой, зависит все остальное [2]). «Причины изменений этой системы нужно искать в соотношении ее со средой» [3]). Но это же пустая бессодержательная формула, поднимающаяся над всеми условиями конкретно-исторической эпохи! «Равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на новой основе и снова нарушается и так далее» [4]). Но разве не ясно, что теория «равновесия» сама не в состоянии указать, в чем заключается «новизна» той основы, на которой вновь восстанавливается нарушенное равновесие? Не состоит ли особенность формулы «равновесия», как и всех механистических формул, именно в том, что сущность, содержание, качественное изменение происходящих процессов ею не учитывается, — ей безразлично, какие события, на каком этапе, в силу каких причин нарушают равновесие, при каких обстоятельствах равновесие восстанавливается и т. д.? Разве формула «равновесия» не применима ко всем общественным формациям, ко всякому обществу? И не превращает ли эта формула все важнейшие категории исторического материализма в бессодержательные и пустые, надисторические, абстрактные понятия?

Отсюда, наконец, антиисторизм и метафизика в понимании самого противоречия и отрицания. Изменение формы противоречия, формы возникновения и разрешения его, усложнение форм отрицания на различных ступенях диалектического развития — этих проблем механист и не нюхал. В подготовительных работах Энгельса к «Анти-Дюрингу» мы читаем, что «для каждой вещи, каждого отношения, каждого представления имеется особый, ему свойственный способ отрицания». Противоречивость развития с ее скачками, бурными, революционными потрясениями — все это останется пустой фразой, если ее не конкретизировать исторически, применительно к данному моменту, к данной эпохе. Диалектик учитывает живые противоречия живой жизни в смене их форм проявления, которые изменяются в зависимости от конкретных особенностей, конкретного, текущего этапа в революционном развитии. Мало декларировать «противоречивость развития» вообще, недостаточно быть сторонником диалектики вообще, надо итти дальше, надо уметь вскрывать изменение в формах проявления противоречивости процесса развития, переход от старой формы к новой, одного характера противоречий к противоречиям другого характера. Ленин говорил: «Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной кузнецом сделанной цепи». Необходимость разбираться в разных формах противоположностей и противоречий выражена и в следующих словах Ленина: «Правило, которое мы себе не только теоретически усвоили, но и практически применяли и которое для нас надолго, до окончательной победы социализма во всем мире, явится правилом основным, а именно: надо использовать противоположности и противоречия между двумя империализмами, между двумя системами капиталистических государств, натравливая их друг на друга... надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами...» (т. XVII, стр. 383). Сможет ли механистическая схема «равновесия» помочь найти различные формы обнаружения противоречий, различные ступени усложнения противоречий развития, наметить переход к следующему звену в цепи противоречий? Нет, механистическая схема «равновесия» не может помочь найти диалектику различные формы обнаружения противоречия. Механистическая схема «равновесия» пригодна только для одной, именно простейшей, механической формы противоречия — внешнего столкновения двух сил, движущихся в противоположном направлении, но не противоречиво. Каждая из них есть нечто неизменное, целое. Механист и не догадывается о том, что это целое есть в действительности, в исторической цепи событий, а не в книжной абстракции, есть живое «сочетание», единство противоположных тенденций, есть сцепление противоположных звеньев, порядок и форма которых меняется в переходные периоды от этапа к этапу, в периоды резких поворотов, в периоды крутых под'емов.

«Анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов... От одного этого, от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства» (т. XVIII, ч. 1, стр. 19), говорил Ленин на дискуссионном собрании фракции РКП(б) VIII всероссийского с'езда Советов. Ленин высмеивал тех, кто «ограничивается абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникает в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас» (т. XVIII, ч. 1, стр. 207), а механист не замечает качественных сдвигов, переходов, возникновения новых звеньев в цепи переходного развития.

Таковы три особенности механистического понимания понятия противоречия, в корне противоречащие марксистско-ленинскому пониманию. Им соответствует в корне неправильное понимание столь важных в реконструктивный период категорий исторического материализма, как, во-первых, классовая борьба и уничтожение классов, во-вторых, вопрос о расстановке классовых сил в революции, и в частности классовой природе крестьянства.

Не замечая внутреннего происхождения различий, внутренней борьбы и переходов противоположностей, диалектики внутренних противоположных тенденций, механический материалист мыслит уничтожение классов не иначе как в форме их постепенного отмирания, сглаживания, изживания классовых противоречий, затухания классовой борьбы. В самом деле, посмотрите, как понимает механист всю сумму вопросов, связанных с уничтожением классов. Если противоречие сводится к столкновению двух противоположно направленных сил, к нарушению их равновесия, то ясно, что таких «противоречий» у нас не должно быть, главная задача в том, чтобы приспособлять и примирять противоположности. Отсюда далее отрицание неизбежности классовой борьбы, отрицание всякой опасности для пролетарской диктатуры со стороны внутреннего соотношения классовых сил. Механист вместо классовых противоречий во внутренней хозяйственной структуре видит «звенья единой цепи социалистического хозяйства» [1]).

«Когда рабочий класс и когда революционная партия занимают положение борющихся за власть, то во всех решительно идеологических работах, всюду и везде, мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все противоречивые стороны, мы должны тщательно отмечать, подбирать и перестраивать в теоретическом ряду то,

[1]) Теория исторического материализма, стр. 74.
[2]) Там же, стр. 92.
[3]) Там же, стр. 113.
[4]) Там же, стр. 75.

[1]) «Путь к социализму», 1927 г., стр. 49.

что раз'единяет различные элементы общества»[1]. «Но если при капиталистическом обществе «нам теоретически важно отмечать все противоречия»[2]), делать на них ударения, то после захвата власти рабочим классом разрушительная задача уступает место созидательной и перед рабочим классом «встает задача склеивания различных частей общественного целого»[3]) под гегемонией рабочего класса. Это — «совершенно другой угол зрения», а именно, это — угол зрения эволюционности»[4]). «Изживание противоречий представляет собою «натуральный ряд, где развитие противоречий (курсив мой. *Г. Б.*) с известного времени (курсив автора. *Г. Б.*) начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма»[5]). Вот в чем заключается «угол зрения эволюционности»[6]). Таким образом, с точки зрения теории равновесия задача пролетариата состоит в «склеивании различных частей общественного целого», в «изживании противоречий».

Диалектический материализм, наоборот, требует, чтобы мы рассматривали конкретное развитие, как раздвоение единого и борьбу противоположностей. Другими словами, классовые противоречия не исчезнут без классовой борьбы и противоречия социалистического роста не исчезнут без самой ожесточенной и самой последовательной борьбы противоположностей — капитализма и социализма. Остановимся на этом. Маркс и Энгельс точнейшим образом различали, говорит Ленин, и тот период, когда классы еще есть и когда их уже не будет. «Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов. Мы пришли в такое положение, когда впервые поставили практический вопрос об этом уничтожении классов». Но, говорит Ленин, «мы прекрасно знаем, что у нас классы остались и останутся долго[7]). И мы знаем, что Ленин высмеивал мелкобуржуазных демократов, которым свойственно «отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы». Такие мелкобуржуазные оппортунисты, по словам Ленина, считают своей задачей выдумку планов «примирения обеих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил»[8]). «Кто воображает, что переход к социализму будет таков, что один убедит другого, а другой—третьего, тот—ребенок, в лучшем случае, или политический лицемер»[9]). В действительности, «уничтожение классов есть дело долгой упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), но меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»[10]). Диалектика реконструктивного периода такова, что мы приступили вплотную к преодолению классовых противоречий города и деревни, но выход из классового общества к бесклассовому лежит через ожесточенную классовую борьбу. Уничтожение классов возможно лишь

[1]) «Атака», Гиз, стр. 256.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 257.
[4]) Там же, стр. 261.
[5]) Там же, стр. 276.
[6]) Там же, стр. 261.
[7]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 1-е, стр. 156
[8]) Там же, т. XVI, стр. 347, сл.
[9]) Там же, т. XV, стр. 116.
[10]) Там же, т. XVI, стр. 267.

борьбой классов. Не сглаживанием, не замазыванием классовых противоречий, не «большинством» вообще из разных классов»[1]), а продолжением классовой борьбы в иной форме является переход от классового общества к бесклассовому.

Механист, понимающий движение и развитие как простую механическую цель необходимости, лишенную качественных сдвигов, переплетения, случайности, не замечает великого закона борьбы, пронизывающего собою все социалистическое строительство. Переход от старого к новому — это борьба за новое, «упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»[2]). «Новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает на ряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее»[3]). И еще: «Переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом»[4]).

Пролетариат захватывает власть, разбивает вдребезги старый государственный аппарат, чтобы своей диктатурой уничтожить классы; социализм есть уничтожение классов, но классовые противоречия уничтожаются борьбою противоположностей, классовая борьба не прекращается, а продолжается в новой форме, новыми орудиями; хотя диктатура пролетариата создает все предпосылки для уничтожения классов, но они не исчезнут без диктатуры пролетариата. Свергнутые эксплоататоры, капиталистические элементы сопротивляются ожесточеннее, «классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы»[5]), «классовая борьба продолжается, и наша задача — подчинить все интересы этой борьбе»[6]).

Говоря о соотношении между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями, Ленин писал, «первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую»[7]).

Выходит, что фаталистическая, абстрактная, односторонне-детерминистическая теория причинности и механистическое сведение «противоречий к нарушениям равновесия между «системой» и «средой» ведут к полному извращению марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе в переходный период. Выходит, что, благодаря механистическому извращению марксистско-ленинской диалектики противоречия, правый оппортунизм тащит нас назад, к классовому разоружению пролетариата, к усыплению классовой бдительности, к ослаблению классовой стойкости пролетариата.

Диалектика учит о развитии, как о сложном противоречивом процессе «борьбы противоположностей», она требует, чтобы мы вскрывали взаимоисключающие, противоположные тенденции во всех явлениях и процессах и рассматривали эти противоречивые тенденции в их взаимоотношении и единстве. Само противоречие, само единство противоположностей следует рассматривать в его историческом развитии, в его конкретном изменении в моменты крутых поворотов развития, в движении. Из механистического, метафизического, надисторического понимания этой особенности диалектики вытекает неправильное, политически вредное предста-

[1]) Ленинский сборник, IV, стр. 493.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 136.
[3]) Там же, т. VII, ч. 1, стр. 123.
[4]) Там же, т. XVI, стр. 347.
[5]) Там же, стр. 355.
[6]) Там же, т. XVII, стр. 323.
[7]) Там же, т. XVIII, ч. 1, стр. 366.

вление о классовой природе крестьянства, как какого-то застывшего целого. Отсюда свойственная правым ставка на союз рабочего класса со всем крестьянством, как целым.

Механическое понимание противоречия сказывается в оппортунистическом понимании соотношения классовых сил на данном этапе революции, непонимание внутреннего происхождения и борьбы противоположностей приводит в таком решающем вопросе, как вопрос о расстановке классовых сил, к признанию союза пролетариата со всем крестьянством, как «главной гарантии социалистического строительства». Механист замечает только «целый», «общеклассовый» фронт всего крестьянства, отрицая внутренне-противоречивую структуру в нем, борьбу противоположных тенденций, наличие в нем противоборствующих капиталистических элементов. «Главной гарантией социалистического строительства,—говорит тов. Бухарин,—у нас есть забота о наиболее благоприятном сочетании классовых сил, которое обеспечивало бы нам возможность дальнейшего строительства социализма, забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз «строительной форме». И дальше: «Это сочетание пролетарской революции и «крестьянской войны» (т.-е. союза рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса) должно быть продлено и удержано во что бы то ни стало; ибо если лишиться этого особо благоприятного сочетания классовых сил, то выпадет вся основа развертывания социалистической революции в нашей стране» [1]). Так ставится вопрос, без единой попытки проанализировать классовую природу крестьянства, без попытки конкретизировать, в соответствии с новым этапом развития, взаимоотношение классов на основе роста, изменений, классовых сдвигов, происходящих внутри крестьянства. В своем «Политическом завещании» Вл. Ильич о кулаке вообще не останавливается» (стр. 8),—говорит тов. Бухарин.

Но Ленин говорит другое. Прежде всего он требует диалектического, исторического подхода. «На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно» [2]). Содержание соглашения меняется, оно изменилось—это значит изменилось внутреннее строение самих классов, усложнилась структура класса, на основе ли его роста, на основе ли новой расстановки классовых сил. Но какое дело механисту до внутреннего строя класса? Класс для него нечто целое, и соглашение рабочего класса с крестьянством нечто неизменное! Отношение к среднему крестьянству, прочный союз с ним—вот задача, говорит Ленин, но «кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы совсем слабое изменение, нашей основной политики,—тот совершенно не понимает задач пролетариата» [3]).

Хотите знать первое, жизненно-полновесное, необычайно заостренное выражение диалектики противоречия в реконструктивный период? Вот оно: «соглашение с крестьянством, с точки зрения рабочего класса, является одной из мер, направленных к уничтожению классов» [4]), но уничтожение классов возможно лишь в борьбе классов. Для механиста это—нелепость, потому что механист не видит живой диалектики жизни, с внутренним происхождением различий, перерастающих в противоположности. Для него соглашение есть соглашение, союз есть союз. Но там, где механист видит нечто неизменное и целое, диалектик вскрывает сложную цепь противоположных тенденций, там открывает сцепление противоречий. Так и тут. Только до известной ступени революционного развития выступает крестьянство, как целое,—только до известного периода выступает с рабочим классом все крестьянство. Буржуазная революция была доведена нами до конца со всем крестьянством, «крестьянство шло за нами в целом» [1]), но мы перешли к социалистической революции, «когда удалось расколоть деревню», когда удалось присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев и «об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии» [2]), «деревня перестала быть единой» [3]). Диалектик-революционер, марксист-ленинец должен уметь разграничивать противоречивые тенденции роста в крестьянстве, должен уметь разграничивать различия и противоречия, если историческое развитие само раскалывает деревню.

«Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоположны, слиты в одно целое» [4]). И Ленин неоднократно останавливается на этом «единстве в противоположностях», требуя диалектического понимания процессов развития. «В современном обществе крестьянство, конечно, уже не является единым классом,—говорит он.—Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения,—постольку крестьянство продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества» [5]). «Это не противоречие в редактировании или формулировке нашей программы,—вновь повторяет Ленин,—а противоречие живой жизни» [6]).

Еще в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин в 1902 г. писал, что развитие классовой борьбы в деревне—«основной и центральный пункт теории революционного марксизма в области аграрного вопроса» [7]). «В сущности,—писал Ленин, к непониманию именно этого пункта сводятся все заблуждения и блуждания «критиков» марксизма в аграрном вопросе и самый смелый, самый последовательный (а постольку и самый честный) из них г. Булгаков прямо заявляет в своем исследовании, что «учение» о классовой борьбе совершенно неприложимо к области сельскохозяйственных отношений. С точки зрения революционного марксизма эволюция сельского хозяйства, так же как и эволюция промышленности, порождает классовую борьбу пролетариата с буржуазией. Признать это условие—«значит обязаться и в особенно больном вопросе об участии мелкого крестьянства в социал-демократическом движении стоять на неуклонно классовой точке зрения, не поступаться ни в чем точкой

[1]) Политическое завещание Ленина, стр. 8.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 257.
[3]) Там же, т. XVI, стр. 144 и сл.
[4]) Там же, т. XVIII, ч. 1, стр. 257.

[1]) Там же, т. XV, стр. 473.
[2]) Там же, стр. 475.
[3]) Там же, стр. 591.
[4]) Там же, т. XVI, стр. 352.
[5]) Ленинский сборник, IV, стр. 329.
[6]) Там же, стр. 347.
[7]) Там же, стр. 337.

зрения пролетариата в пользу интересов мелкой буржуазии, а, наоборот, требовать, чтобы мелкий крестьянин, разоряемый и угнетаемый всем современным капитализмом, покинул свою классовую точку зрения и встал на точку зрения пролетариата» [1]).

Выходит, что правый оппортунизм исходит из ревизионистского понимания такой важной проблемы теории исторического материализма, как классы и классовая борьба. Выходит, что правый оппортунизм в корне извращает ленинские взгляды на характер и перспективы классовой борьбы в реконструктивный период. Выходит, что правый оппортунизм вкладывает в соглашение рабочего класса с крестьянством не социалистическое содержание, а то значение, какое оно имело в буржуазно-демократический период развития революции.

Механический материализм в философии приводит к грубейшим извращениям теории исторического материализма. Мы начали с общих проблем развития—случайности и необходимости (механистическое понимание этих проблем оказалось предпосылкой фаталистической теории «органического» мирного врастания в социализм),—чтобы в дальнейшем поставить вопрос об об'ективности противоречия (механистическое освещение этого вопроса прямехонько привело к оппортунистическому учению об изживании классовых противоречий). Тем самым мы, строго говоря, уже дали ответ на вопрос о том, как сказывается на теории исторического материализма механистическое отрицание об'ективности качества. Пресловутая формула «равновесия» равнодушна, если можно так выразиться, к качественным сдвигам в развитии. Нарушенное однажды, оно восстанавливается «на новой основе», но новая основа оказывается лишь «другим сочетанием сил». Не лежат ли еще глубже философские корни право-оппортунистического извращения исторического материализма?

4. Механистическое отрицание об'ективности качества и оппортунистическая теория производительных сил.

С точки зрения диалектического материализма количественные изменения переходят на определенном этапе их накопления в качественно-новую форму движения. В дискуссии между диалектиками и механистами это положение было достаточно разжевано диалектиками.

Качество с точки зрения механического материализма считается об'ясненным лишь тогда, когда оно может быть сведено к количественному выражению: самая суть вещей дана в их количественно накопляющихся, количественно измеримых свойствах. Все, что мы относим к качественным особенностям, является «качественным» постольку, поскольку оно нами еще не изучено. Понять возникновение нового в мире значит понять, как оно сводится к старым элементам. В количественном изменении надо видеть сущность всякого изменения в мире: новое—это лишь другое сочетание элементов старого. Поэтому закон перехода количества в качество, признаваемый на словах механистом, превращается в пустую фразу, в ничего не стоящий эклектический привесок, по существу противоречащий исходным методологическим принципам механического миропонимания; сколько бы ни говорил тов. Бухарин об этом законе, бессмысленно утверждать о переходе количества в качество, раз об'ективно, по сути, в мире существуют только количественные изменения.

Мы по другому поводу уже говорили выше об отношении формулы равновесия к качественным сдвигам в движении.

[1]) Там же, стр. 338.

При первой же попытке проанализировать механистическую схему равновесия бросается в глаза полное бессилие теории равновесия отобразить качественную сторону явлений. Но мы могли бы привести и специальные на этот счет высказывания т. Н. И. Бухарина. Тов. Бухарин возражает, например, против «нелепого удвоения» «законов», которое встречается на каждом шагу даже в лучших марксистских работах (с одной стороны, законы биологии, физиологии и т. д., а с другой—законы общественного развития), на самом деле,—продолжает т. Бухарин,—одно есть «инобытие» другого. Одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения» [1]). Не случайно автор теории равновесия протестует против «удвоения» законов: взгляд на качество, как на то же количество, но рассматриваемое с другой точки зрения, ничего общего с материалистической диалектикой не имеет. С точки зрения механического материализма одно и то же явление может рассматриваться с разных точек зрения, сперва—в одном качестве, затем –в другом, и в обоих случаях мы будем иметь дело не с двумя об'ективно различными явлениями, а с двумя разными способами рассмотрения одного и того же явления. Но если для механического материалиста качество и есть способ рассмотрения вещи, то для диалектического материалиста, наоборот, «точки зрения» и «способы рассмотрения» диктуются об'ективно существующей качественной структурой явления. Форма мышления должна соответствовать форме движения материи, ее отображать, и способ рассмотрения следует выбирать вовсе не механически, не внешне, не безразлично к об'екту. Тов. Бухарин сводит проблему взаимодействия качества и количества к вопросу о двух разных «способах рассмотрения», что фактически и есть отрицание об'ективности качества. В этом еще больше убеждает его попытка свести социальную категорию рабочей силы к ее психофизическому содержанию.

Психофизические особенности крючника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шофера, офицера и т. д., в общем физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические тов. Бухарин рассматривает, как... «квалификацию определенных рабочих сил общества»! Тов. Бухарин уверен, что этим «бесконечные споры о соотношении между законами биологии и социологии» им окончательно разрешены, так как не получается «нелепого удвоения» законов—физиологических и социальных.

Против «нелепого удвоения» законов природы выступал в свое время небезызвестный герой механистического блока т. Боссэ, требовавший подведения физико-химического фундамента под социологию. Пошлый, ревизионистский смысл такого «требования» был тогда же разоблачен. Теория равновесия идет по той же линии пошлого, ревизионистского извращения марксистско-ленинской установки в вопросе о соотношении качественно различных форм движения. Социальная форма невозможна без физико-химических условий жизни, но социальная категория не сводится к ее психофизиологическим условиям. Тов. Бухарин забывает, что «рабочая сила общества» не может быть определена никаким психофизиологическим анализом, если мы хотим оставаться на почве экономики. Как диалектик-материалист, Энгельс в письме к Марксу от 19 декабря 1882 г. писал о Подолинском, предостерегая от смешения физического понятия труда с экономическим, хотя экономический труд, очевидно, есть тот же физический труд, но он не сводится к нему, есть нечто отличное от него. «Некоторые ученые были бы не прочь перенести термодинамическую категорию работы обратно в политическую экономию — как это сделано в дарвиновской борьбе за существование, при чем в итоге получилась бы только чепуха. Пусть попро-

[1]) Атака, стр. 124 и сл.

буют выразить какую-нибудь a skilled labour в килограммометрах и попытаются определить на основании этого заработную плату!»—говорит Энгельс в «Диалектике природы».

Другой пример. Справедливо возражая против биологизации социальных явлений Э. Енчменом, тов. Бухарин один из ходов своей аргументации строит на таком принципе: «Совершенно непонятно, почему это автор теории новой биологии, стремящийся к максимальным обобщениям, останавливается на биологии? Разве биологические явления не сводимы к физико-химическим? Почему это все дело сводится к рефлексологии? Известно, что теперь делаются попытки (см., напр., проф. П. Лазарева: «Ионная теория возбуждения») итти еще глубже. На каком же «достаточном основании» здесь устанавливается предел, его же не прейдеши»? Раз «возможны обобщения физико-химического порядка еще более высокие, чем обобщения рефлексологии, то Енчмен просто не сводит концов с концами». Вместо того, чтобы с самого начала поставить проблему качества, проблему возникновения более высокой формы движения материи, т. Бухарин допустил в своей (в общем правильной) аргументации механистическое положение о сводимости биологических явлений к физико-химическим, как в приведенном выше примере признание сводимости социальных категорий к категориям психофизиологическим. А все дело в том, что механическое миропонимание отрицает об'ективность качественных сдвигов в развитии, перерывов постепенности, усматривая во всем лишь количественно-новое сочетание старых элементов. «Из ничего не делается ничего,—говорит тов. Бухарин.—Как в области политики во время революции старое государство разрушается, но новое есть в известной степени по-другому связанные старые элементы, точно так же и в идеологической области» [1]). В этом суть механистического взгляда на мир. В разнообразии форм движения материи механист не замечает качественных изменений.

Итак, механистическая схема «равновесия» в области философии и методологии отрицает качественную сторону движения, качественные сдвиги в развитии явлений. Под «равновесие» можно подвести все, что угодно. Понятие противоречия становится пустым и бессодержательным. Вместо того, чтобы открыть в «равновесии» одну из форм движения и определить его место в ряду других форм, механист сводит все формы движения к простейшей из них—перемещению в пространстве. Как же отражается эта ошибочная философская установка в теории исторического материализма тов. Бухарина? Механистическая установка тов. Бухарина отражается в неисторическом, абстрактном понимании производительных сил, как технических, вещных элементов, «показывающих власть человека над природой». Механистическая установка отражается в «балансовом» подходе к задачам под'ема и «равновесия» производительных сил. Механистическая установка отражается в отрыве производительных сил от их общественной формы, в отрицании об'ективности (и активности!) этой качественной, общественной формы развития производительных сил.

В области понимания советской экономики аналогичным образом та же механистическая схема «равновесия», сводя всю сложнейшую цепь законов социалистического развития к закону подвижного экономического равновесия, на деле забывает классовое, социалистическое содержание народно-хозяйственного равновесия, его, так сказать, «качественное» содержание.

Обратимся к «фактам». И тут для понимания связи между философским, механистическим отношением качества и правооппортунистической теорией развития производительных сил придется коснуться Бухаринского учения об обществе. Тов. Бухарин, спасаясь от органических теорий об-

[1]) Теория исторического материализма, стр. 308.

щества, и тут не сумел открыть в обществе такой формы движения, которая была бы не сводима к механическому перемещению в пространстве.

В полном соответствии с механическим миропониманием тов. Бухарин сводит общество к «организации элементов в их натурально-вещественной характеристике» [1]). Свою заслугу тов. Бухарин даже видит в том, что он выбил почву из-под ног всякого психологизирования марксизма. «Мною предлагается,—писал он,—новое, материалистическое решение задачи, идущее по линии марксовых решений. Это решение таково. Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени» [2]). «Это есть материальное отношение, такое же, как отношение частиц часового механизма» [3]). Общество есть система взаимодействующих элементов—людей; внутреннее равновесие в этой системе дается трудовой связью людей, как основой жизни является материальный процесс производства,—так трудовая связь—основа отношения общества. Это, по мнению т. Н. И. Бухарина, и есть «вполне материалистический взгляд на общество» [4]). Взаимоотношения людей в «трудовой связи»—это все «материальные, физические отношения». Конечно, люди думают, чувствуют, но это «определяется тем, как они расставлены в фабричном здании, у каких машин они стоят и проч. «Люди расставлены в фабрике как определенные физические тела». «В средствах производства и рабочих силах мы имеем точный материальный показатель степени общественного развития» [5]), а так как «средства труда определяют собою и рабочие силы», то за основу анализа следует брать «вещественный технический аппарат человеческого общества».

Тов. Бухарин не замечает особого «качества» общественной формы по сравнению, скажем, с механической. Уже в «Друзьях народа» Ленин обрушился на суб'ективный метод в социологии за метафизический, механистический характер. «Философ этот,—писал он о Михайловском,—чисто-метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический аггрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений» [6]). Так писал Владимир Ильич в полном соответствии с законами материалистической диалектики, а тов. Бухарин все продолжает представлять отношение людей, как отношение частиц часового механизма!

Механическая теория равновесия и тут извращает в нечто бессодержательное и пустое важнейшие категории исторического материализма—производительные силы и производственные отношения. Теория равновесия лишает их специфического, общественного содержания; сводя производительные силы к «вещественному, техническому аппарату общества», а производственные отношения — к «расстановке людей как живых машин», теория равновесия прежде всего не способна ориентировать рабочий класс в классовом обществе, проходит мимо всей механики классовой борьбы, и своими бессодержательными, пустыми, мертвыми схемами некоего вневременного, внеисторического «общества вообще» может способствовать лишь классовому разоружению пролетариата.

Теория исторического материализма рассматривает производительные силы, как историческую категорию. Это значит, что существует свой определенный уровень и закон развития производительных сил для каждой общественной формации. Каждая общественная формация характеризуется своей

[1]) Экономика переходного периода, стр. 44.
[2]) Атака, стр. 121.
[3]) Теория исторического материализма, стр. 161.
[4]) Там же, стр. 93.
[5]) Там же, стр. 122, 128.
[6]) Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 112 и сл

особой, ей свойственной закономерностью развития производительных сил. Производительные силы не сводятся к технике, найти закон движения производительных сил—это не то же, что найти законы развития машин. Производительные силы — исторически-общественная категория. Исторический материализм требует, чтобы мы брали производительные силы в исторически данной системе общественного производства, в определенном общественном строе производства. Другими словами, закон движения производительных сил определяется не одним лишь количественным уровнем их роста, но и формой движения, которая не сводится к количественным показателям их роста. Формой движения производительных сил является общественная система производства, «общественные отношения людей по производству» (Ленин).

Законы развития производительных сил лежат в форме движения их, т.-е. в общественном строе производства. В этом суть. Кто этого не понял, тот или попадает в плен абстрактного натурализма и технологизма, или ударяется в не менее абстрактный социологизм. Изучать развитие производительных сил лишь с количественной стороны бессмысленно. Это было бы равносильно тому, как если бы в политической экономии брали материально-технический процесс производства без его общественной формы. Нельзя отрывать материально-технический процесс производства от общественного строя производства, или, как говорят, техническую, «вещную» форму от «социальной формы». Политическая экономия изучает производственные отношения, как формы движения производительных сил. В этом отличие марксизма как от «социальной органической школы», так и от механистически технологического понимания об'екта политэкономии. Производительные силы развиваются, претерпевая качественные изменения. Качественное содержание производительных сил и есть структура производственных отношений, или общественная форма движения производительных сил.

Механист отрицает об'ективность качества, как особой, специфической, новой закономерности развития, реальность качества как формы движения материи, его движения, структуры, а не как нового свойства в количественном ряду старых свойств,—с этой точки зрения понятно, что производительные силы сводятся к техническим приемам, движение их—к накоплению вообще, планирование—балансовому равновесию.

Глубокое значение категории «качества», из-за которой мы дрались пять лет с механистами, упорно не замечавшими в ней ничего, кроме мистики, выражается, если хотите, в том, что «борьба за качество» стала практическим лозунгом дня. «Борьба за качество» есть борьба за особую форму движения,—именно, за движение к социализму. Будучи продуктом имманентно диалектического развития производительных сил и производственных отношений, новая надстройка, новые формы общественного сознания сами влияют на развитие новых хозяйственных форм. Формой развития производительных сил может быть лишь социалистическое существо наших производственных отношений, социалистические перспективы нашей революции. Под'ем производительных сил, притом быстрыми темпами, диктуемыми всей международной и внутренней обстановкой, есть, разумеется, «экономический под'ем», но он не сводится к экономике, к «расширению народного хозяйства», так сказать к хозяйственной «статистике», «хозяйственному благосостоянию» в буржуазном смысле этих слов: под'ем производительных сил в нашей стране неразрывно связан с формой их развития, именно, с законом социалистического обобществления.

Механический материализм не видит в политике этого диалектического единства формы и содержания, обобществления и роста, качества и количества, как он не замечает в философии об'ективности качества, как особой закономерности развития, не замечает об'ективности нового и специфического, реальности общих связей, известной самостоятельности формы по отношению к содержанию; механист ратует за под'ем производительных сил вообще, не заботясь об их социалистическом характере. Разумеется, в экономике существуют противоречия, но тов. Бухарин находит эти противоречия «между различными трудовыми функциями» [1]), а не в классовом содержании производительных сил. «Каждая система состоит из составных частиц (элементов), соединенных между собою так или иначе. Человеческое общество—из людей, лес—из деревьев и кустов, куча камней—из этих камней, стадо животных — из этих животных и т. д. И тут целый ряд противоречий, неслаженностей, неприспособленностей». Пустому и бессодержательному понятию носителя «трудовых функций» соответствует, таким образом, столь же пустое и бессодержательное понятие «неслаженностей» и «неприспособленностей». Тот, кто в «экономике» видит лишь «работников», выполняющих «трудовые функции», а в классовых противоречиях — «неприспособленность» и «неслаженность» общества, должен вкладывать в категорию производительных сил мертвое, внеисторическое, одно лишь техническое содержание. Нечто прямо противоположное—в ленинском анализе: «Экономика в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически об'единенного труда в едином масштабе громадного государства—труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом» [2]). Не Бухаринские «противоречия между различными трудовыми функциями», выражающие «неприспособленность» общества к «внешней среде», а столкновение двух классово противоположных тенденций развития производительных сил ставит во главу угла своего анализа Ленин. «Что означает слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма *и* социализма?» [3]).

Таким образом, вопрос о под'еме производительных сил ставится механистами из правооппортунистического лагеря вне классов, вне социальных процессов, вне классовой борьбы, происходящей в деревне.

«С точки зрения правильно понятых интересов и рабочего класса и крестьянства необходимо вести такую политику, которая давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил» [4]), наибольшему «приросту материальных ценностей» [5]). Отсюда — сведение задачи выработки народно-хозяйственного плана» к «намечению условий правильного сочетания» различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условий подвижного экономического равновесия», при чем план «все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства» [6]). Отсюда и ставка на расширение товарооборота вообще и одновременно недооценка колхозов, защита того взгляда, что столбовая дорога к социализму ведет не через колхоз, а через обыкновенную кооперацию—сбыт, закупку, кредит [7]). Отсюда и признание неизбежности «кулацких гнезд» в кооперации

[1]) Теория исторического материализма, стр. 250.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 348.
[3]) Там же, т. XV, стр. 264.
[4]) Рабоче-крестьянский блок и путь к социализму, 1927 г., стр. 45.
[5]) Текущий момент и основы нашей политики, 1925 г., стр. 19.
[6]) Заметки экономиста
[7]) Тек. момент и основы нашей политики, 1925 г., стр. 28.

в виду необходимости развертывания товарооборота; отсюда признание, что кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же врастать через банки в систему социалистического хозяйства, как в капиталистическом обществе она врастала в систему капиталистических учреждений [1]). Словом, нарисованная тут «картина развития» продиктована всем пониманием задачи под'ема производительных сил, как под'ема народного хозяйства «вообще» без классового анализа, без учета классового сопротивления капиталистических элементов, обостряющегося в реконструктивный период; словом, возвращаясь к теоретической плоскости исторического материализма, надо сказать, что производительные силы механистическим ревизионизмом берутся вне социальной формы их развития, без учета их качественного содержания, на основе «хозяйственного строительства» вообще без учета его политического содержания. Механистическое понимание производительных сил отступает от основного понятия классовой борьбы и от основного требования марксизма вскрывать и разграничивать точно классовые интересы. В этом заключается оппортунизм механистического ревизионизма. И отсюда вытекает оппортунистическая оценка движущих сил революции. Для тов. Бухарина «внутреннее строение общества определяется соотношением этого общества с внешней природой» [2]). Политическая сила ставшего у власти класса ограничена данным состоянием производительных сил, и «изменение в экономических отношениях, которое может быть произведено при помощи политического рычага, зависит само от предыдущего состояния экономических отношений» [3]) или, в конечном счете, от равновесия между обществом и природой. Отсюда теория производительных сил прямехонько ведет в области понимания советской экономики к переоценке элементов стихийности, в частности к переоценке в плане элементов «стихийной равнодействующей», которая «становится исходным пунктом для той или другой директивы» («Записки экономиста», ср. «К вопросу о закономерностях переходного периода»). Но это, к сожалению, не только нелепость определять классовую структуру общества в зависимости от его соотношения с природой: это и политически заключает в себе ту оценку русской революции, которая была разоблачена Лениным в заметках о книге Н. Суханова.

Если производительные силы выражают соотношение общества с природой, если внутреннее строение общества опирается на равновесие общества с внешней природой, то чем отличается эта точка зрения от социал-демократического понимания производительных сил и движущих сил революции вообще? Человеки в футлярах и филистеры, понявшие марксизм до невозможной степени педантски, по словам Ленина, считают невозможной социалистическую революцию в стране в виду отсутствия решающего фактора—высокоразвитых производительных сил. Решающего в марксизме,—говорил о них Ленин в статье о записках Н. Суханова,—они не поняли: именно, его революционной диалектики. Социализм немыслим без крупной техники, но необходимость определенного уровня развития производительных сил вульгарные «экономические материалисты» понимают механически, вне живого, исторического взаимодействия с производственными отношениями, создающими, при общей закономерности развития, своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. «Непоправимой ошибкой было бы об'явить,—говорил Ленин в брошюре о продналоге,—что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, создается победоносный социализм» [1])...

[1]) Там же, стр. 34, 35.
[2]) Теория исторического материализма, стр. 256.
[3]) Там же, стр. 300.

Механический ревизионизм и тут играет роль методологической предпосылки для правого оппортунизма.

Чем же об'ясняется тот факт, что философия механистического ревизионизма перерастает в политике в правооппортунистическую линию?

Об'ясняется это тем, что теория противоречий с учением об единстве противоположностей является наиболее существенной стороной диалектики, подчеркивающей революционный характер марксизма. Правый оппортунизм хватается за вульгарную теорию «органической», «мирной» «эволюции», выхолащивает из диалектики противоречия ее революционную сущность, сводя противоречивость развития к нарушению и восстановлению равновесия.

Об'ясняется это тем, что теория качества с учением о переходе количественных изменений в качественно-новую форму движения ставится в марксизме для об'яснения возникновения нового, для об'яснения своеобразного, для об'яснения новой формы. Правый оппортунизм цепляется за механистическое сведение качества к количеству, становясь на путь количественных «заплат» и организационных перестроек старой общественной формы, врастания кулака в новое, на путь замены революции «промежуточными ступенями», а не коренной ломки старого. Отсюда и вся «линия», вся премудрость, состоящая в том, чтобы,— как говорил Ленин,— «от случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата, жертвовать коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты».

Мы живем в эпоху, когда из условий настоящего растет новое, старые формы и закономерности перерастают в новые, в эпоху, когда все узловые вопросы ставятся как вопросы борьбы. Только диалектически-материалистический анализ поможет правильно разобраться в соотношении классовых сил, в борьбе развертывающихся «противоречий роста», в направлениях и законах противоречивого развития процессов обобществления. Поэтому критика и разоблачение механистической ревизии исторического материализма составляет одну из наших важнейших теоретических задач в реконструктивный период.

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 1-е, стр 211.

К критике немецкого историзма.

Ранке и принцип легитимизма.

К. Шмюкле.

«... Камердинер истории».
(Маркс о Ранке).

I.

На нижеследующих страницах мы хотим поделиться некоторыми критическими соображениями о современном немецком «историзме», при чем мы ограничимся только несколькими важнейшими идейными и политическими предпосылками, на которых покоится современное буржуазное понимание истории. Мы не собираемся подробно излагать историю этого «исторического мировоззрения», как оно развилось в официальной Германии с конца XVIII века и особенно со времени эпохи реставрации; но нам придется указать на те элементы, из которых оно первоначально сложилось. Поэтому после краткого обзора общих тенденций этой идеологии на новейшем этапе ее развития мы остановимся прежде всего на Ранке.

В развитии «немецкого историзма» можно различить несколько больших периодов. Классическая немецкая философия обосновала—в свойственных ей ограниченных рамках—исторический образ мысли. Но, предприняв и доведя до конца огромную идейную борьбу с абстрактно-материалистическим разумом XVIII века, она сама вобрала в себя этот же конфликт в измененной форме; в эпоху реставрации он мощно прорвался наружу. Высшим и последним продуктом классической философии является генетически-историческое мировоззрение, идеалистическая диалектика. В начале тридцатых годов Генрих Гейне мог констатировать: «Наша философская революция закончена. Гегель замкнул ее великий круг».

В следующий период—до революции 1848—1849 гг.—происходит резкое идейно-политическое размежевание между радикальными гегельянскими идеологами и представителями «исторической школы права», «политической романтики», историзма Ранке и т. д. Это все та же старая противоположность, только в новой форме. Младо-гегельянцы делают радикальные буржуазные выводы из теории своего учителя. Сложившаяся в борьбе с «философской революцией» философская контрреволюция (если угодно так выразиться) сама облекает свои программы в «историческую» форму: «естественно данные» и «легитимные» силы феодального и полуфеодального прошлого она выдвигает против всех «подрывных», «французско-революционных» течений и идей. С 1789 г. каждый новый взрыв революционной борьбы, вообще все крупные социально-политические события во Франции находят в Германии свое величественное и туманное отражение в волшебном зеркале философии.

В первую половину прошлого века вырабатываются основные элементы «немецкого» буржуазного взгляда на историю, и мысль о том, что «все находится в историческом течении», становится общим достоянием (о перерождении идеалистической диалектики в материалистическую мы здесь не будем говорить). Однако «после революции 1848 г. «образованная» Германия распрощалась с теорией и перешла на почву практики». «А в области исторических наук, включая и философию, вместе с классической философией уж окончательно исчез старый, беззаветно смелый теоретический дух» [1]). Так охарактеризовал положение Энгельс через несколько десятилетий, в 1888 г. И в самом деле: как только революция была разгромлена контрреволюцией, были «окончательно» сведены счеты и с великими представителями дореволюционной классической теории (книга Рудольфа Гайма о гегелевской философии и о «романтической школе», тренделенбурговская критика Гегеля и т. д.). «Чисто-эмпирическое» исследование—так наз. «об'ективная» историческая школа — целиком овладело положением и стало завоевывать новые области. Принципы этой исторической школы сводились по существу к средним представлениям консервативного или «национал-либерального» буржуа. С шестидесятых годов в Германию проникли идеи английского и французского позитивизма и, в немецкой перелицовке, приобрели широкий круг приверженцев (Дильтей и другие представители «наук о духе», Лампрехт и т. д.). Вот что говорит об этом периоде Трельч—ученый, с которым нам еще не раз придется встретиться: «Немецкая историческая наука с пятидесятых годов отвернулась от широкой всемирно-исторической картины, которая еще предносилась умственному взору Ранке, и частью распалась на ряд специальных исследований о различных областях и периодах, частью же приняла исключительно политико - дипломатически - военную ориентацию на созданную Бисмарком империю» [2]).

Однако с начала нового века опять произошли значительные перемены; на первый план снова выдвигается «философское» рассмотрение истории, государств, современной культуры и т. д. Возникает потребность, с одной стороны, в такой точке зрения, которая вообще дала бы возможность обозреть все огромное множество частных дисциплин, а с другой—в выработке стройного, «исторически» обоснованного мировоззрения буржуазии в противовес движению пролетариата. Появилась «огромная жажда свести историческую жизнь к об'единяющим силам и целям, переплавить исторические ценности в одно духовное и живое целое» [3]). Марксизм уже успел оказать свое колоссальное действие. Из года в год продолжался, в самых различных формах, спор с материалистической диалектикой и ее выводами (или с тем, что еще осталось от них у вульгарных марксистов). Карл Маркс и «его единомышленники,—говорит тот же Трельч,—постепенно разложили всю общепринятую картину истории, указали новые средства об'яснения и новые цели. Влияние их работы было и остается громадным» [4]).

Для нас интересен здесь тот факт, что в этой новой атмосфере возникло нечто в роде официального «возрождения» старой классической философии. В самом деле: куда еще можно было броситься, на что опереться? В исторической перспективе буржуазная наука находилась в состоянии обороны; нельзя было совершенно закрыть глаза на критику «современной культуры»,—оставалось заняться «систематической» сводкой «положительных ценностей», «аксиом», «принципов» этой буржуазно-европейской «культуры», изготовлением скрижалей, на которых эти «ценности» сверкали бы золотыми буквами. Появился целый ряд разнообразнейших вариаций этой «новой исторической философии»—от злейшего пессимизма и скептицизма «вверх» до самой торжественной «положитель-

---

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах и исход классической философии.
[2]) Troeltsch, Der Historismus und seine Probleme, 1922 г., стр. 4—5.
[3]) Там же, стр. 5.
[4]) Там же, стр. 5.

ной» метафизики. Мировая война, революция 1918 г., «большевистский призрак», ожесточенные классовые битвы послереволюционных лет,—все это были новые острые стимулы, толкавшие на путь именно метафизического, скептико-мистического, философского умствования. На первый взгляд перед нами картина огромного богатства, на деле же это только анархическая масса противоречащих друг другу направлений, точек зрения, методов—начиная с традиционного эмпиризма пошлейшего толка и вплоть до «погружения в святое и абсолютное». С особенным усердием вызывают «великих духов собственного прошлого», чтобы повести их тени в бой против «чуждого» учения пролетарской революции. Началась борьба против Маркса с помощью Гегеля и т. д. (Так, напр., Теннис говорит: «Одной из серьезных причин возрождения Гегеля в Германии несомненно являются успехи марксизма») [1]. Но никакие заклинания великих покойников не помогут скрыть бессилия живых.

«Если в области исторического исследования нельзя говорить о действительном кризисе..., то тем сильнее кризис в области обще-философских основ и элементов исторического мышления, во взглядах на исторические ценности, из которых мы должны исходить при конструировании связи исторических явлений» [2]. Так заявляет Трельч в начале своей об'емистой книги о «проблемах историзма», в которой он пытается критически разобраться в хаосе современных «историко-философских» идеологий и об'единить их существенные элементы в одно целое, но фактически приходит только к тому, что показывает нам чудовищный тупик, из которого нет и не может быть выхода.

Другой буржуазный ученый, Теннис, выражается еще определеннее, чем Трельч, в своей рецензии на книгу последнего: «Кризис истории, с рассмотрения которого Трельч начинает свой труд, есть кризис современной цивилизации; пробуждение философии истории... есть один из многих отголосков мировой войны и тех мировых тенденций, которые нашли в ней свое предварительное осуществление. В самом деле, это пробуждение можно сравнить с пробуждением человека, сон которого был далеко не спокоен. Сновидения были так живы, что поглощенность ими походила на бодрствующее мышление. Ибо за последние десятилетия призрак материалистического понимания истории (или исторического материализма) принимал все большие размеры и как кошмар давил на дремлющее сознание». «Не удивительно,—продолжает Теннис,—что и в тех мыслях, которые излагает Трельч, носится этот призрак, что и здесь сделана попытка, вообще нередкая в последнее время, заклясть и серьезно допросить его!» [3]. Бесспорно, весьма веские слова! И мы тем охотнее приводим это показание буржуазного свидетеля, что нам-то в конце концов могли бы и не поверить, если бы мы высказали нечто подобное.

Гегель заметил однажды, что к науке ведут различные пути: один из них наиболее удобен, но зато это обыкновенный и вульгарный путь, по этому пути идут «в домашнем платье». «Но в первосвященническом облачении,—продолжает он,—шествует торжественное чувство вечного, святого, бесконечного,— шествует путем, который вернее сам уже есть непосредственное

[1]) Troeltsch, в указ. соч., стр. 4. Подчеркнутые слова выделены самим автором. (Там, где нет специальных оговорок, места выделены нами).

[2]) Ferdinand Tönnies, Troeltsch und die Philosophie der Geschichte, Schmollers Jahrbücher, 49-й год изд., 1925 г., 1-й полутом, стр. 179.

[3]) Tönnies, в указ месте, стр. 148—149.—«Социолог» Трельч сам считает себя в своем роде историческим материалистом, подчеркивая при этом, что его собственные взгляды сложились независимо от учения Маркса. По его профессорскому «марксизму» оно и видно!

бытие в центре, есть гениальность глубоких оригинальных идей и молнийных вспышек мысли. Однако, как такая глубина еще не открывает источника сущности, так эти факты еще не являются эмпиреем. Истинные мысли и научное понимание достижимы только посредством работы понятия» [1]). Это было сказано в то время, когда в Германии еще не началась критика буржуазного общества, даже его собственная самокритика, и все-таки такое же различение было бы уместно и теперь, по крайней мере с формальной точки зрения. Только теперь враждебные лагери—критики и апологеты буржуазного строя—выступают друг против друга с небывалой резкостью, как в теории, так и в политической практике, при чем обе стороны отдают себе полный отчет в своем историческом антагонизме. Мы уже заметили, что за последние десятилетия именно этот антагонизм и борьба против единственного метода научного понимания — против марксистской диалектики — был тем кремнем, из которого традиционное буржуазное воззрение на историю «высекло» себе «новые» философские формы. Как Дон-Кихот и Санчо-Панса запечатлены чертами несомненнейшего интимного родства, настолько, что невозможно представить себе одного из них без другого,—так и буржуазная ученость «в первосвященническом облачении» не мыслима без ее буржуазной партнерши и спутницы «в домашнем платье». Одни странствуют по пажитям человеческой истории с невозмутимо спокойным и сухим выражением лица, не находя в сущности ничего, кроме вечных перепевов средних буржуазных представлений, в груде «однократных» фактов; другие выступают на той же арене под глубокомысленной и строгой маской, то упоенно-возвышенной, то мрачно-трагической. Но как бы резок ни был подчас этот контраст внешнего облика, в конце концов те и другие—«одним миром мазаны».

Такова сущность той торжественно-философской формы, в которую готов облечься «историзм» в своей нынешней стадии. Но эту характеристику необходимо дополнить еще одной чертой. Призрак революции, о котором мы говорили выше, носился не только в царстве идей, пугая «дремлющие» и «грезящие сознания»,—он принял самый грозный из всех возможных обликов: телесный облик самой революции. Опишем вкратце впечатление, произведенное на буржуазных германских историков ноябрем 1918 г., падением монархии, выступлением революционных пролетарских масс.

Вот одно интересное показание: упомянутый Эрнст Трельч, один из известнейших представителей современной «философии истории», рассказывает о встрече «всевозможных столпов ученого, чиновного и финансового мира» в доме историка Ганса Дельбрюка. Это происходило как раз 11 ноября 1918 г.; праздновали семидесятилетие Дельбрюка. «Это был,— рассказывает наш очевидец, — необычный праздник, похожий на похоронную церемонию. Говорили вполголоса. Оратор, приносивший поздравление, едва сдерживал слезы. В своем волнующем ответе Дельбрюк сказал, что происходящее означает конец фридриховской монархии, с которой срослось все его политическое мышление и вся его вера в будущее Германии. Эта монархия всегда страдала опасными болезнями, вследствие чего постоянно возникали революционные стремления, но в таком страшном положении, как сейчас, она еще никогда не находилась. Вера юбиляра во все его прежние масштабы и предпосылки поколебалась». Правда, под конец Дельбрюк еще высказал надежду на жизнеспособность «исторически отчеканенной формы», но, — прибавляет сам Трельч,—«я ушел без всякой веры в эту отчеканенную форму, ибо, насколько можно было видеть, именно ее «чекан»—военный строй и соответствующий

[1]) В предисловии к «Феноменологии духа».

«дух» — был безвозвратно разрушен в массах. Но что же в таком случае дальше?» [1]).

А что было «дальше», об этом послушаем Фридриха Мейнеке. Дальше было то, полагает он, что в ноябрьские дни «поневоле» прорвалась наружу особая сила—сила «государственной необходимости» или «государственного смысла» (Staatsräson). Но именно гроза «германского крушения» раскрыла этому историку, по его собственному признанию, глаза на «коренную проблему государственного смысла во всем ее страшном значении» [2]). «Еще совсем недавно,— писал тот же Мейнеке в декабре 1918 г.,—я верил в непоколебимость здания бисмарковской империи». Но—увы!—«большевизм, идеология разрушения и хаоса, стучится в ворота Германии...». В эту страшную минуту «нужно было добиться высшей национальной концентрации государства и народа», «преобразовать революцию из отрицательного в положительное событие» (отрицательное и положительное для кого? Вот в чем вопрос!). «Если бы у нас не было теперь формальной демократии, над нами разразился бы большевистский хаос» [3]). А через несколько лет, придя в себя от первых грозных ударов пролетарской революции, тот же автор писал (1924 г.): «9 ноября 1918 г. искра германского государственного смысла поневоле перескочила с монархии на республику...» [4]).

Приведем еще политическую иеремиаду Франца Розенцвейга, приобретшего известность своей книгой «Гегель и государство». Вот что он писал в этой книге, в начале 1920 г., об «ужасах» той поры революционных битв: «Я не знаю, откуда теперь историку Германии взять мужество для продолжения своей работы». До войны «была надежда, что из невыносимой тесноты, внутренней и внешней, бисмарковского государства мы выйдем на мировой простор, где можно будет свободно дышать... Случилось иначе. Развалины покрывают то место, где прежде стояла империя». «Теперь... эта мечта, по-видимому, навсегда развеялась в пене волн, затопляющих всякую жизнь. Когда рушится целый мир, под его развалинами исчезают и мысли, которыми он был взлелеян, и мечты, которые его наполняли» [5]).

Но довольно этих цитат! Они драгоценны до смешного, и тем драгоценнее, что вышли из-под пера идеологов, которые всегда так яростно отстаивали далекую от всякой практической борьбы «об'ективность» и незапятнанную никаким классовым интересом «чистоту» «созерцательной науки», а теперь вдруг оказались вынужденными признать свою связанность с современным государством и со всеми политическими интересами и традициями господствующего класса. Крушение старой монархии и взрыв гигантских классовых боев действительно поставили в порядок дня борьбу за государственную власть со всеми «ужасами» гражданской войны—поставили впервые за долгие годы «мирной» капиталистической эволюции. Этим об'ясняется, что в протекшее с тех пор десятилетие идеологами классовых интересов буржуазии было написано столько книг, опубликовано столько исторических и философских размышлений о «государстве», о «государственных интересах», о политических событиях. Прежде всего нужно было ориентироваться в «новых условиях», дать выход накопившейся злобе, высказать

[1]) Troeltsch, Spektator-Briefe. Aufsätze über die deutsche Revolution und die Weltpolitik 1918—22, Тюбинген 1924 г., стр. 24.

[2]) Meincke, Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschihte, Мюнхен—Берлин 1925 г., стр. 27.

[3]) Meinecke, Nach der Revolution. Geschichtliche Betrachtungen über unsere Lage, Мюнхен—Берлин 1919 г., стр. 46, 8, 4, 43, 114.

[4]) Meinecke, Die Idee der Staatsräson, стр. 538.

[5]) Rosenzweig, Hegel und der Staat, Мюнхен—Берлин 1920 г., предисловие, т. I, стр. XII, заключение, т. II, стр. 246.

опасения и надежды буржуа,—и это было сделано с тою «философской» торжественностью, которая приличествует первосвященникам государства. Надо было во что бы то ни стало дать «новое оправдание порядкам» «нового государства», выработать «новую государственную идею»,—а у всех этих «новых» буржуазных республиканцев (не говоря уже о консервативных идеологах буржуазии) это оправдание не могло не свестись в конце концов к доказательству, что новое государство является законным преемником старого. Сохранение старого содержания государства, несмотря на новую государственную форму; неприкосновенность классовой государственной власти; освещение прошлого; законность, эволюция, преемственность,—во всех этих разнообразных попытках подновить «исторический» государственный идеализм и мистическую теологию государства не трудно распознать сухие «идеалы» и корыстные лозунги класса, перед которым призрак революции встал не только в теоретическом, но и в материальном своем облике.

Вполне можно говорить о новейшем легитимизме, об'единяющем в себе идеи традиционности, «постепенной эволюции» и «высшего государственного смысла». Конечно, этот новый легитимизм уже не ставит себе целью апологию династических, феодальных и полу-феодальных интересов, как это было в эпоху реставрации сто лет тому назад, но он отстаивает современный буржуазный строй и современное государство—против революционных исторических притязаний рабочего класса. Тем не менее вполне понятно, и мы это уже отметили, что нынешние господа идеологи охотно «воскрешают» идеологические мотивы реставрации (и эпохи «классического» идеализма). В общем и целом это «воскрешение» происходит в формах, соответствующих новой цели и классовым потребностям сегодняшнего дня [1]).

В дальнейшем мы займемся прежде всего теоретическими взглядами господина Ранке, как наиболее выдающегося представителя старого легитимистского принципа и реставрационной идеологии и подлинного основоположника «немецкого историзма». По словам такого историка, как Мейнеке, «Ранке все еще остается великим, даже величайшим учителем нашей науки...» [2]). Впрочем, Ранке—это почти то же самое, что Бисмарк, и «мостом», соединяющим романтику как с Ранке, так и с Бисмарком, является прежде всего консервативная идея национального государства» [3]). Оба они, Ранке и Бисмарк, «утвердили автономную реальную политику современного национального государства», один—в области теории, другой — в области практической политики [4]).

[1]) Ср. Мейнеке: «Какова наша цель?—Видеть события прошлого так, как они действительно были, в их собственных красках, с их собственными предпосылками,—хоть мы и знаем, что мы не можем при этом вполне отделаться от красок и предпосылок нашего собственного времени и что в конце концов мы пытаемся оживить тени прошлого кровью нашего собственного сердца» (Preussen und Deutschland im XIX und XX Jahrhundert, 1918 г., стр. 468). Подобные же замечания, сделанные отнюдь не в суб'ективистском смысле, встречаются у Зиммеля, Риккерта и др.

[2]) Meinecke, Preussen und Deutschland, стр. 361—Ср. там же, стр. 481 «Новейшая немецкая историческая наука идет по стопам Ранке, а не Трейчке. Правда, вместе с Трейчке она глубоко интересуется историко-политическими проблемами недавнего прошлого, но в то же время сознательно стремится к непредвзятости и об'ективности Ранке» (!!).—Литература о Ранке сильно разрослась в последние десятилетия; из сочинений, дающих анализ основных взглядов Ранке, отметим Moritz Ritter, Die Entwicklung der Geschichtwissenschaft, an den führenden Werken betrachtet, 1919 г. (кн. V, гл. IV).

[3]) Meinecke, Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaats, изд. 6-е, 1922 г., стр. 309.

[4]) Meinecke, Preussen und Deutschland, стр. 363.

Но этого мало: Ранке превозносят теперь как великого историко-философского мыслителя и «классика», якобы глубоко родственного Гегелю. Образ этого человека приобретает для современной исторической школы «совершенно новые черты, становится великим явлением в области наук о духе» [1]).

II.

«Я стою на том, что мировой дух дал времени команду итти вперед; это существо шагает, как забронированная, сплоченная фаланга и так же незаметно, как солнце, через все препятствия; бесчисленные легкие отряды действуют около, против и за него, при чем по большей части они решительно не понимают, в чем дело, и только получают удары по ролове, как от невидимой руки».

Гегель, 1816 год.

В начале эпохи реставрации Гегель пишет, что реакции он ждал, что она добивается «своего права»,—но тут же он диалектически прибавляет: «La vérité en la repoussant, on l'embrasse» («Даже отталкивая от себя истину, остаешься в ее об'ятиях»). «Самая верная позиция» заключается, говорит он, в том, чтобы ни на мгновенье не забывать о шествующем вперед мировом духе, этом «скороходе-великане»: никто не в силах «снять с него божественные сандалии с их легкими крылатыми подошвами, а уж тем более семимильные сапоги, когда он их наденет» [2]).

Рядом с этим-то Гегелем, подлинным историко-политическим гением и теоретико-государственным завершителем всей классической немецкой философии, нынешние идеологи ставят, как равную ему величину, полупоповского и целиком реакционного историка Ранке [3]),— того самого Ранке, о котором Мейнеке говорит, что он «с удовольствием вдыхал в себя квиэтистский и аристократический аромат эпохи реставрации». Эта эпоха, продолжает Мейнеке, «укротила духов тьмы, стремившихся вырваться наружу в бурях Французской революции, подавила массовые движения и восстановила старые аристократические силы в государстве и обществе». «Личное жизнеощущение Ранке и его собственные политические симпатии навсегда сохранили следы ее духа»—духа реставрации; и то же самое следует сказать, по крайней мере «до известной степени», о манере Ранке излагать историю: «Его изложение освещает преимущественно верхушку государственной жизни и общества — и не только потому, что таков был характер тех дипломатических и литературных источников, к которым он предпочтительно обращался, но и обращался-то он к этим источникам, главным образом, потому, что его внутренно всегда тянуло именно к этой верхушке» [4]). «В истории ему предстоял священным иероглифом сам бог, постигнутый и сохраненный в своих наиболее внешних проявлениях, и он относился как к богослужению к своей

[1]) Meinecke, там же.

[2]) Письмо Гегеля Нитгаммеру из Нюренберга от 5 июля 1816 г. (Briefe von und an Hegel, под ред. К. Гегеля, Лейпциг 1887 г., т. I, стр. 401—402).

[3]) Ср. Meinecke, Weltbürgertum und Nationalstaat, XI глава и Die Idee der Staatsräson, 3-я книга, I и III гл. Подобные же отзывы у K. Vorländer'a и ряда других современных авторов.—Если Дильтей впервые попытался оживить для нужд современных идеологов философски-идеалистическую сторону учения Гегеля (для этим толчок так наз. «возрождению Гегеля»), то Мейнеке—и по его стопам Розенцвейг и многие другие—предприняли то же самое по отношению к теоретико-государственным и политическим взглядам Гегеля.

[4]) Meinecke, Preussen und Deutschland, стр. 369—370.

посильной работе над раскрытием этого священного иероглифа посредством исторических изысканий» и т. д. и т. д. [1].

Удовольствуемся этой характеристикой исторической точки зрения Ранке, принадлежащей крупному представителю современной историографии. Послушаем теперь самого Ранке. Вот как он резюмирует в «Политической беседе» («Politisches Gespräch», 1836 г.) свои общие взгляды: «Государства—духовные сущности, необходимые и в идее отличные друг от друга. Формы государственного устройства, отдельные учреждения—общие необходимые факты человеческого бытия, но видоизмененные идеей, впервые доводящей их до реального осуществления, а потому тоже по необходимости различные. Частная и государственная жизнь до известного пункта тождественны, частная жизнь тоже зависит от идеи, оживляющей государство. Все эти многообразные создания духовной жизни подчинены высшему общественному союзу — церкви» [2]).

Прежде всего нас интересует вопрос о том, каково, по Ранке, вообще значение государственной «системы» в обществе. «Частные деятельности», утверждает Ранке, неизбежно проникнуты «духом государства»—проникнуты настолько, что даже развитие личных качеств зависит от того, в какой мере человек прикосновенен к «государственному благу» и к «жизни целого». Таким образом «весь человек» оказывается «политическим существом»; государством исчерпывается все общественное бытие. Тут мысль Ранке останавливается на минуту на общественном разделении труда, но в самых смутных, лишенных всякой исторической определенности, «магических» очертаниях: «Существует бесконечно много отраслей человеческой деятельности, и чудесная тайна природы в том, что она не перестает создавать таланты для работы в каждой из них» [3]). Итак, с одной стороны—полнота общественного бытия, представленная государством, а с другой—расчлененность человеческих деятельностей, общественное разделение труда. Но вместо эгалитарного или демократического вывода, который можно было бы сделать из абстрактной «естественной» связи этих двух моментов, делается другой, толкующий эту связь в типично-«романтическом» и последовательно анти-демократическом духе. Те самые требования и интересы «государственного блага», которые превращают всякую частную деятельность в политическую и вселяют во всякое действующее лицо святой дух государства, требуют также, чтобы отдельные лица и деятельности были отстранены от всякого реального участия в управлении государственными делами, в «политической жизни целого». «Не все, как учил еще Платон, должны заниматься всем... Общая польза требует, чтобы каждый делал свое; поэт пропадет, если привлечь его к совещаниям о сборе десятины, а производство этого сбора не улучшится от того ни на волосок. Для целого выгодно, что существуют частные деятельности, которые хотя и проникнуты духом государства, но не помышляют об управлении им» [4]). В самом деле, разве нет множества других возможностей, деятельностей, форм и т. д. выражающих «участие в res publica? Разве оно непременно должно выражаться в правлении? Ранке ставит себе, по его собственным словам, единственной целью понять историческое государство, «имеющееся перед нами» (т.-е. по существу прусский абсолютизм). «И разве это государство фактически не берет значительную часть сил каждого? Налоги поглощают не малую долю всего об-

[1]) Meinecke, Idee der Staatsräson, стр. 471.

просвещать читателя насчет «идей» Ранке об исторической роли церкви.

[2]) Rancke, Sämmtliche Werke, т. 49/50 (1887 г.), стр. 339.—Мы не станем здесь

[3]) Там же, стр. 335.

[4]) Там же, стр. 335.

щественного дохода; многие жертвуют своим имуществом и юными годами, чтобы подготовиться к служению государству; в наших краях никто не избавлен от отбывания воинской повинности; частной жизни в чистом виде более не существует» и т. д. [1]). Словом, существуют только политические обязанности, но не политические права. Гражданские функции отдельных лиц целиком исчерпываются уплатой налогов, военной службой и т. д. Гражданин не сознательный, активный, политически свободный суб'ект, а исключительно лишь подданный, пассивный об'ект. Политическое рабство есть единственная и «подлинная» форма его «участия» в государственной жизни [2]). Констатируя эту прикованность гражданина к колеснице государства, Ранке как будто только высказывает то обстоятельство, что «гражданское общество» в Германии реставрационной эпохи еще было опутано тысячью цепей старого режима, что гражданская эмансипация всерьез еще не начиналась. Но, как у последовательного апологета реакционной государственности, это обстоятельство у него тотчас же превращается в непоколебимый «закон природы». Если частная деятельность отдельных лиц политически поглощается, даже прямо попирается государством,—то «такова воля природы».

С другой стороны, та же «таинственная» воля природы требует, чтобы действительно активная и всеобщая, т.-е. именно специфически политическая, деятельность, управление государством и т. д., осуществлялась только в форме частной деятельности. В этом пункте естественная необходимость и государственная необходимость сливаются в общую гармонию и даже в абсолютное тождество. Из романтического сочетания этих двух видов необходимости может возникнуть только одно—«естественная» легитимность династий. «К тому же есть нечто величественное в том,—определенно заявляет Ранке,—что интересы целого фиксируются в отдельной личности и представляются в самосознании государя как его собственный интерес» [3]). Государственные дела оказываются таким образом исключительным частным достоянием отдельного лица, монарха: так угодно природе! У Ранке «природа» или, как он обыкновенно выражается, «идея» (или «бог», что все одно и то же) имеет задачей санкционировать вообще все существующее; так, напр., конституционное государство, которое Гегель противопоставляет как истинное государство старому порядку, Ранке об'являет столь же революционным и анархическим, как какое-нибудь якобинское государство, и т. д. [4]).

[1]) Там же, стр. 333.

[2]) Необыкновенно яркое практическое выражение получил этот взгляд в проекте, изложенном Ранке во время революции 1848 г. в одном из его политических меморандумов правительству Фридриха Вильгельма IV. Ранке требует (с октября 1848 г.) отмены всеобщего избирательного права, подхватывает распространенную тогда во Франции неясно социалистическую формулу «право на труд», используя ее для самых контрреволюционных целей, подчеркивает, что при известных обстоятельствах всеобщая воинская повинность и всеобщее военное обучение может повернуться против самого государства, и в заключение предлагает следующее: государство должно само «организовать труд»; «годным к военной службе рабочим» оно должно «в мирное время давать занятие в военно-организованном порядке»; нужно создавать «рабочие отряды» для всякого рода общественных работ, распашки земель, регулирования течения рек и т. д. «Что же касается политических прав, то они могут быть предоставлены неимущим лишь в весьма ограниченных размерах» (Там же, стр. 598). Эти идеи относятся к периоду, когда Ранке уже надеялся, что в результате конфликта между либеральным буржуа и социалистическим пролетарием буржуазия вернется к «династическому принципу» и что таким образом революция будет подавлена.

[3] Там же, стр. 337—338.

[4]) Только под давлением революционных событий 1848 г. и явно в надежде на то, что удастся вооружить либеральную буржуазию против радикального и пролетарского крыла революции, Ранке по крайней мере в принципе отказывается от борьбы против конституции, с характерной мотивировкой: конституционный режим есть та государственная форма, «которой, очевидно, желают для себя современные люди» (Там же, стр. 594).

Общество, как таковое, растворяется у Ранке в романтическом тумане «естественной» расчлененности и т. д., оно оказывается сразу же и непосредственно нацией. Последняя, правда, не совпадает целиком с самим государством, но она—та безвидно-идеальная первооснова, на которой воздвигается государство. Впрочем, и это только по видимости. «Нации,—говорит Ранке,—имеют тенденцию быть государствами» (в эпоху борьбы за национальную независимость этот факт действительно заслуживает быть отмеченным). «Но,—продолжает он,—я не знаю ни одной, которая действительно была бы государством». С одной стороны, государство есть «модификация как общечеловеческого, так и национального бытия», а с другой стороны и в противоречии с этим,—«принцип государства» впервые сообщает «формам человеческого общества» их «определяющую модификацию, осуществление, реальность» [1]). В конечном счете все эти и подобные противоречия шутя и весьма «гармонично» разрешаются в тусклом мареве «всеопределяющей идеи», «преобладающей черты духа» и т. д., при чем высшим обнаружением этой «сокровенной основы» оказывается все та же «идея государства», назначение которой—«не дать распасться ныне живущему поколению» (читай: существующему режиму) и «связывать друг с другом ряды поколений» [2]).

Существование и движение, взаимоотношение и борьба наличных «государственных тел», «великих держав» [3]) (по существу — феодальных и абсолютистских государственных образований) составляет таким образом основную тему этого рассмотрения истории [4]). Война служит для Ранке концентрированным выражением «моральной энергии» этих «великих держав» [5]). Наиболее характерно учение об определяющей роли или примате внешней политики: «Мера независимости государства,—говорит Ранке,— дается его положением в мире; оно же возлагает на него необходимость устраивать все свои внутренние отношения так, чтобы обеспечить свое самосохранение. В этом его верховный закон [6]). Отсюда и из легитимности унаследованных от прошлого властей и государственных форм вытекает «правило становления» и «истинная политика». Единственные активные представители государства, монархи и государственные люди, руководятся в своих действиях прошлым: «О каких-нибудь новшествах они

[1]) Там же, стр. 323, 326.

[2]) Там же, стр. 246 («Reflexionen»).

[3]) Там же, стр. 321—322 («Politisches Gespräch»). К «строгой теории государства», т.-е. к буржуазно-революционным теориям об «общественном договоре», Ранке относится с презрением и ненавистью, как к пустым химерам умозрения и «подрывным», крамольным идеям.

[4]) Там же, стр. 327 («Politisches Gespräch»): «Немного назовешь ты мне больших войн, относительно которых нельзя было бы показать, что победа в них была одержана благодаря моральной энергии».

[5]) Там же, стр. 328.

[6]) Там же, стр. 246 («Reflexionen»). «Истинная политика считается с практическими интересами, с тем, что осуществимо; она не откажется в любую минуту от своего прошлого ради, быть может, обманчивых взглядов...». «К тому же история есть неиссякаемый источник поучения, каждый важный исторический момент непременно имеет отношение к нам; можно сказать, что он никогда не исчезает бесследно, что его действие продолжается всегда». Так говорит Ранке в одной статье в «Historisch-Politische Zeitschrift» (1832 г.), в которой Ранке изложил свою теоретическую и политическую программу (вначале идут рассуждения об основах реставрации, о революциях во Франции, об отношении Германии к Франции и т. д.).

помышлять не станут... Их задача ясна для них: они должны вести дальше уже начавшуюся жизнь» [1]).

Чем отчетливее вырисовывается действительное историческое и политическое содержание этого учения, тем определеннее превращается этот путаный государственный идеализм в своего рода государственную апокалиптику: «То реально-духовное, что внезапно возникает перед твоим взором во всей своей первозданности, не может быть выведено из какого-либо высшего начала». Это таинственное нечто, проникающее всех от низшей до высшей ступени, эта духовная атмосфера, которой мы дышим, предшествует всякому государственному устройству, но оживляет и напоминает собою все его формы» [2]). Посмотрим же, каково это «таинственное нечто» и как оно «связывает» противоположные полюсы общества.

Камердинер Жак в примере, принадлежащем самому Ранке, представляет человека из низов. Этот господин происходит родом из Франции (которая, слава богу, способна, значит, производить не только революционных героев, но и лакеев); он об'ездил много стран, побывал и в Константинополе, и в Петербурге, и в Италии, и в Германии; куда только ни бросала судьба этого «служаку-космополита»! Перестал ли он из-за этого дышать «духовной атмосферой» своей «национальности»? Ни в коем случае,—восклицает Ранке: — в том, как он «размахивает руками, когда идет по улице», как он «держит лампу», «быть может» даже в его мыслях (!) раскрывается это «таинственное нечто» [3]). В «первом» же человеке государства, в государственном деятеле, то же «таинственное нечто» воплощается самым высоким образом—как «дух государства». «Практически идея живет в подлинных государственных людях: она составляет правило их поведения. В их мышлении, в их духе концентрируется духовное бытие государства. Материальные условия, которые, казалось бы, ограничивают их, служат для них на самом деле, как носящие в себе прошлое, масштабом и опорой» [3]). И в результате, как говорит Ранке в другом месте, отдельные властители в конце концов всегда подчиняются в своих действиях лишь интересам подвластных им масс. Пусть Жаки «держат лампу» и «может быть» даже кое о чем думают, в «первых людях», в Меттернихах, в дипломатах легитимистского режима, концентрируется сущность государства и — в образе прошлого—даже сама история!

Каждое самостоятельное большое государство, имеющее какое-нибудь значение в мире, обладает «своей собственной исконной жизнью», своей «индивидуальностью», своими «собственными тенденциями», которые «духовны по своей природе» и определяют характер всех «сограждан», а равно и политическую структуру целого. Эта чувственно-сверхчувственная «индивидуальность», об'единяющая все моменты упомянутого «таинственного нечто», образует данную специфическую форму каждого отдельного государства,—но все они суть «духовные сущности», «можно сказать — мысли бога». «Было бы смехотворно,—восклицает Ранке,—считать их учреждениями для обеспечения интересов отдельных лиц, об'единившихся вместе, чем-то в роде их частной собственности» [4]). Уже Адам Мюллер, этот «романтический» предшественник Ранке, прославлявший дворянство, католичество и церковь и старое «сословное государство», говорил совершенно в таком же тоне о мистической «тайне личного начала в наслед-

[1]) Там же стр. 328.
[2]) Там же, стр. 325, 326.
[3]) Там же, стр. 325, 326.
[4]) Там же, стр. 246.
[5]) Там же, стр. 323—329.

ственных владениях, законах, людях, государствах и во всей природе»; против французских революционеров и космополитически мыслящих классических философов и поэтов Германии он утверждал: «государство не какое-то хозяйственное предприятие, страховое учреждение или торговое общество; государство—это теснейшее об'единение всех физических и духовных потребностей... нации в великое, энергичное, бесконечно подвижное и живое целое» [1]). Это были боевые лозунги чисто-реставрационной идеологии, направленные против каких бы то ни было освободительных стремлений.

Сказанного достаточно для характеристики воззрений Ранке на государство и на принцип легитимизма. Легитимистскими оказываются у него в конечном счете все вообще отношения, организации, силы и порядки, которые способны оказать успешное сопротивление «принципу народного суверенитета», «химерическому злу» парламентов, «терроризму» революционных законов—словом, «мнимой легитимности революции». «До сих пор принцип насилия допускался в конфликтах между различными народами. Революция вводит этот принцип внутрь государств... Для нас такое учение звучит, признаюсь, ужасно!» [2]).

Мы не имеем здесь возможности останавливаться на развитии государственных и исторических теорий со времени «ранней романтики» и в эпоху Ранке. Все это движение началось, главным образом, с критики абстрактного принципа «естественного права». Но эту критику можно было развивать «справа» или «слева», в реакционном или в прогрессивном направлении; и действительно, именно в этом пункте очень быстро произошло размежевание между враждебными элементами. Нельзя в самом деле не видеть радикальной противоположности между взглядами Ранке и Гегеля на государство, общество, историю и т. д.; нет никакой возможности смешать их. Ранке сам весьма решительно высказал свою поповскую вражду к исторической диалектике Гегеля. «Учение о том,— восклицает он, напр.,— что мировой дух производит вещи каким-то обманом и пользуется человеческими страстями для своих целей, коренится в крайне недостойном представлении о боге и человечестве». Общее принципиальное воззрение, что государство представляет собою высшее из благ и как бы «субстанциональную сущность» общественного развития, у Гегеля и у Ранке по существу различно и противоположно. У великих государственников буржуазного класса, начиная с XVI столетия (Макиавелли, Боден, Гоббс, Монтескье, Руссо и т. д.), этот «политицизм» имел прогрессивное и революционное значение. Если Гегель еще раз резюмирует это воззрение в новой диалектической форме, если он изображает государство как воплощенную активность человеческого общества и как подлинную «движущую силу» истории, то он в то же время развивает (открывая этим новый мир для философствующих немцев) и особенную сферу «гражданского общества», к тому же уже находящуюся в конфликте с государством, которое он ошибочно ставит над нею. И если «божество» реализуется у Гегеля исключительно в процессе развития человечества, если «мировой дух» растворяется у него в тождестве природы и истории, то этот «пантеистический атеизм» всегда составлял предмет ожесточенных нападок со стороны открыто реакционных и поповских противников Гегеля, а «ле-

[1]) Adam Müller, Vermischte Shriften, т. I, стр. 120, Elemente der Scaatskunst, т. I, стр. 84. Ад. Мюллер, которого, как и всю «политическую романтику» эпохи реставрации, ныне «вновь открывают» и базарно рекламируют представители крайней реакционной идеологии (Отмар Шпанн и К°) — этот Ад. Мюллер читал в 1808/09 г. лекции об «элементах политики» в аудитории ,состоявшей из дипломатов и т. д. и даже из коронованных особ.

[2]) Ranke, в указ. соч., стр. 107: «О некоторых французских памфлетах» (1832 г.). Ранке говорит в этом месте о Кабе. Ср. стр. 113 о Тьере.

выми гегельянцами» был вскоре подхвачен и использован для критики религии и т. д. и т. д. У Гегеля государство является положительным носителем свободы, осуществляющейся в процессе всемирной истории, у Ранке же все значение государства сводится к тому, чтобы быть «священным» сосудом по существу божества и всех посюсторонних сил традиции.

В заключение подчеркнем, что Ранке бесспорно является учителем и настоящим основателем специфически «немецкого», специфически идеологического понимания истории [1]). Он сам опирается на реакционные предпосылки эпохи реставрации, апологетом которой он начал свое поприще. Черпая свои основные категории из историзма Ранке (и «исторической школы»), современная немецкая историческая наука усваивает таким образом эти категории в принципиально реакционной формулировке. «Иероглиф» ранковской «государственной идеи» остается до сих пор главным знаменем этих жрецов истории, хотя и переодевшихся в платье современно-буржуазного покроя [2]).

[1]) Французы и англичане, — говорит Маркс в своей «Немецкой идеологии», — при всей односторонности их взглядов на основные материальные условия всякой истории, сделали «все-таки первые попытки поставить историческую науку на материальную базу, поскольку они стали впервые писать историю буржуазного общества, торговли и промышленности» (Marx-Engels Arhiv, т. I, стр. 251).

[2]) В ближайшем номере появится следующая статья о Мейнеке.

Рыночная ценность и ее место в экономической системе Маркса[1]).

В. Позняков [2]).

В 10-й главе III тома «Капитала» мы встречаемся с новым термином: до сих пор у Маркса всюду говорится о ценности или о меновой ценности, здесь же неожиданно появляется этот новый термин—рыночная ценность. Естественно, что сейчас же встает вопрос: что представляет из себя эта рыночная ценность, и если это новая категория, то что это за категория, в каком отношении она стоит к тем категориям, о которых Маркс говорил раньше, а именно к ценности и к меновой ценности. Все эти вопросы в марксистской экономической литературе оставались почти что не разрешенными.

Нужно сказать прямо, что этой категории решительно не повезло: возьмите любой учебник или курс политической экономии, возьмите даже всевозможные работы, представляющие интерпретацию или комментарии учения Маркса, вы там или вовсе не встретитесь с этой категорией рыночной ценности, или же, если и встретитесь, то она просто отождествляется с ценностью; между ними ставится знак равенства. Самое большее, о чем при этом может только итти речь, что все дело сводится к некоему терминологическому нововведению. Поэтому-то выше я и говорил о новом термине, а не о новом понятии или новой категории; представляет ли этот новый термин в то же время и новую категорию, к этому и сводится та проблема, которой нам и придется сейчас заняться.

Действительно, можно ли ставить знак равенства между ценностью и рыночной ценностью? Данный вопрос заинтересовал меня, главным образом, тогда, когда мне пришлось ближе столкнуться с учением о ренте, и именно с теорией дифференциальной ренты, так как там этот вопрос встает в самой резкой форме. Ведь все обычное представление о теории дифференциальной ренты Маркса покоится на основе этого отождествления. Но в то же время достаточно даже самого поверхностного анализа для того, чтобы убедиться, что оно приводит к абсурду, к самому кричащему противоречию с теорией ценности Маркса. Поэтому мне пришлось начать с этого пункта; в результате дальнейшего исследования я пришел к ряду интересных выводов, изложение которых и явится содержанием последующих страниц.

I.

Обычное в нашей экономической литературе смешение или отождествление ценности и рыночной ценности, поскольку вообще привлекают рыночную ценность, приводит, однако, к невозможности разрешить целый ряд и других проблем политической экономии, помимо ренты.

[1]) Статья печатается в порядке обсуждения. Ред.

[2]) Статья представляет переработанную стенограмму доклада, прочитанного автором в Институте Экономики (РАНИОН) 29 марта и 11 апреля 1929 г.

Проиллюстрирую это на одном примере. Для этого я обращусь к дискуссии об общественно-необходимом труде, происходившей в 1922—1923 гг. и которую, наверное, все еще помнят. В этой дискуссии выявились две версии в понимании общественно-необходимого труда — версия «техническая» и версия «экономическая». Я не буду излагать содержания этой дискуссии и тех выводов, к которым пришли обе стороны, полагая, что они достаточно известны. Мимоходом отмечу только, что сами названия этих двух версий довольно-таки неуклюжи и отнюдь не характеризуют сути их взглядов.

Эта дискуссия, на мой взгляд, не привела ни к какому результату. Написано было изрядное количество статей, но вопрос так и остался невыясненным; и он остался таковым просто потому, что вопрос о рыночной ценности так и не был поставлен. Впрочем, этот вопрос фактически был поставлен, насколько мне известно, лишь в одной статье тов. Ковалевского [1]), которая, кстати, представляла собой лучшее и наиболее глубокое, что только было написано во время дискуссии. Но эта статья не оказала никакого влияния на ход дискуссии и, можно сказать, осталась почти совершенно незамеченной. Возможно, это случилось потому, что она была написана позже; а вероятнее потому, что она так и осталась непонятой. Но если мы обратимся к сторонникам как «технической», так и «экономической» версий, то мы увидим, что и ту, и другую сторону характеризует как раз полное отождествление ценности и рыночной ценности.

К чему же привело подобное отождествление?

Здесь мне придется вкратце остановиться на сущности этой дискуссии, и притом постольку, поскольку это имеет отношение к интересующему нас сейчас вопросу.

Основное разногласие заключалось в том, что в то время, как так наз. «техническая» версия рассматривала общественно-необходимый труд, а следовательно, и величину ценности в качестве момента, определяемого т о л ь к о состоянием общественной техники, вне всякой зависимости от состояния общественной потребности, так наз. «экономическая» версия, опираясь при этом на ряд мест из Маркса и Энгельса, утверждала, что в понятие общественно-необходимого труда входит также и момент соответствия произведенной массы товаров наличной общественной потребности. Таким образом, в случае перепроизводства какого-либо товара,—тут приводился, наверное, знакомый читателю пример с электрическими лампочками,—мы будем иметь уже изменение величины общественно-необходимого труда и падение ценности лампочки; иными словами на величину ценности товара оказывает влияние и соотношение предложения и наличной потребности.

Правда, представитель этой версии—тов. Мендельсон—отвергал возможность повышения ценности в случае недопроизводства. Но это было, на мой взгляд, логической непоследовательностью. Если ценность товара должна была падать в случае перепроизводства, то по тем же самым основаниям она должна и возрастать в случае недопроизводства.

Если тов. Мендельсон признавал одну возможность и отвергал другую, то, повторяю, здесь следует говорить о логической непоследовательности. Но, если мы согласимся с экономической версией и встанем на ее точку зрения, мы фактически отождествим ценность и цену, так как при этих условиях действительно трудно провести какое-либо различие между ними. Конечно, рыночные цены в каждый данный момент могут и не совпадать с ценностью, но средние рыночные цены при этих условиях целиком совпадут с ней.

[1]) Н. К о в а л е в с к и й, К проблеме общественно-необходимого рабочего времени,—«Под Знаменем Марксизма» 1923 г., № 11 — 12, стр. 252 и сл.

Я не буду подвергать эти взгляды подробному критическому разбору, ограничусь лишь изложением того общего впечатления, которое я вынес из всей этой дискуссии. А это впечатление таково, что, если к сторонникам «технической» версии привлекают совершенно правильные конечные выводы, то в вопросе об их обосновании никак нельзя согласиться с ними. С этой стороны все симпатии лежат на стороне тов. Мендельсона, выступившего в защиту экономической версии, но принять конечные выводы тов. Мендельсона совершенно невозможно. С обоснованием технической версии нельзя согласиться потому, что ее представители просто обошли целый ряд мест у Маркса. Они не попытались их понять или так или иначе истолковать; они просто замалчивали их или отбрасывали в сторону,—путь явно неправильный. Им приходится поэтому, как мы увидим немного ниже, говорить о неувязках и даже о противоречиях у Маркса. Но это, конечно, очень плохое обоснование самого по себе совершенно верного конечного положения.

А с другой стороны, я считаю, что обе эти версии в известном отношении правы. Я готов одновременно согласиться и с технической, и с экономической версией, но все дело в том, что обе эти версии говорят в сущности о двух разных вещах: в то время, как техническая версия говорит о ценности, экономическая версия говорит о рыночной ценности. При отождествлении рыночной ценности с ценностью здесь, конечно, оказывается почва для дискуссии. При этих условиях безусловно приходится выбирать одну из них, но в действительности они могут быть соединены в нечто целое и единое; видимое же противоречие между ними просто сводится к различию этих двух категорий—ценности и рыночной ценности. Основная ошибка «экономической» версии и сводится, таким образом, к этому неразличению данных категорий; если тов. Мендельсон и говорил об отличии рыночной ценности от ценности и о том, что это несколько иные категории, то в конце концов он вернулся к прежнему отождествлению, поскольку он пришел к выводу, что общественно-необходимое рабочее время, определяющее величину ценности в смысле первого тома «Капитала» зависит также и от состояния общественной потребности.

Однако по той же самой причине «технической» версии пришлось, как я уже отмечал, говорить о неувязках и новых противоречиях у Маркса. Так, напр., тов. Дволайцкому, в самом конце одной из своих статей, написанных в защиту «технической» версии [1]) приходится согласиться с Т. Григоровичи, что Маркс употребляет понятие «общественно-необходимый труд» в двух различных смыслах, и он сам называет это ф а к т о м. Но тов. Дволайцкий даже и не ставит вопроса, каким же образом эти два смысла увязывались у Маркса в некоторое единство,—а в этом ведь и заключается весь гвоздь вопроса. Мало констатировать факт, нужно или увязать эти два смысла, или же притти к выводу, что они друг другу противоречат. Другой представитель «технической» версии, Богданов, также отмечает, что у Маркса можно встретить ряд мест, которые явно тяготеют к версии, защищаемой Лассалем, т.-е. к «экономической» версии, в п р о т и в о р е ч и и с изложением доктрины в ее целом [2]).

Также и тов. Мотылев в своей статье [3]) констатирует, что у Маркса есть место, которое вызывает сомнения. Это место,—в нем Маркс говорит

[1]) См. ст. Ш. Д в о й л а ц к о г о, К теории ценности Маркса, в «Под Знаменем Марксизма» за 1922 г., № 5—6, стр. 106—107.

[2]) См. Б о г д а н о в и С т е п а н о в, Курс политической экономии, т. II, вып. 4, изд. 2, 1924 г., стр. 121, сноска.

[3]) В. М о т ы л е в, К вопросу об общественно-необходимом рабочем времени, «Под Знаменем Марксизма» 1923 г., № 2—3, стр. 212.

о регулировании рыночной ценности наихудшими условиями производства—по его словам, «дает повод для утверждений, что, по мнению Маркса, при несоответствии между спросом и количеством товаров происходит соответственное изменение рыночной стоимости». К этому месту мне еще придется вернуться ниже; но тов. Мотылев, встретившись с этим местом, вынужден прибегнуть к следующему, весьма сомнительному истолкованию: «под словами «регулирует рыночную стоимость» Маркс подразумевает отклонение цен от рыночных стоимостей, а не изменение стоимостей». Таким образом, он стремится представить дело так, что под «регулированием» рыночной ценности нужно понимать отклонение цен от ценности. По существу это верно, но с точки зрения тов. Мотылева это уже ни в коем случае не является выходом из данного положения.

Таким образом, в итоге мы видим, что эта дискуссия по существу уперлась в проблему рыночной ценности. И если она не дала никаких результатов, то это получилось в силу того, что сама категория рыночной ценности так и осталась невыясненной. Поскольку обе стороны исходили из отождествления рыночной ценности с ценностью, постольку приходилось или говорить о местах у Маркса, вызывающих сомнения, а то и просто о противоречиях, или же приходить к таким явно абсурдным положениям, как констатирование на ряду с трудом и иного фактора ценности. Мне, поэтому, придется обратиться к понятию общественно-необходимого труда и посмотреть, не может ли дать нам само это определение общественно-необходимого труда кое-какого материала для решения проблемы рыночной ценности.

II.

На вопрос о том, что такое общественно-необходимый труд, ответ дается в том самом определении, с которым мы встречаемся в самом же начале I тома «Капитала»: «Общественно-необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое, при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или другой полезной вещи» [1]). Непосредственно же перед этим он говорит: «Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся в товарных ценностях, рассматривается здесь, как одна и та же рабочая сила, хотя она состоит из бесчисленного множества индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил представляет собой такую же человеческую силу, что и все другие, поскольку она обладает характером средней общественной рабочей силы и, как таковая, действует, т.-е. употребляет для производства какого-либо товара лишь средне-необходимое или общественно-необходимое рабочее время» [2]). Следовательно, отсюда мы должны сделать тот вывод, что общественно-необходимый труд находится в самой тесной связи с производительной силой труда.

Да и сам Маркс эту связь тут же прямо и устанавливает: «Величина ценности какого-либо товара,—пишет он,—была бы поэтому постоянной, если бы необходимое для его производства рабочее время оставалось тоже постоянным. Это последнее, однако, меняется с каждой переменой в производительной силе труда» [3]). Эту связь и эту зависимость он формулирует в виде одного из законов своей теории ценности: «Величина ценности какого-либо товара изменяется, следовательно, прямо

[1]) Цитирую по русск. пер. под ред. П. Б. Струве как более точному. К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 3-е, 1907 г., стр. 4.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 5. Курсив мой.

пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе воплощающегося в нем труда» [1]).

Другими словами, мы должны притти к тому выводу, что все те моменты, которые определяют производительную силу труда (или производительность труда), должны оказывать влияние и на общественно-необходимое рабочее время, так как они, как мы только что видели, стоят в самой тесной и непосредственной связи.

Что же это за моменты? И опять-таки в том же самом месте I тома «Капитала» мы находим у Маркса перечисление этих моментов. «Производительная сила труда,—пишет Маркс,—определяется разнообразными условиями, между прочим, средней умелостью рабочих, степенью развития науки и ее технического применения, общественными условиями процесса производства, размеров и ролью средств производства и, наконец, чисто-естественными условиями» [2]).

Этот перечень не является исчерпывающим, на это обстоятельство, хотя бы, указывают уже слова «между прочим» («unter anderen»); следовательно, этот перечень можно уточнить, детализировать и т. д., но в то же время несомненно, что в данном ответственном месте Марксом в основном исчерпаны все главные классы тех обстоятельств, которые оказывают влияние на производительную силу труда и которые, таким образом, ее определяют. И если мы присмотримся ко всем этим обстоятельствам, то легко можем заметить, что все они укладываются в три основные группы. И, несмотря на то, что эта классификация, как мы увидим дальше, играет чрезвычайно существенную роль в теории ценности, этому вопросу до сих пор едва ли придавали какое-либо значение.

Что же это за группы? Тут я обращусь к другой части того же первого тома «Капитала». Приступая к анализу абсолютной прибавочной ценности, Маркс посвящает прежде всего целую главу анализу процесса труда вообще. Там он говорит, что «потребление рабочей силы—это самый труд». Он приступает затем к анализу этого процесса труда, но исследует прежде процесс труда, как таковой, «независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы».

В этом смысле процесс труда, как известно, сводится к процессу, протекающему между человеком и природой, к воздействию на данную природой материю (Naturstoff), «для того чтобы присвоить себе материю в пригодной для него форме».

Анализируя этот процесс, Маркс устанавливает, что простые моменты процесса труда следующие: 1) целесообразная деятельность или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия, которыми он действует.

На ряду с этим выступает еще и земля, как «всеобщий об'ект человеческого труда», как «первоначальный арсенал его (человека. *В. П.*) орудий труда» и, наконец, как «всеобщее орудие труда», дающее «рабочему locus standi, а процессу — его сферу действий (field of employment)» [3]). Она представляет собой «непроизведенное средство труда», как выражается еще Маркс.

Следовательно, если мы берем процесс труда, как таковой, вне его общественной формы, то мы встречаемся здесь со следующими тремя факторами: 1) с трудом, 2) орудиями труда и 3) землей, при чем первый фактор или труд является суб'ективным фактором производства, два же других—его об'ективными факторами.

[1]) Там же. Курсив мой.
[2]) Там же.
[3]) См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 110—111.

Теперь, если мы возьмем этот суб'ективный фактор и будем рассматривать его, как процесс, совершающийся между человеком и природой, то мы легко можем заметить, что успешность данного процесса зависит не только от личных свойств, заложенных в самом этом труде, который в данном случае выступит перед нами только в качестве одного из технических факторов, зависит не только от ловкости, искусства, интенсивности труда и тех общественных условий, в которых действует труд, но которых нам здесь пока не дано, поскольку мы говорим только о процессе труда, как таковом, и абстрагируемся поэтому от определенной общественной формы,— но и об'ективные факторы процесса труда точно так же играют решающую роль в определении успешности или производительности труда. Величина и дееспособность орудий труда самым непосредственным образом влияет на производительность данной массы применяемого труда. Точно так же и различие в естественных свойствах различных участков обрабатываемых земель самым непосредственным образом обусловит то количество продуктов, которые будут произведены одним и тем же количеством труда, а, следовательно, определит и производительность этого труда [1]). Поэтому то же самое количество труда, но затраченное на более плодородном участке, даст большее количество продуктов, но оно отнюдь не может создать и большую по величине ценность, как нас в этом хотят уверить некоторые интерпретаторы теории земельной ренты Маркса [2]).

Таким образом, мы видим, что производительность труда, а тем самым и величина общественно-необходимого рабочего времени определяется тремя моментами; ее определяют с одной стороны суб'ективный фактор—труд, и все то, что лежит на стороне труде, а с другой стороны — об'ективные факторы производства, т.-е. все то, что лежит на стороне «капитала» в буржуазном понимании этого слова, или орудий труда и на стороне земли.

Так, Маркс в одном месте говорит: «Различная производительность труда—независимо от того, является ли это различие следствием различных естественных условий труда, или различных общественных условий труда, или различных технологических условий—ничего не изменяет в том, что ценность товаров равняется овеществленному в них количеству труда» [3]). Мы видим, что Маркс и здесь проводит то же различение или то же расчленение, что и раньше. Он говорит об естественных условиях,—с другой стороны, о технологических условиях; общественные же условия труда, очевидно, включают в себя все те условия, которые лежат на стороне суб-

[1]) Ср., напр., «Одно и то же количество труда выражается, напр., в восьми бушелях пшеницы в урожайный год и в четырех—в неурожайный; одно и то же количество труда доставляет большее количество металлов в богатых рудниках, чем в бедных, и т. д.» (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 5). «Следовательно, когда сказано, что ценность продукта, созданного капиталом в 100 ф. ст., равна 120, то это означает лишь то, что в продукте содержится рабочее время, овеществленное в капитале 100, плюс одна шестая неоплаченного, но присвоенного капиталистом рабочего времени. Ценность всего продукта равна 120 ф. ст., безразлично, доставляет ли капитал в 100 ф. ст. в одном руднике 60 тонн, в другом 65 или 75, или 92½. Но ясно, что ценность одной аликвотной части, безразлично, измеряется ли она тонной, как в нашем примере, квартером и т. д., совершенно различна в зависимости от производительности... Эта разница в производительности труда и служит причиной того, что одно и то же количество труда выражается то в меньшей, то в большей массе товаров; что одна аликвотная часть всей этой массы содержит в себе, следовательно, то большее, то меньшее количество затраченного труда и, соответственно этому, имеет то большую, то меньшую ценность» (К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, ч. 2, изд. «Прибой», 1925 г., стр. 25—26).

[2]) См., напр., Л. Любимов, Учение о ренте, и К. Островитянов, К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве, Гиз, 1929 г.

[3]) К. Маркс, Теории, т. II, ч. 2, стр. 25.

ективного фактора—так как всегда приходится говорить при этом об общественно-средней умелости, интенсивности и ловкости. Правда, сюда привходит еще ряд моментов, которые на данной стадии—поскольку идет речь о процессе труда вообще —не могут быть еще привлечены.

Перед нами естественно встает вопрос: являются ли все эти моменты вполне равноправными или, лучше сказать, вполне равносильными, играют ли они одинаковую роль при определении ценности товара, или же между ними можно провести различие? Конечно, если мы будем оставаться в пределах процесса труда вообще, то с этой точки зрения мы абсолютно не сможем провести между ними никакого принципиального различия; труд при этом выступит перед нами в качестве лишь одного из технических факторов. Но в таком случае отпадает всякое различие между трудом человека и трудом животных, напр., рабочего скота. И недаром Адам Смит в некоторых местах своего «Богатства народов» ставил знак равенства между трудом человека и трудом рабочего скота. Все дело в том, что он, анализируя товарную форму общества, анализируя процесс производства товаров, в качестве исходного пункта и об'екта своего исследования фактически брал процесс производства как такового. Правда, он говорил об определенной форме общества, об обществе, где накоплены капиталы и появилась частная собственность на землю, но эта форма общества выводилась им из природы человека, она определялась естественными законами и бралась им поэтому просто как реальная данность, или, лучше сказать, как некая идеальная данность, поскольку были налицо еще многочисленные остатки прежних отношений, мешающих полному проявлению законов естества. Но поэтому вопрос о форме общества, о форме общественного производства им сознательно не ставился и не мог быть даже поставлен. Но тем самым в годовой труд нации он фактически должен был включить и труд рабочих волов.

До сих пор мы имели дело только с процессом труда, лишенным всякой общественной формы; но если мы привлечем эту общественную форму производства, то эти три фактора уже перестают быть только такими факторами всякого процесса производства. Они получают и общественную характеристику.

В товарном или товарно-капиталистическом обществе все эти факторы производства выступают носителями определенных общественных отношений. Они получают дополнительную характеристику, приобретают определенную социальную форму. «Те самые составные части капитала, которые, с точки зрения процесса труда, различаются как об'ективные и суб'ективные факторы, как средства производства и рабочая сила, различаются, с точки зрения процесса возрастания ценности, как капитал постоянный и капитал переменный» [1]).

«Точно так же, как и капитал, наемный труд и земельная собственность суть исторически определенные общественные формы: первая—труда, вторая—монополизированного земного шара, и притом обе суть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической формации общества» [2]).

Если мы учтем эту общественную характеристику или социальную форму факторов производства, то вместе с тем мы должны будем констатировать принципиальное различие между трудом как суб'ективным фактором производства и прочими об'ективными факторами производства. Конечно, если стать на точку зрения крайнего физиологизма, то это разли-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 132.

[2]) K. Marx, Kapital, III, 2, 6 Aufl., 1922, S. 350—351 (В русск. пер. изд. 1928 г. это место на 287 стр.).

чие совершенно стирается; но ведь точка зрения последовательного физиологизма как раз и характеризуется полным неразличением этих двух сторон процесса производства—технической и общественной. «Arbeitsprozess» и «Verwertungsprozess»—при этом сливаются воедино в некий процесс труда или траты энергии. Но если труд рассматривать просто как трату энергии вообще, то, действительно, трудно найти сколько-нибудь существенную разницу между затратой энергии человеком и такой же затратой домашним животным.

Ведь с точки зрения физиологического процесса труд животного характеризуется теми же чертами, что и труд животного — вида «homo sapiens».

Как фактор процесса производства вообще, как технический фактор труд исчерпывается своим физиологическим содержанием. Но как источник или субстанция ценности этот труд выступает в качестве общественного труда, и притом специфически общественного труда или общественного труда в специфической форме абстрактно-человеческого труда. Об'ективные факторы производства превращаются в вещи, выступающие в роли носителей определенных общественных отношений.

В капиталистическом обществе суб'ективный фактор или труд также получает вполне определенную социальную характеристику, выступая в виде наемного труда. Однако его социальная характеристика этим далеко еще не исчерпана. Капиталистический способ производства есть лишь капиталистическая форма товарного производства. Труд наемного рабочего создает в то же время товары, т.-е. он образует ценность. И величина ценности определяется количеством затраченного им труда. То же обстоятельство, что он является наемным рабочим, а его труд представляется как наемный труд, приводит только к тому, что на его долю приходится лишь часть образуемой им ценности; другая же часть без всякого эквивалента притекает собственникам об'ективных факторов производства; в силу этого эти вещи и получают социальную характеристику и превращаются: средства труда и сырье—в капитал, земля—в земельную собственность.

Однако труд рабочего, поскольку он образует ценность, должен выступить как средний, общественно-необходимый труд, должен обладать средней мерой своей производительности. Но она зависит, как я уже указывал, от условий, лежащих на стороне всех трех факторов производства.

Подчеркну еще раз, что если в капиталистическом обществе и применяется наемный труд, но постольку, поскольку речь идет о производстве товаров, т.-е. о процессе образования ценности, труд характеризуется не той своей чертой, что он является наемным трудом, а той, что он является просто общественным трудом и (специфически общественным трудом), другими словами, рабочий, затрачивающий труд, выступает здесь в качестве простого среднего, типичного члена данного товаропроизводящего коллектива и идет в счет именно как таковой. С этой точки зрения его труд является лишь $\frac{1}{n}$-й частью всего совокупного общественного труда, если мы примем, что данный трудовой коллектив,—а всякое товарное (и капиталистическое) общество в своей совокупности и представляет,—правда, весьма своеобразную и специфическую форму такого трудового коллектива,—состоит из n таких отдельных индивидуумов. Реально общественный труд состоит из бесчисленной массы затрат труда со стороны отдельных членов общества. Каждый отдельный товар представляет ценность лишь постольку, поскольку он воплощает некоторое количество этого общественного труда. Производительность труда, произведшего его, самым непосредственным образом отражается поэтому на величине ценности данного товара, так как она определит и самое количество затрачиваемого на его производство общественного труда. Подобное изменение величины ценности будет иметь место во всех случаях изменения в производительной силе труда, вне всякой зависимости от того, в силу чего наступило это изменение в производительной силе труда, т.-е. вызвано ли оно моментом, лежащим на стороне суб'ективного фактора производства, или на стороне об'ективных факторов производства. Другими словами, произойдет ли это изменение в результате перемены в среднем уровне интенсивности, или от изменений в ловкости или умелости рабочего, произойдет ли оно в результате применения новых, более производительных машин или потому, что будут подвергнуты обработке более плодородные участки земли—во всех этих случаях производительная сила труда изменится, изменится также и величина ценности отдельного товара. Но так дело будет обстоять именно только с точки зрения отдельного товара, т.-е. поскольку мы говорим о ценности отдельной штуки товара; и любопытно, что Маркс в данном месте применяет особую терминологию, каковая особенность исчезла в русском переводе: тогда как товар обычно обозначается им словом «Waare», здесь Маркс говорит «Artikel» [1]).

Это положение об обратной зависимости величины ценности от производительной силы труда в действительности верно лишь по отношению к каждому единичному экземпляру товара, но оно перестает быть верным, если только мы берем всю товарную массу или весь товар отдельной отрасли производства. Здесь-то на первый план и выступает принципиальное различие между теми факторами, которые оказывают влияние на производительность труда и таким образом определяют ценность отдельного товара. Поэтому, если мы встречаемся с изменением в производительности труда, то в данном отношении нам прежде всего нужно поставить вопрос, чем вызвано это изменение, так как результаты этого в различных случаях будут также различны. Но тем самым мы вплотную подошли к вопросу об абсолютной ценности.

III.

Что такое абсолютная ценность, и в чем ее отличие от относительной ценности? Какое теоретическое значение имеет это разграничение между абсолютной и относительной ценностью? И в каком отношении стоит к ним теория ценности Маркса?—На все эти вопросы мы можем ответить проще всего, если в самых кратких чертах охарактеризуем в этом вопросе позицию классиков—этих предшественников Маркса. Нам ясна станент вместе с тем и вся теоретическая важность этого понятия—абсолютной ценности.

Обращусь прежде всего к Адаму Смиту; была ли известна ему эта абсолютная ценность, или же ценность для него выступает в виде чего-то совершенно относительного? Существует ряд комментаторов классической школы,—главным образом, они комментируют Рикардо,—которые стремятся истолковать и Смита, и Рикардо и представить их типичными представителями теории относительной ценности. По их словам, у Смита, напр., ценность есть не что иное, как отношение; у него, будто бы, нельзя найти никакого понятия абсолютной ценности. На самом деле, это, конечно, не так. Для этого будет достаточно привести лишь несколько цитат. Прежде всего здесь придется привести его известное место о козе и бобре:

«В раннем и первобытном состоянии общества, которое предшествует накоплению капитала и обращению земли в частную собственность, отно-

[1]) K. Marx, Kapital, I, 10 Aufl., 1922, S. 7.

шение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, является, повидимому, единственным условием, которое может дать какое-либо правило для обмена различных предметов. Если, наприм., у какого-нибудь охотничьего племени для убийства бобра требуется обыкновенно в два раза больше труда, чем для убийства козы, то один бобр, будет, понятно, обмениваться на двух коз или,—другими словами,—стоить двух коз. Вполне естественно, чтобы обычный продукт труда двух дней или двух часов стоил в два раза больше, чем продукт труда одного дня или одного часа» [1]). Таким образом, хотя Смит и говорит тут об относительной ценности, об отношении двух количеств труда, но этой относительной ценностью является отношение двух величин, которые даны и вне этого отношения, и которые сводятся к затратам труда.

В другой цитате мы встречаемся у Смита с очень интересной постановкой вопроса, где Смит не только проводит это различение, но и на примере показывает маскировку действительного отношения этим относительным выражением. Он говорит, что по мере развития разделения труда, т.-е. по мере увеличения его производительной силы «все предметы становились бы постепенно дешевле... Однакоже, хотя в действительности все предметы стали бы дешевле, тем не менее, многие вещи показались будто бы дороже, чем прежде, и за них давалось бы в обмен большее количество других товаров. Положим, например, что в наибольшем числе отраслей промышленности производительная сила труда удесятерилась, т.-е. что труд одного дня производит в настоящее время в десять раз больше произведений, чем прежде; положим, сверх того, что в одной из этих отраслей сила труда только удвоилась, т.-е. что в одном из промыслов однодневная работа производит только в два раза больше произведений, чем прежде. При обмене произведений однодневного труда такой отрасли промышленности, усовершенствование которой удесятерилось, на однодневное произведение последнего промысла отдано будет в десять раз большее, противу прежнего, количество произведений, чтобы купить только двойное противу прежнего количество последнего. Поэтому определенное количество, напр., фунт последнего произведения, покажется в пять раз дороже, чем прежде, между тем как, на самом деле, оно будет в два раза дешевле против первоначальной цены своей. Ибо хотя при покупке его придется отдать в пять раз больше других товаров, тем не менее в настоящее время требуется только половинное количество труда против того, что было нужно в прежнее время для его изготовления» [2]).

Мы видим, таким образом, что хотя Смита, по его словам, и интересовало больше исследование относительной ценности товаров, но эта относительная ценность сводится им в конце концов к отношению абсолютных ценностей двух товаров, каковыми он считает количества труда, которых стоило производство этих товаров или которые могут быть куплены за эти товары; более того, он тут же показывает, что это относительное выражение, или относительная ценность может иной раз весьма своеобразно представить это действительное отношение: действительная (абсолютная) ценность понизилась, а относительная (или меновая) ценность возросла.

Если мы возьмем другого классика—Рикардо, то, опять-таки, помимо того, что он в общем соглашается с вышеприведенными положениями Смита, сам цитирует его слова о козе и бобре, он дает еще и следующую четкую формулировку: «Если я считаю труд и источником всякой стоимости и относительное количество его мерилом, которое почти [1]) исключительно определяет относительную стоимость товаров» и т. д. [2]) (и дальше Рикардо говорит о трудности сведения качественно различных трудов, т.-е. видов труда различной квалификации). Количество подобных цитат можно без труда умножить; поэтому я ограничусь только еще одной. «Относительная стоимость двух товаров,—пишет Рикардо,—изменяется; как же узнать, в котором из них действительно произошло изменение? Сравнив настоящую стоимость одного со стоимостью обуви, чулок, шляп, железа, сахара и всех других товаров, мы находим, что он обменивается на то же самое количество этих вещей, что и прежде. Сравнив с этими же товарами другой, мы находим, что он изменился относительно всех их; в таком случае мы можем с большим вероятием заключить, что изменение произошло в этом товаре, а не в товарах, с которыми мы его сравнивали. Если, исследуя подробнее все обстоятельства, связанные с производством этих различных товаров, мы найдем, что на производство обуви, чулок, шляп, железа, сахара и проч. затрачивается то же количество труда и капитала, что и прежде, а на производство того единственного товара, относительная стоимость которого изменилась, иное, то вероятность превратится в достоверность, и мы будем уверены, что изменение произошло единственно в этом товаре: мы открываем, таким образом, причину его изменений» [3]).

Приведенных цитат, я думаю, достаточно для доказательства того, что классикам была известна также и действительная, реальная или абсолютная ценность, которая сводилась к затрате труда.

Довольно дикие попытки доказать, что у них речь идет только об относительной ценности, т.-е. об отношении между двумя «ничто», только и могла притти в голову современным буржуазным апологетам капиталистического строя, которым для этой цели приходится прибегать и не к таким еще нелепостям. Конечно, всякое отношение есть отношение между двумя или несколькими величинами, но эти величины, очевидно, существуют и вне этого отношения. Это настолько естественно, что вряд ли Смит и Рикардо могли даже и представить себе необходимость какого-то доказательства этого самоочевидного положения. Этот вопрос очень четко и ярко поставлен в работе одного французского экономиста-рикардианца, которому, как математику, нелепость какой-либо иной трактовки должна была сама собой бросаться в глаза. При помощи «в высшей степени простой и совершенно точной аналогии» с относительными движениями в системе точек, обусловленными абсолютными движениями этих же самых точек, он приходит к тому выводу, что «мы можем определить ценность одного какого-либо товара только через отношение его к другим товарам. В этом смысле даны только относительные ценности. Но, если эти относительные ценности изменяются, то для нас ясно, что это изменение должно быть отнесено на счет изменения или одной стороны этого отношения, или другой стороны»... «Соответственно с этим мы очень хорошо различаем относительные изменения ценности, которые обнаруживаются посредством изменений относительных ценностей, и абсолютные изменения ценности того или другого товара, которые обменом приводятся в соотношение» [4]).

[1]) Адам Смит, Богатство народов, т. I, русск. пер. П. Бибикова, 1866, стр. 167. Это место в тексте дано по переводу Рязанова—см. Давид Рикардо, Собр. соч., т. I, Начала полит. экономии, 1908 г., стр. 6—7.

[2]) А. Смит, Богатство народов, т. I, стр. 190—191.

[1]) Рикардо говорит здесь почти, так как он не различает ценности и цены производства; на величину последней действуют и другие факторы; это действие Рикардо переносит и на ценность, но рассматривает это как исключения.

[2]) Рикардо, Начала политической экономии, стр. 11.

[3]) Там же, стр. 9—10. Ср. также последующие рассуждения.

[4]) Augustin Cournot, Untersuchungen über die mathematischen Grundlagen der Theorie des Reichtums, Jena 1924, S. 14—15. За отсутствием под рукой оригинала, ссылаюсь на немецкий перевод.

Повторяю, что с точки зрения и логики, и здравого смысла это была единственно возможная постановка проблемы. Между прочим, Маркс в своей критике Рикардо, как бы в противовес той плеяде «критиков», которые стараются насильственно затащить чуть ли не всю классическую школу в лоно исключительно относительной ценности, отмечает как раз обратное положение. Если Рикардо, по его словам, и исследовал, главным образом, относительную ценность, но он сводил ее к абсолютной ценности; однако при этом он слишком абсолютизировал эту абсолютную ценность, не заметив того, что и она в свою очередь относительна. В этом и заключается коренная ошибка Рикардо. Но эта относительность имеет другой смысл.

Действительно, относительная ценность есть прежде всего меновая ценность или цена; она показывает лишь меновое отношение товара. «Выражаю ли я, — говорит по этому поводу Маркс, — ценность двух товаров взаимно в их собственных потребительных ценностях или представляю оба товара в их действительной цене в потребительной ценности третьего товара, эти относительные или сравнительные ценности или цены суть те же самые, и их изменения следует различать от изменений их относительных ценностей в первом смысле, т.-е. поскольку они не выражают ничего другого, кроме изменения рабочего времени, требующегося для их собственного производства, следовательно, в них самих реализованного. Последняя относительная ценность является, следовательно, «абсолютной ценностью» сравнительно с относительными ценностями во втором смысле, в смысле реального выражения меновой ценности одного товара в потребительной ценности другого или в деньгах» [1]).

Вот этой-то относительности «в первом смысле» и не могли вскрыть ни Рикардо, ни классики, ни их критики, напр., тот же Бэйли. Классики вполне верно за меновой ценностью или сравнительной ценностью видели абсолютную ценность, правильно сводили ее к затраченному труду, но они совершенно не ставили дальнейшего вопроса о характере этого труда. Они просто брали труд как затрату труда, и этим ограничивались. Тем самым они абсолютизировали эту затрату труда, а вместе с тем и ценность. Но крайности сходятся, или, если применить диалектический термин, вещи превращаются в свою противоположность. При такой постановке проблемы эта абсолютная ценность должна была неизбежно остаться sine usu и выпасть вообще из всего хода их теоретического исследования. Практически им и осталось только исследовать относительную или сравнительную ценность или, если применить терминологию Маркса,—меновую ценность. Причина этому ясна: классики не ставили вопроса о форме ценности, в силу этого не могли различить двойственной природы труда, не могли поэтому понять труд, как «абстрактно-всеобщий и в этой форме общественный труд» [2]). «Иначе Бэйли (а сказанное по адресу Бэйли de facto приложимо в данном случае и к классикам. *В. П.)* увидел бы, что относительность понятия ценности никоим образом не уничтожается тем, что все товары, поскольку они меновые ценности, являются только «относительными» выражениями общественного рабочего времени и что их относительность никоим образом не состоит только в отношении, в каком они обмениваются друг на друга, но в отношении всех их к этому общественному труду, как их субстанций» [3]).

[1]) К. Маркс, Теории прибав. ценности, вып. II, изд. Комм. Ун-та Зиновьева, 1923 г., стр. 15—16.
[2]) Там же, стр. 16.
[3]) Там же, стр. 16—17.

Этот небольшой экскурс в историю политической экономии дает возможность сделать некоторые выводы. Мы видим, что 1) классическая политическая экономия установила понятие абсолютной ценности, сведя ее к затрате труда, но 2) она не поставила вопроса о форме ценности и вообще о социальной форме всех экономических категорий и в силу этого 3) хотя мы там и встречаемся иной раз с очень верным разграничением двух сторон труда [1]), но это различение проводилось ею без ясного сознания всего его значения; она в таких случаях только верно отображала реальную действительность, 4) поэтому же она не могла понять общественной характеристики труда и всей специфичности этой характеристики в товарном обществе; она не могла проникнуть к общественному труду, как субстанции ценности. Она должна была, поэтому, абсолютизировать ценность, но в таком случае терялась всякая связь ее с относительной или меновой ценностью. Понять последнюю, как форму проявления первой, она решительно была не в состоянии. Метод классической школы не дал ей возможности сделать все надлежащие выводы из абсолютной ценности.

Но вместе с тем становится ясным все значение этой абсолютной ценности в экономической системе Маркса. В ней мы поистине имеем media res, тот фундамент и тот исходный пункт, откуда исходит и на котором строится теория ценности Маркса.

IV.

Я должен подойти к этому чрезвычайно важному вопросу еще и с другой стороны: для этого мне придется еще раз вернуться к общественно-необходимому труду. Однако предварительно сделаю одно беглое замечание.

У нас укоренилась весьма нехорошая привычка сводить роль закона ценности чуть ли не исключительно к роли регулятора производства. Иной раз из регулирования стремятся даже вывести самую сущность ценности. Мне кажется, что здесь вещи перевернуты на голову; ведь стоит только поставить вопрос, что же за регулятор действует в товарно-капиталистическом обществе, как ответ явствует сам собой: этим регулятором является рыночная конкуренция, механизм цен или, если хотите, таким регулятором можно назвать меновую ценность.

Таким образом, начав с регулятора, мы в крайнем случае дальше меновой ценности не пойдем; но тем самым мы поставим задачу на голову. Поэтому нельзя начинать с регулирования, но этим регулированием нужно кончить; регулирование станет нам понятным лишь после того, как выведена и понята форма меновой ценности, но ведь не из меновой ценности следует выводить ценность. Это—путь, по которому пошел тот же Бэйли и на который он приглашает вступить и нас. Но у меня нет никакой охоты следовать за ним. В доказательство своей точки зрения я могу сослаться на известное письмо Маркса к Кугельману,—к нему, впрочем, я вернусь еще ниже— а, кроме того, я могу привести хотя бы следующую цитату: «Во-первых, постоянные уклонения цены товаров от их стоимости составляют необходимое условие, при котором и посредством которого только и может проявляться (подчеркиваю: проявляться. *В. П.)* сама стоимость товаров. Только постоянными колебаниями конкуренции, а вместе с нею товарных цен, осуществляется свойственный товарному производству закон стоимости и становится действительностью определение стоимости общественно-необходимым рабочим временем... Во-вто-

[1]) Напомню хотя бы блестящее различение у Рикардо между ценностью и богатством, проведенное им в XV главе «Начал».

рых, в обществе обменивающихся товаропроизводителей конкуренция, приводя в действие свойственный товарному производству закон стоимости, тем самым вносит в общественное производство единственную, возможную при данных обстоятельствах, организацию и порядок. Только посредством обесценения или дороговизны продуктов отдельные производители узнают на собственной шкуре, сколько и чего нужно или не нужно обществу. Между тем, именно к уничтожению этого-то единственного регулятора и стремится та утопия, одним из защитников которой является Родбертус» [1]).

На этом я и кончаю свое замечание; но вместе с тем основной вопрос остается еще не решенным,—откуда же следует выводить ценность? Я должен здесь вернуться к общественно-необходимому труду, при чем прежде всего коснусь более общего вопроса, а именно вопроса об основном методологическом различии, разделяющем Маркса от классиков. Затронуть этот вопрос тем более необходимо, что по существу и теперь у нас сплошь и рядом исходят из методологических основ классиков; одновременно это позволит мне подойти ближе и к интересующей меня в данный момент теме.

Когда встает вопрос об общественно-необходимом труде, то эта проблема иной раз—и весьма, к сожалению, часто—ставится таким образом: положим, перед нами одна штука товара и другая штука товара, они произведены на двух разных предприятиях двумя различными производителями при различной у каждого затрате труда. Но на одном и том же рынке не может быть двух цен на один и тот же товар, его цена едина, независимо от того, при каких условиях произведены отдельные экземпляры этого товара. И перед экономистом в таком случае встает следующий теоретический вопрос: каким же образом притти от этих нескольких—двух, трех, четырех и т. д.—товаров с различными затратами труда на их производство к общей им всем единой цене или ценности? Мы видим, что при этом в качестве исходного пункта берут единичные товары, а затем начинают отыскивать тот товар, который играет главную роль, затрата труда на который является регулирующей, определяющей ценность товаров данного рода, на которую, следовательно, равняются рыночные цены или рыночные ценности вообще всех товаров этого рода.

Но эта постановка вопроса как раз и характерна для классиков. Сошлюсь при этом на Рикардо. Правда, у него нет самого термина «общественно-необходимый труд», но по существу он дает определение общественно-необходимого труда, когда говорит, что ценность всякого товара определяется той затратой труда, которая необходима для его производства при наихудших условиях [2]). Любопытнее всего, что это положение выставляется тогда, когда он переходит к анализу ренты. В сельском хозяйстве мы действительно встречаемся с несколько иным процессом ценообразования или иным образованием рыночной ценности его продуктов; Рикардо же 1) обобщает это положение и 2) относит его к определению

[1]) Из предисловия Ф. Энгельса к 1 немецкому изданию «Нищеты философии». См. К. Маркс, Нищета философии, Гиз, 1928 г., стр. 11—12. Курсив мой.

[2]) «Меновая стоимость всех товаров,—будут ли то фабричные изделия, или продукты рудников, или земледельческие произведения,—никогда не регулируется наименьшим количеством труда, необходимого для их производства при очень благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особенными удобствами. Напротив, он регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемого теми, кто не пользуется такими удобствами, теми, кто продолжает производить при самых неблагоприятных условиях,—понимая под последними самые неблагоприятные из тех, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено необходимое количество продукта» (Д. Рикардо, Начала и т. д., стр. 38).

самой ценности товаров. И первое, и второе было явным образом неверно. Здесь странно лишь то, что этот рикардианский закон ценности в виде «закона ценности хлеба» перекочевал в марксистскую экономическую литературу и выдается здесь за 100%-ный марксизм. От этого он, конечно, не становится ни на иоту правильнее. Каковы же методологические корни этого ошибочного положения?—Все та же методология классиков, их индивидуалистический и рационалистический подход. Принципиально, перед ними стоял такой вопрос: дан ряд отдельных товаров или товаров-индивидуумов, и нужно было перейти от них к общей им всем ценности. Или же, если мы сделаем ударение на труде, перед ними был ряд отдельных индивидуумов, каждый из которых при производстве какого-либо товара затрачивал различное количество труда, и тот же вопрос поворачивался следующим образом: труд какого индивидуума является регулирующим или общественно-необходимым трудом, на который равняются или по которому оцениваются все затраты труда остальных индивидуумов? Исходным пунктом здесь, таким образом, является или отдельный, единичный товар, или отдельный индивидуум. Такая глубоко индивидуалистическая постановка вопроса очень хорошо гармонировала с индивидуализмом классиков, но она совершенно чужда Марксу. И неудивительно, что это сказалось даже на терминологии: Рикардо, как мы видели, говорит просто о «необходимом» труде, для него это был труд того индивидуума, который случайно попал в регулирующееся положение. Он не мог говорить об «общественно-необходимом» труде, так как для этого требовалось ясное понимание характера общественного труда и его специфичности в условиях товарного производства. Но тут их метод лежал у них поперек пути.

Иной метод обусловил у Маркса принципиально совершенно иной подход и к проблеме общественно-необходимого труда. Если классики исходили от индивидуума, а общество рассматривали как простую сумму индивидов, то для Маркса исходный пункт—общество. Приведу только всем известные цитаты, которые, по моему мнению, говорят сами за себя. «Однако труд,—говорит Маркс,—образующий субстанцию ценностей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы» [1]). И он следующим образом расшифровывает последнее понятие: «Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся в ценностях товарного мира, имеет здесь значение как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она состоит из бесчисленного множества индивидуальных рабочих сил» [2]). Лишь после этого Маркс переходит к индивидууму: «Каждая из этих индивидуальных рабочих сил представляет собою такую же человеческую рабочую силу, как и все другие, поскольку она обладает характером средней общественной рабочей силы и как таковая средняя общественная рабочая сила действует, т.-е. употребляет для производства какого-либо товара лишь в среднем необходимое или общественно-необходимое рабочее время» [3]).

Мы видим, что у Маркса прежде всего говорится о совокупной рабочей силе общества; лишь затем он переходит к отдельным индивидуумам, да и то здесь отдельный индивидуум идет в счет лишь постольку,

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 4. Неточность перевода здесь, также как и в дальнейших цитатах, исправлены мною.

[2]) Там же. «Die gesammte Arbeitskraft der Gesellschaft, die sich in den Werthen der Waarenwelt darstellt, giet hier des eine und dieselbe menschliche Arbeitskraft, obgleich sie aus Zahllosen individuellen Arbeitskräften besteht».

[3]) Там же.

поскольку он представляет некое общественное среднее, лишь среднего, типичного члена данного общества.

Та же мысль подчеркивается Марксом и в других местах. Так, в «Нищете философии» он пишет: «То обстоятельство, что мерилом стоимости служит одно лишь количество труда, без всякого отношения к его качеству, предполагает, в свою очередь, что простой труд сделался основой промышленности. Оно предполагает, что различные роды труда уравниваются путем подчинения человека машине или путем крайнего разделения труда, что труд оттесняет человеческую личность на задний план, что часовой маятник сделался точною мерою относительной деятельности двух работников, точно также, как он служит мерою скорости двух локомотивов. Поэтому не следует говорить, что час (труда) одного человека стоит часа другого, но вернее будет сказать, что человек в течение одного часа стоит человека в течение другого часа. Время—все, человек—ничто: он только воплощение времени» [1]). Нелепо было бы думать, что человек здесь выступает воплощением просто времени, он является носителем совокупного рабочего времени, и лишь в таком качестве данный человек на один час стоит человека в течение другого часа. Точно так же в другой работе Маркса—«К критике политической экономии» мы опять находим ту же мысль: «Превращение (Die Auflösung) всех товаров в рабочее время нисколько не большая, но и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух. Труд, измеряемый таким образом временем, выступает в действительности не как труд различных индивидуумов, но скорее различные трудящиеся индивидуумы выступают, как простые органы этого труда» [2]).

Я должен констатировать совершенно такой же ход мыслей у Маркса, если мы от труда перейдем к материализации этого труда—к товару. Исходный пункт для Маркса и здесь—вся совокупная масса товаров; напомню только цитированное мною выше место: «Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся в ценностях товарного мира (in den Werthen der Waarenwelt)». «Каждый отдельный товар, — продолжает Маркс,— считается здесь вообще как средний экземпляр данного рода товара» [3]).

Сказанным я здесь и ограничусь; впрочем, к этому вопросу мне придется еще вернуться в дальнейшем. Теперь же отмечу, что, по моему мнению, именно в таком подходе к экономическим проблемам и лежит Trecificum всей экономической системы Маркса; поэтому естественно, что отсюда вытекает целый ряд чрезвычайно важных выводов, остановиться на которых, однако, я лишен возможности в настоящую минуту; они могут стать предметом особой работы.

Здесь же я хочу только затронуть один вопрос и провести одну аналогию.

Я уже останавливался на регуляторе и законе ценности и отмечал, что было бы в высшей степени ошибочно при выведении закона ценности исходным пунктом брать регулирование. Наоборот, сущность ценности должна быть выведена помимо регулирования; лишь после того, как эта

---

[1]) К. Маркс, Нищета философии, стр. 53.

[2]) К. Маркс, К критике политической экономии, изд. 4-е, «Моск. Раб», 1923 г., стр. 44.

[3]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 4—5. «Die einzelne Waare gilt hier überhaupt als Durchschnittsexemplar ihrer Art». Очень характерны и слова Le Trosne'a, которые Маркс приводит в сноске к этому месту; очевидно, они хорошо поясняли его мысль. Le Trosne говорит: «Toutes les productions d'un même genre ne forment proprement qu'une masse, dont, le prix se détermine en général et sans égard aux circonstances particulières».

сущность выведена, нам становится понятной и такая функция закона ценности, как регулирование. Поясню свою мысль на следующем примере. В дискуссии о действии или наличности закона ценности в условиях переходного периода сплошь и рядом вся проблема упирается в это регулирование, в вопрос, что является здесь регулятором? Если конструируют стихийное регулирование, то отсюда умозаключают к наличию и закона ценности. Другими словами, ход исследования таков: раз регулирование, протекающее помимо нашей воли, является сущностью закона ценности, и раз мы встречаемся с такого рода регулированием, не подчиняющимся нашей воле во всех отношениях, то, очевидно, приходится признать господство закона ценности. И это господство закона ценности иной раз провозглашается чуть ли не для всей переходной эпохи. Вместе с тем попадают в тупик и вынуждены в силу этого говорить удивительные вещи, так как легко представить себе, что регулирование может не удаться по самым различным причинам. Сама по себе невозможность точного регулирования (а не точное регулирование не является вообще регулированием) еще отнюдь не дает права заключать о действии закона ценности.

Вопрос становится очень простым, если мы и в этом случае будем исходить из совокупного труда общества и его специфической формы в переходную эпоху. Его специфической формой в товарном обществе является то обстоятельство, что он есть совокупность отдельных затрат труда со стороны независимых, автономных частных собственников, связанных разделением труда. И вся данная проблема и сводится к установлению того, в какой мере эти социальные отношения являются господствующими в переходный период; ответ при этом ясен сам собой. Лишь на следующем этапе исследования можно поставить вопрос о регуляторе.

По той же самой причине я не могу согласиться и с постановкой вопроса И. И. Рубиным, правда, глубокой и интересной, но все же, на мой взгляд, недостаточной. Для него главное и существенное в законе ценности— это распределение труда. По крайней мере, в тех цепочках, которые он дает, конечным звеном выступает распределение труда, т.-е. по сути дела то же регулирование. Я полагаю, что тем самым анализ не доведен до конца и оборван на полпути, так как само распределение труда еще только должно быть выведено из закона ценности.

Для доказательства прибегну к аналогии и возьму другую экономическую категорию—заработную плату. Здесь заработную плату также можно связать—и фактически это очень часто делается—с распределением наемного труда по различным отраслям; и здесь также приходится говорить о спросе и предложении, но только на рынке труда. Спрос и предложение вызывают перелив наемного труда (его распределение) из одной отрасли производства в другую,—отсюда и выводят заработную плату или ценность рабочей силы. Но Маркс подробно останавливается на этом вопросе в «Капитале» и настоятельно подчеркивает, что так ставить вопрос совершенно нельзя. Если мы будем брать отдельных рабочих и прослеживать всю механику, приводящую к их постоянным миграциям по отдельным отраслям производства, то мы никоим образом не сможем подойти к закону ценности рабочей силы. Он прямо говорит: «Если, напр., вследствие благоприятного стечения обстоятельств, накопление в известной отрасли производства становится особенно оживленным, прибыль в ней поднимается выше средней прибыли, добавочный капитал устремляется туда, то, конечно, увеличивается спрос на труд и заработная плата. Высокая заработная плата привлекает большую, чем прежде, долю рабочего населения в эту, находящуюся в благоприятных условиях, сферу производства, пока она не насы-

тится рабочей силой, и заработная плата не упадет опять надолго до своего прежнего уровня или ниже его, если наплыв был слишком велик. Тогда иммиграция рабочих в эту отрасль промышленности не только прекращается, но даже уступает место эмиграции из нее» [1]). И Маркс говорит: «Тут экономист может видеть, «где и как» при повышении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих—уменьшение заработной платы; но на самом деле он видит только м е с т н о е колебание рабочего рынка в одной какой-нибудь отрасли промышленности; он видит только явления р а с п р е д е л е н и я рабочего населения в различных сферах приложения капитала, в зависимости от изменяющихся потребностей последнего» [2]). Такого рода представления он называет «экономической фикцией». Непосредственно перед приведенными словами он говорит: «Разобранная нами выше экономическая фикция (а в приведенных мной выше словах Маркс дает резюме этой «фикции». *В. П.*) смешивает законы, управляющие о б щ и м д в и ж е н и е м заработной платы или о т н о ш е н и е м м е ж д у р а б о ч и м к л а с с о м, т.-е. с о в о к у п н о й р а б о ч е й с и л о й, и с о в о к у п н ы м о б щ е с т в е н н ы м к а п и т а л о м, с законами, распределяющими рабочее население между различными сферами производства» [3]).

Мысль Маркса ясна и выражена отчетливо; извольте, говорит он по адресу экономистов, вывести общее движение заработной платы или закон ценности рабочей силы, исходя из отношений двух классов, взятых каждый в совокупности; а когда вы его выведете, вы сможете перейти и к законам, распределяющим рабочую силу по различным отраслям, вы поймете тогда и движение каждого отдельного рабочего.

Но совершенно так же дело обстоит и с законом ценности, и с распределением труда или регулированием производства. Закон ценности должен быть выведен из всей общественной совокупности, и лишь затем только станет понятным и само регулирование. В противном случае, неизбежно придется в качестве исходного пункта взять отдельный товар и отдельного индивидуума; но тем самым общественная точка зрения Маркса будет отброшена ради индивидуалистического метода буржуазной экономии.

В еще более—я сказал бы—наглядной форме Маркс характеризует свой метод в известном письме к Кугельману, на которое, между прочим, опираются все теории регулятора:

«Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя на несколько недель» [4]). Что это значит? О чем это говорит?—О труде всей нации, т.-е. о совокупном общественном труде, как условии существования этой нации. И в этом—как доказательство категории ценности, так и исходный пункт для ее выведения.

Дальше Маркс продолжает: «Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного

[1]) К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 458—459.
[2]) Там же, стр. 459. Курсив мой.
[3]) Там же, стр. 458. Курсив мой. «Jene ökonomische Fiktion verwechselt die Gesetze, welche die allgemeine Bewegung des Arbeitslohns oder das Verhältniss zwischen Atbeiterklasse, d. h. Gesammtarbeitskraft und gesellschaftlichen Gesammtkapital regeln mit den Gesetzen, welche die Arbeiterbevölkerung unter die besondren Produktionssphären vertheilen».
[4]) К. М а р к с, Письма к Л. Кугельману, Гиз, 1920 г., стр. 62.

совокупного труда». Вы видите, что от совокупной массы труда и совокупной массы товаров Маркс переходит к отдельным сферам производства и говорит, что для производства определенных масс определенных продуктов в каждой сфере производства должна быть затрачена определенная доля совокупного общественного труда.

«Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена о п р е д е л е н н о й ф о р м о й общественного производства; измениться может лишь ф о р м а е е п р о я в л е н и я. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь ф о р м а, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде ч а с т н о г о о б м е н а индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть м е н о в а я стоимость этих продуктов» [1]). Подчеркну еще, что это письмо написано уже после появления в свет «Капитала», где Маркс провел четкое разграничение между меновой ценностью и ценностью; и мы видим, что в этом письме Маркс связывает регулирование именно с меновой ценностью, однако на ряду с этим говорит и об имманентном содержании ценности. Таким образом мы снова вернулись к абсолютной ценности и можем подвести некоторые итоги.

(Продолжение следует).

[1]) Там же, стр. 63.

К спорным вопросам товарного фетишизма.

Гр. Деборин.

Марксистской политической экономии, в лице лучших ее представителей, в течение десятилетий, приходилось вести беспрестанную борьбу не только с буржуазными экономическими теориями, но и с такими марксистами, которые, ошибаясь в тех или иных вопросах, пытались извратить основные положения нашей науки. Борьба с вульгаризацией марксистской экономической науки не может считаться законченной и по сегодняшний день. В настоящее время вновь наблюдается появление целого ряда всевозможных точек зрения и направлений, в известной степени вульгаризующих и в корне извращающих основные положения, главнейшие исходные моменты экономической теории Маркса.

На первый взгляд представляется, что между некоторыми современными направлениями в области политической экономии (представленными А. Коном, С. Бессоновым, Н. Кажановым, А. Финн-Енотаевским, А. Богдановым и др.) нет ничего общего, нет ничего схожего, в такой степени все они различны и разнородны. Однако всем перечисленным направлениям присуща некоторая общая черта, заключающаяся в их исключительной эклектичности, в осуществляемом ими, иногда намеренно, иногда не намеренно, всевозможном «соединении» экономических взглядов Маркса с точкой зрения того или иного враждебного марксизму философского или экономического направления. Для этой цели на арену политической экономии вызывается целая армия теоретических «мертвецов». В самом срочном порядке призывается механистический материализм, «реставрируется» классическая политическая экономия, из-под теоретического спуда извлекается экономическая теория Богданова, в «новом» виде внезапно появляется вся вульгарная политическая экономия.

Главнейшими представителями вульгарно-механистических направлений в нашей науке, идейными вождями и вдохновителями современных вульгаризаторов выступают А. Кон и С. Бессонов. Они фактически возглавляют весь «критический» поход. Названные экономисты в ряде вопросов эклектически пытаются соединить марксистскую политическую экономию с целым рядом всевозможных теорий. И в этом пункте как раз и обнаруживается их разительное сходство со многими другими нашими экономистами, занимающимися нападением на марксистскую экономическую теорию; в ряде проблем их точка зрения самым тесным образом соприкасается с положениями, выставляемыми открытыми «критиками» Маркса. Поэтому борьба с теоретическими положениями А. Кона и С. Бессонова есть, вместе с тем, борьба за чистоту марксистской экономической теории против всевозможных попыток ее вульгаризации.

Точка зрения С. Бессонова не менее неправильна, не менее эклектична, чем концепция всех других его тайных и явных друзей и единомышленников. Выступая в качестве рьяного «защитника» марксистской политической экономии, он занимается отождествлением этой науки с классической экономической теорией для того, чтобы на этом теоретическом пути протащить свою собственную вульгарно-механистическую концепцию. Для начала тов. Бессонов категорически отрицает то громадное значение, которое присуще марксовой теории товарного фетишизма. Он умаляет значение Маркса в деле раскрытия сокровеннейших тайн экономического развития капиталистического общества, напрягает все свои способности для доказательства, что теория товарного фетишизма представляет собой нечто для нашей науки совершенно несущественное. По мнению С. Бессонова, один лишь «Рубин придает исключительное значение марксовой теории товарного фетишизма», ибо «Рубин неожиданно для марксистов заявляет, что теория товарного фетишизма есть величайшее из открытий Маркса». С. Бессонов нисколько не сомневается в том, что «подобное подчеркивание теории товарного фетишизма представляет из себя бесспорную новость в марксистской литературе» [1]).

Для «марксистской литературы», которая представлена работами главнейших классиков марксизма, точка зрения тов. Бессонова действительно представляет собой бесспорную новость. С. Бессонов оказывается попросту «забыл» указать, что эти его слова должны быть применены к разделяемой им точке зрения, а отнюдь не к кому-нибудь другому. Впрочем, мы еще не раз убедимся в его исключительном невнимании к самому себе. Действительно, и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и все классические представители марксизма придавали большое значение марксовой теории товарного фетишизма. И это вполне понятно, ибо теория товарного фетишизма решительным образом отделяет нашу науку от всевозможных буржуазных экономических теорий. Теория товарного фетишизма представляет собой такую часть марксистской политической экономии, которая специально занимается исследованием вопроса о соотношении между формой проявления и действительной сущностью экономических явлений капиталистического общества. Она изучает, каким образом проявляются во вне производственные отношения товарно-капиталистического общества; чем форма их проявления отличается от самих этих отношений; почему производственные отношения, изучаемые политической экономией, необходимо принимают, и не могут не принимать, специфическую внешнюю форму, и, наконец, какое влияние оказывает эта внешняя, вещная форма на существование и развитие производственных отношений людей. Этот круг вопросов, охватываемых теорией товарного фетишизма, превращает ее в общее методологическое введение в политическую экономию Маркса, которое сразу же указывает на специфический об'ект нашей науки, долженствующий быть исследованным в связи и в различии от присущей ему формы проявления.

Сказанное представляет собой такую общеизвестную истину, что очень и очень немногие из числа буржуазных экономистов пытаются доказать, что теория товарного фетишизма играет незначительную роль в политической экономии Маркса. Что же касается марксистской экономической мысли, то она всегда отмечала значение теории товарного фетишизма для познания движущих сил, управляющих развитием капиталистического обще-

---

[1]) С. Бессонов, Против выхолащивания марксизма, «Проблемы Экономики» № 2, 1929 г., стр. 83—84. Разрядка наша. В дальнейшем обозначаем эту часть статьи тов. Бессонова № 2, в отличие от первой ее части, помещенной в № 1 означенного журнала.

ства. Если же ныне тов. Бессонов решается столь резко игнорировать значение товарного фетишизма, то это он делает с заранее намеченным, обдуманным намерением. Его целью является отождествление классиков и Маркса. Он прямо заявляет и неоднократно подчеркивает, что между марксистской политической экономией и классическим экономическим учением, в этом вопросе нет никакого различия. И, чтобы сколько-нибудь подкрепить свои слова, наш автор, по примеру всех «критиков» Маркса, пытается найти различие между Марксом и Энгельсом, надеясь, что ему удастся сыграть на этом различии в свою пользу. Тов. Бессонов противопоставляет Маркса—Энгельсу, в расчете на то, что излишне доверчивый читатель поверит, будто бы между ними существует какое-то противоречие. «Странно, однако,—пишет он,—что и на этот раз ни Маркс, ни кто-либо из его последователей до Рубина не открыли, что в теории товарного фетишизма содержится ключ ко всей марксистской теории. Мы уже видели, как сам Маркс смотрел на задачу и цель своей работы и на то новое, что он действительно внес в политическую экономию. В знаменитых письмах Маркса, где он оценивает свою работу, как мы помним, нет ни слова о товарном фетишизме. Мы знаем, наконец, что Маркс, несмотря на несколько отличное мнение Энгельса, считал и остался при этом мнении до конца своей жизни, что разоблачение товарного фетишизма было проделано до известной степени уже классиками» [1]). В другом месте своей статьи, тов. Бессонов прямо заявляет, что по этой линии между классической, политической экономией и марксистской экономической теорией нет никаких различий, не существует никаких расхождений. Наш автор указывает, что «под шум «марксистских фраз» Рубин навязывает читателю им самим выдуманное различие Маркса от классиков» [2]). То же самое утверждает и другой представитель вульгарно-механистического направления в политической экономии. А. Финн-Енотаевский пишет: «Различие между Смитом и Рикардо, с одной стороны, и Марксом, с другой, далеко не в том, что они фетишисты, а он вскрывает фетишизм товарного мира, как это обычно толкуют» [3]).

Согласно С. Бессонову, историческая роль Маркса представляется весьма простой и несложной. Классическая политическая экономия уже успела проделать всю теоретическую работу по анализу товарно-капиталистического хозяйства и даже «разоблачила» товарный фетишизм, когда в истории экономической мысли появился Маркс. Последнему оставалось только совершить плагиат у классиков и, присвоив созданную ими теорию, наклеить на нее свою марку. Поэтому, когда Маркс заявляет, что «экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства» [4]), то он лишь повторяет, без указания источника, мысли, уже развитые и доказанные классической, политической экономией. В самом деле. Раз классики уже «разоблачили» товарный фетишизм, то они, очевидно, сумели доказать, что в условиях товарно-капиталистического хозяйства производственные отношения скрыты под вещной формой их проявления и экономические категории являются выражением этих общественных отношений производства.

Так как все эти мысли явно противоречат всему контексту экономических работ как Маркса, так и классиков, то тов. Бессонову, действительно,

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 2, стр. 94. Разрядка наша.

[2]) Там же, стр. 82.

[3]) А. Финн-Енотаевский. К критике теоретической экономии, «Социалистическое Хозяйство», № 4, 1929 г., стр. 58.

[4]) Маркс, Нищета философии, 1928 г., стр. 105.

не остается ничего другого, как, отмахнувшись от «несколько отличного мнения Энгельса», заявить: «мы знаем», что между Марксом и классической политической экономией, в этом вопросе, нет никаких различий. К сожалению, тов. Бессонов не указывает, где находится тот источник, из которого он столь уверенно черпает свои знания. А между тем, его местонахождение нас очень интересовало бы, так как утверждения нашего автора явно не соответствуют действительности. Все работы Маркса, все его письма, в особенности то письмо, от 22 июля 1859 года, на основании которого Энгельс и указал, что Маркс впервые открыл все громадное значение товарного фетишизма для политической экономии, не оставляют никаких сомнений в том, что С. Бессонов и в этом вопросе пошел по пути полнейшего искажения действительных взглядов Маркса. С другой стороны, все главнейшие представители марксистской политической экономии неоднократно указывали в своих работах на выдающееся значение Марксовой теории товарного фетишизма, на то, что эта часть его экономической теории отделяет последнюю от всей буржуазной политической экономии. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно раскрыть любую экономическую работу Плеханова или Розы Люксембург, Гильфердинга или Каутского. Наконец, если мы обратимся непосредственно к самой классической политической экономии, то не замедлим обнаружить непонимание ею товарного фетишизма.

Даже лучший представитель классиков—Давид Рикардо, по причине неразработанности им теории товарного фетишизма, зачастую отождествляет общественные отношения производства с теми материально-техническими, естественными предметами, с которыми они связаны и в форме которых они проявляются на экономической поверхности товарно-капиталистического производства. В самом деле, смешно утверждать, что между Рикардо и Марксом не было никакого различия в вопросе о товарном фетишизме, когда в работах этого виднейшего из классиков встречаются чистофетишистские перлы. «Капитал есть та часть богатства страны, которая употребляется в производстве, и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и проч., необходимых, чтобы труд мог произвести свое действие» [1]). Не правда ли, эти слова звучат совсем по-«марксистски»? Другой представитель классической политической экономии — Адам Смит, так же как и Рикардо, не мог полностью понять общественной сущности экономических категорий, считал, что их характер непосредственно вытекает из природных, вещественных свойств этих категорий. В этом Маркс как раз и обвиняет А. Смита, указывая, что «А. Смит говорит нам, из чего состоит оборотный и основной капитал. Он перечисляет те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно от природы, как будто эти категории вытекают не из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства» [2]). Классическая политическая экономия ошибалась не только в понимании капитала. Во всех других экономических категориях и понятиях она столь же часто смешивала общественно-экономический характер, приобретаемый вещами, в условиях товарного производства, с их естественной, вещественной сущностью. И нет такого марксиста, который, обращаясь к классической политической экономии, не указывал бы на это крупнейшее ее заблуждение. Сам же Маркс высказывался по интересующему нас вопросу с исключительной отчетливостью. Он неоднократно указывал на этот ос-

[1]) Давид Рикардо, Начала политической экономии и податного обложения, перевод Рязанова, «Зерно», 1908 г., стр. 53.

[2]) Маркс, Капитал, т. II, 1918 г., стр. 180.

новной недостаток классиков политической экономии, ставил в вину главнейшим из них фетишистический характер их теории. В противоположность классической политической экономии, а не в соответствии с нею, Маркс бесчисленное количество раз указывал, что все экономические категории, как и каждая из них в отдельности, представляют собой не вещи, а абстракции общественных отношений производства. Он зло и жестоко издевался над этими экономистами, которые, отождествляя капитал с материально-техническими средствами производства, признавали капиталом ту палку, с помощью которой оперирует дикарь.

Но почему же, спрашивается, тов. Бессонов не может уразуметь это различие между Марксом и классиками? Почему он столь упорно и настойчиво пытается отождествить точку зрения классической политической экономии с высказываниями Маркса? Ответ на этот вопрос может быть только один. Тов. Бессонов потому отождествляет классиков и Маркса, что он свою собственную точку зрения выдает за марксистскую. Ибо его положения представляют собой, по сути дела, возврат к классической политической экономии. Правда, это возвращение С. Бессонова в лоно классической обители происходит на несколько иной, немного более высокой основе, правда наш автор занимается установлением своих исходных положений, в то время как классики создавали политическую экономию, практически применяя разделяемые ими положения, а не выставляя их a priori, но от этого суть дела нисколько не изменяется. Факт остается фактом. С. Бессонов, подобно всей буржуазной политической экономии, и классической в том числе, смешивает общественные отношения производства с материально-техническими предметами, технологическими процессами. Он прямо заявляет, что задачей политической экономии является исследование вещей и «вещного» мира, так как производственные отношения должны быть сведены к технологическим процессам, полностью их об'ясняющим. В соответствии с этими своими взглядами, т. Бессонов считает, что Маркс, «в меру своих сил и способностей, неустанно пытался овладеть тайнами технологических процессов, тщательно отыскивая в них то, что могло помочь ему раскрыть тайну общественных отношений» [1]. Однако то, что было еще простительно классикам, недопустимо для С. Бессонова. Классическая политическая экономия, при всех недостатках и ошибках, ей присущих, значительно продвинула вперед дело научно-экономического анализа буржуазного производства. Но после Маркса возвращаться к ошибкам классиков вовсе не означает дальнейшего развития марксистской экономической мысли, которая со времен классической политической экономии далеко продвинула и завершила исследование товарно-капиталистического способа производства.

Все многочисленные ошибки, совершаемые нашим автором в области марксистской политической экономии, в том числе и производимое им отождествление взглядов Маркса и Рикардо, восходят к одному и тому же ошибочному исходному пункту. Корень всех ошибочных утверждений С. Бессонова кроется в его убеждении, что политическая экономия обязательно должна изучать, кроме производственных отношений, также и потребительные стоимости, вещи, материально-технический процесс производства и производительные силы. Он не понимает того, что этот круг вопросов не может исследоваться политической экономией, он не видит того, что его ошибочные положения неминуемо ведут к резкому разрыву с экономической теорией Маркса. Наш автор не замечает, что «Маркс изучает не процесс производства, а прежде всего ту общественную форму, которую принимает продукт

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 1, стр. 140.

производства. Но продукт, в своей определенной общественной форме, является уже не результатом процесса производства (в смысле тех материально-технических и технологических процессов, которые во время него происходят. *Г. Д.*), которому он обязан лишь изменением своих естественных свойств сообразно с целями потребления, а выражением производственных отношений, в которых его производители стоят друг к другу. Здесь рассматривается уже не естественная сторона производства, не воздействие человека на природу, а взаимные отношения людей в производстве» [1]).

С подобными вполне обоснованными рассуждениями наш автор наверное не согласится, станет решительно против них возражать. Иначе он и не может поступить, ибо С. Бессонов только потому не приемлет теории товарного фетишизма, как учения об особой социальной форме, приобретаемой вещами, выражающими определенные производственные отношения людей, что согласно этой теории «естественная сторона производства», потребительные стоимости не изучаются политической экономией. Тов. Бессонов старается доказать, что отношения вещей друг к другу и отношения людей к этим вещам непременно должны изучаться политической экономией, так как все эти отношения входят в процесс непосредственного материального производства. Он заявляет, что «отношения человеческого коллектива к природе входят в предмет политической экономии так же, как и отношения людей друг к другу в процессе капиталистического производства» [2]). По мнению С. Бессонова, положение, что политическая экономия должна изучать только отношения между людьми, является совершенно неверным, чисто-буржуазным утверждением. «С точки зрения Маркса,—пишет он,—самое противопоставление материального процесса производства и социальной формы бессмысленно потому, что материальное производство есть в то же время и производство социальной формы. Оторвать одно от другого, как мы показали выше, можно, только изобразив материальное производство как производство единичного, изолированного индивидуума, в пределах хозяйства которого возможны лишь отношения вещей друг к другу и отношения индивидуумов к вещам, но, конечно, не отношения человека к человеку. Такое именно материальное производство мыслится Рубиным, когда он протестует против включения его в предмет политической экономии. В самом деле, разве не прав Рубин, когда он делает следующее торжественное заявление: «политическая экономия есть наука не об отношениях вещей к вещам, как думали вульгарные экономисты, и не об отношениях людей к вещам, как утверждает теория предельной полезности, но об отношениях людей к людям в процессе производства». Однако подобное заявление легко сделать любому буржуа, если только он не стоит на позиции экономических робинзонад. Не хуже Рубина это бессодержательное положение защищает и развивает духовный отец Рубина, Альфред Аммон» [3]).

[1]) Гильфердинг, Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса. См. «Основные проблемы политической экономии», стр. 111.

[2]) Бессонов. Содоклад на диспуте в Институте Красной Профессуры. См. «Проблемы Экономики» № 4—5, 1929 г., стр. 210.

[3]) Бессонов. Против выхолащивания марксизма, № 1, стр. 138. Разрядка наша. Вновь и вновь появляется на нашей дискуссионной арене знаменитое пугало в виде, на сей раз, Альфреда Аммона, которым тов. Бессонов стращает своих противников, принимая их, очевидно, за людей, которых легко одурачить, так как они-де не смогут самостоятельно разобраться в применяемых им «критических» приемах. Крайне знаменательно, что А. Кон и С. Бессонов, которые

Таким образом, согласно тов. Бессонову, заявление о том, что политическая экономия не должна заниматься изучением отношений вещей к вещам, является самой неприкрытой буржуазной апологетикой, представляет собой такого рода заявление, которое «легко сделать любому буржуа». Если же тов. Рубин, в дополнение к этому, решается еще заметить, что политическая экономия не изучает вещной стороны процесса материального производства, если он утверждает, что наша наука исследует не отношения между человеком и природой, а отношения «людей к людям в процессе производства», то тут он уже прямо солидаризируется с Аммоном. «Бессодержательное положение», что наша наука анализирует отношения людей к людям, возникающие между ними в процессе материального производства, свойственно, как это представляется С. Бессонову, социальному направлению, в современной буржуазной экономической науке. Мы все, разумеется, должны быть чувствительно благодарны нашему автору, за его столь бесценное открытие. Ибо С. Бессонов является тем человеком, который впервые сумел установить истинный смысл рассуждений Альфреда Аммона. Оказывается, что последний предлагает политической экономии изучать отношения людей к людям в процессе производства, заниматься исследованием производственных отношений людей, надеясь таким образом в корне уничтожить материалистический характер этой науки. Грешным делом, мы, в простоте душевной, полагаясь на текст работ Аммона предполагали, что он ни разу не заикается даже о производственных отношениях людей, что он не знает даже подобного понятия и занимается исключительно рассмотрением чистых «социальных отношений суб'ектов». Мы сознаемся, что утверждение о том, что политическая экономия исследует общественные отношения производства, а не чистые социальные отношения различных суб'ектов, казалось нам материалистическим заявлением. Мы вынуждены признать, что самая мысль о том, будто бы производственные отношения являются идеалистической категорией, совсем недавно казалась нам вопиющей нелепостью. Однако тут ничего нельзя поделать, так как, очевидно, тов. Бессонову удалось гораздо более детально выяснить этот вопрос, установить действительную зловредность производственных отношений. Но в таком случае, что следует сказать по адресу такого закоренелого представителя «идеализма» в политической экономии, как... Энгельс, который, повидимому, в своих работах не только высказывает свое собственное «несколько отличное» от рассуждений Маркса мнение, как полагает наш автор, но попросту занимается самым оголтелым ревизионизмом? Ведь он осмеливается заявить, что будто бы: «в политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта связь, слабое сознание которой, конечно, мелькало уже в отдельных случаях у того или другого экономиста, была впервые раскрыта Марксом в ее значении для всей политической экономии, благодаря чему он мог труднейшие вопросы так упростить и так ясно изложить, что они теперь будут понятны даже буржуазным экономистам» [1]. Единственное, что остается нам теперь сделать, это выразить свое искреннее сожаление по поводу того, что Энгельс, будучи в течение стольких лет ближайшим другом, товарищем и поверенным во всех делах

столь громко умеют кричать о буржуазных экономистах, никогда еще не сделали ни малейшей попытки действительно раскритиковать их утверждения. Эту черную и неблагодарную работу они по сей день предоставляют... своим противникам.

[1]) Энгельс, К. Маркс. К критике политической экономии. См. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1929 г., стр. II.

Маркса, занимался ревизией созданной им политической экономии. Впрочем, ревизионистом, как нам любезно раз'ясняет А. Финн-Енотаевский, оказывается не только Энгельс, но и Маркс. «Неверно представлять дело так, что общественные свойства вещей не стоят ни в какой связи с их натуральными свойствами, что они лишь отражают общественные отношения людей друг к другу без всякого отношения людей к вещам. А это-то Маркс в противоречие с самим собой здесь и делает» [1]).

Однако т. Бессонов настолько далеко зашел в своих рассуждениях, в такой степени довел до абсурда свои же собственные положения, что даже т. Кон уже не решается более открыто проповедывать необходимость включения в политическую экономию, изучения вещной стороны производственного процесса. Он не отстаивает более «равноправного» включения в предмет нашей науки производительных сил наравне и совместно с производственными отношениями. Больше того. Он теперь решил заняться, в самом срочном порядке, затушевыванием всего существа наших разногласий. Поэтому А. Кон в своей самоновейшей статье, тсарательно припрятывает и замазывает истинный смысл ранее выставленных положений, разделяемых, как им самим, так и т. Бессоновым. Не останавливаясь ни перед чем, А. Кон авторитетно вопрошает: — «предлагал ли действительно т. Бессонов включать в предмет политической экономии материально-технический процесс производства? Тов. Б. Борилин, к сожалению, имеет нехорошую манеру передавать мысли противника своими словами, забывая, очевидно, что «Москва словам не верит», — он не приводит ни одной цитаты из работ т. Бессонова, которая подтверждала бы его утверждения. Почему он это «забыл» сделать? Ответ ясен — потому, что т. Бессонов никогда ничего подобного не утверждал» [2]). Действительно, после всего сказанного, совершенно ясно, чьим словам «Москва не поверит». Для того ли т. Бессонов старался изо всех сил доказать, что отказ от исследования технических факторов производства, отказ от изучения взаимоотношения его вещественных элементов, представляет собой утверждение, свойственное теоретическим представителям буржуазии, чтобы А. Кон столь беспечно отверг ныне все его заслуги на этом поприще.

Тов. Бессонов, очевидно, не подозревал, что А. Кон станет от него отрекаться, когда он, с головой выдавая самого себя, говорил во всеуслышание, с трибуны ИКП: «Материальный субстрат производительных сил является основой общественного развития лишь постольку, поскольку он охвачен живым пламенем труда, т.-е. поскольку находится в действии. Изучение самого субстрата, как такового, не входит в политическую экономию. Взаимное же отношение отдельных элементов этого субстрата, т.-е. производительные силы в действии, процесс труда «как таковой» — составляют такую же неот'емлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса» [3]). Да, т. Кон, трудно поверить вашим заявлениям, когда они в такой степени не соответствуют фактической действительности. И так как невозможно допустить, чтобы А. Кон, пускаясь в плавание по волнам экономической теории, не потрудился прочесть «критические» замечания своего ближайшего друга и единомышленника, которого он «в тяжелую годину бедствий» берет под свою опеку и покровительство, то мы вынуждены, неминуемо, притти к одному выводу пренеприятного свойства. Тов. А. Кон нарочито прикрывает осознанные им ошибки своего направления. Он скрывает все нелепости как свои, так и

[1]) А. Финн-Енотаевский. К критике теоретической экономии, стр. 55.
[2]) А. Кон, Б. Борилин как критик, «Проблемы Экономики» № 6, 1929 г., стр. 89. Разрядка наша.
[3]) Бессонов, содоклад на диспуте в ИКП, стр. 210.

С. Бессонова, под барабанный грохот трескучих фраз и трубный глас убийственных обвинений старается всячески отделаться от тех категорических заявлений, под которыми он только что целиком и полностью подписывался. Впрочем, не чересчур ли часто стали происходить с А. Коном подобные недоразумения? И если он свое непонимание диалектического метода в 1922 г. задним числом оправдывает тем, что «никто из рубинцев не предложил способа рожать детей, прочитавших уже «Науку Логики»» [1]), то чем он об'яснит впоследствии свою теперешнюю точку зрения?

Немарксистский характер заявлений т. Бессонова настолько очевиден, что т. Кон вынужден утверждать, будто бы эти его слова никогда и нигде не были им произнесены. Однако он, очевидно, не успел согласовать этого своего выступления с Г. Дукором и А. Ноткиным, вследствие чего в их статьях получилось некоторое крайне досадное расхождение, заключающееся в том, что последние авторы, в противоположность А. Кону, не стали скрывать фактических происшествий. Эти авторы, в своей последней статье, считают необходимым отмежеваться от приведенных нами слов С. Бессонова, и подвергают их вполне заслуженной критике. «Не спасается тов. Бессонов своими оговорками о «процессе» и о «пламени» от технологии. «Взаимное отношение отдельных элементов»—это или отношение вещей к вещам, или отношение людей к вещам в процессе труда «как таковом», то-есть технические отношения—это отношения людей к природе, или технология. Как будто нарочно, чтобы обнаружить свое отличие от Маркса, тов. Бессонов пишет: «Отношения человеческого коллектива к природе (это не энергетический ли баланс между обществом и природой? *Г. Д.* и *А. Н.*) входят в предмет политической экономии так же, как и отношения людей друг к другу в процессе капиталистического производства». Сравните, читатель, эту формулировку со взглядами Маркса, цитированными выше, и вы увидите, что всуе тов. Бессонов заявляет: «Маркс не смешивал политическую экономию с технологией»,— всуе, ибо сам тов. Бессонов в этом отношении на Маркса не похож» [2]). Г. Дукор и А. Ноткин справедливо и правильно критикуют совершенно ложные, немарксистские взгляды т. Бессонова. И тем более жаль, что сразу же после этой вводной части своей статьи они далее слово в слово повторяют все его остальные мысли об «идеалистических» и «материалистических» производственных отношениях, наравне со своими старыми ошибочными предложениями об «уточнении» определения предмета политической экономии, по сравнению с его прежним марксистско-ленинским пониманием. Г. Дукор и А. Ноткин не замечают того, что тов. Бессонов, на основании его исходных теоретических положений, делает, в критикуемом ими месте, всего лишь на всего определенные логические выводы. Поэтому Г. Дукор и А. Ноткин исключительно непоследовательны, когда, принимая первые, они, вместе с тем, занимаются критикой последних.

Не понимая товарного фетишизма, С. Бессонов, бесчисленное количество раз, предлагает политической экономии исследовать те взаимоотношения вещей, которые имеют место в условиях всякого материально-технического процесса производства. Он утверждает, что наша наука должна изучать свойства вещей и «вещного мира», навязывает ей исследование технических и технологических свойств потребительных стоимостей. Тов. Бессонов заявляет нам, что Маркс занимался изучением материально-технической, естественной сущности различных вещей. «С первой же страницы «Капитала», — пишет он, — Маркс занимает принципиально иную позицию по

[1]) Кон, Борилин как критик, стр. 119.
[2]) Дукор и Ноткин, Как нельзя бороться «Против механистических тенденций в политической экономии», «Большевик» № 18, 1929 г., стр. 114.

отношению к вещам и вещному миру, чем его комментатор Рубин. Рубин до смерти боится материальных вещей, Маркс спокойно продолжает дальнейшее их изучение» [1]). Таким образом, по мнению С. Бессонова,— в марксистскую политическую экономию, кроме всего прочего, должно входить также и изучение самих вещей и «вещного мира» в их материально-техническом, естественном бытии и значении. И как бы нарочно для того, чтобы не оставить никаких сомнений насчет того, о чем идет здесь речь, автор тут же указывает, что «вещи, по-Марксу, различаются между собой прежде всего по своим естественным свойствам и качествам» [2]).

Тов. Бессонов твердо уверен в том, что Маркс, на протяжении всей созданной им экономической науки, «спокойно продолжал» заниматься изучением «естественных свойств и качеств» материальных вещей. Его нисколько не смущает то обстоятельство, что политическая экономия представляет собой общественную науку и, уже по одному этому, не должна заниматься изучением естественных свойств различных вещей и предметов. И если вся марксистская политическая экономия, с самого момента своего появления, не занималась исследованием этого круга вопросов, то... тем хуже для всех главнейших представителей марксизма. «Изучение потребительной ценности, как таковой, по мнению Маркса, относится к области товароведения, а не политической экономии. К сожалению, марксистская литература из этого указания Маркса сделала лишь тот вывод, что непосредственному политико-экономическому анализу подлежит лишь меновая стоимость и создающий ее абстрактный общественный труд. Безбрежная область конкретного полезного труда, создающего потребительные ценности, осталась вне поля марксистского исследования» [3]).

Как мы уже видели, от этих положений С. Бессонова отказываются даже его ближайшие единомышленники. А между тем они органически связаны со всей его концепцией, непосредственно из нее вытекают. Отрицая значение товарного фетишизма, отождествляя классиков и Маркса, т. Бессонов, тем самым, последовательно развивает свою точку зрения. И ему остается проделать лишь совсем немногое, чтобы добраться до крайних положений своей же собственной концепции. Корни всех ошибок, совершенных нашим автором, неизменно ведут к его вульгарно-механистическому пониманию диалектического материализма. И недаром по данному вопросу существует столько общего между С. Бессоновым и Н. Бухариным, который тоже писал, что необходимо «самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике» [4]), против чего самым решительным образом протестовал Ленин. В другой нашей статье мы уже однажды имели случай убедиться, что у С. Бессонова вместо диалектического метода фигурирует механистическая точка зрения. Все основные положения материалистической диалектики подвергаются, в его руках, вульгарно-механистическому извращению. Однако он не в меньшей степени вульгаризирует и материализм.

Тов. Бессонов утверждает, что если в политической экономии не изучать вещей, с которыми связаны общественные отношения производства, если не «сводить» общественных отношений к этим вещам, то наша наука лишится ее материалистической основы. «Многообразный, красочный и реальный мир материальных вещей по-Марксу теснейшим образом связан с социальными отношениями людей, потому что, будучи охвачен живым пламенем труда, этот мир вещей собственно и составляет материальную базу обще-

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 1, стр. 141.
[2]) Там же, стр. 141.
[3]) Бессонов, Развитие машин, стр. 40.
[4]) Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 44.

ственных отношений» [1]). Эти вещи являются, по мнению С. Бессонова, базой общественных отношений производства только потому, что «различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда» [2]). Производственные отношения, как рьяно утверждает наш автор и многие другие вместе с ним, не представляют собой материалистического понятия. Они являются чем-то сугубо идеалистическим. Производственные отношения представляют собой реальный момент действительной общественной жизни только тогда и только постольку, когда и поскольку они являются пассивным отражением технических приемов производственного процесса. «Вместе с «техническими приемами» Рубин выкидывает, таким образом, за борт политической экономии не только значительную часть «Капитала». Он выкидывает и нечто большее» [3]), лишает производственные отношения их материального содержания. Помилуйте, ведь с отказом от изучения вещей, с нежеланием исследовать в пределах нашей науки «вещный мир» «вся эта реальная основа развития общества и общественных отношений производства безжалостно выброшена ныне Рубиным из мира социальных явлений. Тем самым сфера социальных явлений оказалась радикально и начисто освобожденной от неприятного материального соседства, очищена и возвышена над грубым материальным миром, поставленным в скромной позе за рубинским порогом. Однако вместе с этим очищением политической экономии от натуралистических плевел выхолощено и революционно действенное нутро марксистского учения. Лишенная материальной основы, сфера «социальных» явлений развивается теперь сама из себя, через себя и ради себя» [4]). Иначе говоря, для т. Бессонова весь материализм, все «революционно-действенное нутро» заключается в материально-осязаемых предметах, чувственно-воспринимаемых вещах. До тех пор, пока политическая экономия изучает производственные отношения совместно с вещами, сводя их к этим последним, до тех пор она является материалистической наукой. Но как только мы говорим, что производственные отношения не являются простым придатком вещей, их пассивным отражением, мы немедленно превращаем нашу науку в идеалистическую болтовню. «Здесь мы подходим к «святая святых» Рубинской концепции — к его теории товарного фетишизма. Вульгаризация классиков и искажение Маркса нужны были Рубину для того, чтобы выставить за порог политической экономии историко-материалистическую сторону марксистского метода и оставить за нашей наукой одну лишь пустую оболочку формально-социологических признаков и характеристик» [5]). С. Бессонову усердно вторит А. Кон, мысли которого вращаются вокруг тех же самых, в такой степени ими непереваримых вопросов. «Спор ведется о том, как понимать производственные отношения; понимать ли производственные отношения метафизически и идеалистически—как пустые бессодержательные формы, или же—диалектически и материалистически—как формы, исполненные реального и материального содержания» [6]).

А. Кон и С. Бессонов не высказывают здесь, по сути дела, ничего нового. Они только некритически повторяют те ошибочные мысли, которые составляют основное содержание «Теории исторического материализма» тов. Бухарина. В самом деле, «опасаясь, как бы не впасть в психологизацию общественного базиса, к которому относятся производственные отношения, и

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 1, стр. 141.
[2]) Там же, стр. 142. Разрядка наша.
[3]) Там же, стр. 143.
[4]) Там же, стр. 144.
[5]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 2, стр. 82.
[6]) Кон, Б. Борилин как критик, стр. 90.

считая самым дельным аргументом в руках антимарксистов то, что «понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие», т. Бухарин предполагает оказать марксизму большую услугу, решительно и вооочию материализовав недостаточно материальные в марксизме производственные отношения. Но вместо того, чтобы развивать положения марксизма дальше в духе того же марксизма, и, стало быть, в согласии с об'ективной действительностью, он бросается вспять в сторону вульгарного, механистического материализма... Тов. Бухарин, поставивший себе целью материализовать производственные отношения так, чтобы никакому психологисту неповадно было, решил «опредметить», овеществить их настолько, чтобы их можно было ощупать, понюхать и увидеть глазами. Уже по самому заданию видно, что мы имеем дело с механическим, метафизическим, а не диалектическим материалистом» [1]). В том факте, что наши авторы взяли на себя, по сути дела, функцию выполнителей теоретических заданий Н. Бухарина, нет ничего удивительного. Всех их, в равной мере, роднит вульгарно-механистический метод анализа общественных явлений. И недаром тов. Кон печатно защищал все без исключения философские утверждения тов. Н. Бухарина.

А. Кону и С. Бессонову не дано уразуметь действительный смысл производственных отношений людей. Все их «глубоко-материалистические» положения основаны на сугубо вульгарном понимании как производственных отношений, так и материализма. Наши авторы, которые столь громко умеют кричать о социальном направлении в политической экономии, на самом деле, не могут отделить его от марксистской политической экономии, так как для них производственные отношения, рассматриваемые Марксом, Энгельсом и Лениным, и «социальные отношения суб'ектов», разбираемые Альфредом Аммоном, представляют собой совершенно одно и то же. Для нашего вульгарно-механистического направления все реально существующие отношения, все виды и типы социальных отношений людей исчерпываются одним общим понятием «сфера социальных явлений», которые не подлежат никакой дальнейшей дифференциации. Поэтому, даже в том случае, если наши авторы и решаются упомянуть о производственных отношениях, то они являются для них столь же неопределенным и идеальным понятием, сколь неопределенно и идеально самое понятие социальных отношений вообще. С другой стороны, для А. Кона и С. Бессонова является реальным и об'ективно существующим только все то, что представляет собой чувственно-осязаемую материю. Все же общественные явления представляются им не реальными, об'ективно не существующими. Но ведь производственные отношения существуют в об'ективной действительности, являются материальными отношениями. Однако,— умозаключают наши авторы,—для того, чтобы эти производственные отношения действительно были реальными и материальными, они должны выступать в виде чувственно-осязаемых вещей. В этих последних заключено все материальное содержание, весь материалистический характер, все «революционно-действенное нутро» марксистского учения.

Рассуждения А. Кона и С. Бессонова крайне занимательны и поучительны. Однако они понапрасну выдают их за ортодоксальный марксизм. Ибо, как для самого Маркса, так и для всех его последователей, производственные отношения представляют собой такое вполне материалистическое, об'ективно-существующее явление, которое не нуждается в какой бы то ни было дальнейшей «материализации», не подлежит дальнейшему «уточнению», осуществляемому нашими авторами, посредством придания вещественной плоти производственным отношениям, путем их сведения к

[1]) Луппол, К вопросу о теоретических корнях правого уклона, «Большевик» № 18, 1929 г., стр. 17—18.

чувственно-осязаемым материально-техническим вещам и предметам. В самом деле. Производственные отношения представляют собой, согласно азбуке марксизма и ленинизма, те реальные отношения, которые возникают между людьми в действительном процессе материального производства, независимо от воли и сознания агентов этого производства. «Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собой определенную группировку людей в общественном производительном процессе, т.-е. определенные отношения производства, т.-е. определенную структуру всего общества» [1]). Таким образом, производственные отношения соответствуют положению и роли производителей, их группировке в самом процессе общественного производства. Производственные отношения—это те взаимные связи, которые возникают между людьми в процессе их производительного воздействия на природу. «Производственные отношения есть такие отношения, в которые люди вступают в общественном отправлении своей жизни, которые далее не зависят от воли самих людей; которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил; которые в совокупности своей образуют экономическую структуру общества; которые, по выражению Маркса, в целом образуют то, что называют общественными отношениями, обществом; которые, далее, в классовом обществе не могут не быть классовыми по своей природе, ибо именно классы и являются суб'ектами общественных производственных отношений, которые, наконец, не воспринимаются непосредственно глазом, носом, ухом, руками, а могут быть вскрыты лишь теоретическим анализом, чем в отношении капиталистических производственных отношений лучшим свидетельством являются тома «Капитала» [2]).

Производственные отношения людей столь же материальны, столь же реальны, столь же об'ективны, сколь материальны, реальны и об'ективны те взаимные связи, которые, возникая в процессе производства, между отдельными его участниками данной ступени развития производительных сил, представляют в своей совокупности реальное основание общества, определенную экономическую его структуру. «Совокупность этих производственных отношений образуют экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [3]). Таким образом, производственные отношения представляют собой «реальный базис» человеческого общества. Отсюда непосредственно следует вывод, что они не могут быть всего лишь на всего сочетанием каких-то идеальных моментов.

Тов. Бессонов предлагает искать материальную базу производственных отношений, их «нутро», в тех материально-технических вещах и предметах, к которым следует, по его мнению, сводить общественные отношения производства. Маркс, разумеется, никогда не разделял подобной точки зрения. Он указывал, что вещи представляют собой нечто иное, нежели те отношения, которые возникают посредством их и по поводу их. И в развитие своей точки зрения Маркс говорит нечто совершенно иное, нежели С. Бессонов: «способ эксплоатации машин есть нечто совершенно отличное от самих машин» [4]). И это должно быть очевидно для каждого мало-мальски мыслящего человека. Никто из классиков марксизма никогда не предполагал, чтобы материально-технические процессы или «вещный мир» исключали

[1]) Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, изд. ВЦИК, 1919 г., стр. 140.
[2]) Луппол, К вопросу о теоретических корнях правого уклона, стр. 18.
[3]) Маркс, К критике политической экономии, 1929 г., стр. 55. Разрядка наша.
[4]) Маркс, письмо Анненкову. См. Нищета философии, 1928 г., стр. 174.

все то самостоятельное значение, которое принадлежит отношениям людей, возникающим в процессе материального производства и им всецело обусловленными. И, конечно, Марксу никогда не представлялось, чтобы производственные отношения, рассматриваемые вне зависимости от вещественных предметов, являлись бы идеалистическими отношениями. Ссылки А. Кона и С. Бессонова на Маркса, поэтому, являются совершенно необоснованными. Однако, если подобное положение о роли материальных вещей и не свойственно марксизму, то оно зато разделялось и разделяется всеми теми вульгарными «марксистами», о которых сам Маркс нередко замечал: — «Я знаю только одно, что я не марксист». С другой стороны, всевозможные «критики» Маркса и марксизма также всегда старались доказать, что Маркс-де низводит все общественное развитие к динамике материальных вещей и чувственно-осязаемых предметов. Сперва приписав Марксу это свое неправильное и неверное утверждение, они затем, без особого труда, критиковали собственные измышления, делая вид, что их выступления заключаются в «критике» взглядов Маркса.

Последнее выступление одного из подобных «критиков» Маркса имело место совсем недавно. Согласно Гендрику де-Ману [1]) все учение Маркса о производительных силах и производственных отношениях заключается в провозглашении главенствующего значения голой техники. Одна лишь техника, только развитие мертвой материи, механически определяет собой все общественно-историческое и идеологическое развитие. Способ производства мыслится Марксом, именно как мертвая материя. Все мировоззрение марксизма покоится, по мнению де-Мана, на логических, рационалных «категориях, которые, будучи полностью применимы только в царстве мертвой материи, привлекаются все же Марксом для об'яснения общественных процессов и исторических явлений. Исторический материализм замещает понятие функции понятием механической причинности только для того, чтобы установить главенствующее значение развития техники. По мнению де-Мана, Маркс, в такой степени, об'ясняет все социально-исторические и идеологические процессы мертвой материей, помимо которой ничто иное не может оказать свое действие, что эта мертвая материя будто бы превращается в его системе даже в какое-то божество. «Охарактеризовав» подобным образом исторический материализм и марксизм, Гендрик де-Ман в дальнейшем легко и быстро с ним «разделывается». Закончив «критику» Маркса, де-Ман затем выполняет истинную задачу всей своей литературной деятельности, водружает свою собственную фрейдистско-бергсоновскую, религиозную систему.

Стоит ли доказывать, что в действительности исторический материализм, как и все учение Маркса, не имеет решительно ничего общего с той нелепой вульгарной карикатурой, которую нам преподносят, исходя из определенных классовых целей, всяческие Гендрики де-Маны? Стоит ли доказывать ту очевидную истину, что Маркс не занимался сведением общественных процессов и производственных отношений к развитию голой техники, к «вещному миру» и материально-техническим процессам? Мы думаем, что в доказательстве подобных общеизвестных и вполне очевидных истин нет никакой необходимости. Заблуждения А. Кона и С. Бессонова, если они только от них во-время не откажутся, обязательно должны привести их к теснейшему родству со всевозможными вульгарно-механистическими «критиками» марксизма. А между тем, суб'ективные желания наших авторов, несомненно, носят наилучший характер. Поэтому, чем скорее тт. А. Кон и С. Бессонов поймут, что все громаднейшее значение марксистского мировоззрения, все его соответствие об'ективной действительности заключается вов-

[1]) См. Hendrik de Man, Zur Psychologie des Sozialismus, 1926.

се не в вульгарно-механистическом ее исследовании, а в диалектическом, гибком и всестороннем изучении этой многообразной действительности, тем лучше будет не только для них, но и для дальнейшего развития всей марксистской мысли. Процессы, имеющие место в реальной действительности человеческого общества, прекрасно изучаются и рассматриваются марксистскими общественными науками, но они никоим образом не могут быть втиснуты в прокрустово ложе какой-нибудь вульгарной, немарксистской схемы.

А. Кон и С. Бессонов в своем «критическом» походе не показывают и виду, что они нападают на те взгляды, которые принадлежат Марксу. Внешность их рассуждений, все время, носит марксистский характер. Однако наши авторы далеко не одиноки в разделяемой ими точке зрения. Аналогичные рассуждения о значении потребительной стоимости и вещей для «материализации» производственных отношений, которые без подобного «овеществления» будто бы не могут быть материальными, мы встречаем также и у многих других современных экономистов. К направлению, возглавляемому А. Коном и С. Бессоновым, принадлежит, между прочим, также и Н. Кажанов, который утверждает, что «для всякого исторического общества все общественные отношения людей реально не отделимы от тех или иных материально-физических моментов, от «вещей». Даже сложные интеллектуальные взаимоотношения не могут иметь места без того или иного материально-физического выражения их» [1]). Однако Н. Кажанов, подобно С. Бессонову, также принимает вид рьяного «защитника» марксистской политической экономии от ее «противников». Другой сторонник этой же самой точки зрения—А. Финн-Енотаевский—поступает во сто раз более честно и откровенно. Он прямо заявляет, что Маркс не разделял подобных положений, но что как раз за это его и следует критиковать. А. Финн-Енотаевский, в противоположность всем и всяческим его единомышленникам, выступает не против того или иного марксиста. Он не старается придать своим рассуждениям такой вид, будто бы они не расходятся с Марксом, а направлены «только» против той или иной интерпретации его работ. Этот экономист, выступая, подобно многим другим его союзникам, против Маркса, не желает и не считает нужным скрывать это очевидное обстоятельство. В полном согласии с А. Коном, С. Бессоновым, Н. Кажановым и др. А. Финн-Енотаевский заявляет, что «когда Маркс эту мысль формулирует так, что существование товаров, как меновых ценностей, «совершенно независимо» от их существования, как потребительных стоимостей, то это неправильно выражает его собственный взгляд на отношение меновой ценности к потребительной в товарном мире и приводит в восторг Книсов, могущих констатировать здесь дефект у него. И в самом деле, разве существование товара, как меновой ценности, находится вне связи с материальным, предметным существованием товара, с его натуральной формой, которую Маркс сам и, как мы увидим еще, неудачно отождествляет с потребительной ценностью? Оценка товара как потребительной ценности и его же как меновой отлична, но в том и в другом случае оценка связана с предметом, со свойствами его материальными и общественными» [2]).

А. Финн-Енотаевский считает, как и С. Бессонов, что производственные отношения, выражаемые экономическими категориями, непременно должны быть связаны с вещами, с потребительными стоимостями, с теми материально-естественными свойствами, которыми обладают натуральные формы вещественных носителей этих категорий. Для того, чтобы обосновать это положение, он, предварительно, лишает стоимости всякого реального смысла, превращает ее в чисто-идеалистическое понятие. Во всех его рассуждениях стоимость фигурирует не как об'ективная категория, которая реально существует в условиях товарно-капиталистического производства, а как «оценка товаров» по «сознанию». «Ценность — это с о з н а н и е затраченного труда в обществе» [1]). Понятно, что теперь эту идеализированную стоимость необходимо подвергнуть «материализации», дабы она окончательно не превратилась в одну лишь голую фикцию. И А. Финн-Енотаевский превращает стоимость из производственного отношения в «оценку» материально-телесных свойств предмета, присущих ему от природы наравне и на ряду с другими его естественными свойствами. Товар, по мнению А. Финн-Енотаевского, может быть оценен с самых различных сторон, как с его материальной стороны, так и с общественной. В зависимости от того, какую применить оценку, мы и получаем потребительную или меновую стоимость, которые столь же нераздельно должны исследоваться в политической экономии, сколь нераздельны естественные свойства предмета, хотя мы их, весьма услозно, и разграничиваем, как материально-технические и как общественные.

По мнению А. Финн-Енотаевского, Маркс ошибается, когда он утверждает, что производственные отношения людей, в которые они вступают между собой, отличны от отношений человека к природе от процесса труда «как такового». Он рассуждает аналогично А. Кону и С. Бессонову. Раз производственные отношения возникают в процессе взаимоотношения между человеком и природой, то они неотделимы от материально-технической, технологической стороны этого процесса. Производственные отношения должны рассматриваться политической экономией вместе с материальными вещами, с предметами, создаваемыми в производстве, ибо, рассматриваемые отдельно от них, отношения людей становятся чисто-социальными, идеальными отношениями суб'ектов. Именно поэтому и нельзя рассматривать материально-технических процессов производства отдельно от возникающих в нем производственных отношений. «Человеческая природа и здесь отделяется им (Марксом. *Г. Д.*) от природы. Человек здесь у него продолжает представлять н е п о с р е д с т в е н н о лишь общество, а не и природу. И это в то время, как Маркс сам учит, что человек живет в двойной среде: физической и социальной, что природа действует на него и он на природу, как член общественного организма. Все эти старания Маркса вырыть п р о п а с т ь между природой и обществом в вопросе о ц е н н о с т и вызывают тем больше удивления, что из самого его учения вытекает, что человек — м о с т между природой и обществом» [2]).

Утверждая, что производственные отношения людей непосредственно содержат чувственно-воспринимаемое вещество и к нему сводятся, А. Кон и С. Бессонов, естественно, пытаются подобным образом «материализировать» все отдельные виды и типы производственных отношений участников товарно-капиталистического процесса производства. Они пытаются от'искать вещественную материю в самих этих производственных отношениях, так как в противном случае, согласно их точке зрения, лишенные этой чувственно-осязаемой материи, производственные отношения, неизбежно превратятся в какую-то мифическую «оценку», нечто туманное и сугубо неопределенное. Но так как столь же невозможно «материализировать» реально существующие и поэтому материальные общественные процессы,

[1]) Кажанов, Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса. «Проблемы Марксизма» 1928 г., стр. 147.

[2]) А. Финн-Енотаевский, К критике теоретической экономии, «Социалистическое Хозяйство», № 3, 1929 г., стр. 51. Считая себя вторым Марксом политической экономии, Финн-Енотаевский называет свою вступительную работу к пересмотру всей современной ,марксистской экономической теории, аналогично соответствующей работе автора «К критике политической экономии».

[1]) Финн-Енотаевский, К критике теоретической экономии; стр. 40.

[2]) Там же, стр. 53.

сколь невозможно смочить воду, то ясно, что рассуждения всех наших противником носят более нежели «оригинальный» характер. Так, напр., А. Кон решительно возражает против утверждения И. Рубина, который указывает, что согласно Марксу в стоимости не содержится в е щ е с т в е н н о й, грубочувственной материи. Он пишет, что «вместо слов «ни один атом естественного вещества» Рубин, как мы видим, подставляет слова «ни одного атома материи». Таким образом раз'единяются общественные и материальные элементы марксовой теории, и материалистическое учение Маркса превращается в невинное идеалистическое варево: стоимость, которая является производственным отношением, об'является нематериальным, следовательно, об'ективно не существующим явлением» [1]). Философские механисты всегда отрицали и отрицают реальность общественных отношений и процессов, в том числе отрицают и реальное существование классов, на том основании, что раз в них не содержится вещественной материи, то они, стало быть, об'ективно не существуют. Поэтому, и для тов. Кона, производственные отношения будут материальными только в том случае, если в них содержится вещественная, чувственно-осязаемая материя. И эту «материю» он обязательно желает включить в производственные отношения, дабы придать им ту необходимую реальность, которой они, по его мнению, не могут обладать вне вещей, вне телесного мира всевозможных чувственно-осязаемых предметов. С этой точки зрения, тов. Кон и нападает на тов. Б. Борилина, который, на основании слов Ленина, указывает, что стоимость представляет собой реальное, и в этом смысле вполне материальное общественно-производственное отношение, хотя она и лишена чувственной вещественности. В ответ на это тов. Кон, об'ясняет нам, что все пресловутое «выхолащивание» и начинается с того момента, когда Маркс, Ленин, а затем и все их последователи, указывают, что стоимость не представляет собой чего-то вещественного. «Мы обвиняли и обвиняем Рубина и рубинцев в выхолащивании материального содержания производственных отношений, в нематериалистическом понимании их. «Производственные отношения,—пишет Б. Борилин,—представляют собой величайшую реальность, хотя не содержат ни атома вещественной материи, и в этом смысле материальны». Однако, заметим мы Б. Борилину, право, религия, искусство тоже представляют собой «величайшую реальность», значит и они материальны?» [2]). Тов. Кон милостиво соглашается еще признать производственные отношения за реальные, об'ективно-существующие отношения, включив в них, предварительно, вещественную материю. Но он решительно не согласен признать за религией, правом и искусством какое бы то ни было об'ективное существование, считает их нереальными, так как он не видит путей к их «материализации». Между тем, несомненно, что право (мы оставляем в стороне религию, искусство, как и другие идеологические формы, хотя, несомненно, что и их существование является реальным и об'ективным) представляет собой также «величайшую реальность», хотя реальность правовых отношений иная, так как связь между этими отношениями и общественным базисом отличается от связи между производственными отношениями и производительными силами. Во всяком случае нельзя представлять себе право чем-то нереальным, какой-то правовой психикой людей. А между тем, тов. Кон, по вашему представлению право имеет только лишь одно психическое, идеальное существование. Ибо из всей вашей концепции непосредственно вытекает, что мы должны признать право со всеми его атрибутами за продукт нашего мышления. Ваша точка зрения, А. Кон, прямехонько ведет к идеализму, точно так же, как вели к нему другие ваши ошибки, совершенные еще в 1922 г. Тогда, согласно собственным вашим извинениям, вы не успели прочитать Гегеля. Разрешите же нам поинтересоваться, какого автора вы не соблагоизволили прочесть и вплоть по сегодняшний день?

[1]) К о н, Выступление на диспуте об абстрактном труде. См. Рубин, Абстрактный труд и стоимость его в системе Маркса, стр. 53. См. также, Кон, Курс политической экономии.

[2]) К о н, В. Брилин как критик, стр. 96.

Выставив эти свои положения в качестве тяжелых орудий своей аргументации, тов. Кон начинает затем вести систематический обстрел... «рубинцев». Впрочем, его единомышленник настолько любезен, что он не отказывается, и на сей раз, сообщить нам, против кого направлены, в действительности, стрелы язвительной «критики» тов. Кона. «Спрашивается: что же, ценность есть нечто абстрактное, отвлеченное, идеальное, лишь об'ективирующееся в вещах, и потому только не символ, или она нечто вещественное; что же, ценность—это невещественное, нематериальное отношение людей, получившее лишь вещественное в ы р а ж е н и е, что же, она лишь воображаемое «свойство вещей», и в своей денежной форме ценность «представлена» лишь как вещь, как особый товар?—Да,—отвечает во многих местах Маркс. Но такой ответ не может удовлетворить и не вызывать целого ряда сомнений и вопросов и у учеников Маркса» [1]). Рассуждения А. Финн-Енотаевского продолжают, попрежнему, развиваться параллельно мыслями А. Кона. Оба они стараются найти вещественную сущность стоимости, доказать, что она не только выражается в вещах, но сама представляет собой нечто вещественное, чувственно-осязаемое. Поэтому вся эта группа, все вульгарно-механистическое направление в политической экономии отрицает и не может не отрицать значение теории товарного фетишизма, так как эта теория в корне разрушает всю их собственную теорию, всякую легенду об естественно-вещественном существовании стоимости. Ибо в своей теории товарного фетишизма, Маркс как раз и доказывает, что производственные отношения людей, при товарном способе производства, хотя и принимают вещную форму своего проявления, но тем не менее от нее отличны, не могут быть об'ясняемы естественными свойствами тех вещей, в материальном теле которых они овеществляются.

Всячески пытаясь «материализовать» стоимость, наши противники, в спешном порядке, включают вещественную материю в понятие абстрактного труда. Они превращают его в чисто-физиологический труд, лишенный всяких социальных и исторических качеств. Тем самым абстрактный труд из исторической категории превращается во внеисторическое понятие, пригодное для всех времен и народов. «Не следует думать,—замечает А. Кон,—что понятие абстрактного труда применимо только к меновому обществу. Всюду, где возникает необходимость соизмерения различных видов труда, приходится прибегать к помощи понятия абстрактного труда, к выделению совокупности общих свойств всякого труда» [2]). Н. Кажанов спешит подтвердить правильность взглядов тов. Кона. Он также придерживается физиологической трактовки абстрактного труда, считает его затратой физиологической энергии человека, а, следовательно, внеисторической категорией. Н. Кажанов утверждает, что абстрактный труд, «как затрата человеческой рабочей энергии, как человеческий труд вообще (или абстрактный), он является необходимым началом хозяйственной жизни для всех эпох и народов» [3]). Наконец, А. Финн-Енотаевский также не отказался принять

[1]) Финн-Енотаевский, К критике теоретической экономии, стр. 52.

[2]) Кон. Курс политической экономии, изд. 2-е, стр. 20.

[3]) Кажанов, Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса, стр. 152.

участие в этом дружном установлении внеисторического характера абстрактного труда. Он спешит вложить свою лепту в коллективно-возводимое здание новой экономической теории. «Абстрактный труд, в смысле затраты труда вообще, существует и в натуральном мире, поэтому и там есть ценность, но проявляется она не через обмен, а прямо. Когда Маркс говорит, что люди во всех состояниях интересовались рабочим временем, которое они тратили на добывание средств жизни, то что другое это означает, как не то, что они интересовались затратой труда вообще, абстрактным трудом?» [1]). Н. Кажанов настроен весьма практически. Ко всем экономическим категориям он подходит с точки зрения того, как бы наладить их практическое использование, какую непосредственную утилитарную ценность они собой могут представить. В то же время он крайне озабочен вопросом о формах планового учета и регулирования в социалистическом обществе. Понятно, что он стремится поэтому наладить социалистическое использование абстрактного труда, как ни абсурдна подобная мысль. «Законченное уяснение этого вопроса приобретает для нас в настоящее время особо существенное значение с точки зрения разрешения вопроса, будет ли иметь для себя материально-общественные основания категория абстрактного труда в социалистическом обществе, когда товарное обращение, как система общественных отношений, исторически атрофируется. Гильфердинговская школа, выводящая эту категорию исключительно из системы товарных общественных отношений, ответит на этот вопрос, конечно, отрицательно. Маркс же и Ленин сказали бы иначе» [2]). Новейшая премудрость, изрекаемая вульгарно-механистическим направлением в политической экономии, заключается, таким образом, в превращении экономических категорий из абстракций общественных отношений производства, в «материально-общественные», энергетические и потому внеисторические понятия. Вначале производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства были «материализированы», т.-е. превращены в вещественно-материальные, чувственно-осязаемые категории. Для этого абстрактный труд был сведен к внеисторической затрате физиологической энергии человека. Таким путем, экономические категории были полностью лишены всей присущей им исторической, превратились в абстракции материально-технических и технологических процессов. Наконец, этот процесс постепенной механистической вульгаризации марксистской политической экономии ныне завершается превращением экономических категорий, из законов, которые стихийно управляют существованием и развитием товарно-капиталистического производства, в категории планового сознательного регулирования социалистического хозяйства. Политическая экономия Маркса окончательно оказывается перевернутой кверху ногами.

Раз абстрактный труд представляет собой внеисторическую, чисто-физиологическую категорию, то понятно, что и создаваемая им стоимость, как и все другие экономические категории, также превращается во внеисторическое, вещественно-материальное понятие. Н. Кажанов, кроме всего, дает еще нам об'яснение по вопросу, как будет осуществляться действие закона стоимости в условиях организованного, социалистического производства. «В такой же мере, в какой распространение паровых двигателей обеспечивает обществу производственно овладение стихией пара,—развитие социалистических отношений обеспечивает ему овладение стихией стоимости, разумное регулирование этой материальной основы общественного хозяйства» [1]). Стоимость, подобно абстрактному труду, из производственного отношения целиком и полностью превращается во внеисторическую «материальную основу» всякого общественного производства. «Поскольку производственные отношения в результате социалистической революции перестраиваются из классово-антагонистических, стихийных товарно-капиталистических в бесклассовые планово-регулированные, поскольку форма стоимости из меновой превращается в планово-регулируемую форму стоимости, постольку закон стоимости из общественно-стихийной действующей силы превращается в научно-регулируемую силу» [2]). Н. Кажанов понимает, что производственные отношения социалистического общества в корне отличны от неорганизованных производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства. Однако он никак не может уразуметь, что стоимость представляет собой производственное отношение, возникающее между отдельными, изолированными, индивидуальными и автономными товаропроизводителями, а поэтому может иметь место только в таком обществе, где существует раздробленное, частно-собственническое производство. В представлении Н. Кажанова стоимость ни в коем случае не представляет собой абстракции определенных, исторически-преходящих общественных отношений производства. Так как стоимость представляет собой для него нечто материально-вещественное, то она сохраняется, хотя бы производственные отношения, ей соответствующие, и перестали бы существовать. Нечего и говорить, что подобная точка зрения не представляет собой положение марксистской политической экономии. Маркс, Энгельс и Ленин, в противоположность Н. Кажанову и другим представителям вульгарно-механистического направления в политической экономии, прекрасно учитывали, что экономические категории полностью соответствуют товарно-капиталистическому способу производства, носят вполне определенный исторический характер.

А. Финн-Енотаевский тоже, разумеется, считает стоимость внеисторической категорией. Он находит, что она существует от сотворения мира, с самого момента появления человека. Прибегая к выражениям библейского характера, он замечает, что «трудовая ценность ведет свое летоисчисление, можно сказать, со времен грехопадения: «в поте лица своего будешь добывать хлеб свой» [3]). Всюду, где только затрачивается человеческий труд, какова бы ни была общественная форма этой затраты, существует стоимость продуктов труда. К этому более нежели оригинальному выводу А. Финн-Енотаевский приходит только потому, что он свято выполняет теоретические требования А. Кона и С. Бессонова, последовательно их придерживается. Стараясь найти в стоимости хотя бы один атом вещественной материи, он, естественно, превращает эту стоимость в материальное выражение затраты физиологического труда человека. А. Финн-Енотаевский в такой степени овеществляет стоимость, что его начинает смущать вопрос, каким образом эта вещественная стоимость вновь приобретает вещную форму своего выражения в акте товарного метаморфоза. «Перед нами, таким образом, вопрос: как связать у Маркса, что «создание ценности» есть превращение рабочей силы в труд, — что является молчаливым признанием общности ценности всем общественным формациям,—что ценность—материализованный труд, с тем у него, что ценность сама материализуется в вещах? В первом случае ценность, общественная категория, имеет материальное содержание, есть проявление природной человеческой силы, во втором она является лишь об'ек-

[1]) Финн-Енотаевский, К критике теоретической экономии, стр. 70.
[2]) Кажанов, Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса, стр. 152.

[1]) Там же, стр. 148. Разрядка наша.
[2]) Там же, стр. 160.
[3]) Финн-Енотаевский, К критике теоретической экономии, стр. 61.

тивированной, представленной в вещи, и в виде вещи воображаемой»[1]). В самом деле, стоимость уже представляет собой нечто вещественно-материальное. Зачем же ей, в таком случае, вновь об'ективироваться в вещи? Впрочем, А. Финн-Енотаевский быстро разделывается с охватившим его минутным недоумением. Его вывод относительно стоимости может быть сформулирован следующим образом: «По Марксу выходит, что только труд, создающий товар, приобретает характер ценности, и таким путем выражает свою общественную связь. Это-то и неверно. Труд, создающий товар, приобретает лишь особую форму ценности, меновую ценность; ценность же и «общего характера» имеет всякая индивидуальная затрата труда, целесообразная для общества и в натуральном хозяйстве»[2]).

Вульгарно-механистическая точка зрения превращает политическую экономию во внеисторическую науку. Все ее категории, в равной мере, применимы теперь ко всем без исключения общественно-экономическим формациям, начиная от натурального хозяйства и кончая социалистическим обществом. Однако, вместе с тем, эти экономические категории лишаются всего присущего им значения, происходит полное уничтожение их действительного содержания. Если ранее категории политической экономии, выражая собой определенные виды и типы производственных отношений членов товарно-капиталистического общества, служили делу выяснения тех стихийных законов, которые управляют существованием и развитием данного способа производства, то с их превращением в вещные категории, лишенные какого-либо общественно-исторического характера и значения, они теряют всякий, как реальный, так и познавательный, смысл. Превращая политическую экономию в подобную ни на что не пригодную экономическую науку, занимающуюся схоластическим словопрением и установлением бессодержательных, ничего не об'ясняющих банальностей, наши исследователи, тем самым, лишают себя всякой возможности научно исследовать товарно-капиталистическое общественное производство. Ибо последнее обладает целым рядом своеобразных, качественных особенностей, которые, делая его отличным от всякого иного способа производства, затрудняют и усложняют научно-теоретическое исследование.

Вещественная форма производственных отношений, рассматриваемая товарным фетишизмом, и представляет собой их особое, специфическое качество, особую социальную определенность. Эта качественная определенность общественных отношений производства ярко характеризует их, как исторически ограниченные отношения, присущие только одной определенной общественной формации. Овеществление людей и персонификация вещей является именно результатом особенностей того товарно-капиталистического типа общественной организации производства, который в этом присущем ему своеобразии становится предметом теоретической политической экономии. «В теории товарного фетишизма... все товарное хозяйство получает свою законченную характеристику, как особый тип исторической определенной общественной формации, резко отличающейся от других общественных формаций»[3]).

Теория товарного фетишизма, разбирающая иррациональный характер производственных отношений, анализирующая специфическое качество капитализма, естественно, представляет собой исходный пункт политической экономии, совокупность некоторых исходных методологических положений. Качественная сторона производственных отношений, получающая свое выражение в их вещественной форме, отнюдь не умаляет, разумеется, громаднейшего значения присущего их количественной характеристике, даже необходимо обусловливает существование этой количественной стороны. Но все попытки механистического подхода к анализу производственных отношений, все попытки опереться, при исследовании капитализма, только на его количественную сторону, при игнорировании качественного подхода, неоднократно имевшие место в истории политической экономии, неизбежно должны окончиться полнейшей неудачей. И недаром все главнейшие представители буржуазной политической экономии игнорируют проблему экономического качества, стремятся к одному лишь чисто-количественному исследованию. Так, напр., Густав Кассель пишет,—«политическая экономия изучает, главным образом, количественные отношения. Мы должны поэтому пытаться все явления хозяйственной жизни, привлекающие к себе наше внимание, выражать в точных количественных определениях»[1]). Что же касается Маркса, то он только потому смог дать гениальное завершение всей истории экономической мысли, что он придавал исключительное значение диалектическому единству качества и количества, только потому, что он умело использовал эти категории, наравне со всеми другими категориями и законами материалистической диалектики.

А. Кон и С. Бессонов злоупотребляют словом «диалектика», хотя они ее и не понимают, предпочитая, в своих рассуждениях, придерживаться механистического материализма. В полном согласии со всей их общефилософской концепцией, игнорирующей специфическое качество явлений, они отрицают значение товарного фетишизма. Но тем самым, не замечая специфического качества производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства, исследуемых политической экономией, они неминуемо должны притти, подобно всем другим механистам, как философским, так и экономическим, к внеисторическому пониманию как всей нашей науки, так и ее отдельных категорий. И действительно, они вплотную подходят к подобной точке зрения, доходят до отрицания исторического характера абстрактного труда. Но тут уже становится очевидным весь немарксистский характер выдвигаемой ими своеобразной экономической теории.

Поэтому, для того чтобы спасти положение, для того чтобы попрежнему сохранить за своими взглядами видимость марксистских положений, А. Кон и С. Бессонов производят насилие над своей же собственной теоретической концепцией. Ценой величайшей непоследовательности, их мысль, в своем дальнейшем развитии, внезапно резко поворачивается в противоположную сторону от того теоретического и логического пути, по которому она все время продвигалась. Наши авторы вступают в резкое противоречие с исходными пунктами своей же собственной теории, вероломно отрекаются от всех своих более последовательных, более выдержанных единомышленников. Все бесчисленные рассуждения А. Кона и С. Бессонова о значении товарного фетишизма, о «материальных» и «идеальных» производственных отношениях, о значении вещей для политической экономии, о неисторичности абстрактного труда не могут быть ими теперь как следует использованы. Наши авторы, по сути дела, начинают отрицать те их положения, которые им, с таким большим трудом, удалось утвердить. Потратив столько сил, труда и физиологической энергии для того, чтобы отвергнуть значение товарного фетишизма, они ныне начинают признавать исторический характер политической экономии, который может быть полностью понят, именно исходя из громадного значения, присущего товарному фетишизму. А. Кон и С. Бессо-

[1]) Там же, стр. 53 — 54.
[2]) Там же, стр. 71. Разрядка наша.
[3]) Д. Розенберг, Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса, стр. 61.

[1]) Густав Кассель, Основные идеи теоретической экономии, стр. 33.

нов, которые столь старательно отождествляли классиков и Маркса, внезапно начинают находить различие между ними. Больше того. Наши авторы теперь признают даже и товарный фетишизм, хотя попрежнему все еще его не понимают и признают лишь частично.

Что же касается теоретической мысли С. Бессонова, то с ней происходит еще более резкий, совершенно непонятный переворот. Наш автор, который столь рьяно и усердно требовал все время изучения в политической экономии вещей, «вещного мира» и потребительных стоимостей, который столь усиленно обвинял «марксистскую литературу», в лице всех ее главнейших представителей, в том, что она не изучает многокрасочного мира реальных вещей и чувственно-осязаемых предметов, внезапно меняет свою точку зрения. Наш автор чувствует неправильность всей своей концепции. Он предвидит, что даже его единомышленники начнут отказываться от выставленных им теоретических положений. Поэтому теперь он вдруг начинает вновь нападать на И. Рубина, обвиняя его в том, что тот будто бы занимается изучением вещей и тем самым лишает политическую экономию присущего ей об'екта, замещает исследование производственных отношений анализом материальных вещей.

В результате такого переворота от всей точки зрения С. Бессонова буквально ничего не остается. Дело обстоит таким образом, что в одной части своей статьи т. Бессонов усиленно критикует те взгляды, которые он сам же развивает во второй ее части, а в последней он стремительно нападает на ту точку зрения, которую он развивал в начале своей статьи. В результате вся его статья начинает напоминать собой борьбу с ветряными мельницами или же с привидениями, порожденными фантазией автора. Впрочем, подобные, отнюдь не диалектические, противоречия неизбежны у автора, эклектически пытающегося соединить механистический материализм и богдановщину с марксистской политической экономией.

Тов. Бессонов, как мы уже видели, категорически отрицает основное различие, существующее между классиками и Марксом. Однако он все же опасается отождествить их точки зрения, которые столь явственно отличаются одна от другой, пытается конституировать хоть какую-нибудь разницу между ними. И это различие между классической политической экономией и марксистской экономической теорией он теперь находит, противореча самому себе... в историческом характере последней. «Основная ошибка классиков и основная заслуга Маркса заключались в том, что первые «рассматривали буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства», в то время как Маркс считал, что формой стоимости (или товарной формой, что по Марксу — одно и то же, ср. предисловие к I изданию «Капитала»): «буржуазный способ производства характеризуется как особенный вид общественного производства, и вместе с тем характеризуется исторически». В этом и ни в чем ином Маркс видел свое основное отличие от классиков» [1]). Тов. Бессонов считает, что совершенно напрасно искать различие между классиками и Марксом по линии товарного фетишизма. Здесь между ними нет никакой разницы, имеется полное совпадение теоретических взглядов обеих сторон. «Главный недостаток классиков заключался, по мнению Маркса, отнюдь не в том, что классики были, как утверждает Рубин, «несоциальны», а в том, что они были неисторичны. Но в том-то и дело, что признак историчности или неисторичности кажется Рубину недостаточным» [2]).

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 1, стр. 137.

[2]) Там же, № 2, стр. 82.

Бесспорно, конечно, что классическая политическая экономия не понимала исторически преходящего характера капиталистического производства. Против этого никто и не собирается возражать. Но совершенно неверно, что эта ошибка классиков исключает, в какой бы то ни было мере, их другую ошибку, представляющую собой иную сторону первой и заключающуюся в игнорировании специфического общественного характера товарно-капиталистических производственных отношений. Вся суть дела заключается в том, что классическая политическая экономия была неисторична именно потому, что все ее главнейшие представители не могли разработать теорию товарного фетишизма, каковая задача была выполнена только самим Марксом. Из отсутствия у классиков правильного представления о товарном хозяйстве, как о таком способе производства, в котором все действительные отношения его членов овеществлены и проявляются как вещи, как раз и вытекает их внеисторическая точка зрения, рассматривающая данный способ общественного производства, как вечную, естественную необходимость.

Товарный фетишизм представляет собой особую качественную сторону капиталистической действительности. Посредством этого, присущего ему, специфического качества товарно-капиталистический способ производства и может быть отделен от всех других общественных формаций. Игнорирование же этого социального качества неминуемо ведет к исчезновению промежуточных граней, к аннулированию тех отличительных черт, посредством которых различаются между собой экономические структуры различных общественных организаций. Классическая политическая экономия ошибочно принимала капиталистический способ производства за вечную естественную форму всякого производства потому, что она не могла провести последовательного различия между производством вообще, между материально-техническим процессом производства и той его специфической общественной формой, которую он приобретает только в условиях товарно-капиталистического хозяйства. И это обстоятельство, нераздельность обеих ошибок, совершаемых политической экономией классиков, их взаимную обусловленность неоднократно подчеркивает и сугубо тщательно отмечает Маркс. «Здесь,—говорит он,— совершается присущий буржуазной политической экономии фетишизм, который общественный экономический характер, накладываемый на вещи общественным процессом производства, превращает в естественный, из самой природы вещей вытекающий характер» [1]). С. Бессонов только потому так горячо отстаивает свою, совершенно ошибочную точку зрения, что он недостаточно хорошо знаком с подлинными воззрениями Маркса, не понимает самых простых и ясных его высказываний. Зачастую с ним поэтому происходят весьма курьезные вещи, которые выражаются в том, что наш автор приводит какое-нибудь место из «Капитала» буквально что называется «ни к селу ни к городу». За соответствующими фактическими примерами далеко обращаться не приходится.

С. Бессонов, как мы это только что видели, приводит, в подтверждение своих взглядов, отрывок из того места, где Маркс указывает на значение формы стоимости. В его полном виде это место «Капитала» гласит следующее: «Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придает ей характер меновой стоимости. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Д. Рикардо, она рассматривает форму стоимости, как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к при-

[1]) Маркс, Капитал, т. II, 1918 г., стр. 204.

роде товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования денежной формы, формы капитала и т. д. Поэтому у экономистов, единогласно признающих измерение величины стоимости рабочим временем, мы находим самые пестрые и противоречивые представления о деньгах, т.-е. о всеобщем эквиваленте в его законченной форме» [1]). Спрашивается, о чем здесь говорит Маркс? Если мы обратимся с этим вопросом к т. Бессонову, то он не замедлит дать нам соответствующее «раз'яснение». Он, с исключительной самоуверенностью, об'яснит нам, что в этой цитате Маркс указывает, что различие между ним и классиками заключается-де вовсе не в том, что автору «Капитала» была понятна специфическая общественная сущность экономических категорий, как теоретических абстракций определенных, вещно выраженных производственных отношений, присущих товарно-капиталистическому способу производства, а классической политической экономии эта особенная их сущность осталась неизвестной. Нет, единственное, что считает необходимым отметить здесь Маркс, так это только то обстоятельство, что он, в отличие от классиков, понимал исторический характер буржуазного производства. Только «в этом и ни в чем ином Маркс видел свое основное отличие от классиков».

Но так ли это обстоит в действительности? Правильно ли тов. Бессонов интерпретирует слова Маркса? Несмотря на красноречивые уверения нашего автора, его комментарии, которыми он обильно снабжает слова Маркса, явно противоречат действительному смыслу рассуждений Маркса. Тот вид, который принимают мысли этого последнего в руках С. Бессонова, не становится более правильным от того, что он весьма сильно нравится самому «критику». Любой непредубежденный читатель, обладающий хотя бы самыми минимальными знаниями, не замедлит обнаружить, что тов. Бессонов вовсе не стремится к тому, чтобы сколько-нибудь точно передать мысли Маркса.

Действительно, в вышеприведенном месте «Капитала» утверждается как раз то, что изо всех сил отвергает тов. Бессонов. Маркс здесь еще и еще раз подтверждает и повторяет те его рассуждения, которые, впоследствии, неоднократно встречаются на страницах «Теорий». Он утверждает, что исторический характер политической экономии не отделим от общественной сущности изучаемого ею об'екта. Классики не понимали исторического характера нашей науки только потому, что они не могли из анализа товара вывести форму стоимости. Между тем, форма стоимости, приобретаемая продуктами труда в условиях товарного производства, выражает специфический качественно-своеобразный характер, присущий определенному трудовому содержанию, принявшему вещную форму своего проявления. Только поэтому форма стоимости и становится особым выражением исторической ограниченности буржуазной организации общественного труда. Только качественная характеристика стоимости, ее общественная форма об'ясняет нам преходящее бытие капиталистического способа производства. Классики политической экономии не смогли проанализировать до конца этой качественной стороны стоимости. Они оставили в стороне

[1]) Маркс, Капитал, т. I, прим. на стр. 38—39.

ее форму и занялись исключительно исследованием содержания стоимости, преимущественно со стороны количества заключенного в ней труда, не интересуясь особым качеством последнего.

Классическая политическая экономия в ее погоне за количественной стороной стоимости исследовала труд, создающий эту стоимость только с одной лишь его количественной стороны. Но абстрактный труд, представляя собой субстанцию стоимости, обладает не только количественной характеристикой, но и качественной определенностью. Этот своеобразный качественный характер абстрактного труда, его общественно-историческое существо, остался неисследованным политической экономией классической школы, даже и ее лучшими представителями. Приступая к разбору теории стоимости Рикардо, Маркс на первой же странице, ему посвященной, отмечает, что «вида же—особого назначения труда, как создающего меновую ценность или выражающегося в меновых ценностях—характера этого труда Рикардо не исследует. Он поэтому не понимает связи этого труда с деньгами, т.-е. того, что он должен проявляться в виде денег. Он поэтому совершенно не понимает связи между определением меновой ценности товара рабочим временем и необходимостью для товаров в своем развитии дойти до образования денег. У него a priori идет дело только о величине ценности» [1]). Особый качественный характер абстрактного труда Марксом подчеркивается также и в ряде других мест. Говоря о Бэйли, он вновь и вновь отмечает эту существеннейшую сторону в определении труда, создающего стоимость. «Однако, — замечает он, — это превращение в простой средний труд не является единственным определением качества этого труда, в чем выражаются ценности товаров, как единство. Что количество заключенного в товаре труда есть общественно необходимое для его производства количество — рабочее время, есть, следовательно, необходимое рабочее время — это определение, которое касается только величины ценности. Но труд, который создает единство ценностей, не есть только одинаковый, простой средний труд. Труд есть труд отдельного индивидуума, представленный в определенном продукте. Как ценность, однако, продукт должен быть воплощением общественного труда, и, как таковой, он может непосредственно превращается из одной потребительской ценности в другую» [2]).

Абстрактный труд представляет собой особый специфический вид труда, является общественным трудом. Одно лишь его количественное исследование, равно как и количественный анализ стоимости, изучение одной лишь ее величины неминуемо должно привести и приводит всех представителей классической политической экономии к существеннейшим ошибкам, в частности, к непониманию денег. Все эти совершенно ясные и отчетливо выраженные мысли Маркса не в состоянии понять ни А. Кон, ни С. Бессонов. И поэтому они, при всем своем желании, не могут проникнуть в ход идей марксистской политической экономии. Они не могут этого сделать прежде всего потому, что они совершенно не понимают специфических особенностей предмета нашей науки и игнорируют Марксову теорию товарного фетишизма. Не исследуя товарного фетишизма, совершенно отрицая его значение, наши авторы, в полном противоречии с Марксом, приходят к чисто-количественному, физиологическому пониманию абстрактного труда.

Тов. Бессонов усиленно настаивал все время на включении в политическую экономию исследования «многообразного, красочного и реального

[1]) Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, ч. 1, 1924 г., стр. 9
[2]) Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, стр. 115. Фраза в середине цитаты подчеркнута нами.

мира материальных вещей». Он заявлял, что только один лишь «Рубин вслед за Штольцманом выбросил мир материальных вещей за порог политической экономии в качестве технической предпосылки социальных явлений, забыв о том, что по учению Маркса мир материальных вещей теснейшим образом связан с миром общественных отношений, определяет последний и сам в свою очередь развивается под влиянием общественных форм» [1]. Теперь же наш автор проповедует нечто совершенно иное. Он утверждает, что «политическая экономия, по Рубину, есть наука о социальных формах вещей, т.-е. о такого рода вещах, которые самим фактом своей передачи рождают и создают определенные отношения между людьми» [2]. Оказывается, что именно И. Рубин настоятельно предписывает политической экономии заниматься изучением вещей и «вещного мира» потребительных стоимостей. «В то время, как для всех марксистов предметом экономического изучения являются производственные отношения реальной капиталистической действительности, Рубина интересует лишь вещное выражение этих отношений, а не сами отношения, как таковые... Действительная задача политической экономии заключается (по Рубину. *Г. Д.*) даже не в изучении вещного выражения социальных отношений, а в социальном изучении вещей, как таковых» [3].

Стремительно разрушая свою же собственную экономическую теорию, тов. Бессонов приходит к тому выводу, против которого он так долго боролся. Он ныне готов даже признать, что политическая экономия изучает производственные отношения. Теперь суть дела представляется им в таком свете, что будто бы именно И. Рубин, а отнюдь не наш автор, настаивает на исследовании вещей и изучении потребительных стоимостей. С. Бессонов совершенно позабывает о тех десятках страниц, которые как раз им самим, а не кем-либо другим, были посвящены доказательству того «бесспорного» положения, что наша наука должна исследовать вещи и Маркс преспокойнейшим образом занимался «дальнейшим изучением» их «естественных свойств и качеств». Мы, конечно, могли бы доказать, что тов. Рубин отнюдь не предлагает политической экономии заниматься данной сферой вопросов. Однако стать на путь подобного доказательства, это значит играть на руку тов. Бессонову, входить в заботливо расставляемую им ловушку. Ибо основной задачей нашего автора является отвлечь внимание читателя громкими криками, направленными по адресу тов. И. Рубина, специально для того, чтобы, одновременно с этим, незаметно протащить, контрабандным порядком, свою собственную экономическую теорию.

С. Бессонов потому теперь начинает обвинять И. Рубина в изучении вещей, что он сам уже успел изменить свою точку зрения. Вначале, как мы помним, тов. Бессонов игнорирует товарный фетишизм, отрицает его значение. Но как «из слов песни не выкинешь», так нельзя сокрыть того несомненного факта, что в «Капитале» Маркс уделил товарному фетишизму довольно большое место. Тов. Бессонов согласен итти на что угодно, лишь бы не стало очевидным, что его теория противоречит марксистской политической экономии. Поэтому он даже согласен опровергнуть свои же собственные положения признать товарный фетишизм «de jure». Но признание «de jure» не всегда означает признание «de facto». Тов. Бессонов

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 1, стр. 142. Кстати, не об'яснит ли нам тов. Бессонов, где он в учении Маркса нашел подобный «мир материальных вещей», который определяет общественные отношения производства. Сколько нам известно, Маркс, в этом смысле, говорит не о каком-то бескачественном и неопределенном «мире», а о строго-определенных, в их содержании, производительных силах.

[2]) Бессонов. Против выхолащивания марксизма № 2, стр. 93.

[3]) Там же, стр. 86.

и теперь не может уразуметь товарный фетишизм. Явления, составляющие сущность последнего, остаются ему непонятными и теперь, как и ранее. Соглашаясь сперва «на момент», а затем и постоянно, с тем, что товарный фетишизм действительно существует, он дает в корне неправильное об'яснение как самому товарному фетишизму, так и тем задачам, которые преследует политическая экономия, его изучая. Тов. Бессонов пишет: «Согласимся на момент с Рубиным, что суть Марксова учения заключается именно в том, чтобы за вещами видеть производственные отношения. Казалось бы, естественный вывод отсюда заключается в том, чтобы, откинув вещи, немедленно и всерьез приняться за изучение скрытых за ними производственных отношений. Однако не тут-то было!» [1]). Несколько далее, тов. Бессонов принимается уже не «на момент», а всерьез за выяснение товарного фетишизма. «Вещный характер выражения производственных отношений кажется Рубину главным предметом экономического исследования. Для Маркса, Ленина, Бухарина и других марксистов задача заключалась в том, чтобы, вскрыв овеществление производственных отношений, немедленно приняться за изучение причин этого овеществления, заключающихся в стихийности и раздробленности общественного хозяйства. Не так представляется дело Рубину» [2]).

Даже теперь, когда тов. Бессонов признает товарный фетишизм и пытается выяснить его характер и значение, он попрежнему не может разобраться в явлениях товарного фетишизма, совершенно не видит той об'ективной основы, которая эти явления порождает. Ему представляется, что вся задача теории товарного фетишизма заключается лишь в том, чтобы сорвать обманчивую внешнюю вуаль, скинуть вещественную оболочку, закрывающую собой, в условиях товарно-капиталистического процесса производства, действительные отношения производителей. Тов. Бессонов считает, что на этом оканчивается теория товарного фетишизма, исчерпывается все присущее ему значение. В выставляемой нашим автором экономической теории товарный фетишизм лишен всякого об'ективного значения. Но, оставшись без своей об'ективной основы, товарный фетишизм из реального, вполне обусловленного явления превращается в какую-то всего лишь иллюзорную «систему общественного сознания». Очень яркое выражение этой плоской мысли мы находим у Н. Кажанова. Он утверждает, что в книге И. Рубина: «Фетишизм является не системой общественного сознания, а системой теории стоимости» [3]), и категорически протестует против превращения товарного фетишизма в нечто большее, нежели какое-то сознание. А между тем, и в этом как раз и заключается все громадное значение товарного фетишизма, та выдающаяся роль, которая ему принадлежит в условиях товарно-капиталистического хозяйства, товарный фетишизм отнюдь не является чем-то таким, от чего можно легко и быстро отделаться. Маркс подчеркивает, что товарный фетишизм нельзя представлять себе только лишь как нечто воображаемое. По его мнению, товарный фетишизм представляет собой такую, вполне реальную мистификацию, которая характеризует особенные общественные формы того труда, который воплощается в стоимости товара. «То обстоятельство, что общественное производственное отношение представляется в виде предмета, находящегося вне индивидов, а определенные отношения, в которые эти индивиды вступают в процессе производства своей общественной жизни, представляются,

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 2, стр. 85.

[2]) Там же, стр. 86.

[3]) Н. Кажанов, Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса, стр. 146.

как специфические свойства вещи,—это превращение, эта прозаически реальная, а не воображаемая мистификация, характеризует все общественные формы труда, определяющего меновую стоимость» [1]).

Тов. Бессонов, не понимая реального характера этой мистификации, отрицает ее об'ективное существование, считает вполне достаточным однократное «разоблачение» товарного фетишизма. Подобное идеалистическое понимание товарного фетишизма, отрицание его об'ективной основы свойственно отнюдь не марксистской политической экономии, а экономической теории А. Богданова и И. Степанова. С. Бессонов выявляет не только свое собственное непонимание данной части нашей науки, но и непосредственно присоединяется к названным нами вульгарным экономистам. Последние, аналогично С. Бессонову, считают, что марксистская политическая экономия, единожды скинув вещественную вуаль товарного фетишизма, в дальнейшем имеет дело уже с прозрачными отношениями участников товарно-капиталистического процесса производства. При чем самый момент пресловутого «разоблачения» А. Богданов и И. Степанов относят почему-то к «учению об идеологиях», считают, что наша наука совершенно не должна иметь дело с товарным фетишизмом: «Историческая связь капитализма с иными формациями есть именно то основное орудие, посредством которого познание, не подчиняющееся «рамкам» буржуазного мира, преодолевает его фетишизмы. И, раз это сделано, «непрозрачности» нет: меновые отношения так и рассматриваются, как отношения людей: «стоимость» товаров есть именно то, чего они «стоят» обществу, т.-е. необходимый для их производства труд, и т. д. Но как раз с этого пункта и начинается марксистская теория экономики капитализма. Самый момент раскрытия, затемнявших познание форм мышления, еще не относится к ней: он принадлежит учению об идеологиях. Таким образом, наша экономическая теория имеет дело уже с прозрачными производственными отношениями; старая же брала их в непрозрачном виде, а потому многого не могла рассмотреть и путалась в самом важном» [2]). Превращая производственные отношения капиталистического общества в «прозрачные» непосредственные отношения людей, схожие с кристально-ясными отношениями социалистических производителей, механистическая политическая экономия не только лишает нашу науку присущей ей историчности, но и стирает всякое качественное различие, существующее между производственными отношениями социализма и производственными отношениями капиталистического общества. Логически развивая эту мысль А. Богданова, тов. Бессонов приходит к выводу, отрицающему стихийный характер капитализма. Он пишет, что «рассматриваемое с этой точки зрения общественное развитие представляет из себя постепенное отмирание слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, наоборот, постепенный рост планомерного технического разделения труда внутри общества, рассматриваемого как единый хозяйственный организм» [3]). В другом месте, наш автор считает, что при переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому способу производства уменьшается общественная анархия производства, исчезают овеществленные производственные отношения, техническое разделение труда вытесняет общественное. «В капиталистическом обществе, чем дальше, тем больше, начинают играть роль именно производственные отношения, не имеющие вещного характера и не выражающиеся в переходе вещей. Чем большее значение приобретают эти отношения, чем большее количество людей начинает связываться между собой не через вещи, а непосредственно, тем шире становятся предпосылки нового общественного строя, зреюще в недрах капитализма» [1]). И далее тов. Бессонов продолжает развивать эту свою отнюдь не марксистскую и не ленинскую мысль о мирном «вызревании» нового организованного способа производства в недрах капиталистического общества. Оказывается, что «превращение рабочей силы в товар означает в действительности сокращение сферы действия вещно-выраженных производственных отношений и, наоборот, расширение тех производственных отношений, которые не имеют вещного выражения и не «вызываются» передачей вещей» [2]). При переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому «сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров, охватывая в некоторых трестах почти все количество рабочих вообще, занятых в данной специальности. Соответственно суживается сфера общественного разделения труда [3]). Комментарии к этой изумительной теории совершенно излишни. Теоретические положения нашего автора прекрасно выявляют существо его теории.

Вульгарно-механистический подход к исследованию экономических явлений настолько упрощает и извращает явления реальной действительности, что посредством него оказывается невозможным ее научное познание. Товарный фетишизм превращается, разбираемым нами экономическим направлением, из реально существующего явления в голую фикцию, в идеологическую иллюзию человеческого сознания, лишенную всякого реально-об'ективного смысла и существования. На самом же деле, товарный фетишизм представляет собой не только простую иллюзию человеческого ума, с преодолением которой исчерпывается все его значение. Он имеет вполне определенную, сугубо об'ективную основу, которая заключается в том, что производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства, изучаемые нашей наукой, обязательно должны овеществляться, необходимо должны принимать вещную форму своего проявления. В противном случае эти отношения не могли бы осуществиться, не было бы возможно существование неорганизованного производства. Маркс не только вскрыл под отношениями вещей отношения людей, но он доказал также, что производственные отношения людей, в изучаемом нами хозяйстве, необходимо и неизбежно принимают вещную форму своего проявления.

Все отдельные члены товарно-капиталистического хозяйства связываются между собой в единую общественно-производственную совокупность только через посредство вещей, которые тем самым выполняют присущую им общественную функцию. «Так как производители общественно соприкасаются между собой лишь в обмене продуктами своего труда, то и специфический общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, отдельные частные работы фактически реализуются лишь как звенья совокупного общественного труда,—реализуются в тех отношениях, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют на самом деле, т.-е. не непосредственно

[1]) Маркс, К критике политической экономии, 1929 г., стр. 86.
[2]) А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, т. II, вып. 4, 1924 г., стр. 14—15.
[3]) Бессонов, Развитие машин, стр. 418.

[1]) Бессонов, Против выхолащивания марксизма, № 2, стр. 96.
[2]) Бессонов, там же, стр. 97.
[3]) Бессонов, Развитие машин, стр. 417. Разрядка наша.

общественными отношениями самих лиц и их работ, а, напротив, вещественными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» [1]).

Политическая экономия не может изучать производственные отношения данного общества, игнорируя вещную форму их проявления, в рамках которой они только и осуществляются. Вскрывая под вещными отношениями отношения товаропроизводителей, обнаруживая под вещными категориями производственные отношения, наша наука вынуждена исследовать и те общественные функции, которые выполняются вещами. Она рассматривает ту социальную форму, которую приобретают продукты труда в общественном процессе неорганизованного стихийного производства. Иначе говоря, мы должны изучать не только, какое содержание скрывается под данной вещной формой, но, вместе с тем, должны заниматься и вопросом, почему это содержание неизбежно принимает такую форму, что собой эта последняя представляет и какое влияние данная определенность социальной формы оказывает на осуществление и развитие заключенного в ней содержания.

Ослепленный механистическими воззрениями, тов. Бессонов не может понять марксовой теории товарного фетишизма. Он не разбирается в качественной стороне капиталистической действительности, не видит специфических особенностей предмета политической экономии. Поэтому он беспомощно путается в теории товарного фетишизма, то ее отрицая, то ее принимая, но при всех вариантах своей точки зрения, в равной мере, не может разобраться в тех явлениях, которые составляют сущность товарного фетишизма. С. Бессонов не может овладеть данным участком марксистской политической экономии, не может теоретически «преодолеть» товарного фетишизма. Все это приводит к тому, что сам наш автор оказывается в плену у тех явлений, которые он собирался проанализировать, дает нам насквозь фетишистическую концепцию товарного фетишизма. Его точка зрения отнюдь не углубляет наших представлений о сущности товарно-капиталистического способа производства и ведет, по сути дела, к отказу от его теоретического изучения и познания.

А. Кон и С. Бессонов открещиваются от Н. Кажанова, А. Финн-Енотаевского, А. Богданова, равно как и от философских механистов. Однако декларация отказа не есть еще самый отказ. Логика их собственных теоретических положений необходимо ведет к полному совпадению обоих этих, казалось бы, самостоятельных направлений. А. Кон и С. Бессонов пытаются понять диалектический метод, однако их суб'ективное желание не дает об'ективных результатов. Поэтому, как мы видели, по всем вопросам имеется полное совпадение между точкой зрения всех наших противников. Н. Кажанов и А. Финн-Енотаевский только гораздо более последовательны, нежели наши авторы. А. Кон и С. Бессонов спасаются от прямого и открытого союза с ними только посредством исключительной непоследовательности, путем отказа от своих же собственных положений. Однако суть дела от этого мало меняется. Вульгарно-механистическое направление в политической экономии представляет собою известное, вполне определенное единство, хотя в нем и существуют некоторые несогласованности и кажущиеся противоречия.

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 41.

Механистическая концепция политической экономии.

Б. Кузнецов.

Дискуссия в политической экономии превратилась в дискуссию по всем основным вопросам этой науки. При этом раз'яснились и методологические корни, и неизбежные выводы борющихся направлений.

Когда от споров насчет абстрактного труда перешли к общим вопросам политической экономии, связь дискуссии с философскими разногласиями стала ясней. Предмет науки, представляют ли входящие в нее категории особую систему, можно ли говорить о движении, имманентном этим категориям, и т. д., — все это уже было предметом ожесточенных споров с механистами. В этих спорах вопрос о разграничении отдельных наук сыграл верную роль. Марксизм решает этот вопрос так, что классификация наук должна следовать об'ективному порядку форм движения материи.

В письме к Марксу и Шорлеммеру Энгельс набрасывает конспективную схему, изображающую иерархию различных форм движения. Простое механическое перемещение тел происходит через трение и удар в молекулярное, физическое движение, последнее в свою очередь переходит в движение атомов, потом к биологическим явлениям и т. д.

Энгельс много раз очень резко и отчетливо указывал на качественную разницу между формами движения, на несводимость каждой высшей формы к низшей. С этой стороны очень важны понятия главной и побочной формы движения.

Когда мы совершаем переход, скачок к новому типу движения, к новой науке, то здесь в новой области мы, прежде всего, замечаем новые элементы, не сводимые к предыдущей науке. В них-то и заключается специфичность нового ряда явлений, они об'единяют данный ряд явлений в предмет особой науки. Перемещение масс в механике, молекулярное движение в физике, атомы в химии, белок и жизнь в биологии, — эти элементы и определяют предмет каждой науки. Энгельс называет их главной формой движения. Все дело заключается в том, что эти несводимые элементы об'единены в особую систему, которой присуще имманентное, «спонтанейное» развитие на основе особых специфических для нее законов.

Но, кроме этих элементов, каждая наука должна рассматривать другие элементы, которые составляют предпосылку несводимых, но сами целиком сводятся к предыдущему типу движения. Это механика молекул, т.-е. те механические модели, которые существуют в физике. Это целый ряд понятий, с которыми имеет дело политическая экономия, но которые сводятся к общим определениям всякого общества. В них наука аналитически вскрывает под данной конкретной формой более общее содержание. Энгельс относит их к побочной форме движения.

Этой побочной формой движения ограничивается кругозор механистов. Поэтому они считали задачей науки сведение всего разнообразия конкрет-

ных форм движения к механическому перемещению бескачественных частиц, т.-е. к самой общей абстракции движения.

Так же определяют задачу науки вульгаризаторы Марксовой экономической теории. Еще Дашковский писал: «Сведение особых форм к их общим основам в теоретической форме и есть задача всякой науки» («Под Знаменем Марксизма» № 6, 1926 г., стр. 197).

Не выведение живой и многокрасочной конкретности из более простых абстракций, а сведение ее к этим абстракциям, — вот задача науки. «Марксист» Дашковский категорически высказывается за тот метод, который Маркс и Энгельс так жестоко разгромили в полемике против Дюринга, Прудона и т. п

Из отрицания главной формы, т.-е. несводимой формы движения, следует весьма плоское понимание самого движения. Оно понимается, как внешнее перемещение, но отнюдь не как внутреннее, «спонтанейное». Очень ярко сформулировано такое «понимание» движения у тов. А. Кона в его старой статье, написанной в защиту Бухаринской теории равновесия («Под. Знам. Марксизма», № 5 — 6 за 1922 г.).

Там он прямо об'являет «развитие, имманентное явление» — «чертовщиной».

Однако перейдем к социологическим и экономическим диверсиям механистов. И здесь Дашковскому принадлежит наиболее отчетливая формулировка. Оказывается, общественная наука должна отыскивать в конкретных общественных явлениях «основы всякого общественного бытия, общие всем эпохам человеческой истории» (Там же, стр. 198).

«Основы всякого общественного бытия» — это материальное производство и трудовое сотрудничество людей в производстве, так называемые технические производственные отношения. Эти отношения неразрывно связаны с производственным процессом. Сводятся ли к ним производственные отношения? Известно, что марксизм в противовес буржуазной апологетике и Богдановским измышлениям об «организаторах» всегда утверждал несводимость «главной формы» общественного развития,—классов и классовых отношений,—к технической расстановке людей в производственном процессе.

Поэтому нам кажется неверной формулировка тов. Н. Бухарина, когда он пишет: «Мы, рассматривая производственные отношения, сводим их к размещению людей в пространстве». Это — механическая концепция производственных отношений, и она роднит тов. Бухарина с Богдановым и другими социологами-механистами. Мы бы не были материалистами, если бы стали отрицать материальную природу производственных отношений, но сводить их к пространственной расстановке, — это значит не улавливать спецификума производственных отношений того, что лежит в основе их отличия от производительных сил.

Тт. Бессонов, Кон и иже с ними сделали из этой концепции все выводы, необходимые для того, чтобы показать ее неправильность. Дело идет о связи производительных сил с производственными отношениями. Если производственные отношения сводятся к пространственной расстановке людей, зависящей от расстановки орудий, то нужно заключить следующее. Производственные отношения лишены своих собственных имманентных им закономерностей и являются лишь пассивным рефлексом производительных сил. Поэтому они приспособляются к производительным силам автоматически, а не в последнем счете. Поэтому не может быть науки, ограничивающей свой предмет противоречиями и закономерностями самих производственных отношений, и, следовательно, политическая экономия должна включить, «как равноправную часть», производительные силы.

В спорах о предмете политической экономии Бессонов и другие категорически отрицали за производственными отношениями характер системы, обладающей спонтанейным движением. Такими и будут производственные отношения, если их свести к техническому сотрудничеству. При этом и труд превратится в «основу всякого общественного бытия», человеческую физиологическую энергию, «размещенную», «расставленную» в производстве в надлежащих пропорциях. В рамках аналитического метода, подменяющего у механистов диалектику, производственные отношения рациональны. Они непосредственно выражают развитие техники. И поэтому политическая экономия механистов ограничивается тем, что отыскивает под иррациональной оболочкой капитализма рациональную организацию. Эту задачу очень хорошо формулирует Дашковский:

«Задача экономической науки должна состоять в том, чтобы свести специфические капиталистические формы проявления законов общественного «производства жизни» к самим этим законам, чтобы «проявить» путем отвлеченного анализа внутреннее строение экономической ткани, затушеванное, замаскированное противоречивыми формами капиталистического хозяйства» («Под Знаменем Марксизма» № 6, 1926 г., стр. 218).

Таким образом, подлежащее обнаружению «внутреннее строение производственной ткани» оказывается вечными «законами общественного производства жизни». Дашковский полагает, что они сформулированы Марксом в известном письме к Кугельману и заключаются в необходимой пропорциональности между затратами труда, распределенными по отраслям производства.

«Сведение особых форм к их общим основам», именно к «основам всякого общественного бытия, общего всем эпохам»,—так определять задачу науки, ограничивать марксизм этим методом,—это и значит механистически вульгаризировать Марксову методологию. Однако не один Дашковский стоит на этой позиции. Тов. С. Бессонов также полагает, что истинный марксизм заключается в отыскивании рациональной организации, которая при капитализме закрыта внешней иррациональностью.

«Марксистская теория вскрывает рациональное производственное зерно рыночного ценообразования, которое кажется на первый взгляд слепым результатом стихийной игры рыночных сил, т.-е. чем-то совершенно иррациональным» [1]).

Если ограничивать теоретическое изучение капитализма этим аналитическим сведением его к общим рациональным основам всякого производства, то капитализм предстает перед нами в весьма упорядоченном, по сравнению с действительностью, виде. У Шабса, так много давшего последующим «критикам», «товарно-капиталистическое общество рассматривается, как сложное органическое единство, в котором отдельные индивиды являются «органами труда», взаимосвязанного производственного организма» [2]).

Сущностью этого единства является, как думает Шабс, распределение труда пропорционально общественным потребностям, так что «учет потребностей общества лежит в самой основе производства» [3]).

Разберемся в связи между таким пониманием капитализма и общими особенностями механического метода.

При капитализме, действительно, несмотря на нарушения и перебои, происходит процесс производства. Значит, с известной точки зрения, капитализм является просто одной из форм, в которой может происходить про-

[1]) С. Бессонов, Проблема пространства в перспективном плане, «Плановое Хозяйство» 1928 г., № 5, стр. 64.
[2]) Шабс, Обществ. труд, стр. 47.
[3]) Там же, стр. 49.

изводство. С этой стороны производственные отношения капитализма являются формой роста производительных сил, не отделимой от них и не противоречащей им. Если ограничиться этим, то познание капитализма будет заключаться в отыскании этой рациональной стороны капитализма под антагонистической и иррациональной внешней оболочкой.

Однако, с другой стороны, капитализм, и в этом его сущность, есть антагонистический общественный строй. Производственные отношения противоречат производительным силам и сжимают их.

Нетрудно заметить, что эти две стороны капитализма соответствуют двум, противоречащим друг другу, формам движения. С одной стороны, общие и сводимые к общим основам определения — побочная форма движения; с другой стороны, специфические черты капитализма — главная форма его движения. В этом и заключается коренное противоречие капитализма.

«Если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего ей мирового рынка, то он представляет вместе с тем постоянное противоречие между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными отношениями производства» [1]).

Для механистов характерно игнорирование именно главной формы движения и в данном случае игнорирование тех специфических особенностей капитализма, которые делают его антагонистической системой, которые противоречат исторической задаче капитализма — развитию производительных сил. Для них дело сводится к аналитическому нахождению в капитализме общих и рациональных определений.

При этом капитализм превращается в рациональную систему, в основе которой лежит «учет потребностей» и распределение труда пропорционально потребностям. Самый труд понимается при этом весьма своеобразно.

В дискуссии об абстрактном труде Дашковский, Кон, Шабс и другие физиологисты определяли абстрактный труд, как некую безличную общественную энергию, именно физиологическую энергию работающих людей. Среди многочисленных определений абстрактного труда, которые давались физиологистам, встречаются самые разнообразные и противоречащие друг другу. Однако общая идея такова. «Абстрактный труд представляет собой целесообразную затрату физиологической энергии человека» (А. Кон).

Конечно, если ограничить задачу аналитическим только вскрыванием под стоимостью более общего содержания, то стоимость выступает только как «форма, в которой проявляется пропорциональное распределение труда». Для Маркса, однако, дело только начиналось с этого утверждения. Диалектический подход к стоимости требует, чтобы она была, кроме того, выведена из труда. Тогда, конечно, и самый труд должен включать в себя определенность социальной формы капитализма. Абстрактный труд, как специфическая особенность капитализма, становится не физиологической, а социологической категорией.

Механисты не пошли дальше аналитического решения проблемы. Поэтому их понимание абстрактного труда резко отличается от Марксова.

У Маркса абстрактный труд — это «буржуазный труд». Он выражает прерывность общественной материи, то, что связь между производителями устанавливается через обмен. Эта антагонистическая категория, клубок, который должен развернуться и об'яснить анархию производства, конкуренцию, классовую борьбу, кризисы, всю иррациональнейшую сущность капитализма. «Простая форма стоимости уже заключает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма» (Ленин).

[1]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 23.

У физиологистов абстрактный труд — это физиологическая энергия работающего человечества, пропорционально распределенная между различными отраслями, и поэтому выступающая как абстрактная.

Марксизм тут не при чем.

Так, по мнению Маркса, понимал проблему стоимости и Буагильбер, который «сводил меновую ценность товара на рабочее время, определяя истинную ценность (la juste valeur) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов распределяется между отдельными отраслями производства» [1]).

Маркс считает такое понимание недостаточным, неохватывающим специфического характера буржуазного богатства, при чем это «образец того, что можно трактовать о рабочем времени, как мериле ценности товаров, и в то же время труд, осуществляемый в меновой ценности товаров и измеряемый рабочим временем, смешивать с естественной непосредственной деятельностью индивидуумов» [2]).

Это целиком относится и к тому примитивному и вульгарному пониманию учения Маркса об абстрактном труде и стоимости, которого придерживаются механисты.

Мы видим довольно связный круг идей. Задача науки — сведение частного к общему. Экономическая наука должна сводить капитализм к общим законам, отыскивать в нем «рациональное зерно». Это зерно, лежащее в самом существе капитализма, — учет потребностей. И, наконец, теория стоимости, сведенная к теории пропорционального распределения труда между отраслями.

Но как это связать с марксизмом?

В «Теории» Маркс пишет, что буржуазные экономисты, считавшие основным для современного общества равновесие между производством в каждой области и соответствующей потребностью, превращали капитализм в какую-то организованную по существу систему.

«Они рассматривают его (буржуазное производство) как общественное производство, так, что общество как бы по плану распределяет свои средства производства и свои производительные силы в той степени и в той мере, в какой это необходимо для удовлетворения его различных потребностей, и, таким образом, на каждую сферу производства падает будто бы то же самое количество общественного капитала, которое требуется для того, чтобы удовлетворить соответствующую потребность».

К такому буржуазно-апологетическому представлению приводит механистическое представление об основных категориях капитализма. Правда, гов. Бессонов помнит, что это «рациональное зерно» скрыто «стихийной игрой рыночных сил», но это знали и буржуазные экономисты. И не это внес Маркс в понимание капиталистического общества, а учение об антагонистичности, противоречивости основных социальных отношений капитализма.

У механистов этого нет. Действительно, основная иррациональность капитализма то, что при нем производство направлено не просто на удовлетворение человеческих потребностей, а, напротив того, требует их ограничения, что потребление ограничивается относительно тем больше, чем больше развивается производство, что материальное производство становится лишь средством производства прибавочной стоимости, одним словом, антагонистическое классовое строение общества—все это исчезает. Остается рациональное распределение физиологической энергии работающего челове-

[1]) «К критике», стр. 66.
[2]) Там же, стр. 67.

чества между отраслями пропорциональности. Тов. Бессонов очень много распространяется о классах, но именно при натуралистическом понимании абстрактного труда, превращающий эту антагонистическую категорию в рациональную и свойственную всякому обществу, классовое строение капитализма игнорируется. Это, впрочем, относится ко всей механистической концепции общества, начиная от «пространственного размещения людей» до модели организованного капитализма.

Эта модель выглядит так: «рациональное производственное зерно» скрыто оболочкой рыночной стихии, так что вся иррациональность—от этой внешней «оболочки». Отношения между рабочим и капиталистом—рациональны, и это становится ясным по мере сползания товарной шелухи с гармоничных очертаний капитализма.

Все эти утверждения имеются, в действительности, у механистов, мало того, они об'единены в своеобразную теорию «дефетишизации капитализма». Тов Бессонов полагает, что с возникновением и развитием капитализма, овеществленные отношения, общественное разделение труда — вытесняется неовеществленным, техническим разделением труда.

«Чем дальше развивается капиталистическое общество, тем больше количество людей из звеньев общественного разделения труда, когда общественный характер их труда может быть выражен лишь в приравнивании вещей, превращается в звенья технического разделения труда в пределах обобществленных кооперацией предприятий» [1]).

В книге «Развитие машин» тов. Бессонов уже в стадии промышленного капитализма замечает сужение общественного разделения труда.

«Однако в этой стадии общественное разделение труда уже претерпевает некоторые изменения. Его область суживается, так как прежде самостоятельные производители выступают здесь уже в качестве наемных рабочих, входящих ныне в систему технического разделения труда, в то время как прежде они были звеньями общественного труда» [2]).

Беда тов. Бессонова в том, что он считает отношения наемного труда — техническим и рациональным, несмотря на явно-апологетический характер такого взгляда. Поэтому для него развитие капитализма должно означать развитие планомерно-организованного производства. И свойственный тов. Бессонову ухарский способ научного мышления заставляет его самого сформулировать этот вывод. Развитие капитализма, как и прочих общественных структур, это — постепенный рост планомерного технического разделения труда внутри общества [3]).

С этой точки зрения империализм оказывается эпохой, когда «сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров, охватывая в некоторых трестах почти все количество рабочих, вообще занятых в данной специальности. Соответственно суживается сфера общественного разделение труда» [4]).

Здесь тов. Бессонов примыкает, по сути дела, к тому взгляду на характер новейшего капитализма, который встречается в некоторых работах тов. Бухарина [5]), который, например, в «Экономике перходного периода» пишет: «Капиталистическое народное хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессуб'ективного хозяйства в хозяйствующий суб'ект. Это превращение

[1]) Доклад в ИКП 6/IV-29 г.
[2]) «Развитие машин», стр. 417.
[3]) Там же, стр. 418.
[4]) Там же, стр. 417.
[5]) Подробная критика этой точки зрения имеется в статье Б. Борилина в «Под Знаменем Марксизма», № 5—6 за 1925 г.

дано ростом финансового капитализма и спайкой между экономической и политической организацией буржуазии [1]).

Кое-кто из наших противников в настоящей дискуссии был склонен некритически перенести этот взгляд в учебники.

Как известно, сейчас тов. Бухарин сделал из этой концепции политические выводы оппортунистического характера. По его мнению, сейчас в капитализме происходят некоторые процессы, ведущие к стабилизации на качественно новой основе «организованной бесхозяйственности». В этом вопросе тов. Бессонов, более или менее последовательно развивая свою мысль, приходит к еще более решительным формулировкам взглядов на природу военного и послевоенного капитализма.

Там, где замирает товарный оборот, где спадает фетишистская стоимостная оболочка общественного труда, там перестают действовать прежние категории политической ээкономии, и обнажившийся материальный остов общественного производства требует другого подхода, скорее натурально-технического порядка, чем абстрактно-экономического» [2]).

Нужно быть слепым, чтобы в момент, когда социальная форма производства с величайшей разрушительной силой сжимает и уничтожает производительные силы, говорить об этих производительных силах, как об освободившихся от антагонистической оболочки. Действительный, об'ективный фетишизм стоимостной оболочки,—власть продукта труда над человеком,—достигает величайшего напряжения, принимает самые иррациональные и самые тяжелые формы, а тов. Бессонов подходит с «натурально-техническим подходом» к «обнажившемуся» «материальному остову общественного производства».

Нужно прямо сказать: такая слепота носит вполне определенный характер, перед нами чрезвычайно опасная тенденция.

Общие методологические корни этой тенденции—ясны.

Если производственные отношения берутся со стороны побочной формы движения, т.-е. в том аспекте, в котором они не противоречат производительным силам, то общественное развитие принимает вид автоматической эволюции. В учении Маркса основой общественного развития была поляризация производственных отношений на две формы движения, противоположные друг другу, несмотря на связывающее их единство. С одной стороны, сводимые к технике, технические отношения, с другой стороны, антагонистические, противоречащие развитию производительных сил, отношения. И тот и другой полюс растет, и поэтому преобразование общественных отношений возможно лишь через мощное столкновение враждебных сил, через революцию.

Но, если признать, что антагонистические, иррациональные отношения все больше и больше вытесняются отношениями, непосредственно выражающими техническое разделение труда, то очевидно, чем дальше, тем больше, будет уменьшаться база общественного противоречия. Процесс будет итти все гармоничнее и плавнее. Это и есть подмена революционной диалектики плоским эволюционизмом.

Тов. Бессонов пишет:

«Таким образом, рассматриваемое с этой точки зрения общественное развитие представляет из себя постепенное отмирание слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, наоборот, постепенный рост планомерного технического разделения труда внутри общества, рассматриваемого, как единый хозяйственный организм» [3]).

[1]) Экономика переходного периода, стр. 14.
[2]) С. Бессонов, Развитие машин, стр. 42.
[3]) Там же, стр. 418.

Сформулированная здесь концепция, основана на представлении о производственных отношениях, как о пассивном рефлексе производительных сил, на отрицании за ними особой формы движения.

Мы видели, что это отрицание привело к физиологически-энергетическому пониманию абстрактного труда, к представлению, что сущность капитализма—пропорциональность трудовых затрат, что эта пропорциональность все больше проступает наружу из-под оболочки рыночных отношений.

Революция вообще не может быть понята из механистической концепции общества. Но особенно ярко это скажется, если подойти к нашей революции, к социалистическому перевороту в отсталой стране. Именно здесь ярче всего видна диалектика общественного процесса. Если производственные отношения лишь пассивный рефлекс производительных сил в том смысле, что они лишены особой, несводимой формы движения, то для об'яснения каждого изменения производственных отношений необходимо непосредственно апеллировать к изменениям техники. Иначе получится «отрыв» и т. д. Но тогда уровень техники, уровень производительных сил оказывается единственным критерием возможности революции. Нельзя выводить ее из состояния всей общественной системы в целом, нельзя об'яснять производственные отношения производственными отношениями, нельзя апеллировать к внутреннему имманентному развитию—этой «чертовщине». Тогда в технически-отсталой стране остается отрицать возможность революции, а если она произошла, то отрицать ее социалистический характер. Так понимали меньшевики связь и зависимость производственных отношений и производительных сил. Ленин пишет об этих рассуждениях по поводу книжки Суханова: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики».

Механистическое представление о связи производительных сил и производственных отношений играет реакционную роль и для понимания строительного периода социалистической революции. Вообще говоря, для марксистов ясно, что социализм приносит с собой более высокую ступень в развитии производительных сил и с этим связана об'ективная неизбежность его победы. Построение социализма невозможно без под'ема техники на новую ступень. С другой стороны, действительно, коренное преобразование техники невозможно без социалистического преобразования общества.

Но что получится, если понять это, как говорил Ленин, «по-педантски», т.-е. ограничиться повторением этих утверждений в ответ на каждый конкретный вопрос действительности? Это и будет означать недиалектическое, догматическое понимание марксизма. К чему это в данном случае приведет?

Живая диалектика общественного процесса в действительности нередко сталкивает лбами голый лозунг под'ема производительных сил и задачи строительства социализма, противоставляя их друг другу. Мудреного тут мало. В последнем счете, на протяжении всего переходного периода критерий под'ема производительных сил и критерий социализма совпадают. Но на отдельных отрезках они могут вступить в противоречие друг с другом. Поэтому, оценивая хозяйственные проекты, планы, события, мы не должны ограничиваться критерием производительных сил. Недостаточно, чтобы произошел непосредственный под'ем производства. Если он идет в разрез с критерием социалистической трансформации, то мы должны отдать преимущество последнему.

Иначе думает профессор Кондратьев и его школа. С их точки зрения, единственным критерием наших хозяйственных успехов является под'ем производительных сил. В последнее время в статьях тов. Фрумкина прозвучала эта же идея.

Конечно, переход к социализму невозможен без технической реконструкции, и если бы об этом шла речь, то никто бы не стал спорить. Но все дело в том, что процессы эти не идут совершенно параллельно и рядом. Обобществление может обгонять техническую реконструкцию и т. д. Это происходит потому, что процессы обобществления идут и своими путями и не ограничиваются пассивным следованием за техникой.

Представление о том, что процессы обобществления ограничены об'емом технической реконструкции, своеобразно освещает задачи и возможности нашего планирования. Очевидно, особой свободы у нас в этой области нет. Странно было бы определяющей задачей плана считать обобществление, если оно детерминировано со стороны натурально-технической, со стороны производительных сил. Остается только послушно следовать за ними. Трудно поверить, но эти выводы сделаны в книжке, которая служила и еще служит, к сожалению, учебником нашей экономической политики. В «Советской экономике» тов. Айхенвальда мы читаем следующие строки, поражающие обилием и тесной внутренней связью идей, вдохновляющих враждебную нам школу экономиста.

«В чем же, в таком случае, задача социалистического планирования? Прежде всего, в познании того, что именно требуется с точки зрения естественно-технической необходимости для создания равновесия в обществе» [1]).

На «равновесии» остановимся позже. Пока заметим следующее. Тов. Айхенвальд из признания «естественно-технической необходимости» стержнем нашей экономической политики выводит, что наше планирование ставит себе «прежде всего» познавательные задачи, познание некоторых об'ективных, от нас независящих, закономерностей общественного равновесия.

Этот шаг в сторону так называемого «генетического» метода планирования, получившего у нас достаточно широкую и печальную известность.

В. А. Базаров еще в 1924 году в брошюре «К методологии перспективного планирования» писал:

«Генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей хозяйства».

Впоследствии эта идея стала одной из центральных в арсенале Кондратьева и К°. У Кондратьева она фигурирует в качестве «предвидения», которое об'является основным содержанием каждого плана. В противоположность этому методу, который сводится к уступке ведущей роли в нашем хозяйстве несоциалистическим укладом, выдвигается метод «телеологического» планирования. Примат телеологии, примат цели означает, что основным критерием становятся те задания, которые мы перед собою ставим.

Входит ли «генетика», «предвидение» в план? Конечно, входит. Но эта сторона нашего планирования никак не характеризует специфичности планового хозяйства. В капиталистическом обществе предприниматель тоже старается сообразовать свое поведение с теми прогнозами, которые он делает на основании конъюнктурных наблюдений. Поэтому—свести план к предвидению можно только в том случае, если отыскивать под специфической формой нашего хозяйства более общее, свойственное всяким общественным формациям содержание. Предвидение это—побочная форма планирования. Естественно, что механистическая интерпретация нашей экономики в первую

[1]) Айхенвальд, Сов. экономика, стр. 285.

очередь возводит ее в основное содержание плана. Классовый смысл «генетического метода» понятен. Социалистические закономерности в нашем хозяйстве проходят через сознание класса и партии, принимают форму директив и, следовательно, носят телеологический характер. Те закономерности, которые не принимают такого характера и проявляются стихийно, генетически, это — внутренние закономерности мелкобуржуазной стихии, которые тянут к капитализму. Уступить место или приноравливаться к «генетике», это значит расчищать почву для буржуазии, для капитализма.

Можно ли сказать, что в приведенной выше формулировке тов. Айхенвальд выбрасывает момент цели из планирования? Нет, этого сказать нельзя. Он ставит перед планом определенную цель. «Естественно-техническая необходимость» должна осуществиться таким образом, чтобы в обществе создалось равновесие. Прорывает ли это рамки механистической концепции плана и политически враждебной нам тенденции? Посмотрим. И Базаров и Кондратьев не отвергают некоторого элемента телеологии в планах, лишь бы он играл подчиненную роль, именно: помогал бы безболезненно осуществиться генетическим, об'ективным закономерностям (можно было бы сказать: «естественно-технической необходимости»). Больше того, они прямо требуют, чтобы план имел целью установить равновесие в хозяйстве.

Это «равновесие» в последнее время несколько раз'яснилось, и мы можем теперь судить о том, что скрывалось под этим псевдонимом.

Это прежде всего «балансовая увязка», к которой Громан сводит задачи плана. План, как баланс, вовсе не характерен для социализма. Балансовое равновесие между производством и потреблением, пропорциональность производства—это никак не характеризует специфических отличий социализма. Это — все та же побочная форма. Иначе и не могут представить себе социалистическое производство механисты, для которых это — та же самая рациональная организация производства, постепенно выползавшая при капитализме из-под ирациональной оболочки. Конечно, эта балансовая пропорциональность сама по себе многозначна и может включать в себя разные планы. В действительности, когда говорят о равновесии, то имеют в виду некоторые определенные пропорции и размеры производства.

О равновесии писали почти все экономисты, выступавшие с критикой нашей политики, но лучше всех выболтал смысл этого понятия Альберт Вайнштейн. Он пишет:

«Устранение хозяйственных затруднений должно итти по пути восстановления нарушенного равновесия, т.-е. приведения капитального строительства и производства средств производства в соответствие с реальным накоплением в стране. Этот путь, на который стихийно в результате кризиса становится капиталистическое хозяйство, должен быть в СССР проведен при помощи плановых мероприятий» [1]).

Иначе говоря, при капитализме «естественно-техническая необходимость» известных пропорций проявляется стихийно. Мы должны итти к этим пропорциям планомерно.

Что тут смазывается это — непримиримая борьба между пропорциями, свойственными социалистическому производству и совершенно другими пропорциями, пропорциями капиталистического равновесия, к которому тянет нас капиталистический сектор нашего хозяйства.

Это отчасти связано с тем, что, подходя к советской экономике, механисты неизбежно не замечают враждебных нам капиталистических тенденций. И на помощь им приходят взгляды тов. Бессонова и его единомышленников.

[1]) «Эконом. бюллетень Кон'юнктурного института» 1927 г., № 11—12.

Тов. Бессонов, как известно, думает, что «различие экономических эпох» сводится (sic!) к различию в степени развития материальных орудий труда» [1]).

В частности, отличие капитализма также заключается в «технических приемах», которые специфически характеризуют капиталистический способ производства в отличие от предшествующих общественных структур» [2]).

Мы видим, что тов. Бессонов превратил учение Маркса о специфичности технических приемов для разных экономических укладов в учение о сводимости социально-качественных различий к количественным различиям в уровне техники.

В докладе на диспуте в ИКП тов. Бессонов требовал включения технических характеристик в понятие капитала. Этим самым он присоединился к тем народникам, о которых писал Ленин:

«„Друзья народа", впрочем, никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был капитализм. Они никак не в состоянии вместить, что капитал — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против определения капитала» [3]).

Дальше Ленин утверждает, что экономические характеристики «необходимы и достаточны» для понятия капитала» [4]).

Когда тов. Борилин на дискуссии в ИКП привел это место, Бессонов заявил, что Ленин имел в виду торговый капитал. Тем самым он подтвердил, что для капиталистических предпринимателей указанные Лениным признаки недостаточны и требуются другие, о которых говорил Кривенко в 90-х годах и Бессонов — сейчас.

Этот взгляд сейчас является чрезвычайно опасным в политическом отношении. Примените эту схему к кулацкому хозяйству, и мы получим отрицание его капиталистического характера. Ведь техническая отсталость кулацкого хозяйства многим даст повод отрицать наличие капиталистического элемента в нашей деревне.

Взгляды тов. Бессонова на понятие капитала об'ективно являются обоснованием попыток построения такой абстрактной модели советского строя, которая бы абстрагировалась от наличия капиталистических тенденций в нашей стране. В чем самая опасная сторона такой модели «двухклассового общества»?

Дифференциация деревни и другие процессы капиталистического развития переплетаются у нас социалистической реконструкцией деревни, процессом социалистического строительства вообще. Но отрицание этой встречной капиталистической тенденции придает социалистическому строительству вид гармоничного и плавного процесса, а не жестокой борьбы с классовым врагом.

Таким образом, гармония хозяйственных закономерностей в механистической концепции советского строя дополняется гармонией классовых отношений.

Картина приобретает двухцветный характер. С одной стороны, товарное хозяйство—стихийно осуществляющее некоторые пропорции хозяй-

[1]) «Проблемы Экономики», № 1, стр 142.
[2]) Там же, стр. 143.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 127.
[4]) Там же, стр. 128.

ственного равновесия, с другой стороны, плановая форма осуществления этих пропорций — социализм.

Тут происходит синтез механистической концепции капитализма и механистической концепции социализма. Результат — механистическая концепция «закономерностей переходного периода». Капитализм превратился в форму пропорционального распределния труда. Дашковский вскрыл в нем общие всякой эпохе основы общественного бытия. Бессонов показал, как это «рациональное производственное зерно» освобождается от иррациональной формы. Шабс об'яснил, что оно заключается в «учете потребностей общества». С другой стороны, социализм оказался «балансовым равновесием», т.-е. знакомой нам пропорциональностью, но уже без иррациональной оболочки. Очевидно, что эта пропорциональность, обладая не только социологическим обоснованием («пространственная расстановка»), но и экономическим, об'яснившим внутреннюю механику и капитализма, и социализма, сможет лечь в основу закономерностей советского хозяйства.

Венец натуралистического понимания экономических категорий капиталистического и советского хозяйства — это «закон трудовых затрат», сформулированный тов. Бухариным в статье «К вопросу о закономерностях переходного периода». Как исходный пункт исследования, берется известное письмо Маркса к Кугельману, написанное 11 июля 1868 года. Приведем этот отрывок:

«Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно также известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Изменяться может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов».

Очевидно, что Маркс здесь отнюдь не формулирует того, что он внес в теорию стоимости. Напротив, он напоминает «невеждам» и т. д. вещи, известные «всякому ребенку». Во всяком случае классикам была уже известна необходимость пропорционального распределения труда, и это письмо относится не к ним, а к вульгарным экономистам, как это видно из всего контекста.

Все это, однако, не выходит за рамки абстракции — «производства вообще». Под конкретной общественной формой отыскивается общий закон. Закон этот не исторический и не общественный. Это — закон природы. Аналитически подходя к стоимости, мы находим под этой формой человеческий труд, распределенный по отраслям пропорционально потребностям. Маркс в письме указывает, что эта пропорциональность является вечным законом природы.

Мы видели выше, что тов. Бухарин в своих социологических и экономических построениях ограничивается аналитической постановкой вопроса. Он увидел «пространственную расстановку» людей под производственными

отношениями. Он разглядел планомерную «рациональную систему» под аналитической оболочкой капитализма. Естественно, что тов. Бухарин свел общественное равновесие (понятие, которое у Маркса в теории кризисов понималось, как социальное, а не натуральное и потому специфическое для капитализма и для каждой другой эпохи) к этому внеобщественному закону. Закон этот стал общественным законом. Сначала тов. Бухарин говорит, что «закон трудовых затрат есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяческих общественных формациях» [1]).

Но уже через несколько строк мы читаем: «Таким образом, закон трудовых затрат голенький или в костюме оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни» [2]).

Рассмотрим сначала, что представляет собой этот «закон» со стороны теоретической. С этой стороны нужно отметить, что перед нами цепь: производственные отношения, автоматически и рационально выражающие техническое развитие, физиологически равный и поэтому социально распределяемый труд, как труд, образующий стоимость, организованность, как сущность капитализма, и, наконец, теоретическое увенчание и обобщение всех этих взглядов—центральная идея, возводящая их в систему:—«Закон трудовых затрат».

А теперь выводы для советской экономики: «С этой точки зрения очевидно, что процесс победы социалистических плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизационного общественного регулятора» [3]).

Отсюда неизбежно следует, что по существу или, как пишет тов. Бухарин, «по материальному существу» нет разницы между законом стоимости и регулятором социалистического хозяйства. Единство советского хозяйства тов. Бухарин видит не в борьбе и подчинении враждебного сектора социалистическим закономерностям, а в тождестве «материального существа», т.-е. в производственных пропорциях, свойственных и капитализму, и социализму.

Сторонники механистического направления в политической экономии своими экономическими, критическими упражнениями подвели под «закон трудовых затрат» теоретический фундамент, а с другой стороны успели достаточно отчетливо формулировать выводы из этой теории.

Еще Дашковский писал об абстракции, социально уравнивающей труд: «В товарном обществе она (абстракция. *Б. К.*) совершается стихийно и через посредство вещей в организованном сознательно. Но от этого ее качественная природа не меняется [4]).

Не меняется «качественная природа», не меняется «материальное существо». Этот взгляд получил известное распространение.

Если стоимость по существу совпадает с регулятором социалистического хозяйства, то это только терминологически отличается от утверждения, что она «по существу» сохраняется при социализме. Именно так смотрит на вопрос Н. Кажанов, ныне занимающий один из боевых участков общего механистического фронта. Он пишет:

«Поскольку производственные отношения в результате социалистической революции перестраиваются из классово-антагонистических в бесклассовые планово-урегулированные, постольку форма стоимости из меновой превращается в планово-урегулируемую форму стоимости, поскольку закон

[1]) Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 37.
[3]) Там же, стр. 39.
[4]) «Под Знаменем Марксизма», цит. статья, стр. 210.

стоимости из общественно-стихийно действующей силы превращается в научно-регулируемую силу [1]).

Кажанов не побоялся сделать надлежащие выводы из концепции механистов. Но по существу то же говорят экономисты, не порвавшие с традиционной терминологией. Тов. Айхенвальд пишет: «Замена капитализма социализмом будет означать ликвидацию стихийной стоимостной формы закона трудовых затрат» [2]). Теперь понятным становится, почему у тов. Айхенвальда задачи планирования заключаются «в познании того, что требуется с точки зрения естественно-технической необходимости для создания равновесия в обществе».

Из закона трудовых затрат, следовательно, из всей механистической концепции, следует, что мы должны в наших планах стремиться к равновесию, «по материальному существу», не отличающемуся от того, которое устанавливается при капитализме в стихийной форме, генетически. Мы должны планово делать т о ж е с а м о е, что делает капитализм стихийно. Вспомним приведенный выше совет А. Вайнштейна: «Этот путь, на который стихийно в результате кризиса становится капиталистическое хозяйство, должен быть в СССР проведен при помощи плановых мероприятий».

Нужно сказать, что такое представление о задачах советского государства не только логически, но и, так сказать, «исторически» связано с механистической концепцией в политической экономии. Я сейчас приведу один чрезвычайно интересный отрывок:

«Закон трудовой стоимости при капитализме есть закон, по которому распределение производственных элементов регулируется т р у д о в ы м и з а т р а т а м и; и вот в сущности как раз этот же закон по необходимости проводится государственным хозяйством».

Эта отчетливая формулировка «закона трудовых затрат» дана до тов. Бухарина основоположником новейшей механистической ревизии марксового учения А. А. Богдановым [3]). Вся механистическая концепция: принцип равновесия, «закой трудовых затрат» и т. д. об'единены не только одним методом, но и одним автором.

Этот же автор, предвосхищая Вайнштейна, говорит: «Совершенно также любое капиталистическое предприятие для того, чтобы находиться в равновесии с рынком, ведя воспроизводство в расширенном масштабе... должно получать в виде вознаграждения за свой продукт, — конечно, при посредстве денег, но это для нашего вопроса неважно, — должно получать возможность воспроизводить свое c + v плюс еще некоторую величину, которая определяется общим расширением хозяйства. Конечно, там это будет делаться путем колебаний, при чем, может быть, одни капиталисты разорятся, другие еще более расширят свои предприятия. Н о т а м с т и х и й н о с т ь, а з д е с ь д е л а е т т о ж е с а м о е г о с у д а р с т в о, о н о в ы н у ж д е н о д е л а т ь т о ж е с а м о е [4]). (Курсив мой. *Б. К.*).

В произведениях тов. Бухарина и его учеников встречаются оговорки, которые могут создать впечатление, что школа не стоит на этой точке зрения. Тов. Бухарин пишет: «Этот социалистический механизм, через который действует закон трудовых затрат, как мы видим, резко отличается от капиталистического. Поэтому тип развития и темп его иные» [5]). Казалось бы, основные закономерности социалистического хозяйства должны быть так сформулированы, чтобы они об'яснили это отличие. Но тов. Бухарин проходит мимо этого, и дальнейший ход его теоретической и политической мысли исходит из сформулированного им единства «закона равновесия» капитализма и социализма.

[1]) «Проблемы Марксизма» 1928 г., стр. 60.
[2]) Советская экономика, стр. 284.
[3]) «Вестн. Коммун. Академии», № 15, стр. 214.
[4]) Там же.
[5]) Н. Б у х а р и н, К вопросу о закономерностях..., стр. 50.

Встречаются оговорки и в «учебнике» т. Айхенвальда. Но они еще лучше раз'ясняют действительный смысл всей теории. Возьмем положение «закона трудовых затрат» (сделанное тов. Айхенвальдом и, как известно, «авторизованное»).

«Различные механизмы действия закона трудовых затрат связаны с более быстрым или более медленным ростом различных хозяйственных отраслей. Стихийному способу регулирования, связанному с анархией производства, кризисами, депрессиями, периодами грюндерства и т. д., присущи свои особенности в чередовании ускоренных и замедленных темпов хозяйственного развития. Такие же особенности имеются и в отношении выдвижения той или другой отрасли производства, т.-е. в «порядке» их роста. Плановый способ регулирования устраняет эти особенности и выдвигает другие, дающие возможность более энергичного движения вперед, ибо плановый способ регулирования есть высшая форма в организации хозяйства по сравнению с формой стихийно-рыночной [1]).

Значит, все отличие в том, что плановый способ «регулирования», как высшая форма организации хозяйства, по сравнению с формой стихийно-рыночной, может избегать потерь от стихийности и поэтому энергичнее двигаться вперед. Однако с нашей точки зрения в капитализме иррациональны и специфичны для него не только кон'юнктурные колебания, отклонения от пропорций и т. п., но и сами эти пропорции. Поэтому действительное отличие от капитализма отнюдь не заключается в том, что мы л у ч ш е капитализма приспособляем производство к этим якобы «необходимым и естественным» пропорциям. У тов. Айхенвальда к этому все сводится. Он, следуя за Кондратьевым, видит преимущество нашего строя в возможности «предвидения».

«Предвидение естественной и экономической необходимости, предупреждение кон'юнктурных нарушений равновесия и бессмысленных затрат, высшая, лучшая организованность нашего хозяйства,—все это делает ход нашего роста более главным, рациональным и быстрым» [2]).

Это написано не кем-нибудь из модных за границей проповедников «бескон'юнктурного хозяйства». Однако еще более чеканная формулировка дана самим тов. Бухариным. Он прямо берет быка за рога и все разговоры об отличии нашей экономики от капитализма заканчивает следующим заявлением:

«Но это ни в м а л о й с т е п е н и н е з н а ч и т, ч т о з д е с ь е с т ь в е ч т о, п р о т и в о р е ч а щ е е з а к о н у т р у д о в ы х з а т р а т. Н а о б о р о т, з д е с ь п р е д в а р и т е л ь н а я а н т и ц и п а ц и я (предвосхищение) того, ч т о п р и с т и х и й н о м р е г у л и р о в а н и и у с т а н о в и л о с ь б ы post festum» [3]).

Тов. Бухарин сам сделал политические выводы из этой теоретической позиции.

Сделали их и некоторые его ученики. Мы, однако, остановимся на взглядах тов. Бессонова, который, занимая правильную политическую позицию, опирается на недиалектическую немарксистскую позицию в теоретических спорах.

Тов. Бессонов оказал «закону трудовых затрат» медвежью услугу. Он показал, на каком теоретическом базисе покоится этот «закон». Это вульгарно-натуралистическое, механистическое понимание основ марксовой теории.

[1]) А й х е н в а л ь д, Советская экономика, стр. 293.
[2]) Там же, стр. 294.
[3]) Н. Б у х а р и н, К вопросу о закономерностях.., стр. 52.

У тов. Бессонова имеется суб'ективно хорошее намерение применить категории «Капитала» к нашей экономике и иллюстрировать теоретическую экономию примерами из советского хозяйства. Но он это делает следующим образом. Категории капиталистического хозяйства у него расплываются в свойственные всякому обществу рациональные отношения. Наоборот, в советском хозяйстве он видит только то, к чему можно подобрать аналогию в капиталистическом хозяйстве. Бессонов, так сказать, «социализирует» капитализм и «капитализирует» социализм. Первое мы уже видели, второе сейчас увидим.

На сцене опять равновесие:

«Коммунистическое общество предполагает полное равновесие между различными отраслями производства и полную рационализацию производства в каждой отдельной отрасли по принципу общественно-необходимого труда. В переводе на фетишистский современный язык такой способ организации общественного производства означает совпадение цен со стоимостями» [1]).

Совпадение цен со стоимостями означает равновесие, которое оказывается равновесием коммунистического общества. При всей оригинальности такого взгляда в нем нет ничего такого, чего бы не было в «законе трудовых затрат». И тов. Бессонов, требуя, чтобы наше планирование стремилось к такому равновесию, ссылается на статью тов. Бухарина и пишет: «Иного пути для дефетишизации закона пропорциональности, трудовых затрат у нас нет и быть не может [2]).

Дальше идет требование, чтобы наша политика цен была направлена к совпадению цен со стоимостями, т.-е. к тому, что стихийно происходит при капитализме.

«Конечный путь нашей политики цен заключается в максимально точном отображении нашей ценой тех реальных затрат труда, общественным выражением которых он является» [3]).

Точное отображение ценами действительных трудовых затрат означает эквивалентный обмен. Требование тов. Бессонова — это отказ от неэквивалентного обмена еще в тот период, когда отсутствуют несоциалистические уклады.

Среди людей, занимающихся теоретической экономией, тов. Бессонов известен, как знаток транспортного хозяйства. В этой области он конкретнее всего изложил практические выводы из своей теоретической позиции.

В тезисах «О порядке генерального пересмотра тарифов» тов. Бессонов пишет:

«Единственным принципом тарифной системы, соответствующим природе советского хозяйственного строя, задачам правильного развития районов и основам рационального транспортного хозяйства, является принцип реальной стоимости (издержки производства плюс фонд накопления) транспортной продукции, который и следует положить в основу советской тарифной системы».

Тов. С. Струмилин замечает по этому поводу: «Если принять этот тезис всерьез, то проблема тарификации сводится к простой арифметике. Исчисляются «издержки производства», приплюсовывается установленный процент прибыли — и дело в шляпе.

Цена производства зафиксирована. Но где же в таком случае метод для той или иной плановой экономической политики в области транспорта? Разве природа советского хозяйства противоречит задачам сознательного планового воздействия на народное хозяйство путем той или иной политики цен вообще и тарифной политики, в частности?» [1]).

Этого возражения достаточно, чтобы отвергнуть предлагаемый тов. Бессоновым принцип, но от нас не должен ускользнуть политический смысл этого требования и связь его со взглядами на сущность советского хозяйства и задачи планирования.

[1]) «Плановое Хозяйство» 1928 г., № 6, стр. 71. Разрядка автора.
[2]) Там же, стр. 73.
[3]) Там же, стр. 72.

Подытожим:

Механистическая критика марксовой политической экономии, тесно связанная с механистической ревизией материалистической диалектики, также тесно связана с «законом трудовых затрат». Механисты ограничиваются анализом, который может вскрыть под стоимостью лишь физиологически равный и социально-распределенный труд, т.-е. рациональную организацию—пропорциональное распределение труда. Игнорирование иррациональности основной категории капитализма приводит к теории организованного капитализма.

В теории советского хозяйства механисты ограничиваются также «побочной формой». Они сводят закономерности социалистической экономики к «закону трудовых затрат», планирование к предвидению, задачи плана к «равновесию». В общем, они предлагают нам выполнять то же самое, что сделала бы капиталистическая стихия «post festum».

Конечно, перед нами очень пестрая школа. Противоречат друг другу не только взгляды различных авторов, но и взгляды каждого из них. Однако через эту пестроту проступает некоторая единая тенденция. Ее-то мы и проследили. Она, несомненно, отражает напор враждебной нам стихии. Эту сторону дела мы не должны выпускать из виду в ходе теоретической дискуссии.

[1]) «Плановое Хозяйство», 1928 г., № 8, стр. 44—45.

„Диалектика“ Рубина[1]).

С. Батищев.

I. Основные законы диалектики.

В начале своей статьи — «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса» — Рубин пишет: «Я не буду касаться философских основ диалектического метода — это дело философов» [2]). Своей задачей он считает только применение этого метода. Однако дальнейшее изложение доклада показывает настоятельную необходимость предварительной положительной формулировки основ диалектического метода. Отсутствие этого предварительного, теоретического экскурса в основы диалектики роковым образом отразились на содержании статьи Рубина.

Рубин совершенно правильно полагает, что «диалектическая логика богата формами мышления. «Однако он хочет почему-то произвольно проследить применение Марксом к экономическим категориям трех томов «Капитала» только одного «основного закона диалектики, — закона единства противоположностей,— в соединении с законом отрицания» [3]). Позволительно, однако, спросить Рубина, откуда он собственно взял «закон отрицания»? Такого закона в диалектике нет. Простое отрицание в диалектике есть только момент в законе отрицания отрицания. Но отрицание само по себе не является законом диалектики. Кроме того у Рубина почему-то выпал третий основной закон диалектики, — закон перехода количества в качество и обратно. Правда, при теоретическом анализе диалектики мы можем отделять эти законы один от другого. Другое дело, когда мы приступаем к применению этих законов, и одновременно обнаруживаем их в действительности. Здесь произвольный выбор законов диалектики уже не годится; он может отомстить за себя самым безжалостным образом. В самом деле, когда мы приступаем к анализу диалектики экономических категорий в «Капитале», мы наталкиваемся на постоянную текучесть, изменчивость форм, переходов и т. д. При анализе их совершенно невозможно обойтись без закона перехода количества в качество. Разумеется, нельзя подозревать Рубина в незнании этого языка. Корни его забвения Рубиным, повидимому, лежат гораздо глубже. Мы полагаем, что Рубину этот закон просто не нужен, он просто не существует для него. Мы действительно увидим, что Рубин сводит качественные различия, образование новых форм к их чисто-количественным изменениям, «постепенным усложнениям».

---

[1]) Редакция оговаривает свое несогласие с рядом положений автора. Ред.

[2]) В настоящей статье мы берем лишь некоторые основные проблемы методологии И. Рубина. Мы сознательно не затронули такие важные вопросы, как: социальное и материальное, форма и содержание, проблема причинности, проблема суб'ективизма и проч. в теоретических построениях Рубина. В рамках одной статьи сделать это не представляется возможным.

Данная статья написана в апреле текущего года, и поэтому естественно нами не использована вся вышедшая литература за истекшее время.

[3]) «Под Знаменем Марксизма», № 4 за 1929 г., стр. 81.

[4]) Там же, стр. 81.

Разберем теперь рубинский «закон отрицания» [1]). Может быть, здесь имеет место простое смешение понятий? К сожалению, неправильное понимание закона отрицания отрицания у Рубина вытекает из всего существа его концепции». «Закон отрицания» Рубина есть простое отрицание без «снятия». Это — только антитеза, только отрицание наличности или бытия данной формы; это — прекращение развития, его уничтожение. Предоставим слово Энгельсу. «Я отрицаю зерно и в том случае, если его размалываю, насекомое — если я его раздавливаю» [2]). И ниже: «Я должен не только отрицать, но также затем «снять» это отрицание. Следовательно, первое отрицание я должен произвести таким образом, чтобы было или стало возможным второе отрицание. Но как этого достигнуть? Это— смотря по особой природе каждого отдельного случая. Если я размолол ячменное зерно или раздавил насекомое, то я хотя и совершил первый акт отрицания, но и сделал невозможным второй» [3]). Именно в этом последнем смысле понимается и применяется Рубиным «закон отрицания». У него нет нигде образования новых форм путем «снятия» одной из сторон, путем отрицания отрицания, у него новые формы образуются только простым отрицанием, полным уничтожением старой формы. По существу здесь, собственно говоря, невозможно развитие, появление новых форм. У Рубина переход от одной формы к другой есть полное уничтожение старой формы и таинственное появление новой. Для него «закон отрицания» есть просто « закон появления новых форм, противоположных первым» [4]).

Чтобы возможно было развитие и образование новых форм, необходимо «снятие» отрицания, или отрицание отрицания. Так именно совершается развитие во всей действительности. «Закон отрицания отрицания, — пишет Энгельс,—который бессознательно осуществляется в природе и истории, а также, пока он не познан, и в нашем мышлении, лишь впервые резко формулирован Гегелем» [5]). Рубинский же «закон отрицания» есть закон всеобщего уничтожения.

Не лучше обстоит дело у Рубина и с законом единства противоположностей, который составляет суть, главную, основную черту диалектики. В чем существо этого закона? Обратимся к Ленину. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его» «есть суть» диалектики. Тождество или единство противоположностей «есть признание (открытие) противоречивых, взаимно-исключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы («и духа и общества в том числе»)». «Развитие есть «борьба» противоположностей» [6]). Например, капиталистическое общество представляет единство противоположностей буржуазии и пролетариата. Эти противоположности взаимно исключают друг друга, они различные «тенденции», но они и взаимозависимы друг от друга и одна без другой существовать не могут. Их борьба создает развитие и уничтожение капиталистического общества. Но как происходит это уничтожение? Единство противоположностей всегда осуществляется на основе одной какой-нибудь из его противоположностей. В нашем примере, капиталистическое общество существует на основе господства буржуазии. Социальная революция уничтожает, «снимает» эту противоположность и на основе второй противоположности — пролетариата—осуществляет новое единство, новую

---

[1]) Чтобы не было сомнения в том, что это не только терминологическая ошибка, укажем, что Рубин употребляет эту формулировку всюду. См. «Под Знаменем Марксизма, № 4 за 1929 г., стр. 90, 96, 98, 100, 108.

[2]) «Анти-Дюринг», изд. 1928 г., стр. 129.

[3]) Там же, стр. 129—130.

[4]) «Под Знаменем Марксизма», № 4, за 1929 г., стр. 90, 96 и др.

[5]) «Анти-Дюринг», стр. 130.

[6]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 302, изд. 2-е.

форму общества. Если бы уничтожалась вся старая форма, то откуда же взялась бы новая? Еще пример. Единство феодального способа производства заключает в себе противоположность производительных сил и производственных отношений. Переход к буржуазному способу производства вовсе не означает уничтожения обеих противоположностей, оно означает лишь «снятие» одной из них, а именно производственных отношений; производительные же силы переходят в следующий способ производства и составляют основу для новой общественной формы. Или такой пример. Жизнь человеческого организма представляет единство противоположностей: жизни и «смерти». Пока существует человек, борьба этих противоположностей осуществляется на основе жизни. Когда человек умирает, «снимается» одна из противоположностей — жизнь, побеждает вторая противоположность: начинается, как говорил Гегель, новая жизнь — жизнь червей.

Как же понимает закон единства противоположностей Рубин? Он пишет: «Маркс показывает, что в каждой группе явлений, образующих известное единство, в силу внутренних противоречий, необходимо происходит дифференциация, поляризация, разделение, появление противоположных элементов, образующих известное единство. Такова первая сторона закона единства противоположностей.

Из этого положения вытекает и обратное положение: если в каждой группе явлений, образующих известное единство, необходимо появление противоположностей, то, и обратно, мы можем сказать, что — группы явлений, обособившихся друг от друга, противоположных друг другу, образуют известное единство, в пределах которого они и являются этими противоположностями. Такова двуединая сторона единства противоположностей: появление противоположностей в группе явлений, образующих единство, и сохранение единства в группе явлений, образующих противоположности» [1]).

Судя по внешней форме выражения, с первого взгляда кажется, что здесь все верно. Но при внимательном рассмотрении мы замечаем, что:

1) Единство понимается Рубиным не как имманентное, а как внешнее, групповое.

2) Закон единства противоположностей исчерпывается констатированием противоположностей без борьбы их, без перехода одного в другую, без «снятия».

Диалектика понимает единство противоположностей, как имманентное, присущее каждому процессу или форме. Выше мы приводили соответствующие примеры. Если же мы будем брать единство противоположностей «групп явлений», то это будет внешнее единство, механическая сумма. В такое «единство» мы можем об'единять любую сумму явлений, и они при всех случаях будут представлять «единство» «групп явлений». Здесь в сущности нельзя уже говорить о противоположности, о переходе одного в другое и т. д.

Однако, даже отвлекаясь от этого внешнего характера рубинского «единства», необходимо признать, что Рубин исчерпывает закон единства противоположностей тем, что единство, по его мнению, распадается на части, на противоположности, и что, с другой стороны, противоположности образуют единство. Другими словами, он констатирует противоположности, но не идет дальше до их обнаружения, до противоречия и «снятия». Противоположность еще не есть противоречие, как различие не есть противоположность. «Противоположность,—говорит Деборин,—содержит в себе противоречие, как возможность в скрытом виде. Противоречие же есть деятельное обнаружение противоположности, и только здесь скрытый антагонизм принимает форму «конфликта», только противоречие разрешается борьбой противоположностей» [1]). Следовательно, без деятельного обнаружения, без борьбы, противоположность лишь в потенции содержит в себе противоречие. И одним лишь рассечением, раздвоением единства, поляризацией его нельзя об'яснить развития, ибо «развитие есть «борьба» противоположностей» [2]). Рубин хотя и отмечает внешние противоречия в «группе явлений» (в выше приведенной цитате), но это противоречие он выводит не из борьбы противоположностей, а, наоборот, у него противоположность образуется противоречием. В действительности же противоречие обнаруживается лишь в борьбе противоположностей. Например, если мы констатируем единство противоположностей буржуазного общества, буржуазии и пролетариата, то из этого еще не следует, что борьба этих противоположностей уже проявляется. Мы знаем, что борьба, противоречия, обнаружение этих противоположностей (буржуазии и пролетариата) происходит не всегда, а только при определенных исторических условиях. Когда пролетариат еще находится в стадии «класса в себе», противоположности эти, как известно, не обнаруживаются.

Для подтверждения своей мысли Рубин пытается привлечь Маркса. Ему нужно найти у Маркса подобие своего «группового единства», простое констатирование противоположностей в единстве. Поэтому он по-своему цитирует Маркса, обрывая цитаты в самом решающем месте. «Эти две стороны закона, — пишет Рубин, — Маркс подчеркнул в I томе «Капитала» (стр. 64 — 65), где он пишет: «Если процессы, противостоящие друг другу как самостоятельные, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей» [3]). В этом месте Рубин обрывает Маркса, потому что ему требуется найти во что бы то ни стало у Маркса движение только внешних противоположностей, «групп явлений» и отнюдь не нужно обнаружение этих противоположностей. Поэтому он «продолжает» Маркса своими словами: «Если процессы, как будто бы независимые друг от друга, образуют единство, то, с другой стороны, это есть расколотое единство, единство с внутренними противоречиями, которые движутся внутри этого единства и заставляют двигаться весь процесс» [4]). Прежде всего заметим, что противоречия сами движут процесс, а не движутся в этом процессе. Основное в Рубинской мысли то, что противоречие дано хотя и на основе противоположностей, но без их деятельного обнаружения. Между тем Маркс говорит здесь о противоречии лишь в возможности и об обнаружении их при определенных условиях. Приведем это место Маркса полностью, оно дает прекрасный образчик применения закона единства противоположностей. Товарное обращение «раскалывает на две противоположные операции — продажу и покупку» непосредственную тождественность актов отчуждения своего труда и присвоении чужого. «Эти самостоятельно выступающие друг против друга процессы образуют внутреннее единство, но в то же время их внутреннее единство проявляется во внешних противоположностях». Здесь Рубин прервал Маркса, а между тем Маркс продолжает: «Если внешнее обособление внутренне не самостоятельных, т.-е. друг друга дополняющих, процесов развивается до известных пределов, то их единство насильно прорывается наружу посредством

[1]) «Под Знаменем Марксизма», № 4 за 1929 г., стр. 96. Подчеркнуто нами.

[1]) А. Деборин, Философия и марксизм, стр. 266—267.
[2]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 302.
[3]) Рубин, там же, стр. 96.
[4]) Там же, стр. 96.

кризиса. Присущая товару противоположность потребительной ценности и ценности — частного труда, долженствующего вместе с тем являться как непосредственно общественный труд и особого конкретного труда, который вместе с тем фигурирует лишь как абстрактный всеобщий труд, — олицетворение вещей и овеществление лиц, — это внутреннее имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза свои развитые формы. Эти формы заключают в себе поэтому возможность, но только — возможность кризисов; для превращения этой возможности в действительность требуется целый ряд условий, которых в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существует» [1]). Следовательно, Маркс достаточно ясно показывает, что противоположность не есть еще противоречие, последнее дано в первом только в возможности, только в потенции. Обнаружение этой возможности происходит напр. в кризисах. Рубин же вырвал произвольно помыслы Маркса, для того чтобы на ней обосновать свое извращение закона единства противоположностей, свое отождествление противоположности с противоречием, изображение потенционального противоречия как действительного. Противоположность по Рубину отнюдь не требует обнаружения, отнюдь не требует перехода в противоречие, это не действенная противоположность.

Приведем еще примеры, где у Рубина исчезают не только противоречия, но и причинная связь. «Мы знаем, — пишет он, — что под давлением именно развития материальных производительных сил производственные отношения между простыми товаропроизводителями перестали в производственные отношения капиталистического типа». «В пределах данной системы хозяйства каждая сложная форма производственных отношений людей возникает из более простой формы производственных отношений под давлением изменения производительных сил» [2]).

Детальный анализ отношений производительных сил и производственных отношений будет дан ниже. Здесь же нам достаточно отметить, что противоречия, борьба противоположностей, «снятие», переход заменены механическим «давлением». По Рубину фактически невозможно опричинение производственных отношений от производительных сил, нет, невозможна взаимозависимость между ними и взаимопроникновение; невозможен переход одного в другое, невозможно «снятие».

Однако простое констатирование противоположностей в единстве не дает еще развития, не об'ясняет нам действительности. В такой форме закон единства противоположностей приемлют все современные апологеты буржуазии, обосновывая им «естественность» противоположностей капиталистического общества, пролетариата и буржуазии, необходимость их вечного существования. Они только констатируют противоположности, но не идут до обнаружения противоречий, до борьбы противоположностей, ведущей к «снятию» той противоположности, на которой они сами существуют.

Если в законе отрицания отрицания Рубин не дошел таким образом до синтеза, до «снятия» отрицания, а остановился на антитезе, на простом отрицании, то в законе единства противоположностей он не дошел до обнаружения противоречий, до их борьбы, что означает и в первом и втором случае невозможность развития. Здесь вполне будет уместным вспомнить слова Маркса о Прудоне: «Несмотря на величайшие старания забраться на высоту системы противоречий, г. Прудон никогда

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 59, изд. 1918 г., под ред. Струве. Подчеркнуто нами.
[2]) Рубин, там же, стр. 90 Подчеркнуто нами.

не мог подняться выше двух первых ступеней: простой тезы и антитезы, да и сюда он доходил два лишь раза, при чем один раз перекувыркнулся и упал» [1]).

Но этим не оканчиваются еще изыскания Рубина в области диалектики. Мы уже отмечали, что у него выпал закон перехода количества в качество и обратно. Фактически, конечно, он вынужден был его применять, растворяя, однако, его целиком в количественных моментах. У него новые формы суть простое помножение, «усложнение» старых. Он констатирует противоречия в количественном нарастании. Но эти противоречия являются потенциальными, скрытыми; их обнаружение возможно только в качественном изменении, в скачке. Например, весь процесс капиталистического общества можно изобразить как количественное нарастание противоречий производительных сил и производственных отношений, которые полностью могут обнаружиться и разрешаться только в социальной революции. Частично же они обнаруживаются в кризисах, в забастовках, в стачках и т. п.

Иначе смотрит на дело Рубин. Он пишет: «С точки зрения Маркса данная группа явлений, в силу присущих ей внутренних противоречий, принимает другую форму, противоположную первой форме, более развитую и усложненную форму. Явления, постепенно усложняясь, принимают новую форму, противоположную первым исходным формам» [2]). Итак, новая форма есть «более развитая, усложненная по сравнению со старой и возникает вследствие «постепенного усложнения», количественного нарастания, эволюционным путем. О скачках, о «снятии» и синтезе нет и речи. Эволюция исчерпывает все развитие. «Далее Маркс показывает нам,—пишет Рубин,—каким образом производственные отношения людей, в частности отношения товаропроизводителей, в силу внутренних противоречий усложняются и порождают новые формы отношений людей, противоположные первым, отличающиеся от них. Маркс показывает нам постепенное усложнение производственных отношений людей, генезис новых, качественно иных форм и появление противоположных форм в группе явлений, составлявших раньше единство. Этим самым Маркс раскрывает нам систему производственных отношений людей, постепенно усложняющихся, принимающих новую форму, противоположную первой и вместе с тем составляющую с ней единство, внутри которого они взаимодействуют» [3]). Оставим пока в стороне злосчастное единство в «группе явлений» и выведение форм из форм (которое выше сам Рубин отрицал) [4]); обратим внимание на представление Рубина о процессе образования новых форм. Автор просто констатирует, что новая форма «качественно иная», «противоположная» первой, однако переход из одной формы в другую для него есть лишь «постепенное усложнение», количественное нарастание. Совершенно очевидно, что таким путем мы можем познать только количественное изменение данной формы, но не можем познать новую, качественно иную форму, противоположную первой. Например, превращение стоимости в капитал нельзя об'яснить только количественным ростом стоимостной формы товаров. Мы должны вывести еще новую функцию стоимости, присущую только капиталу, функцию создавать прибавочную стоимость. Точно так же количественный рост и усложнение

[1]) Маркс, Нищета философии, стр. 105, изд. 1928 г.
[2]) Рубин, там же. Подчеркнуто нами.
[3]) Там же, стр. 97—98. Подчеркнуто нами.
[4]) Там же, стр. 82.

капиталистической системы сами по себе (без скачка) не дадут нам еще нового качества, новой общественной формы.

Итак, закон перехода количества в качество Рубин сводит к простым количественным усложнениям. Он констатирует противоречия в самих количественных изменениях, т.-е. тогда, когда они фактически даны лишь в скрытом виде и еще должны только проявиться лишь в скачке. Таким образом, оказывается, что диалектика Рубина — это лишь частички диалектики, ее осколки, кусочки, а часть диалектики, как известно, не есть вообще диалектика. Здесь вполне применима ленинская характеристика двух основных концепций: «Две основные (или две возможные, или две в истории наблюдающиеся) концепции развития (эволюции) суть развитие как уменьшение и увеличение, как повторение *и* развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними).

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равновесие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [1]).

«Первая концепция» есть рубинская концепция, концепция мирной эволюции, «постепенного усложнения», без борьбы противоположностей, без взаимоисключающих, взаимопроникающих, взаимообуславливающих сторон единого, она не дает нам ни развития, ни возникновения, ни уничтожения. Она дает отрицание, но не дает «снятия» отрицания, она дает противоположности, но не дает обнаружения в них противоречий, а следовательно, и движения; она констатирует противоречия в количественных изменениях, где нет и не может еще быть их проявления; она утверждает единство, но не имманентное, а внешнее, групповое. Вместо имманентных движущих сил, Рубин обращается к механическим «толчкам», к «давлению», которые одни только по Рубину дают начало движения. Понятно поэтому, почему Рубин так избегает анализа генезиса, развития и гибели форм. Его концепция об'яснить всего этого не может.

Не случайно то обстоятельство, что Рубин в анализе диалектики «Капитала» совсем обошел основное, главное движущее противоречие капиталистического общества — противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Между тем, очевидно, что без этих противоречий нельзя не только об'яснить возникновение и гибель капитализма, но нельзя понять ни одной «коллизии», как говорит Маркс, в развитии самого капиталистического общества. Основная диалектика «Капитала» ускользнула таким образом из анализа Рубина.

Кстати сказать, Рубин понимает применение диалектического метода в политической экономии, не как отображение экономической действительности, а как отображение «диалектического метода вообще». Конечно, это чисто-идеалистическое толкование диалектики отнюдь не случайно для Рубина.

II. Политическая экономия и исторический материализм.

Прежде чем подвергнуть рассмотрению понимание предмета политической экономии во взаимоотношениях с историческим материализмом и «социальной технологией» у Рубина, необходимо предварительно выяснить

[1]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 302—303.

общее отношение производительных сил и производственных отношений. Этот вопрос является корнем всех прегрешений в концепции Рубина. Нам следует поэтому заняться анализом того, что́ понимает Рубин и его соратники под производительными силами и производственными отношениями. Критики Рубина обвиняют его в разрыве производительных сил и производственных отношений. Мы думаем, что надо ставить вопрос не только о разрыве, но о том, возможна ли вообще связь между ними в концепции Рубина?

Рубин и его ортодоксальные ученики подменяют производительные силы технической категории, а тем чтобы затем выбросить их из политической экономии и общественной науки вообще. «В товарном хозяйстве,— пишет Рубин,—как мы уже знаем, стоимость выполняет роль регуляторов труда. Вытекает ли эта роль стоимости из технических или социальных особенностей товарного хозяйства, т.-е. из состояния производительных сил или из форм свойственных ему производственных отношений? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него в последнем смысле» [1]). Итак, установим пока что «технические» особенности товарного хозяйства» и «состояние производительных сил» , есть одно и то же. Произошло точное отождествление производительных сил с техническим фактором и замена их натуральной категорией. Отсюда естественно, следует противоположение производительных сил, как технической категории производственным отношением, как социальной категории. Между ними лежит пропасть, они различной природы: производительные силы очутились в царстве природы, а производственные отношения в обществе. «Вещь передвигается в процессе производства от одних людей к другим на основании существующих между ними производственных отношений, но своим переходом она не создает производственных отношений между ними. Производственные отношения между людьми имеют исключительно общественный характер, а переход вещей — исключительно технический характер. Обе эти стороны заранее сознательно приспособлены одна к другой, но сохраняют различие характера» [2]). Перед нами таким образом ясно выраженный метафизический разрыв процесса производства, производительных сил и социально-производственных отношений. Или техническое, или социальное, или вещи, или невещи. Между тем процесс производства имеет и технический *и* социальный характер. Его социальная сторона — производительные силы и отношения производителей в производстве,— его техническая сторона — материальные изменения, изменения вещей как таковых.— Мы ниже покажем, что Рубин не понимает не только двойственности процесса производства, но и двойственности производительных сил. На 50-й стр. своих «Очерков» Рубин по примеру начетчиков вырывает у Маркса отдельные слова и предложения из десятков мест, где он хочет показать различие социального и материального. В результате он резюмирует. «Все эти выражения, которые проводят различие между техническою и социальною функциею вещей, технической ролью — средств и условий труда и их социальною формою по существу сводится к тому основному различию, которое было установлено нами выше. Речь идет об основственной формой, о двух различных сторонах: технической и социальной, единого процесса трудовой деятельности людей [3]). И так, снова Рубин показывает, что процесс производства есть только техническая

[1]) Рубин, Очерки. Как и всюду, 3-е издание, стр. 80. Подчеркнуто Рубиным.
[2]) Рубин, Очерки, стр. 24. Подчеркнуто Рубиным.
[3]) Рубин, там же, стр. 50—51. Конец подчеркнут нами.

категория, «средства и условия труда» или производительные силы—только технический фактор; социальное не материально, материальное не социально. Ученик Рубина Г. Деборин не смог, конечно, столь умело, как учитель, загородить словами суть своей позиции и прямо заявляет, что производительные силы, как технический фактор, нужно адресовать в технические науки. «Социально-экономическая структура общества, общественная форма производства может быть, в целях исследования, в известных пределах абстрагирована от материально-технической стороны, вещественного содержания процесса производства. Если первая становится об'ектом политической экономии, то вторая изучается всевозможными техническими науками» [1]). Кроме производственных отношений, он в экономике общества видит только вещи, только технические факторы, которые бесспорно изучаются только техническими науками. Производительные силы у него исчезли, они подменены техническими факторами. Для Рубина и его последователей производительные силы представляются мертвыми вещами, техническими факторами, как таковыми, вещами, находящимися не в обществе, а в природе. Им непонятно то обстоятельство, что производительные силы существуют только во взаимодействии человека, орудий и предметов труда. Каждый из этих элементов в отдельности или в сумме не представляет производительных сил. Они проявляются только в их активном сочетании в процессе материального производства. Рубин и его ученики не видят социальных отношений в процессе производства. Для них отношения участников производства суть только технические отношения. Маркс, а за ним и Плеханов, иначе смотрел на этот вопрос. Производительные силы, пишет Маркс, есть — «исторически созданное отношение к природе и личностей друг к другу» [2]). Другими словами, они суть, с одной стороны, отношения к природе, к вещам, а с другой—отношения самих людей, общественные отношения. «Производство жизни—как собственный, путем труда, так и чуждый, путем рождения—является в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой—общественного отношения, общественного в том смысле, что под этими отношениями понимается сотрудничество нескольких индивидуумов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели. Отсюда следует, что определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества или определенною общественною ступенью (рукою Маркса: и этот способ совместной деятельности есть сам некоторая «производительная сила» [3]).

Плеханов рассматривает фабрику и как производительную силу, и как «общественное отношение производства» [4]). Для Рубина же все производство в целом и производительные силы суть технические, натуральные категории, противостоящие социальной категории—производственным отношениям. Для него все неовеществленные производственные отношения суть только технические, и именно потому выключаются им не только из области политической экономии, но и общественной науки в целом.

Это отождествление производительных сил с категорией природы и выключение их из общества со всем процессом материального производства—не ново. Оно ведет свою родословную от Штаммлера, из богатого

[1]) Г. Деборин, «Под Знаменем Марксизма», № 4 за 1929 г., стр. 120. То же самое см. у Рубина в «Очерках», стр. 11.
[2]) Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, стр. 227. Подчеркнуто нами.
[3]) «Архив», стр. 220. Подчеркнуто нами.
[4]) Плеханов, т. XI, стр. 157.

источника которого черпали идейную пищу все ревизионисты (Э. Бернштейн и в особенности Струве и Булгаков).

Весьма характерно то, что Рубин, устанавливая «коренное» различие в понимании предмета политической экономии между Марксом и Амонном, дает такую схему всего общества, под которой вполне подпишется и Штаммлер. Из нее прежде всего выпадают производительные силы и материальное производство. Ища «глубокого различия» с Амонном, он по существу устанавливает с ним основное сходство [1]). В обеих схемах нет производительных сил и материального производства, в обеих схемах производственные отношения суть отношения обмена. В них дано не коренное различие Маркса и Амонна, а полное растворение марксизма в социальной школе. Схема Штаммлера, заключающаяся в социальных отношениях и хозяйственных отношениях, в которые не входит материальное производство, вполне, между прочим, совпадает с этими схемами Рубина.

Схема Маркса.	*Схема Амонна.*
Социальные отношения людей. Производственные отношения людей. Определенный тип производственных отношений людей (обмен между товаропроизводителями).	Социальные отношения людей. Определенный тип социальных отношений людей («индивидуалистические отношения обмена»).

Выключив производительные силы из общества, Рубин вполне естественно выбрасывает их и из политической экономии. Он относит их в особую науку, которой он хочет придать видимость общественной науки, называя ее «социальной технологией». Однако термин «социальный» не спасает его от того положения, что это будет техническая наука, а не общественная: она заранее обречена на пребывание за пределами общества. Но зачем создавать технологию, когда она давно существует и изучает производительные силы с их технической стороны? Общественная сторона производительных сил не может быть изучаема в технологии, как науке естественной. Рубин пытается в этом вопросе опереться на Маркса. Между тем Маркс никогда не мог допускать мысли о перенесении изучения производительных сил полностью и целиком в технологию. Он ставил вопрос о разработке истории техники, технологии, как науки естественной. Он, повидимому, опасался того, что сделали потом неокантианцы, которые, приравняв производительные силы к натуральной категории, выбросили их за пределы общественных наук. Не только Маркс, но и вся последующая история марксизма, вплоть до эпохи краха капитализма, обошлась без особой науки о производительных силах. Мы полагаем, помимо того, что «социальная технология» для Рубина есть убежище для производительных сил, как технической натуральной категории, она не имеет смысла и значения и без того.

Рассмотрим теперь производственные отношения. Они в совокупности составляют базис общества, его реальное основание и являются классообразующей основой. Основные производственные отношения, это—имущественные отношения в смысле владения средствами производства. Эти основные производственные отношения определяют и остальные производственные отношения, создающиеся в том числе и в обмене. Эти азбучные и бесспорные истины забыты Рубиным. У него основными производственными отношениями оказались отношения обмена, не отношения классов, а отношения «равноправных товаропроизводителей», «суб'ектов хозяйства». У него все представление марксизма ставится на голову. «Теория трудовой стоимости,—пишет Рубин,—дает теоретическую формулировку основного производственного отношения товарного общества, отношения между рав-

[1]) Рубин, Современные экономисты на Западе, стр. 188.

ноправными товаропроизводителями» [1]). «Производственные отношения между капиталистами и рабочими происходят в форме отношений между формально равноправными, независимыми товаропроизводителями» [2]). «В системе производственных отношений капиталистического общества (основную роль. *С. Б.*) играет основное отношение между отдельными товаропроизводителями, как между равноправными, автономными суб'ектами хозяйства» [3]). Обращаем внимание на чистую неокантианскую терминологию автора. «Основная форма производственных отношений между отдельными частными хозяйствами—форма обмена, приравнивание обмениваемых стоимостей [4]). Словом, основные производственные отношения — это не отношения классов к средствам производства, а отношения «равноправных товаропроизводителей», «автономных суб'ектов хозяйства»,—отношения обмена. Рубин осмеливается приписать такое понимание производственных отношений Марксу. «Дитцель не понимает, что Маркс говорит не об этическом постулате равенства, а о равенстве товаропроизводителей, как основном факторе товарного хозяйства, равенстве, повторяем, не в смысле материальных средств, а в смысле независимости и автономности в качестве суб'ектов хозяйства организаторов производства» [5]). Если равенство «не в смысле материальных средств» и не этическое равенство, то равенство юридическое. Юридические отношения в качестве основного фактора товарно-капиталистического хозяйства, вот что по Рубину составляет последнее слово марксизма, наиболее глубокое понимание Маркса. Итак, согласно Рубину, основные производственные отношения,—это отношения обмена, а следовательно, не классов, а суб'ектов, людей вообще. У него пропало реальное основание общества, базис; у него растворилась классообразующая основа в суб'ектах хозяйства. Рубин ухитряется образовать классы из обмена, правда, приличия ради, он включает их в кавычки. «Из числа производственных отношений людей,— пишет Рубин,— Маркс выделяет особую группу, характеризующую современное товарное капиталистическое хозяйство (!), а именно, производственное отношение обмена между товаровладельцами (и вырастающие на этой почве (!) «классовые» (!) производственные отношения между капиталистами и рабочими, капиталистами и землевладельцами») [6]). Мы грешным делом привыкли думать, что производственные отношения возникают на основе производительных сил, а не обмена, что классы определяются отношением к средствам производства. У Рубина все наоборот. Это все, что угодно, только не марксизм.

Анализ производительных сил и производственных отношений показал, что они по своей природе даны вне взаимной связи и что они не могут составлять ни вместе, ни порознь ни предмета политической экономии, ни предмета исторического материализма. Их связать не может ни та, ни другая наука. Политическая экономия по Рубину ограничивается изучением производственных отношений: т.-е.—как показано выше—отношений обмена, что для марксизма не достаточно, а значит и не верно. Исторический материализм не может брать в качестве своего предмета связь чужеродных категорий технологии и обмена. Рубинские производительные силы и производственные отношения невозможно связать ни в какой науке. Он сам чувствует это и с невероятной виртуозностью пытается различными путями найти эту связь. Он выдумывает около десятка форм этой связи и пытается опричинить производственные отношения производительными силами. Само собой понятно, что здесь у него нет и речи о противоречиях между ними, о переходе одного в другое. Рассмотрим эти формы связи в порядке их фактической важности:

1. Наиболее часто упоминаемая Рубиным форма связи состоит в том, что производительные силы являются предпосылкой производственных отношений [1]). При этом он пытается не отрывать производительных сил от производственных отношений и стремится не отрицать за последними роли движущей причины. Однако предпосылка не есть и не может быть причиной, она есть лишь предварительное, общее условие. Например, анархия производства есть предпосылка кризисов, но не причина их. Природа составляет предпосылку общества, но она не определяет развития общества. Маркс считает предпосылкой общества, а значит и его экономики, не производительные силы и не процесс материального производства, а природу и телесную организацию людей. Производительные силы и материальное производство суть «дело истории», ее основа и причина развития. «Первую предпосылку всякого человеческого существования, а значит, и всякой истории—именно ту предпосылку, что люди должны быть в состоянии жить, чтобы иметь возможность «делать историю». И тут же сноска—на «полях рукой Маркса: История, Гегель. Геологические, гидрогеографические и другие условия человеческой жизни. Потребность. Труд». И дальше: «Но для жизни прежде всего нужны еда, и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первым историческим делом является производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» [2]). Словом, предпосылка есть общее условие существования общества; но она не является его основой,—причиной, движущей силой. Производительные же силы находятся внутри общества и являются его причиной, основой, движущей силой и не могут быть предпосылкой.

2. Производительные силы,—пишет Рубин,—влияют на производственные отношения [3]). Но сам же Рубин часто говорит, что и производственные отношения обратно влияют на производительные силы. То и другое верно, а значит в целом не верно. Это по существу вульгарная теория взаимодействия, в порочном кругу которой вращались французские материалисты XVIII века. Сказать, что одно на другое влияет, это значит ничего еще не сказать. Надо свести это влияние к чему-то определяющему. Например, на развитие производительных сил влияют не только производственные отношения, но и политический строй, и наука, и искусства, и религия и т. д., и т. п. Но этим мы еще не решаем, что́ чем определяется. Например, Октябрьская революция имела тысячи «влияющих» обстоятельств, привходящих моментов. В качестве таковых можно отметить состав Временного Правительства, руководящий состав в партиях эсеров и меньшевиков и т. д., и т. п. Но эти привходящие обстоятельства не могли решить судьбы Октябрьской революции, ибо она определилась не ими, а основным социально-экономическим положением и расстановкой классов и партий. Без этого основного условия все влияющие факторы не могли определить Октябрьской революции.

[1]) Рубин, Очерки, стр. 103.
[2]) Рубин, там же, стр. 105.
[3]) Рубин, там же, стр. 104.
[4]) Там же, стр. 98.
[5]) Там же, стр. 99.
[6]) Рубин, современные экономисты на Западе, стр. 188—189. Курсив наш. Курьезно то обстоятельство, что Г. Деборин, приводя эту цитату, в которой: 1) производственные отношения обмена, а не классовые отношения характеризуют капиталистическое хозяйство, 2) классовые отношения выражены в обмене, 3) классы снисходительно заключены в кавычки,—не находит иных слов, кроме слов одобрения: «Все это совершенно правильно». (П. З. М.», 1929 г., стр. 119—120).

[1]) Рубин, «Под Знаменем Марксизма», стр. 83 и др.
[2]) «Архив», стр. 219.
[3]) Рубин, «Под Знаменем Марксизма», стр. 96 и др.

3. Производственные отношения развиваются «под давлением производительных сил» [1]). Не говоря уж о механистичности понятия «давления», мы не можем об'яснить социальное развитие внешней причиной, давлением извне. Производительные силы являются имманентной причиной общества и развитие производственных отношений, как и всего общества, совершается не простым давлением, а через противоречия производительных сил и производственных отношений.

4. Общественные свойства «прикрепляются» к вещам, производственные отношения — к производительным силам [2]). Это понятие настолько механистично для общественных явлений, что не требует особой критики по существу. Характерно то, что Рубин вынужден прибегать к таким оборотам, повидимому, опасаясь улетучиться в пространство надстроек и мир идей, отрываясь от грешной базы материального производства и производительных сил.

5. «Движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства» [3]). Не останавливаясь повторно на полном отождествлении Рубиным производилельных сил с «материально-техническим процессом производства», отметим лишь, что по Рубину общество не имеет имманентных причин развития. Поэтому Рубин вынужден прибегать к «толчку», который, словно боженька для некоторых идеалистов, дает начало движению. По внутреннему смыслу концепции Рубина «толчок» повторяется при возникновении каждой формы производства и затем производственные отношения, получив от «толчка» движение, продолжают самостоятельно развиваться вплоть до новой формации. Если производительные силы являются «толчком» для производственных отношений, то это значит, они для них внешняя посторонняя сила, ничем внутренне не связанная с ними. Производительные силы находятся в действии только тогда, когда нужно пробудить новую форму производства и снова погружаются в мертвый покой. Они словно демоны появляются по вызову производственных отношений. Механистичность, метафизичность, доходящая до грубого абсурда в этом построении очевидна. Эти «толчки», «давления» и «прикрепления» являются лучшими образцами применения Рубиным «диалектики».

6. Рубин часто употребляет положение, что производительные силы привлекаются в политической экономии «лишь постольку, поскольку это нам необходимо для выяснения закономерностей изменения производственных отношений людей» [4]). Критерий «поскольку это нам необходимо» представляет шедевр суб'ективизма. Если найдется такой талант и сумеет свести это «постольку, поскольку» к нулю, то с точки зрения Рубина возразить совершенно невозможно. Необходимость связи производительных сил и производственных отношений отдается на абсолютный произвол каждому исследователю, который может обращаться к производительным силам тогда и в такой мере, «постольку, поскольку» он считает нужным, и в какой мере он чувствует необходимость прибегнуть к чудодейственной силе производительных сил. Для марксизма связь производительных сил с производственными отношениями об'ективная, и при изучении их мы должны исходить из необходимости этой об'ективной связи. Здесь у Рубина не только улетучилась диалектика, но и материализм.

7. Особым нюансом этого суб'ективного критерия связи является «апелляция». Политическая экономия для об'яснения производственных

[1]) Рубин, там же, стр. 90, 91, 96 и др.
[2]) Рубин, там же, стр. 100 и др.
[3]) Рубин, Очерки, стр. 78.
[4]) Рубин, «Под Знаменем Марксизма», стр. 83 и др.

отношений должна апеллировать к развитию производительных сил» [1]). Следовательно, если экономит запутается в об'яснениях производственных отношений, то он должен тогда взывать к гласу сурового судьи, «апеллировать» к производительным силам.

Можно было бы установить еще ряд нюансов, в которых Рубин пытается связать несвязуемое, но и приведенного будет вполне достаточно. Мы раньше установили, что производительные силы и производственные отношения у Рубина по своей природе не могут опричинить одно другое. Их связи не могут установить не только политическая экономия и исторический материализм, но и никакая другая наука. Не найдя действительной связи производительных сил с производственными отношениями, Рубин, для облегчения совести, уступает изучение этой связи историческому материализму. «Задача исследования— пишет он,— взаимоотношений между материальными производительными силами и производственными отношениями людей должна быть выполнена марксистами-социологами, а не экономистами» [2]). Г. Деборин продолжает своего учителя. Для него «исторический материализм интересуется только соотношениями между производственными отношениями и производительными силами. Связь между последними является об'ектом его исследования в данной области. В противоположность этому, политическая экономия изучает только производственные отношения» [3]). По существу для Г. Деборина не существует еще исторического материализма, ибо последний представляет из себя синтез результатов политической экономии и науки общественной техники, которой, как он сам признает, еще не существует. «Для того, чтобы найти законы общественного движения, необходимо подвергнуть производительные силы и производственные отношения отдельному рассмотрению политической экономии и науки об общественной технике, с тем чтобы, синтезируя все основные выводы подобного исследования в историческом материализме, дающие основные методологические указания для подобного изучения, можно было бы получить наиболее глубокое и всестороннее представление о законах, управляющих существованием и развитием об'ективной действительности» [4]). Из этого следует, что законы общественного «движения» еще не найдены, так как еще не подвергнуты «отдельному рассмотрению» производственные отношения и производительные силы в особых науках. Науки о производительных силах пока не существует даже по признанию самого Г. Деборина. «Производительные силы могут стать предметом изучения для науки, которую Рубин предлагает назвать «Наукой об общественной технике». Но так как эта последняя пока еще находится в зачаточном состоянии, то мы не будем обсуждать ее наименования и содержания» [5]). У Г. Деборина выходит, что, если Рубин ничего не сказал по вопросу содержания «науки общественной техники», то ему, как ученику, не подобает «обсуждать» его и иметь свое мнение, по сему вопросу. Его дело ловить готовые фразы учителя и пережевывать их, привнося туда лишь собственную путаницу. Говоря по существу, мы, грешным делом, не знаем такого эмбриона «науки общественной техники» и вполне серьезно полагаем, что он существует только в воображении Рубина и его верных учеников, рабски следующих за ним, и то только в качестве убежища от необ'ясняемых противоречий. Сам же Г. Деборин, как мы выше показали, подменил производительные силы техническим фактором и отослал изучать

[1]) Рубин, там же, стр. 82, 83 и др.
[2]) Рубин, Абстр. тр., стр. 87.
[3]) Г. Деборин, там же, стр. 112.
[4]) Там же, стр. 117. Подчеркнуто нами.
[5]) Там же, стр. 117.

их в технические науки. Эти последние существуют не только «в зачаточном состоянии», но имеют уже длинную историю своего существования.

Для Г. Деборина исторический материализм еще не существует и вряд ли когда-либо возникнет, поскольку рождение «науки об общественной технике», одного из его источников находится под серьезным сомнением. Однако оставим в стороне эту путаницу и рассмотрим смешение исторического материализма с политической экономией.

Для Г. Деборина предмет исторического материализма отличается от предмета политической экономии только тем, что исторический материализм имеет «значительно более широкий об'ект изучения» [1]), а не специфичностью, не качественным своеобразием. Верно то, что его (исторического материализма) предмет обширнее предмета политической экономии, но история тоже обширнее политической экономии. Как исторический материализм, так и история изучают все стороны общественной жизни. Различие их заключается в том, что история изучает законы развития всего общества, но берет их конкретно, во времени и в пространстве; исторический же материализм берет те же самые законы и изучает их в общей абстрактной форме. В отличие от них политическая экономия изучает абстрактные законы капиталистического способа производства. Она, так же, как исторический материализм, изучает связь, взаимодействие и противоречия производительных сил и производственных отношений. Политическая экономия, однако, ограничивается лишь одной формацией, а исторический материализм устанавливает общие законы этих связей всем формациям вместе с общими законами связи базиса с надстройками. В этом их характерные особенности и различия, которые непонятны Рубину и его ученикам.

III. О закономерностях социального развития

В свое время Штаммлер, выбросив из общественных наук производительные силы и весь процесс материального производства, зашел в безвыходный тупик при об'яснении развития общества. У него выпали движущие силы общества, и он вынужден был искать мнимые противоречия, при помощи которых можно было бы обосновать развитие общества. Штаммлер принял за такое противоречие—хозяйство и право. Эта идея была заимствована от него ревизионистами и была основой всех реформистских построений. Как ревизионисты, так и Штаммлер, были разоблачены достаточно. Вряд ли кто попытается теперь прямо последовать по этому пути. Но если производительные силы выпадают из общественных наук, то, с другой стороны, нет другого пути об'яснения развития общества, кроме идеалистического.

Видя безвыходность своего положения, Рубин считает наиболее благоразумным обходить молчанием этот вопрос. Он нигде не дает анализа теории социального развития, теории генезиса общества, его движущих сил. Он всюду избегает этих вопросов, как корабль подводные рифы. Не имея возможности дать обоснование развития общества, он стремится изучать только данные, наличное, вне возникновения и гибели. «Я беру данный тип хозяйства—капиталистическое хозяйство»—и в пределах данной системы, изучая отношения различных, постепенно усложняющихся форм или производственных отношений, как в историческом возникновении, так и в их одновременном действии. Я подчеркиваю, что речь идет об усложнении типов производственных отношений в пределах капиталистического общества» [2]). Историческое возникновение, хо-

[1]) Там же, стр. 110.
[2]) Рубин, «Под Знаменем Марксизма», стр. 93. Конец подчеркнут Рубиным.

тя и внутри капиталистического общества, является только декларацией Рубина. О возникновении же и гибели самого капиталистического общества у него нет и речи. «Ведь вся постановка «Очерков» направлена к тому, чтобы взять за исходный пункт изучения данную систему производственных отношений людей, данный социальный тип хозяйства, данную экономическую структуру хозяйства» [1]). Рубин убегает от социального развития, от гибели капиталистического общества в тихую обитель «данного», готового. С его точки зрения это понятно. Но зачем называть это марксизмом? Марксизм по своей природе и сути насквозь историчен. Он все рассматривает в движении, возникновении и гибели. И если при рассмотрении диалектики «Капитала»—этой энциклопедии развития и гибели капитализма—не затрагиваются его основные противоречия — противоречия производительных сил и производственных отношений и их выражения в классовой борьбе и социальной революции, то это—все что угодно, только не марксизм. Без этого об'ективного противоречия нельзя понять и развития внутрикапиталистического общества, борьбы классов и (как говорил Маркс) всех коллизий истории. Задача марксизма в том и заключается, чтобы показать, что все противоречия в обществе базируются на этом основном противоречии. «В марксовой теории социального развития,—говорит Плеханов,—все вращается вокруг противоречия между производительными силами общества и его имущественными отношениями» [2]). «Противоречию между производительными силами общества и его имущественными отношениями действительно всегда принадлежало центральное место в марксовой теории социального развития» [3]). «Социальная революция, означавшая падение феодального и торжество буржуазного государственного порядка, представлялась Марксу и изображалось им, как столкновение (или противоречие) между производительными силами, выросшими в недрах феодального общества и свойственными этому обществу имущественными отношениями, или — что то же — феодальной организации земледелия и промышленности» [4]). Словом, без противоречий производительных сил и производственных отношений невозможно понять социальную закономерность, и без него марксизм превращается в апологетику капитализма. Плеханов указывает, что если бы не было этого об'ективного противоречия в обществе, то только страдающие буйным помешательством могли бы думать о социальной революции. Всем известно, что основной целью ревизионистов марксизма всегда было — отрицание теории революции, покоящейся на конфликте производительных сил и производственных отношений. И современные социал-демократы всего мира, в своем классовом сотрудничестве и мирном врастании в социализм исходят из отрицания этого положения. «Это противоречие,— пишет Маркс,— между производительными силами и формами сношений [5]), которое, как мы видели, имело уже неоднократное место в истории прошлого, не угрожая, однако, основам ее, должно было каждый раз прорываться в виде революции, при чем оно, как совокупность коллизии, принимало различные побочные формы: коалиция различных классов, противоречия сознания, идейная борьба и т. д., политическая борьба и т. д. Если стоять на

[1]) Там же, стр. 93. Подчеркнуто нами.
[2]) Плеханов, Соч., т. XI, стр. 149. Подчеркнуто Плехановым.
[3]) Там же, стр. 148.
[4]) Там же, стр. 148. Порчеркнуто Плехановым.
[5]) «Архив», кн. I, стр. 241. Здесь Маркс и Энгельс еще не употребляют понятия производственных отношений и вместо него пользуются понятием «формы сношений».

ограниченной точке зрения, то можно выдернуть одну из этих побочных форм, рассматривая ее, как основу этих революций; сделать это тем легче, что индивиды, инициаторы этих революций, составляют себе, в зависимости от своего развития и от ступени исторического развития, иллюзии насчет своей собственной деятельности. Таким образом, все иллюзии истории коренятся, согласно нашим взглядам, в противоречии между производительными силами и формой сношений». Следовательно, противоречие производительных сил и производственных отношений является единственным объективным основанием для материалистического об'яснения всех перипетий борьбы и противоречий в обществе.

Займемся снова Рубиным. Если даже отвлечься от того, что Рубин понимает под производительными силами и производственными отношениями в отдельности, и тогда у него невозможны противоречия, конфликты между ними. Что является причиной конфликтов производительных сил и производственных отношений? Производительные силы могут развиваться безгранично, тогда как производственные отношения на известном этапе окостеневают, консервируются, в силу того обстоятельства, что господствующий класс, в целях удержания своего господства, заклепляет свои отношения к средствам производства юридическими нормами. Поэтому производительные силы развиваются до тех пор, пока они не расходятся с интересами господствующего класса. Производительные силы перерастают производственные отношения, становятся шире их и требуют для своего развития новых, более широких производственных отношений. Но как быть, если все производственные отношения отстают от развития производительных сил? Как тогда осуществляется переход из одной формы общества в другую? Для Рубина нет внутреннего распадения производственных отношений на их революционную часть и консервативную — имущественные отношения. Для него старая форма уничтожается целиком. У него нет перехода одной из частей производственных отношений старой формы в новую. Он, как мы показали, не видит двойственности производительных сил, он также не видит двойственности и в производственных отношениях. Плеханов, критикуя за это Струве, указывает: «он не знал, какие именно отношения производства изменяются параллельно развитию производительных сил и какие отстают от этого развития, обусловливая своей отсталостью необходимость радикального общественного переворота, социальную революцию» [1]). Без этого разделения мы не можем притти к необходимости революции. Рубин не видит того, что «взаимное отношение производителей в процессе производства», как говорит Маркс, есть известное общественное отношение производства, которое развивается параллельно развитию производительных сил [2]). У Рубина революционные производственные отношения выпадают, а их консервативную часть, которая вызывает необходимость взрыва общества, он считает, наоборот, прогрессивной. Говоря о миллионах людей, скрывающихся за производственными отношениями, Рубин пишет: «Это — постоянное море движения, в котором безостановочно происходит процесс изменения производственных отношений, под влиянием развития производительных сил, и появляются новые типы производственных отношений людей» [3]). Если производственные отношения развиваются «постоянно», «безостановочно», то исключается их конфликт с производительными силами. У Рубина навсегда устраняется противоречие между ними, а вместе с этим исчезает весь революционный марксизм. Бернштейн, а за ним и все современные реформисты строят свою концепцию именно на этом положении. Для них буржуазный строй, буржуазные производственные отношения являются не оковами производительных сил, а прогрессивной формой демократии и культуры. Поэтому они стремятся изменить путем реформы буржуазное общество, переделать его без революций в социалистическое общество на основе существующих производственных отношений. Для них нет коренного и неразрешимого противоречия между развитием производительных сил и буржуазными производственными отношениями. На этом основана и теория «ультра-империализма» и весь международный оппортунизм. Для них современный капитализм не является загнивающим, реакционным, сковывающим развитие общества. Они считают, что буржуазные производственные отношения могут все время развиваться, «безостановочно» двигаться вперед и мирно врастать в социализм. Построение Рубина поистине является экономическим обоснованием того, по поводу чего Энгельс сказал, что это «мирно-спокойно-свободно-веселое врастание старого свинства в социалистическое общество».

[1]) Плеханов, Соч., т. XI, стр. 170. Подчеркнуто Плехановым.
[2]) Там же, стр. 157—158.
[3]) Рубин, «Под Знаменем Марксизма», стр. 91. Подчеркнуто нами.

Чем обосновывает Рубин постоянную изменчивость производственных отношений, их прогрессивную сущность? Он выводит это положение из того факта, что производственные отношения выражают собой отношения множества людей. Для него производственные отношения не об'ективная категория отношения классов, а людей вообще, как индивидов. Поэтому он всегда к понятию производственных отношений по примеру всех ревизионистов прибавляет слово «люде й». Само собой понятно, что производственные отношения—отношения людей, но ревизионисты этим прибавлением «людей» вкладывали в понятие производственных отношений суб'ективный смысл, имеющий внеклассовую сущность. «Когда вы мыслите, — пишет Рубин, — на языке категорий или социальных форм, вам кажется странным это порождение новой, более сложной формы из предыдущей, более простой, потому что социальные формы рассматриваются вами, как нечто статическое, застывшее. Но если вы вспомните, что под каждой социальной формой скрываются повседневно повторяющиеся отношения множества людей, то вы уже найдете здесь элемент динамический, наличие огромного многообразия, которое дает возможность постоянного развития, разумеется, под влиянием развития производительных сил [1]). Словом, множество повторений отношений людей создают постоянную изменчивость, прогрессивность производственных отношений. Странность этого положения будет понятна, если мы вспомним, что для Рубина производственные отношения не суть классовые имущественные отношения, а отношения обмена, «равноправных товаропроизводителей», «автономных суб'ектов хозяйства». У него производственные отношения потеряли об'ективный классовый смысл, растворившись в «хозяйственных суб'ектах».

Допустим снова, что Рубин правильно понимает понятие производительных сил и производственных отношений. Ставя вопрос о самостоятельном развитии производственных отношений, он считает возможным об'яснить их закономерность из них самих. Несомненно, производственные отношения имеют самостоятельное бытие, свою закономерность и самодвижение. Но эта самостоятельность относительна, условна, она имеет строго определенные границы. Если мы не поставим этих границ, то мы легко можем очутиться по примеру Э. Бернштейна в обители идеализма. Последний тоже, развивая положение о самостоятельности надстроек, высказанное Энгельсом, полагал, что раз они самостоятельны, значит могут быть и независимыми от базиса.

[1]) Рубин, «Под Знаменем Марксизма», стр. 91. Подчеркнуто нами.

Чтобы обосновать это положение, он утверждал, что в первобытные времена материальные факторы были решающими в развитии общества, но, выросшие из них общественные отношения и надстройки превращаются в самостоятельные силы, независимые от первых. Он ссылался для доказательства на знаменитую фразу Энгельса, что переход от капитализма к социализму будет скачком из царства необходимости в царство свободы. Власть материальных факторов пропадает совершенно и наступает царство господства идей, определяющих развитие общества! «Достигнутое в наше время,—пишет Э. Бернштейн,— состояние экономического развития оставляет идеологическим и особенно этическим факторам гораздо больше простора для самостоятельной деятельности. Благодаря этому причинная связь между технико-экономическим развитием и других социальных элементов становится все менее непосредственным и вместе с тем естественная необходимость первого все более теряет свое влияние на образование формы последних» [1]). Теперь — материалистическое понимание истории «не приписывает экономической основе народной жизни безусловно определяющего влияния на ее формы» [2]). Словом, прежде общество, его сознание определялось материальными факторами, теперь же наоборот. Как Бернштейн не мог разрешить диалектического противоречия самостоятельности и одновременно зависимости надстроек от базиса, так Рубин не может разрешить того же противоречия применительно к производственным отношениям и производительным силам. Не поставив границ самостоятельному развитию производственных отношений, Рубин логически приходит к тому, что производственные отношения могут определять развитие производительных сил.

Итак, в концепции Рубина отрезаны все пути к пониманию действительного развития общества, классовой борьбы и социальной революции, а следовательно, и пути понимания революционного марксизма.

Теоретические построения Рубина есть обновленное издание неокантианского ревизионизма. Ревизионизм же всегда представляет из себя буржуазное влияние на марксизм, он всегда тащится в хвосте буржуазной профессороской науки (Ленин).

[1]) Бернштейн, Проблема социализма, стр. 19—20
[2]) Там же, стр. 19.

Важнейшие направления современного исследования первобытного хозяйства [1]).

В. Никольский.

I. Естественно-историческое, направление или эволюционизм.

В 60-х гг. XIX века от антропологии, науки о человеке вообще, ответвилась этнология, или «народоведение», в Англии до сего дня сохраняющая название «антропологии». Представители новой дисциплины причисляли себя не к обществоведам, а к естествоиспытателям. Отсюда и название «естественные народы» (Naturvölker), «дикие люди», «дикари». Естественно-исторические принципы пропитывают этнологию. Это—два «великих начала»: единообразие и эволюция. Согласно первому, культурные явления, как происходящие от общих сходных причин, должны бесконечно повторяться [2]), так как, в силу сходства человеческой природы и одинаковости законов разума, везде и всегда люди шли от более простого к более сложному. Второе начало—эволюцию—представляли в общем прогрессивной, при чем полагали, будто эволюционирует не только определенная культура в целом, но и отдельные элементы ее (напр., копье, семья, орнамент, культ мертвых и пр.) тоже совершают самостоятельную эволюцию. Поэтому отдельную культуру не изучали во взаимоотношении всех ее элементов, но разрубали ее на части. Взяв тот или другой элемент (напр., культ мертвых), искали его варианты в любых культурах, после чего располагали их в эволюционный ряд, сообразуясь с растущей сложностью этих вариантов, в определении которой совершенно не принимали в расчет сложности тех культур, из которых они были вырваны. Тем же способом выяснялась эволюция и любых других культурных элементов. Многие этнологи ограничивались прослеживанием, как выражался Ю. Липперт, «некоторых из тех нитей, которые образуют пеструю ткань культурной работы». По его образному выражению, «все эти нити не одна за другой, а одновременно и бесконечно переплетаясь между собою, торопливо переносятся с прыгающих веретен на ткацкие станки»... «Но человеческое искусство,— заявляет Липперт,— не в силах представить общую картину всего движения» (Липперт, История культуры, 1895 г., стр. 2). Иные пытались из этих обломков воссоздать общую эволюцию культуры. Они пользовались «методом пережитков», наилучше разработанным Тэйлором. «Обычный прием метода Спенсера [3]), — говорит Анри Бергсон, — состоит в том, чтобы воссоздать эволюцию из фрагментов того, что уже эволюционировало... Он берет реальность в ее наличной форме, он разбивает ее, он ее распыляет на частички, которые и пускают по ветру; затем он интегрирует эти частички и прекращает их движение. Подражая целому работой мозаики, он воображает, что рисует и создает его генезис». Эти исследовательские приемы

[1]) Редакция оговаривает дискуссионность некоторых положений автора. Ред.
[2]) Э. Тэйлор, Первобытная культура, СПБ. 1896 г., ч. 1, стр. 9.
[3]) Разумеется Герберт Спенсер.

были воспроизведением методов «наук о природе» (особенно биологического цикла), почему основное этнологическое направление этой эпохи и получило название эволюционное, более точно естественно-научное или естественно-историческое; его называют иногда и антропологическим.

Эволюционизм и буржуазная политэкономия. Представители его, подходя к изучению хозяйства, не могли обойтись без помощи политэкономии. Но их естественно-научный поход к общественным явлениям не давал им возможности выделить в пучке экономических учений действительно ценное и передовое. Они игнорировали последнее слово в области социально-экономических знаний — марксизм — и в то же время жадно и некритично воспринимали идеи буржуазных экономистов. Как ни обветшала та или иная из этих идей, этнографы не сомневались в ее пригодности, если только она соответствовала их основным началам — единообразию эволюции культуры единого человеческого рода.

Теория трех ступеней. В политэкономии имелось «учение о трех ступенях» (Dreistufenlehre) хозяйственного развития. Корни его уходили в античность. Уже Дикеарх, грек из Мессены (умер в 320 г. до н. э.) верил, что после золотого века, когда, не убивая живых существ, люди питались дарами природы, последовала жизнь пастушеская, а затем «земледельческая». Умерший в 55 г. до н. э. римский поэт Лукреций на место рая Дикеарха поставил хозяйство первобытнейших охотников. Феодальная Европа не забыла этих идей. В XVIII веке последовательность трех ступеней стали представлять как под'ем от низших форм к высшим. В знаменитом труде Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) совершенно отчетливо проводится мысль о постепенном развитии человеческого хозяйства от состояния охотников (пример: северо-американские индейцы) через «более передовое общественное состояние пастухов» (татары, арабы) к состоянию еще более высокому — земледелию. В первую половину XIX века «теория трех ступеней» еще более укрепилась индоевропеистская лингвистика, реконструируя свой «праиндогерманский пранарод», который в ту эпоху еще не казался мифом, приписала ему (в лице Якова Гримма) скотоводство, допустив, что земледелие появилось лишь у более поздних индоевропейских народов. Но особенно крупным успехом учения о трех ступенях было включение его в свою систему Фридрихом Листом. В 1841 г. он предложил такую пятичленную схему хозяйственного развития: 1) стадия первоначальной дикости, с охотой и рыбной ловлей, 2) пастушеская жизнь, 3) период земледельческий, 4) земледельческо-мануфактурный и 5) земледельческо-мануфактурно-торговый. Прославленный буржуазный экономист пытался даже подтвердить учение о трех ступенях ссылкой на Америку. «Процесс, который совершался в Европе в течение веков, — писал он, — развертывается здесь перед нашим глазами. Здесь можно проследить переход от дикого состояния к пастушескому и затем к земледельческому быту» (Ф. Лист, Национальные системы политической экономии, 1891 г., стр. 8). Ссылка тем любопытнее, что знаменитый Александр фон-Гумбольдт, лично путешествовавший в Новый Свет в 1799—1804 гг., категорически заявил: «Американская человеческая раса... перешла от охотничьей жизни к земледелию не через ступень пастушества» [1]).

Сомнения в ней Б. Гильдебрандта и Рошера. Схема трех ступеней встретила протест и в рядах буржуазных экономистов, именно среди представителей так называемой «исторической школы» в политэкономии. Бруно Гильдебрандт уже в 1848 г. об'явил ее «неисторичной», так как «каждый народ проходит своеобразный экономический путь (Bildungsgang): один начинает его земледелием, другой — скотоводством, а третий — навигацией» [1]). Вильгельм Рошер, еще более яркий представитель «исторической школы», полагает, что человечество сперва питалось «в каком-либо раю (in einem Paradiese) захватыванием питательных древесных плодов», а затем, расселяясь оттуда, различные люди могли одновременно, в зависимости от природы страны, личного характера или случая, напасть на земледелие, охоту или дикое (wilde) скотоводство» (W. Roscher, Nationaloekonomie des Ackerlandes und der verwendten Urproduktionen, 1867, 5, S. 49). Антиисторичность и вообще полная бездоказательность этого беглого замечания в несколько строк столь явны, что обсуждать его совершенно излишне. Тем более, что как Рошер, так и Гильдебрандт сами кончили... «схемой». Гильдебрандт поделил в 1864 г. хозяйственную историю на три ступени: 1) натуральное, 2) денежное и 3) кредитное хозяйства. Рошер тоже дал тройное деление, но исходил из другого основания, а именно: из преобладания в производстве одного из трех факторов: «природы» (Natur), «труда» или «капитала». Даже воздерживаясь от возражений по существу, не трудно заметить, что клетки той и другой схемы столь крупны, что весь об'ект этнографического изучения умещается в рамки одной хозяйственной стадии, самое название которой — «природная» (по Рошеру) или «натуральная» (по Гильдебрандту) — звучит не исторически, а естественно-научно. Понятно, что «учение о трех ступенях» буржуазной политэкономии не могло встретить решительного отпора со стороны этнологов естественно-научного направления: разве картина единообразия хозяйственной эволюции не соответствовала основам их мировоззрения?

Буржуазная робинзонада. Для этнологов этого направления оказалась приемлемой еще более пагубная идея буржуазной политэкономии. Ошибочность и буржуазный характер ее блестяще вскрыл Карл Маркс в своем «Введении к Критике политической экономии», написанном в 1857 г., но опубликованном впервые Каутским лишь в 1903 г. «Единичный и обособленный охотник и рыболов,— читаем здесь,—с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии химерам восемнадцатого века. Это—робинзонады... Мы имеем здесь дело с предвосхищением «буржуазного общества», которое начало развиваться с шестнадцатого столетия, а в восемнадцатом сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости... Этот индивид восемнадцатого века... представляется идеалом, существование которого относится к прошлому,—не результатом истории, а ее исходным пунктом» (К. Маркс, К критике политической экономии, М.-Л. 1929 г., стр. 15—16). У известного уже нам Рошера мы находим курьезный образчик подобной «робинзонады». «Представим себе (denken wir uns),—пишет он,—народ рыбаков без частной собственности и капитала, живущий голым в пещерах и питающийся морскими рыбами, которые ловятся голыми руками, когда остаются в углублениях на берегу при отливе. Все работающие могут тут быть одинаковыми, и каждый ежедневно как ловит, так и потребляет по три рыбы. Пусть один умный человек ограничит в течение 100 дней свое потребление двумя рыбами в день и собранный таким путем запас в 100 рыб использует для того, чтобы потратить всю свою силу в течение 50 дней на производство лодки и рыболовной сети. С помощью этого капитала он ловит впредь 30 рыб ежедневно» [2]). Подобные рассуждения, конечно, абсолютно не соответствуют об'ективному ходу вещей [3]). Но конструирование всевозможных

[1]) См. Koppers, Die ethnologische Wirtschaftsforschung (Anthropos, 1915/16, Bd. 10—11), стр. 624.

[1]) Там же, стр. 642.

[2]) M. Schmidt, Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre, Stuttgart 1920, Bd. 1, S. 22.

[3]) «Немощный пролетарий первобытных лесов — это милая фантазия Рошера» (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 486, прим. 71, изд. 1929 г.).

«больших и малых робинзонад» (К. Маркс) соответствовало суб'ективным интересам буржуазии, поскольку во вневременные, неизменные превращались социально-экономические категории как раз буржуазного общества. Основанная на мысли о неизменной якобы хозяйственной природе человека, робинзонада еще легче и незаметнее «учения о трех ступенях» проникла и очень крепко утвердилась в естественно-научной этнологии, где уже царила мысль об единообразной эволюции всех вообще проявлений одинаковой человеческой природы.

Пренебрежение эволюционистов до Моргана первобытной экономикой. Как «робинзонады» и учение о «трех ступенях», это сомнительное наследство от буржуазной политэкономии, так в особенности механическое перенесение естественно-исторических категорий в общественную науку, какой по своему об'екту должна была сделаться этнология, — все это сильно тормозило успехи этнологического исследования хозяйства.

Трудно поверить, что такие крупные этнологи, как Оскар Пешель и Юлиус Липперт в Германии или Джон Леббок и даже сам Эдуард Тэйлор в Англии, ухитрились обойтись без изображения в своих трудах общей эволюции первобытного хозяйства. В «Антропологии» Тэйлора, этом «введении к изучению человека и цивилизации» (I изд. в 1881 г.), правда, целых 4 главы посвящено «житейской технике». Но все его изложение распадается и даже распыляется на ряд самостоятельных очерков эволюций отдельных видов орудий, оружия, утвари. Среди них имеется и небольшой очерк «добывания пищи», в котором охарактеризованы «технические приемы» собирания растительной пищи, охоты, рыбной ловли, земледелия, скотоводства, но ничего не говорится об относительной хронологии этих приемов. То же самое повторяется и у Липперта, для которого «история культуры», по его же словам, «есть история того труда, который поднял человечество из низменного и бедственного состояния». Но тщетно стали бы мы искать в его произведениях «историю труда». Правда, даже в краткой его «Истории культуры в отдельных разделах» на первом месте стоит большой раздел «забота о пропитании, одежде и жилище», но он распылен, как у Тэйлора, на ничем не связанные между собой очерки и не дает картины общей эволюции первобытной трудовой деятельности. Чтобы дать ее, этнологам неминуемо приходилось обращаться к пресловутому «учению о трех ступенях». Так поступил в 1881 г. итальянец Марциис, дополнив только эти три ступени еще четвертой — ступенью хозяйства в мире животных (C. de Martiis, La forme primitive nell'evolutione economica, Torino 1881). В 1867 г. англичанин Уистропп (Westropp) пытался обосновать учение о трех ступенях с помощью первобытной археологии.

I[1]. Теория Моргана-Энгельса.

Л. Морган преодолевает эволюционизм. Не смог освободиться от ее влияния и знаменитый Льюис Морган, взявший об'ектом своего исследования не тот или иной элемент культуры, а общество. В своем «Первобытном обществе» 1877 г. [2]) он отверг трехчленную периодизацию датских археологов (каменный, бронзовый и железный века), так как для него каждая ступень культурного развития была «особым состоянием общества» (стр. 10). Вместо этого он наметил 5 ступеней в эволюции «производства средств пропитания» (arts of subsistence). Это — 1) естественное питание плодами и корнями (вероятно, очень рано появилась и животная пища), 2) рыбное питание (по его мнению, искусственно приготовляемая путем варки), 3) мучное питание, добываемое земледелием (cultivation), 4) мясное и молочное питание продуктами скотоводства и 5) неограниченное питание через высшее полевое земледелие (field agriculture). «Естественная последовательность в земледелии, — по Моргану, — такая: сперва обработка на открытых местах кусков наносной земли, затем возделывание огороженных пространств или огородов (inciosed spaces or garderis) и, наконец, обработка поля (field) посредством плуга, влекомого силой животных» (стр. 25). Краткая его формула такова: «Огородничество предшествовало полеводству» (horticulture preceded field culture) (стр. 25).

[1]) Л. Морган, Первобытное общество, СПБ. 1901 г.

Морган выражал уверенность, что смена «способов добывания пропитания» даст «самое пригодное основание» для периодизации культурной эволюции» (стр. 11). К сожалению, считая исследование этих способов слишком недостаточным, он предпочел, хотя бы и «временно», установить «начала последовательных ступеней культуры», «выбрав ряд других изобретений и открытий» (стр. 11). Человеческое общество (и его культура) эволюционировало от: 1) дикого состояния через 2) варварство к 3) цивилизации. Дикое состояние тянулось целых три громадных периода: 1) низшую ступень (от младенчества человеческого рода), 2) среднюю (от употребления в пищу рыбы и умения пользоваться огнем) и 3) высшую (от изобретения лука и стрелы). Варварство тоже распадается на три же периода, но более краткие: 1) низшую ступень (от изобретения гончарного искусства), 2) среднюю ступень (в восточном полушарии от разведения домашних животных, а в западном от культуры растений) и 3) высшая ступень (от изображения плавки железа до изобретения звуковой азбуки). В эту периодизацию на основе изобретений Морган включил и 5 ступеней в развитии способов добывания пищи, отнеся первые две к дикому состоянию, а три последние — к периоду варварства. К сожалению, отнюдь не все его «изобретения» составляли поворотные вехи в прогрессе человечества (напр., лук со стрелами и глиняная посуда), не всегда даваемая им последовательность их согласуется с данными первобытной археологии (напр., пользование огнем гораздо древнее рыбной ловли). Если бы Морган поступил иначе и на первый план выдвинул пятичленную классификацию на основе развития добывания пищи, он сделал бы меньше погрешностей. Правда, излишняя доверчивость к выводам индоевропейской лингвистики заставила его принять «учение о трех ступенях» для Старого Света. Только на американской почве он освободился от этого предрассудка. Очень, очень многое в «схеме» Моргана для нас теперь неприемлемо, но полвека назад, даже в своей экономической части, она несомненно была высшим научным достижением.

Энгельс закладывает основы марксистской первобытной истории социально-экономических отношений. Хорошо известно, что основоположники марксизма признали [1]) «Первобытное общество» Моргана трудом, «составляющим эпоху в науке» (стр. 7). Идеалистическая оболочка его построений не помешала им понять, что Морган «наново открыл в Америке материалистическое понимание истории, открытое Марксом за сорок лет перед тем, и пришел, пользуясь новым методом, при сравнении варварства и цивилизации, в главных пунктах, к тем же самым результатам, что и Маркс» (стр. 7). Последний «намеревался изложить результаты исследований Моргана» в связи с выводами «материалистического исследования истории» (стр. 7). Но, к сожалению, смог написать лишь подробный конспект «Первобытного общества». Но Энгельс, использо-

[1]) См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, «Московский Рабочий», Москва, 1923 г., изд. 2-е.

вав «критические замечания» этого конспекта, дал в 1884 г., по его словам, лишь «слабую замену», «в некотором роде выполнение завещания». Это и было «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На титульном листе знаменитой работы Энгельса стояло «в присоединение (im Anschluss) к исследованиям Моргана». Но это отнюдь не лишает ее самостоятельного значения. Недаром Энгельс пишет: «Я отвечаю за все выводы, поскольку нет прямой ссылки на Моргана» (стр. 8). По вполне точной формулировке Августа Бебеля, Энгельс «адоптировал» воззрения Моргана, но «обосновал их по-своему» (aus Eigenem) [1]). Но особенную оригинальность Энгельс обнаружил в изображении хозяйства первобытного общества. «Экономические соображения (Моргана), — говорит он, — переработаны все мною наново» (стр. 8). Хотя работа Энгельса по крайней мере в три раза короче «Первобытного общества», экономическим вопросам в ней уделено гораздо больше места, при чем и качественно (а не только количественно) Энгельс превзошел в этой области Моргана.

Даже давая резюме изложенной им «морганов ской схеме» развития человечества, он дает не морганов ское, а свое «обобщение». «Дикость, — читаем у него, — эпоха преимущественного присвоения (Aneignung) готовых произведений природы (Naturprodukte), искусственные произведения (Kunstprodukte) человека являются, главным образом, вспомогательными орудиями (Hilfswerkzeuge) такого присвоения (Aneignung). Варварство — эпоха введения (Erwerbung) животноводства (Viezucht) и земледелия (Ackerbau). Обучения (Erlernung) способам увеличения производства (Zurgesteigerten Produktion) продуктов природы (Naturerzeugnisse) при помощи человеческой деятельности. Цивилизация — эпоха обучения (Erlernung) дальнейшей обработке (Verarbeitung) произведений природы, промышленности (Industrie) в настоящем смысле этого слова и искусству (Kunst) (стр. 26).

Важный шаг вперед сделал Энгельс и на пути освобождения от «учения о трех ступенях». В 1876 г. в наброске «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», Энгельс еще всецело стоит на почве «теории трех ступеней», утверждая: «К охоте и скотоводству присоединилось земледелие» [2]). В «Происхождении» в 1884 г. он вкладывает в эту схему новое содержание. По его мнению, «огородничество (Gartenbau), вероятно, незнакомое азиатским варварам, стоящим на низшей ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как провозвестник земледелия» (Ackerbau). Правда, следуя Моргану («Первобытное общество», стр. 25, 27, 28), Энгельс полагает, что «сначала зерно добывалось для скота». Но тут же он добавляет: «скоро оно стало пищей для человека» (стр. 145). Главное же Энгельс подчеркивает невозможность скотоводства в туранских степях без запасов корма на длинные и холодные зимы и потому «предварительным условием для него считает луговодство и разведение зерновых хлебов» (стр. 145). Усомнившись в возможности чистого скотоводства в Центральной Азии и допуская существование рядом с ним начатков земледелия, Энгельс показывал неприложимость «учения о трех ступенях» к одному из важнейших очагов скотоводства в Старом Свете.

Еще более оригинальной частью работы Энгельса является его «исследование общих экономических условий», подрывавших родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства и совершенно устранивших ее с появлением цивилизации. «Здесь «Капитал» Маркса,—пишет Энгельс,—будет столь же необходим, как и книга Моргана» (стр. 143). В виду общеизвестности книги Энгельса, здесь достаточно дать только резюме экономической стороны процесса, даваемое самим Энгельсом. «На низшей ступени [1]),— читаем у него,— люди производили только для собственного потребления, происходивший тут и там обмен носил случайный характер, касался только случайно оставшихся излишков. На средней ступени варварства мы находим... разделение труда между пастушескими народами и отсталыми племенами без стад, а вместе с тем... дальнейшее развитие обмена. Верхняя ступень варварства приносит нам дальнейшее разделение труда между земледелием (Ackerbau) и ремеслом (Handwerk), а вместе с ним производство все большей части продуктов труда непосредственно для обмена, превращение обмена между отдельными производителями (Einzelproduzenten) в жизненную необходимость для общества. Цивилизация... присоединяет к этому третье, свойственное ей, весьма важное разделение труда, она создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов — создает купцов» (стр. 149—150). «Итак, согласно сказанному, цивилизация представляет собой ступень общественного развития, на которой достигают своего полного развертывания разделение труда, возникающий благодаря ему обмен между отдельными лицами (Austausch zwischen Einzelnen) и об'единяющее оба эти явления товарное производство (Waarenproduktion), под которым Энгельс понимает производство уже не для собственного потребления, а для обмена» (стр. 158).

Мюллер-Лиер указывал, что Энгельс в основу своего очерка хозяйственной истории положил «обобществление (Vergesellschaftung) труда, или, говоря точнее, отношение производства на себя (Eigenproduktion) к общественному» [2]). Давая сравнительную таблицу «ступенчатых систем» хозяйственного развития, Мюллер-Лиер внес в нее и систему Энгельса, разбив ее на 3 стадии: 1) «самодовлеющее хозяйство» (Eigenwirtschaft), 2) меновое хозяйство (Tauschwirtschaft) и 3) «капиталистическое хозяйство» [3]). Но при этом он ничего не сказал ни о двуединстве, ни особенно о диалектичности процесса развития у Энгельса. Еще ярче, чем хозяйственную, Энгельс изобразил его социальную сторону, а именно: как первобытное общество «было разрушено разделением труда и его последствием—разделением общества на классы» (стр. 153), как «на определенной ступени этого развития, это разделение сделало государство необходимостью» (стр. 157), как «все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность» (стр. 149). Это новое классовое общество, продолжая, как и все в мире, свое диалектическое развитие, в свою очередь, должно будет перейти в свою противоположность—общество бесклассовое и безгосударственное. В отличие от всех других «ступенчатых» и неступенчатых систем Энгельс вскрывал диалектическое развитие социально-экономических систем или формаций. Поэтому его реконструкция диалектического развития первобытного общества одновременно подчеркивала преходящесть всего буржуазного общества в целом. Тем самым она явилась диаметральной противоположностью буржуазным «робинзонадам», авторы которых силились доказать вневременность хотя бы единичных социально-экономических категорий этого общества.

Поражая мощным оружием диалектики предрассудки буржуазной политэкономии, Энгельс тем самым разбивал и естественно-научное направление в этнологии. Уже Льюис Морган, изучивший «в поле» конкретное ирокезское общество и проявлявший стихийный уклон в диалектический материализм, никоим образом не может быть втиснут в ее рамки. Ни один из этнологов-эволюционистов не дошел до его гениальной мысли, что «семья

[1]) A. Bebel, Die Frau und der Sozialismus, 25 Auflage, S. X.
[2]) Архив «Маркса и Энгельса, 1925 г., т. II, стр. 99.

[1]) Из контекста следует, что речь идет о варварстве.
[2]) Müller-Lyer. Die Phasen der Kultur, 1923, S. 257.
[3]) Там же, стр. 263.

представляет продукт общественной системы и отражает культуру общества» [1]). Но, тем не менее, Моргана нельзя поставить вне этого направления. Зная только два типа первобытного общества, а именно: «классовую организацию» на основании полового различия (и зная ее еще очень плохо) и следующую за ней «родовую организацию», он считал обе «результатом великих общественных движений, которые совершались инстинктивно, путем естественного подбора» [2]). Следовательно, биологический фактор допускался им не только для «дикого состояния», но и для «варварства». Естественно-научное еще полностью господствует над обществоведческим у Моргана. Только Энгельсу удается включить изучение первобытного общества и его хозяйства в круг обществознания. Правда, даже Энгельс не совсем преодолел Моргана. «Чем меньше развит еще труд (die Arbeit), чем ограниченнее сумма его продуктов, а следовательно, и богатство общества,—читаем в предисловии к 1-му изданию его книги,—тем более господствующее влияние на общественный строй оказывают отношения между полами» (Geschlechtsbande) (стр. 7 — 8). В развитии брака и семьи до моногамии (не включая последней) Энгельс видит действие «естественного подбора» (стр. 49 и др.). Эти высказывания Энгельса могут показаться отзвуками Моргановского биологизма. Однако сам Энгельс в своем наброске «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» характерным признаком человеческого общества, отличающим его от стаи обезьян, признал «труд» [3]). В наши дни новейший исследователь первобытного общества Эйльдерман утверждает: «Первобытный коммунизм является естественной (natürliche), т.-е. природой управляемой, формой общества в столь же малой степени, как и всякая другая социологическая формация» [4]).

Как ни страдает немецкий «марксист-коммунист», как он себя сам называет, парадоксальностью и легкостью фактического багажа, он заостряет в своем тезисе мысль о диалектичности процесса развития, о «скачке» из «общества» животных в общество человека. Мысль же эта, конечно, не Эйльдермана, она почерпнута им из великих произведений как Маркса, так и Энгельса. Как ни биологичны покажутся иному кое-какие места книги последнего, он отнюдь не делит народы на природные, не имеющие истории, и на культурные, ею обладающие. В 1890 г. им дается к новому немецкому изданию «Коммунистического манифеста» важное примечание, в котором, между прочим, читаем: «В 1847 г. была еще почти неизвестна история первобытного общества (Vorgeschichte der Gesellschaft) общественная организация, предшествующая всякой писаной истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест, Гиз, 1928 г., стр. 58). Самое важное значение работы Энгельса как раз и заключалось в том, что он обратил «естественную историю» первобытного общества Моргана в очерк «истории первобытного общества», точнее «предистория» (Vorgeschichte) общества [5]).

Этот очерк, при современном уровне наших знаний, несвободен от недостатков. Он неминуемо устарел, так как устарела, как мы видели, «схема» Моргана, лежавшая в его основе. Он еще очень неполон и схематичен. Если родовое общество и его распад изображены достаточно ярко, то корни этого общества не раскрыты. Ни слова нет о таких крупнейших

[1]) «It is the creature of the social system and will reflect ist culture» (L. Morgan, Ancient Society, 1877, p. 491). См. Морган, Первобытное общество, стр. 475.

[2]) Там же, стр. 49.

[3]) Архив Маркса и Энгельса, 1925 г., т. II, стр. 95.

[4]) Стр. 243 немецкого текста приготовляемой к печати (изд-вом «Безбожник») рукописи 2-го издания его книги «Первобытный коммунизм и религия».

[5]) Известно, что Энгельс в своем «Анти-Дюринге» заявляет, что «политическая экономия по самому существу своему — историческая наука».

явлениях, как возрастное разделение труда, роль женщины в первичном земледелии и т. д. Вину за это нельзя возлагать на Энгельса. «Сведения, относящиеся к формам хозяйственной жизни народов Океании, Америки, Азии и Африки, — писал в 1881 г. Н. Зибер, — до настоящего времени почти не подвергались самостоятельной и цельной разработке» (см. Н. Зибер, Очерк первобытной экономической культуры, 1923 г., стр. XXIX). Непрерывное накопление этих «сведений» и разработка их методом диалектического материализма — вот тот кратчайший путь, который привел бы от схематического наброска Энгельса к истории первобытного общества и его хозяйства. Но не по этому пути пошло этнологическое исследование.

III. Распад эволюционизма.

Эволюционист-марксист Н. Зибер за первобытный коммунизм. У Энгельса был предшественник-марксист. Это — русский экономист Н. Зибер, выпустивший в 1883 г. в Петербурге свои «Очерки первобытной экономической культуры». Написав свою работу за границей (окончил ее в Берне в 1881 году), он был прекрасно знаком с иностранной литературой (в частности и с «Первобытным обществом» Моргана). Им понята была необходимость строгой проверки «сообщений различных путешественников», при чем «ключем» к ней, по его мнению, был «методологический прием», который «допускает сосуществование одних явлений и исключает сосуществование других» (стр. XXX, изд. 3-е, 1923 г.). Для него было ясно, что «основные черты» «общественно-хозяйственного сложения первобытного общества» надо «искать в форме организации работ, служащих для поддержания существования общества, или, что то же самое, в форме общественного производства и потребления» (там же). Основной мыслью его книги было: «Общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития» (стр. XXIX). Другими словами, Зибер, как годом позже Энгельс, высказывается за первобытный коммунизм. Но методы исследования того и другого совершенно различны. Зибер вырывает отдельные элементы экономики и рассматривает их совершенно изолированно. Не ограничиваясь внеевропейскими странами, он не боится отбрасывать элементы частного («феодального») характера в тех обществах, где они сосуществуют с элементами коллективными, и считает возможным учитывать только последние. Естественно, что факты из обществ различной сложности (напр., австралийского, индейского, китайского) смешиваются им в одну кучу. Давая в своих «очерках» фактический материал, гораздо более обильный, чем у Энгельса (уже в I-м изд. целых 505 стр.), Зибер рассеивает среди него и отдельные обобщения, обнаруживающие, что он стоит на точке зрения исторического, преходящего характера социально-экономических категорий. Но рабское копирование приемов этнологов-эволюционистов не позволяет ему дать хотя бы какое-нибудь подобие истории первобытного коммунизма.

Эволюционист-идеалист К. Бюхер за «ступень индивидуальных поисков пищи». Труд Н. Зибера, не найдя продолжателей в России, остался неизвестным и за границей. Поэтому немецкий экономист Карл Бюхер мог приписать себе честь первого проникновения в «нетронутую до того область экономической науки» (см. «Возникновение народного хозяйства», изд. 1923 г., вып. 1, стр. 1). Еще в 1879 г. под его редакцией вышел немецкий перевод книги бельгийца Лавеле «О собственности и ее примитивных формах», где получал признание и «первобытный коммунизм», и «теория трех ступеней». С целью сделать ее, по его выражению, «историей примитивных форм земельной собственности в сравнительном рас-

смотрении», он почти на ¼ увеличил французский текст (новая 13-я глава «Собственность у исконных обитателей Америки» и большая часть главы 14-й «Полевая община у народов различных частей света»). В 1885 г., в связи с прочтением лекций в Базельском университете, он уже набросал «в основных чертах» очерк «дохозяйственного периода» (стр. 6). Многое изменив в нем, в частности снабдив «значительным этнографическим материалом», он, по его словам, «многое» оставил «в первоначальном виде». Его знаменитая книга «Возникновение народного хозяйства» (в 1922 г. в Германии переизданная в 16-й раз) впервые вышла в 1893 г. Но только со 2-го издания (в 1898 г.) в этот сборник отдельных очерков, тесно связанных друг с другом и дающих общее введение в политэкономию, входят два очерка, посвященные первый «хозяйственному правосостоянию» (wirtschaftliche Urzustand), второй — «хозяйству естественных народов» (die Wirtschaft der Naturvölker).

Второй очерк значительно удачнее первого. Особенно ценно, что Бюхер решительно откидывает не только «теорию трех ступеней», но и ее модификации. Изложение его удивительно легкое, сжатое, ясное, даже картинное. Нельзя пройти мимо его метких характеристик, изящно-тонких замечаний, мастерски подмеченных частностей. Однако этому обилию достоинств соответствует и обилие очень крупных недостатков. Бюхер, подчеркивая свое стремление порвать с робинзонадой (там же, стр. 9), пытается вскрыть специфичность «естественных народов», их резкое отличие от «культурных». Но у него совершенно отсутствует временная перспектива. В одну картину он соединяет изолированные экономические признаки, встречающиеся у «народов весьма различного происхождения и культурного уровня» (там же, стр. 25). В итоге она оказывается очень бедной содержанием. Бюхер о хозяйстве «естественных народов» делает такой банальный вывод: «Они стоят к природе ближе, чем мы, они находятся в большой зависимости от нее»...

Но кульминационного пункта недостатки Бюхера достигают в его первом очерке, где он берется изобразить исконное хозяйственное состояние человечества. Бюхер отказывается «иллюстрировать его на примерах из жизни того или другого племени». Хотя им и не об'ясняются мотивы этого, легко догадаться, что причиной тому служит отсутствие таких племен. Бюхер поэтому вынужден предпочесть другой «прием». Он собирает «черты, общие всем народам, стоящим на низкой ступени культуры» (там же, стр. 10), добавляет к этому находимые почти у всех естественных народов «черты, которые могли сложиться только при древнейшем образе жизни», об'ясняет их и устанавливает «идеальную связь между ними» (стр. 10—11). Отвергая, как предвзятое, мнение экономистов о «хозяйственной природе человека» (стр. 8), он приписывает ему «чисто-инстинктивное удовлетворение потребностей» (стр. 13). «То же, что является двигательной силой у животного, а именно: стремление к сохранению жизни, составляет руководящий стимул и у первобытного человека. Это побуждение ограничено пространственно отдельным индивидом, а во времени моментом ощущения потребности; иными словами: дикарь думает только о себе и только о настоящем» (стр. 14). Исходя из этой предвзятой мысли, Бюхер во всех частях света ищет не «коллективные», как Зибер, а «индивидуально-хозяйственные черты» (стр. 22). По его мнению, хозяйственная природа человека есть «нечто им приобретенное» (там же, стр. 9). «Одно лишь остается неизменным — потребление» (там же, стр. 21), но «человек существовал, не работая» (там же, стр. 11). «Игра древнее труда, искусство древнее производства полезных вещей» (стр. 21). Труду предшествовало «инстинктивное упражнение органов» (стр. 20). По мере проникновения в глубь развития народов, хозяйство постепенно превращается «в нечто ему противоположное», труд становится «отсутствием труда». Так мы попадаем на ступень развития, которая не есть еще

хозяйство. А так как каждая вещь должна иметь свое имя, то мы назовем эту ступень периодом индивидуального добывания пищи» (стр. 20). На первый взгляд может показаться, что Бюхер реконструирует ее диалектически. Но оценить эту «диалектику» Бюхера можно, лишь рассмотрев всю его схему хозяйственного развития.

Очень четкое изложение его взглядов содержится в небольшой статье 1914 г. [1]). Реконструируя здесь «ступени хозяйственного развития», Бюхер исходит из удлинения пути, проходимого продуктом от производителя к потребителю. «Культурные народы» в своем экономическом развитии прошли через 3 ступени: 1) «замкнуто домашнего хозяйства» (die Stufe geschlossenen Hauswirtschaft), иначе «самодовлеющего производства» (Eigenproduktion) [2]), иначе «хозяйства без обмена» (tauschlose Wirtschaft), когда продукты потреблялись в том же хозяйстве, где производились; 2) «городского хозяйства» (производства на заказ, «прямого обмена», когда производитель непосредственно передавал продукты потребителю); 3) «народного хозяйства» с его товарным производством и кругооборотом продуктов. Но «естественные народы», по мнению Бюхера, должны были пройти через еще более низкую ступень хозяйства, когда путь продукта был наикратчайшим, а именно: «путем от руки ко рту» (der Weg von der Hand zum Munde), когда путь продукта приближался к нулю и производство сливалось с потреблением. Эту низкую, как бы нулевую, ступень Бюхер и назвал «дохозяйственным периодом или «ступенью индивидуальных поисков пищи» (die Stufe der individuellen Nahrungssuche).

Сопоставляя схему Бюхера с построением Энгельса, трудно не заметить зависимость первого от второго. Но Бюхер, с его явно покровительственным: «Маркс, пожалуй, прав» (стр. 40, прим. 1), пытался преодолеть Энгельса. Не поняв или не желая понять, что марксизм нашел ключ к пониманию всей «истории общества», как раз в «истории развития труда» (Энгельс, Л. Фейербах, 1928 г., стр. 76), Бюхер этот именно ключ и потерял. В его схеме дан процесс развития не производства обмена, как у Энгельса, а потребления-обмена. Все хозяйственное развитие культурных народов в изображении Бюхера является механической эволюцией, количественным увеличением пути продукта от производителя к потребителю. Только «дохозяйственное состояние» «естественных народов» он пытается представить как противоположность хозяйству «культурных народов». Но и в этом единственном случае Бюхеру не удается диалектическое умозаключение. Путь от руки до рта, при всей краткости его, все же не является точкой или нулем. В человеческом обществе производство всегда было предпосылкой потребления, всегда существовало хозяйство. Но допустим, что Бюхер прав в своем мнении о полном поглощении производства потреблением. Принимая за исходный пункт вместо производства потребление (при том, в самом начале без обмена), Бюхер хватается за экономическую категорию, лишенную самодвижения. Даже биология, «природа», столько раз выручавшие Бюхера, на этот раз не могут служить движущим фактором. «Естественно-необходимым является лишь один вид потребления—пропитание. Все прочее,—пишет Бюхер,—есть продукт культуры, следствие свободного творчества человеческого духа. Не будь этого последнего, человек остался бы выкапывающим корни и ищущим плодов животным» (стр. 21). Так, на словах отвергая «психологический метод» в политэкономии (стр. 25, прим. 1), Бюхер на деле оказывается стихийным идеалистом. Естественно, что преодолеть Энгельса ему не удается. Наоборот, собственная его схема приемлема лишь с поправками, и весьма серьезными.

---

[1]) См. K. Bücher, Volkswirtschaftliche Entwicklungsstufen. (Grundriss der sozialökonomie, Tübingen 1914, Abteil I, Teil I, S. 1—18).

[2]) Бюхер пользуется термином Энгельса.

Потребительно-меновое основание должно быть заменено производственно-меновым, отдельные «ступени» схемы должны быть смещены на одну ступень вниз. Тогда его замкнутое домашнее хозяйство (им же самим оно отождествлено с «самодовлеющим производством Энгельса) займет свое место в рамках первобытного общества (у «естественных народов»). Дохозяйственное же состояние Бюхера окажется вне человеческого общества, так как последнее не мыслимо без производства. Оно возможно лишь в пределах животного мира. Нулевая «ступень индивидуального добывания пищи» есть нереальность, фикция, миф. Так, корректируя Бюхера, мы возвращаемся к Зиберу, Энгельсу, первобытному коммунизму. Однако возникает вопрос, не сможет ли протестовать против такой передвижки Бюхер.

Надо понять своеобразие хозяйственных «ступеней» Бюхера. «Эти ступени развития — пишет он сам, — не следует смешивать с хронологическими эпохами, на которые историк разделяет свой материал» (стр. 48). Для него ступени лишь «методологическое подспорье», позволяющее «уловить общий характер эволюции в ее главнейших фазах» (стр. 48). Бюхер обещает схватить «типические черты» каждой ступени, «не увлекаясь случайными проявлениями переходных форм или единичных явлений, хотя и установленных исторически в каком-нибудь периоде, но представляющих для данной эпохи либо пережитки прошлого, либо предвестники будущего»» (стр. 50). Схема хозяйственной эволюции Бюхера не только лжедиалектична, но и лжеисторична. Поэтому всякие основания для протеста против нашей передвижки у него отсутствуют. Делая ее, мы лишь возвращаем хозяйственные ступени на то место, с которого, наперекор об'ективной диалектике исторического процесса, их сдвинул сам Бюхер. Но с какою целью он мог это сделать?

Бюхер гордится тем, что он избежал «фикции робинзонады» и не дал «игрушечное изображение дикаря, произвольно вымышленного, выведенного абстрактно из представления о культурном человеке» (стр. 25). По его мнению, только «заимствуя черты первобытного человека у человека культурного» (стр. 11), некоторые «писатели» приписали «первобытному обществу» и «коллективную борьбу за существование» и «нечто в роде коммунистического хозяйства» (стр. 11). Против этих «писателей» (среди них был и Энгельс) и направлена своим острием Бюхеровская фикция «индивидиуальных поисков пищи», хотя на словах Бюхер предпочитает отмежевываться от робинзонад Адама Смита и Рикардо. Вместо обменивающихся производителей последних, у него действительно фигурируют индивидуальные потребители, не дошедшие еще не только до обмена, но даже до производства. Однако и его персонажи—оголенные индивиды буржуазного общества. Потребительский эгоизм этого раздираемого конкуренцией общества он переносит на дно истории, чем пытается показать его вневременность и неразрушимость. Фактически Бюхер тоже дает «фикцию робинзонады».

Оригинальность Бюхера в том, что его робинзонада слишком напоминает пародию на буржуазное общество; эгоизм буржуазных потребителей гипертрофируется у него до зоологических размеров. Отсюда враждебное отношение к его «ступени индивидуальных поисков пищи» со стороны целого ряда наиболее консервативных буржуазных экономистов, каковы Водон [1]), патер Копперс, Леруа. Последний прямо заявляет, что homo oeconomicus Адама Смита содержит «более истины, чем животное (la brute) Бюхера» [2]).

[1]) L. Wodôn, Sur quelques erreurs de methode dans l'étude de l'homme primitif, Bruxelles 1906.

[2]) O. Leroy, Essai d'introduction critique à l'étudè de l'économie, Paris 1925, p. 115.

Не могли принять «дохозяйственного периода» Бюхера и те экономисты, которые не хотели никаких «робинзонад». «Все, что нам известно об этом периоде,—писал в 1907 г. И. Кулишер в редакторском предисловии к первому русскому изданию Бюхера,—свидетельствует, наоборот, об общинном характере его хозяйственной организации» (стр. 4). Таким образом, в наши дни едва ли найдется хотя один этнограф, который рискнул бы защищать «ступень индивидуальных поисков пищи».

Несмотря на фантастичность этой ступени Бюхера, она, тем не менее, очень поучительна. Для ученых СССР, в отличие от западных, знакомых с Зибером, выяснилось, что произведение Бюхера, в гораздо большей степени, чем Антиэнгельсом, может быть названо Антизибером, хотя Бюхер ничего не знал о труде последнего. Нам уже известно, что, подобно Бюхеру, Зибер принадлежал к естественно-исторической школе. Работая ее методами, оба пришли к прямо-противоположным результатам: марксист Н. Зибер реконструировал первобытный коммунизм, идеалист Бюхер — индивидуальные поиски пищи. Ошибка Бюхера тем показательнее, что он был «одним из самых выдающихся экономистов» (Г. Плеханов). Отвергая его «робинзонаду», не следует забывать, что он первый, притом целиком и полностью, отверг «теорию трех ступеней» (стр. 21, прим. 2, стр. 26—27). В его грубом лапсусе больше всего повинна методология естественно-исторической школы, не предохранявшая, в силу своего несовершенства, от проникновения суб'ективных идей исследователя в их научные построения.

Эволюционисты Герлянд и Новацкий против «теории трех ступеней». Единичные выступления против «теории трех ступеней» начались еще в годы полного господства этой школы. Так, в 1875 г. страсбургский географ Герлянд, типичнейший эволюционист, противопоставил ей свою теорию дегенерации первобытного хозяйства (G. Gerland, Anthropologische Beiträge, Halle /a/ S. 1875). В поисках «рычага развития» (Entwicklungshebel), поднявшего человека из животного мира, он останавливается на земледелии (Ackerbau), точнее: возделывании злаков (Getreidebau). Первые шаги к этому могли сделать еще «зверообразные предки человека», так как в начале не было одомашнения диких форм и лишь в долгом едином процессе злаки и человек совместно перестали быть дикими. Земледелие было первым занятием человека (стр. 141). От первичного единого земледельческого человечества отделились впоследствии народы, ставшие местами охотниками, местами земледельцами. Появление охотников и чистых скотоводов было регрессивными развитием, при чем всякий раз «действующей причиной» являлась «окружающая природа» (стр. 141). Эта теория деградации Герлянда, конечно, не могла уничтожить теорию трех ступеней. Уже в 1880 г. она сама была уничтожена резкой, но справедливой критикой Антона Новацкого [1]). Этот цюрихский профессор агрономии тоже эволюционист, соединил древнейшую из трех ступеней — охоту — с «захватыванием (Okkupation) питательных древесных плодов» Рошера. Отсюда «ступень охоты и собирания» (растений и животных) Новацкого (Jagd-Sammelstufe). По формулировке его в 1885 г., в зависимости от местных условий, эта ступень «переходит либо к скотоводству, соединенному с охотой и земледелием, либо к земледелию в связи с охотой и скотоводством, либо же

[1]) Взгляды Новацкого излагаю по Петри (Антропология, т. I) и Копперсу (цит. работа), так как у меня не было под рукою обеих его работ: 1) A. Nowacki, Ueber die Entwicklung der Landwirtschaft in der Urzeit («Landwirtschaftliche Iahrbücher» 1880, IX, S. 850—880); 2) A. Nowacki, Jagd oder Ackerbau, Zürich 1885.

к земледелию и скотоводству в связи с охотою» (цитир. по Петри, Антропология, т. I, стр. 277) [1]).

Необходимо отметить, что Новацкий, подобно опровергнутому им Герлянду, отправлялся от одной и той же естественно-исторической базы. Применение обоими исследователями одной и той же методологии, правда, дало не диаметрально-противоположные (случай Зибер-Бюхер), а лишь весьма различные результаты. Такое расхождение Герлянда-Новацкого скорее могло скомпрометировать их собственный метод, чем «теорию трех ступеней». Оба они не сумели сколько-нибудь ясно показать генезис своих ступеней. Смешанный характер хозяйственных ступеней составляет большую заслугу Новацкого, но смешение у него еще механическое.

IV. Генетическое направление.

Эдуард Ган, представитель генетического направления. Гораздо более сокрушительные удары нанес этой схеме экономгеограф Эдуард Ган (Hahn), более трех десятилетий в многочисленных работах выяснявший вопросы хозяйственной истории. В существенных чертах своих его построение содержится уже в первом его произведении (1891 г.), носившем заглавие: «Были ль люди первобытной эпохи номадами между ступенями охоты и земледелия» [2]). По мнению Гана, грубые собиратели (Sammlervölker) через употребление каменных и деревянных орудий стали охотниками (Jägervölker). Впервые в Западной Азии у одного из народов Месопотамии появилось разведение хлебных растений. Это первичное земледелие Ган назвал «Hackbau», т.-е. «Мотыжное земледелие». Эти пионеры нашей культуры, стоящие на довольно высоком уровне, по религиозным мотивам (religiöse Motive) загнали быка в загородку и, когда он стал домашним животным, запрягли его в плуг и тем возвысились до сложного земледелия (Ackerbau). Они же или (под их влиянием) соседи приручили козу, ставшую первым стадным животным и сделавшую возможным образование в степях кочевников (Nomadenvölker). Количество этих кочевников возросло, благодаря введению домашних овцы, лошади и верблюда. Они посредственно или непосредственно произошли не от охотников, а от сложных земледельцев. Правда, и охотники могли заимствовать домашних животных, но нигде не стали они пастухами через непосредственное, самостоятельное одомашнивание животных, без заимствования или без чуждых влияний. Не могли и кочевники стать земледельцами через самостоятельное разведение хлебных растений. В 1892 г. Ган, подтвердив, что первые кочевники были выродившимися высшими земледельцами, показал распространение на земле важнейших хозяйственных форм. Вместо трех, имевшихся в «теории трех ступеней», он дал целых 6: 1) охота и рыбная ловля, 2) мотыжное земледелие, 3) плантационное земледелие, 4) наше евро-западно-азиатское высшее земледелие, 5) скотоводство, 6) садоводство (Gartenbau). В 1896 г. (должен был выйти в 1895 г.), в главном своем труде: «Домашние животные» (Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen, Leipzig 1896), Ган уточнил эту классификацию и придал ей хронологический характер. Признав плантационное земледелие своеобразной хозяйственной формой, он оставляет пять последовательных ступеней хозяйства: 1) собиратели, 2) охотники и рыболовы, 3) мотыжное земледелие, 4) садовая культура, 5) скотоводство и высшее земледелие (Ackerbau). В 1897 г. в другой своей большой работе «Деметра и Баубо. Опыт теории происхождения нашего земледелия» он приписывает этому последнему «религиозное происхождение»

[1]) Курсив мой.

[2]) E. Hahn, Waren die Menschen der Urzeit zwischen der Jägerstufe und der Stufe der Ackerbau Nomaden? («Ausland» 1891, Bd. 64).

(Demeter und Baubo. Versuch einer Theorie der Entstehung unseres Ackerbau). В XX столетии Ган неустанно продолжает исправлять и дополнять свое построение. В 1905 году (Das Alter der wirtschaftlichen Kultur der Menschheit, Heidelberg 1905) совершенно четко Ган противополагает женское мотыжное земледелие мужскому хлебопашеству или плужному земледелию (Pflugbau или Pflugkultur). Первые две ступени своей периодизации 1896 г. он сливает в одну—«ступень собирательства», признав, что охота (со включением рыболовства) может быть лишь формой, но не ступенью хозяйства. Допустив независимое происхождение мотыжного земледелия во многих центрах, скотоводство и хлебопашество он ведет из одного центра — Вавилонии (Ган — один из создателей панвавилонизма). В 1908 г. он пытается показать, что честь изобретения «хозяйственной работы» принадлежит женщине [1]). В 1915 году, в качестве даты для начала плужного земледелия, им предлагается эпоха бронзы (Pflugwirtschaft als Zeitbestimmung in Zeitschrift für Ethnologie, 1915, Band 47, S. 258—268).

Такой грубо схематичный хронологический обзор далеко не всех работ Гана дает лишь крайне неполное представление о грандиозности его трудов по исследованию ранних хозяйственных форм. К сожалению, за недостатком места, здесь можно лишь вскрыть основные предпосылки его «теории», опустив даже очень важные детали. Во избежание упрека в искусственном об'единении в одну систему разновременных высказываний Гана, наиболее целесообразным представляется выбрать из его многочисленных работ лишь две (больше не позволяет место), но зато достаточно типичные и не слишком старые. Такими можно признать две его брошюры: «Происхождение хозяйственной работы» (1908 г. — показывает общее развитие первобытного хозяйства) и «От мотыги к плугу» [2]) (дает генезис земледелия и скотоводства, издание 1919 г.).

Ученик знаменитого географа Фердинанда фон-Рихтгофена, Ган испытал очень сильное влияние со стороны еще более знаменитого этнолога Адольфа Бастиана (ему он посвятил—«Деметру и Баубо»), меньше—со стороны продолжателя и антагониста последнего, тоже знаменитого антропогеографа Фридриха Ратцеля, еще меньше и более позднее—со стороны знаменитого экономиста Карла Бюхера. Еще до Гана Пешель приписывал дикарям «чрезмерное количество религиозных суеверий» по замечанию Бюхера «совершенно ошибочно» (цит. соч., стр. 13). Иначе к этому относится Ган. Яркий идеалист, разделяя точку зрения Бастиана на творческое значение «элементарной» (для первобытных обществ) и «этнической мысли» (для высших народов), Ган безоговорочно утверждает, будто на столь низкой ступени развития, какую представляют для нас австралийцы и бушмены, собственно хозяйственные интересы, по сравнению с религиозными, совершенно отступают на задний план» (Hahn (1908), стр. 28). Найдя спецификум первобытного хозяйства в этом преобладании идеальных мотивов над материальными, Ган смог отказаться от противопоставления «естественных» народов «культурным», из которого еще исходил Бюхер. Он признал «длинное историческое развитие (historische Entwicklung) и для народов, по видимости лишенных всякой истории» (Там же, стр. 24). Продолжая признавать «необходимость естественно-научной пропедевтики» (стр. 13) для этнолога и сам обладая ею, Ган, в силу усвоения этнической психологии Адольфа Бастиана, сумел от истории естественной перейти к просто истории, хотя и довольно своеобразной.

[1]) E. Hahn, Die Entstehung der wirtschaftlichen Arbeit, Heidelberg 1908. Дальше цит. «Hahn (1908)».

[2]) E. Hahn, Von der Hacke zum Pflug, Leipzig 1919. Дальше цит. «Hahn (1919)».

В знаменитом «Учебнике исторического метода» Эрнста Бернгейма вышедшем в 1889 г., т.-е. за два года до появления первой работы Гана, в качестве последней и высшей стадии исторической науки, выдвигается «генетическая история, иначе «история развития» [1]). Целью этого направления было «узнать, как всякое историческое явление стало тем, что оно есть, как во взаимодействии событий (Begebenheiten) оно развилось» (стр. 20). Бернгейм указывает в качестве основных предпосылок генетической истории: 1) мысль о единстве человеческого рода, 2) внутреннюю связь различных человеческих деятельностей (Bethätigungen) и взаимодействие их как между собой, так и с психологическими условиями (стр. 22), 3) «непрерывное (kontinuierliche) изменение во всех человеческих отношениях» (стр. 23). Бернгейм относил историю в рубрику не естествознания, а «наук о духе» (Geisteswirtschaft). Действительно, «развитие» генетических историков отнюдь не тождественно с «эволюцией» биологов. Отец этой идеи не великий Дарвин, а «старый мастер» Леопольд фон-Ранке, праотец же почти великий Вико. Последний, отражая свой «век разума», всю историю сводил к «истории человеческой мысли» (storia dell idee umane). Ранке, человек первой половины XIX века, придал идеям характер «тенденций», создаваемых больше волей и чувствами, чем интеллектом. К последовательности, борьбе «руководящих идей (leitende Ideen), являющихся «господствующими тенденциями (herrschende Tendenzen) для каждого столетия», он и свел сущность исторического процесса. По мнению Ранке, историком «эти тенденции могут быть только описаны, но не могут в последней инстанции суммироваться в понятие» [2]). Это направлено как раз против Гегеля, видевшего в истории саморазвитие идеи. Тем самым Ранке избежал его метафизических спекуляций, но не выполнил свое знаменитое обещание 1824 года—«рассказать лишь, как это действительно было» (bloss sagen wie es eigentlich gewesen) [3]). Ни он, ни следовавшие за ним генетические историки не описали диалектичности исторического развития [4]), следовательно, не изобразили об'ективного исторического процесса. По Бернгейму, главной целью генетических историков должно быть «познание всех отдельных событий, как моментов взаимодействующих рядов развития, стоящих (welche... stehen) внутри общего развития человечества» (Bernheim, цит. соч., стр. 528). Механичность такой схемы непрерывного, постепенного развития резко бросается в глаза. Психологическое развитие генетических историков очень еще напоминает биологическую эволюцию «естественных народов» у этнологов-эволюционистов. Однако непрерывность развития идей уничтожает грань между естественными и культурными народами: психологизм устраняет биологизм. Но, выйдя из рамок истории естественной, история развития не стала полной историей, а сделалась историей генетической, своего рода, полуисторией.

[1]) E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode, Leipzig 1889, S. 20–28. В русском переводе одной главы из «Учебника» Бернгейма немецкий термин die entwickelnde (genetische) Geschichte неверно переведен «эволюционная история». См. Э. Бернгейм, Введение в историческую науку, М. 1908 г., стр. 6.

[2]) W. Bauer, Einführung in das Studium der Geschichte, Töbingen 1921, S. 61.

[3]) В предисловии к его «Geschichte der romanisch-germanischen Wölker» встречаем другой вариант: «Я только хочу изобразить, как это действительно было» (Ich will nur schildern, wie es eigentlich gewesen). Симон, новейший исследователь отношения Ранке к Гегелю, высказывается за независимость знаменитого положения Ранке от утверждения Гегеля (в его «Лекциях о всемирной истории» 1822–1823 гг.) о необходимости для истории «лишь воспринимать чистото, что было,—состояния и факты (nur das rein aufzufassen, was gewesen ist, die Begebenheiten und Taten). См. E. Simon, Ranke und Hegel, München und Berlin 1928, S. 126.

[4]) Правда, и у Ранке встречаются диалектические утверждения, что дало повод некоторым, напр., Трольчу (Troeltsch), отнести его к приверженцам Гегеля. Однако Симон показал, что диалектика для Ранке никогда не была эвристическим принципом исследования, потому что он никогда не считал ее управляющей историческим процессом. E. Simon, op. cit, S. 168—170.

С такой полуисторией и сочетал Ган свое выведение хозяйственных явлений из «религиозных мотивов». Какое большое место занимает оно в «теории» Гана, видно из его об'яснения генезиса скотоводства и плужного земледелия. Родиной того и другого была древняя Вавилония, страна ирригационного мотыжного земледелия («садоводства») и сложной звездной религии. В качестве составных частей культа этой религии здесь и появились священные быки, державшиеся в изгородях, священные дороги, священные колесницы, священный плуг—фаллос для священного полового акта с землей, жертвенное молоко от священных коров, священная упряжка быка в священную колесницу или в священный фаллос. Все эти культовые об'екты лишь впоследствии, в процессе разложения звездной религии, приобрели мирское, хозяйственное значение. Так в Вавилонии возникло и распространилось по земле плужное земледелие и отсюда же в глубь степей двинулись заведшие молочное хозяйство обладатели больших стад быков. Насколько приемлема мысль Гана о религиозной основе плужного земледелия и скотоводства, показывает оценка ее видным лейпцигским этнологом Фрицем Краузе. Введенные Ганом религиозные идеи, пишет он, «являются не основанием, а скорее последствием этих хозяйственных мероприятий (Massnahmen), религиозными об'яснениями практиковавшихся долгое время занятий, обязанных своим происхождением хозяйственным мотивам» [1]). Хотя Краузе ярко выраженный идеалист, в данном случае и марксист, оставляя в стороне манеру выражения им своих мыслей, может только усилить их, опустив его робкое «скорее». Ган подчеркивает, что не только в Вавилонии, но и в Мексике мы встречаем ту же звездную религию (Hahn (1919), 60—61). Но он не об'ясняет, почему на этом общем религиозном основании только в одном случае возникло скотоводство и плужное земледелие. Не об'ясняет потому, что тогда религия из базы должна стать надстройкой. Ган же не хочет этого. По его мнению, и на заре земледелия землекопалка не столько была «хозяйственным орудием», сколько имела «магическое значение». Он не хочет различать генезис новых хозяйственных форм от генезиса технических изобретений. Если стимулом изобретений могут служить религиозно-магические суеверия, поскольку те и другие относятся к сфере психики, то хозяйственные явления могут возникать только из хозяйственных же, в частности земледелие из не-земледелия—собирательства, а скотоводство из не-скотоводства—охоты. Это так ясно, что, судя по Краузе, вполне доступно и пониманию исследователя-идеалиста. Почему же не понял этого Ган?

Не надо забывать, что Ган не только генетический этнолог, но и экономгеограф. Он стремится показать, как много его этнологическая теория может дать политической практике. Как мало практичен Ган в своих предложениях, видно хотя бы из того, что в 1919 году, в качестве выхода из «тяжелого кризиса», он предлагал, как, вероятно, «единственное исцеляющее средство», вовлечение наивозможно обширных слоев германского народа в земледелие (Hahn (1919), стр. 118). Еще туманнее были его политические взгляды до мировой войны. Уравнение в правах и обязанностях мужчин и женщин казалось ему «радикальной бессмыслицей». Опираясь на свое изучение культурных растений и животных, он утверждал, что люди рождаются неравными. Из этой «аристократии рождения», рассеянной от княжеского дома до иной хижины поденщика», и должна составиться «действительная социальная аристократия», основанная не столько на притязаниях, сколько на обязанностях (103—104). По Гану, видимо, ей и предстоит выполнить «нравственную задачу ближайшего времени», заключающуюся в «лучшем распределении количества

[1]) F. Krause, Das Wirtschaftsleben der Völker, Brestau 1924, S. 120.

труда и владения (Besitz), долга и наслаждения, чем мы теперь имеем» (стр. 103). Об этом сумбуре Ган рискует заявлять, что—это другая программа и лучшая, чем диалектически [1]) заостренная противоположность труда и капитала (стр. 103). Прилагательное «диалектический» лишь мимоходом проскользнуло у Гана. Но в этой же его работе 1908 г. мы находим несколько выпадов против Маркса и Моргана. Он считает «иронией истории», что индейцы Северной Америки, эти в глазах европейцев «варвары», будучи изображены Морганом, «через Маркса» дали «основы для ортодоксального учения социал-демократии» (стр. 7). Разбить это учение, доказать несовместимость его ни с историей, ни с этнологией—такова цель Гана. Но на пути к этой цели лежит серьезнейшее препятствие. Ган знает и признает существование «народов (Völker) в роде бушменов и австралийцев, «которые еще не имеют никакого индивидуального владения (der individuelle Besitz), у которых отношение собственности (die Eigentumsverhältnisse) остались еще наивозможно (möglichst) неразвитыми» (стр. 24). Всякий легко согласится, что подобное положение очень далеко от Бюхеровской фикции «индивидуальных поисков пищи» и крайне близко к «первобытному коммунизму» Моргана-Энгельса. Тем не менее Ган ухитряется, отправляясь почти от одного и того же, прийти не к ортодоксальному учению социал-демократии, а к политической отсебятине. В своей работе 1908 г. Ган пытается показать, что непрерывное увеличение труда ведет к возникновению владения (Besitz), а затем к модификации его в собственность (Eigentum). Процесс генезиса собственности в глазах Гана столь непрерывен, что даже между первым и последним членами всего ряда развития он замечает различия не качественные, а количественные. Поэтому даже капиталистическая собственность представляется ему всего лишь превосходной степенью владения. В начале этого генетического процесса владение близко к нулю. Причиной этого Ган считает не отсутствие труда, а другое направление его на цели не хозяйственные, а религиозные. Особенно важным именно для нашего столь материалистически настроенного времени кажется ему якобы огромное значение «идеальных мотивов» у австралийцев, мужчины которых будто бы «минимум половину своего времени» тратят на их осуществление (Hahn (1919), стр. 26). Поэтому труд у них не приводит не только к собственности, но даже будто бы и к владению. Причину этого Ган (видимо, исходя из «элементарной мысли» Бастиана) усматривает в «совсем другом направлении человеческого мышления» (Hahn (1908), стр. 24). Таким образом, религия и хозяйство по Гану находятся в обратной зависимости. Чем более развита первая, тем неразвитее последнее. В пределе Ган, как и Бюхер, имеет нулевое хозяйство. Только в качестве антихозяйственного момента у Гана выступает не биология, как у Бюхера, а идеология. Патер Копперс, признавая совершенно ненужными (Koppers, цит. соч., стр. 985—987) для теории Гана «религиозные мотивы», совершенно не понял или, вернее, не хотел понять ее. Ган вполне прав, утверждая еще в 1897 г.: «В этом я вижу главную часть моей работы» (Demeter und Baubo, 1896, S. 1—2). Действительно, только опираясь на религиозный фактор, Ган может пытаться противостоять Марксу «демагогически», по его словам, требующего «простого снятия (Aufhebung) всякого частного владения (Privatbesitz) вообще» (Hahn (1908), стр. 74), хотя «владение» (Besitz), появившееся в качестве продукта начавшегося «хозяйственного труда» является «необходимым основанием культуры» (там же, стр. 78). Таким путем Ган мечтал эмансипироваться от Маркса, с его, как он выражался, «характерно ограниченным взглядом» (стр. 93), надуманным и неуместным. Но стоит только убрать этот пресловутый религиозный да-

[1]) Курсив мой.

гатель, как перед нами, вместо полухозяйства наподобие Бюхера, предстанет первобытно-коммунистическое хозяйство. Сам Ган различал для ранних стадий хозяйства владение и собственность. Если мы продолжим это различие и для капиталистического хозяйства, то возражение Гана против Маркса окажется бьющим мимо цели, так как последний стремился к «снятию» не владения, а буржуазной частной собственности. Ган тщетно пытается противопоставить свою теорию ортодоксальному марксизму. Его картина первобытного хозяйства лишь постольку не «робинзонада», поскольку она близка к картине Энгельса. Притязания Гана доказать, что марксизм противоречит истории и этнологии, оказываются покушением с негодными средствами. Дело здесь даже не столько в том, что Ган сам далеко не исчерпывающе знает археологический и этнографический материал: он игнорирует тотемизм, не учитывает важности мужского труда в мотыжном земледелии, недооценивает значение огневого или подсечного земледелия, не знает о разведении домашних животных (в том числе быка) в неолитической Европе и т. д. Но все эти минусы невелики в сравнении с основным из'яном его теории. Дело в том, что Ган совершенно не отобразил диалектически об'ективного хода развития. Он не пошел дальше постепенного, непрерывного механического развития. Это сделало его бессильным перед ортодоксальным марксизмом. Это связало его и в борьбе с «теорией трех ступеней».

Дав оригинальную (хотя и неверную) религиозную родословную хозяйства, Ган в чисто-экономической области далеко не так оригинален, как может показаться с первого взгляда. Его во многом предвосхитили Морган-Энгельс, Герлянд, Новацкий [1]). Уже Морган и Энгельс различили низшее земледелие от высшего и выдвинули положение «огород раньше поля». От Новацкого Ган мог получить свою ступень охоты и собирательства. Положение Герлянда об охотниках и скотоводах, как выродившихся земледельцах отчасти перекрещивается с утверждением Гана о скотоводах-кочевниках, как представителях обособленной хозяйственной формы, возникающей из земледелия. Последнее занимает в картине развития хозяйства Гана такое большое место, что совсем недавно предложено наименовать всю его систему «теорией мотыжного земледелия» (Hackbautheorie). С этим предложением трудно согласиться. Хотя термин «мотыжного земледелия» и введен впервые Ганом, но в его исследовательской работе первое место занимает генезис не земледелия, а скотоводства. Какое бы наименование ни давалось, однако, теории Гана, остается бесспорным, что он только видоизменил (правда, довольно сильно), увеличил в числе и переменил последовательность ступеней все той же «теории трех ступеней». «Это—Эдуард Ган,—не без иронии замечает Фриц Гребнер,—который правда, не нанес ей смертельного удара, но наиболее горячо оповестил об ее неприемлемости» [2]). В оправдание Гана следует только добавить, что полное разрушение старой схемы было возможно лишь с преодолением генетической точки зрения и с заменой ее настоящей исторической.

Экономический генетист Э. Гроссе. Насколько трудна была еще эта задача, показывает пример Эрнста Гроссе, выступившего в 90-х годах прошлого столетия, вскоре после Гана, и совсем еще недавно слывшего общепризнанным марксистом. В 1890 г. он дебютировал в литературе «Учением Герберта Спенсера о непознаваемом» [3]). Всякому понятно,

[1]) См. A. Mauricio, Die Theorien über die Entstehung der Landwirtschaft («Bulletin der Schweizerischen Gesellschaft für Anthropologie und Ethnologie» 1928/29. Jg. 5, S. 5). В качестве предшественников Гана автор указывает Моргана и Новацкого.

[2]) F. Gräbner, Ethnologie (Higenbeck (Hrsg) Kultur der Gegenwart, Teil 3, Abt. 5, Anthropologie, Leipzig und Berlin 1923, S. 435—587), S. 525.

[3]) E. Grosse, Herbert Spenser's Lehre von dem Unerkennbaren, Leipzig 1890. S. 119.

какое отношение к марксизму имела эта небольшая книжечка, автор которой, признавая сам банальными свои «теоретико-познавательные взгляды» (стр. VI), выдвинул в качестве основной идею, будто «религия, так же, как и наука, обе основываются на познаваемом» (стр. 119). Первые намеки на марксизм можно найти только в следующей его книжке «Происхождение искусства» (1894 г.) [1]. В 3-й главе Гроссе ставит вопрос: «Что такое первобытные народы—или, другими словами, какие народы обладают наиболее низкою, первоначальною формой культуры» (стр. 31). Он возражает против включения в рубрику «естественных народов» (die Naturvölker) пестрой смеси весьма не схожих культурных форм» (стр. 31). Задачей «этнологии» он считает «построение культурной лестницы народов» (стр. 32). Совершенно чуждый биологизма, Гроссе полагает, что «вопрос о большей или меньшей первобытности народа сводится к вопросу о большей или меньшей высоте его культуры» (стр. 32), а не о «физической скале рас» (стр. 32). В виду трудности сравнения «форм культуры (Kulturformen) в их целом» (стр. 32), Гроссе предлагает сравнивать «отдельные культурные факторы». В качестве такого наиболее подходящего фактора Гроссе и предлагает «форму хозяйства», или «способ, каким члены известной социальной группы... снискивают себе пропитание» (стр. 33). Этот фактор кажется ему особенно важным потому, что «форма культуры» зависит от «формы хозяйства» (стр. 33). «С некоторым правом [2]»,—говорит Гроссе,—можно назвать форму добывания пищи [3] (Produktionsform) первичным явлением культуры [4] стр. 33—34), так как «ведение хозяйства есть жизненный центр всякой культурной формы, оно оказывает на все остальные культурные факторы глубокое и неотвратимое влияние, между тем как само определяется не столько культурными, сколько естественными условиями—географическими и метеорологическими» (стр. 33). В наши дни, когда эпитет «марксист» стал употребляться весьма осмотрительно, подобные рассуждения Гроссе, пожалуй, можно принять за частичное предвосхищение той «ревизии» марксизма, которую проделал пресловутый Бернштейн, но никак нельзя квалифицировать, как «марксистские». К тому же и сам Гроссе определенно признает, что «идея располагать народы в известной последовательности на основе их хозяйств вовсе не нова» (стр. 33), и прямо ссылается на «теорию трех ступеней», как на очень старую попытку в этом же направлении.

В своем «Происхождении искусства» он еще очень недалеко уходит от нее. Принимая за «первобытнейший способ пропитания» охоту мужчин в соединении с собирательством женщин (аналогично Новацкому), он признает (стр. 34—35) возможность прогрессирования «хозяйственного быта» в зависимости, прежде всего, от «естественных условий», в сторону развития (аналогично Моргану) либо женского хозяйства (земледелие), либо мужского (скотоводство).

В новой своей работе «Формы семьи и формы хозяйства» (1896 г.) Гроссе дает дальнейшее развитие этих взглядов. Он попрежнему исходит из «схемы трех ступеней». Обыкновенно с точки зрения хозяйства разделяют все человечество,—пишет он,—на три больших группы: охотников, пастухов и земледельцев. Первая и последняя из этих групп распадутся на две подгруппы. Таким образом мы распределяем все множество народов, известных нам из этнологии и истории, на пять групп: охотники низшей

[1]) E. Grosse, Die Anfänge der Kunst,—Freiburg u. Leipzig 1894. Цитирую дальше по русскому переводу: Э. Гроссе, Происхождение искусства, Москва 1899 г.

[2]) Курсив мой.

[3]) В нем. тексте Produktionsform, т.-е. форма производства.

[4]) Das primäre Kulturphänomen.

и высшей стадии, пастухи, земледельцы низшей и высшей стадии (стр. 35). Гроссе дает крайне расплывчатую характеристику этим пяти группам. Основной причиной такой расплывчатости является его мнение, что в действительности все эти группы не отделены друг от друга «какими-либо изолирующими рамками», но, наоборот, связаны между собой бесчисленными переходными ступенями». Мысль Новацкого о смешанных хозяйственных ступенях возрождается у Гроссе, хотя в менее совершенной, но в более искусственной форме. Он причисляет, например, кафров к скотоводам, считая, что, хотя они и занимаются земледелием и охотой, скотоводство все-таки является у них господствующей формой. Понятно, сколь условен в применении к ним термин «скотоводы». Только с натяжкой допустим и его термин «охотники», так как он сам подчеркивает, что все человеческие общества добывают и растительную пищу. Бессилен Гроссе провести и четкую границу между низшими и высшими охотниками. В группу первых он втискивает и пигмеев с пигмондами, и австралийцев, и эскимосов, совершенно игнорируя различие их экономической структуры. Относительно выделения «высших охотников» он вынужден прямо заметить, что в этом случае «хозяйственная разница происходит не столько по качеству, сколько по количеству» (стр. 37), что «добыча для них более обеспечена и верна, чем для охотников низшей ступени, благодаря более усовершенствованным орудиям... а прежде всего благодаря особенно благоприятным природным условиям» (стр. 37). Следует отметить, что в 1925 г. Гроссе сам признал [1]), что многие австралийские племена были им неправильно зачислены, вместо высших, в низшие охотники. Малоопределенно и малоприемлемо и различие между низшими и высшими земледельцами, даваемое Гроссе. По его мнению, при «низшем земледелии» в работе участвуют все, за малыми исключениями, работоспособные члены общества. Таковы—африканцы, многие племена Южной Азии, почти все индонезийцы, все океанийцы, все туземцы Америки, кроме охотничьих племен и цивилизованных обществ Перу и Центральной Америки. При «высшем земледелии» производством пищи занята лишь одна часть общества, один класс, тогда как все остальные члены общества могут посвятить себя другим родам культурной деятельности. Такому разделению труда высшие земледельцы прежде всего обязаны богатым и могучим развитием своей культуры. К ним принадлежат все народы белой расы и часть (напр. китайцы, японцы) желтой. Нельзя не признать, что разграничение двух видов земледелия у Гроссе гораздо неопределеннее, чем у Гана и даже у Моргана, и потому не предохраняет от включения в одну категорию крайне разнородных хозяйственных явлений.

Оригинальность Гроссе, однако, не в создании 5 хозяйственных групп: слишком похожи они на ступени старой схемы, а в превращении их из временных стадий развития в «формы» или тины, варьирующиеся в пространстве. Давая свой пятичленный ряд, Гроссе отнюдь не хотел изобразить «постепенное развитие форм человеческого хозяйства». Низшие охотники, стоящие в начале, и высшие земледельцы, занимающие конец ряда, еще могут сохранить свои места и в реальном ряду развития. Но уже положение второй группы спорно: высшие охотники не обязательно непосредственно развились из низших. Равно многие пастухи могли быть раньше земледельцами, и, обратно, последние могли стать первыми. Так Гроссе не дает относительной хронологии, ограничиваясь лишь классификацией, перечнем важнейших видов хозяйственных форм. Разрубив две из трех хозяйственных «ступеней», он бросил в хаотическом беспорядке пять хозяйственных форм, отказавшись восстановить их генезис.

[1]) «Anthropos» 1925, Bd. 20, S. 693.

Такой прием покажется менее странным, если принять во внимание, что характеристика «хозяйственных форм» для Гросса имела не самостоятельное, а вспомогательное значение. В фокусе его внимания стояли не «формы хозяйства», а «формы семьи». Хотя в предисловии он и говорит об отказе «от всякой полемики», но его книга несомненно является в значительной мере направленной против «Первобытного общества» Моргана, по иронической замечанию Гроссе, занявшему «почетное место среди отцов церкви немецкой социал-демократии» (стр. 3). Принципом всей системы Моргана Гроссе считал идею развития; «развитие же есть прогресс: движение от низшего к высшему, от дикости к цивилизации, а так как человечество нечто единое, то в силу этого существует только о д и н прогресс по о д н о й линии и в о д н о м направлении» (стр. 4). Гроссе остро подчеркнул недостатки методологии «генетической истории» (Entwicklugsgeschichte) семьи [1]), но сам не сумел выбраться на дорогу подлинной истории. Этот историк по преимуществу искусства был прекрасным популяризатором, но обладая слишком недостаточным знанием экономики. Его поверхностный экономизм имел тем меньше общего с марксизмом, что он подставил на место общества культуру. Бессильный разобраться в пестром калейдоскопе своих «культурных форм», экономический генетист Гроссе предпочел отказаться от истории как семьи, так и хозяйства. Но, задрапировавшись в агностицизм, он не смог ни сорвать «лавры» с Моргана (на что покушался), ни разрушить «теорию трех ступеней) (усовершенствовать которую стремился).

Рецидив «теории трех ступеней»: Р. Гильдебранд, М. Ковалевский, А. Богданов. Уход Гроссе в тупик непознаваемого мог быть только индивидуальным жестом. В том же 1896 году, когда вышли «Формы семьи и формы хозяйства» Гроссе, появилась и работа Рудольфа Гильдебранда «Право и нравственность на различных культурных ступенях». Здесь мы опять найдем и примат экономического фактора, и культурологию вместо социологии: генетически исторические связи устанавливаются здесь между «хозяйственной культурой» (Wirtschaftskultur) с одной стороны, правом с нравственностью, с другой. Но, при таком сходстве с Гроссе, автор отличается от него тем, что он стремится показать процесс хозяйственного развития. Если теория трех ступеней неверна, то отсюда не следует по Гильдебранду, что вообще нет следующих друг за другом в определенном порядке хозяйственных культурных ступеней (keine... wirtschaftlichen Kulturstufen) или что хозяйственно-культурное развитие вовсе лишено типического или закономерного цит. по Koppers'у (цит. соч., стр. 1007). Однако его попытка реконструировать этот процесс развития ведет лишь к перелицовке «теории трех ступеней»: Гильдебранд строит опять ряд ступеней: 1) охотники и рыболовы, 2) пастухи, 3) примитивнейшая форма земледелия и т. д., т.-е. по существу возвращается к ней вновь. Гораздо более оригинальный рецидив теории трех ступеней все в том же 1896 году дал русский ученый М. М. Ковалевский, напечатав в парижском журнале «Социальный долг» короткую статью под очень длинным названием: «Обзор эволюции экономического строя и разделение ее на периоды» [2]). Вся эта эволюция делится им на две «великие эпохи»: 1) «хозяйство непосредственного потребления» (le ménage de consommation immédiate) и 2) «меновое хозяйство» (le ménage d'échange). Каждая из этих эпох подразделяется на «периоды», различающиеся между собой расширением обмена по мере уплотнения населения (стр. 19). В этой периодизации есть элементы,

[1]) Гроссе этим термином охватывает не только генетическое, но и естественно-историческое направление.

[2]) M. K o v a l e w s k y, Coup d'oeil sur l'évolution du régime économique et sa division en périodes, Paris 1896 (Extrait du Devenir Social, 1896, № 6).

напоминающие и Энгельса, и Бюхера, но совершенно оригинальна мысль Ковалевского, что «главным двигателем экономической эволюции является возрастание населения» (стр. 2). Ростом плотности населения он и об'ясняет, как общество охотников и рыболовов, увеличившись количественно и не имея сил для захвата областей воинственных соседей, вынуждены были для спасения от голодной смерти приручить животных, как дальнейшее уплотнение незаметно привело пастушеское общество к земледелию. К Ковалевскому примкнул известный французский статистик Левассёр. Судя по резюме его взглядов у де-Греефа [1]), он различал 5 этапов экономической эволюции, в общем соотвотствующих пяти ступеням Листа. Интересующие нас первые три характеризуются так. В «период дикости» или «охоты» была нужда в обширных земельных пространствах, почему и население редко (у эскимосов 2 чел. на 1 кв. км, у индейцев Амазонской провинции в Бразилии—3). Во второй период—«кочевой»—население тоже редко: в киргизских степях 1 чел., в Туркестане от ½ до 2,7 чел. на 1 кв. км. В третий период — «земледельческий»—площадь подымается, достигая 40 чел. на 1 кв. км. Еще подробнее взгляд М. М. Ковалевского был развит А. Богдановым в его «Кратком курсе экономической науки», 1-е изд. которого появилось в 1897 г. Рассматривая «силы развития в первобытном обществе», Богданов на первое место выдвигает силу «абсолютного перенаселения». По его мнению, когда плотность охотничьего населения достигла, например, 20 чел. на квадратную милю, то дальнейшее размножение оказывается уже чрезмерным, и у возрастающего населения возникает недостаток в жизненных средствах. Это — так называемое абсолютное перенаселение... Голод заставляет преодолеть отращение ко всему новому, и начинают развиваться зародыши новых способов борьбы за жизнь... Новые приемы общественного труда, в свою очередь, оказываются недостаточными, когда население увеличится еще более» (стр. 17)... «Первобытные формы земледелия и скотоводства даже в отдельности повышали в 3—4 раза предельную величину населения страны (при средних условиях умеренного пояса—человек до 70 на квадратную милю)»... «С течением времени рост населения заставлял людей перейти к соединению земледелия со скотоводством и к оседлой жизни» (стр. 19) [2]).

Вполне понятно, что трактовка биологического явления, каким оказывается размножение, в качестве основного двигателя социально-экономического развития, не может быть приемлемой для ортодоксальной марксистской теории. В трудах Маркса можно найти противоположную мысль об определяемости роста населения уровнем производительных сил данного общества. Интересно, что даже и не марксисты (например, Грееф) способны понять, что «самым общим фактором», от которого зависит рост населения, являются средства существования людей, их благосостояние (де Грееф, стр. 55). Ковалевский, Левассёр, Богданов все оказываются вступившими на ложный путь, отнюдь не ведущий к восстановлению процесса хозяйственного развития.

К. Бюхер о «теории трех ступеней» и «хозяйственных формах Э. Гроссе. «Абсолютное перенаселение» могло быть единственным спасательным кругом, способным удержать «теорию трех ступеней» на поверхности того водоворота, все накапливающихся противоречащих ей фактов, грозившей ее поглотить. В 1898 году Карл Бюхер уничтожает ее и классификацию Гроссе одним слитным предложением: «Он, т.-е. Гроссе, придерживался... чисто-внешних категорий охотников, скотоводов, земледельцев и не уделил должного внимания внутренней жизни хозяйства» (Бюхер, цит. соч., стр. 21, прим. 2). Это был смертный приговор и над Гроссе, и над «теорией трех ступеней».

[1]) Гильом Грееф, Социальная экономия, Москва 1904, стр. 60.

[2]) Цитирую по изданию «Московского Рабочего» 1922 года.

Эволюционный генетизм Г. Шурца. Исходя из этого приговора, немецкий этнолог Шурц в 1900 году в своей «Истории первобытной культуры» [1]) не только отверг «теорию трех ступеней», но и противопоставил ей (чего не сделал, как мы видели, Бюхер) свою характеристику главных форм человеческого хозяйства». «Самое слово культура (обработка, усовершенствование),—писал он,—обозначает то осмотрительное пользование природой, которое проявляется в возделывании питательных растений и в воспитании домашних животных» (стр. 224). Шурц и предлагает делить человечество на «народы присваивающие (aneignende) и культивирующие (kultivierende Völker») (стр. 225). «Народы первой группы исключительно пользуются добровольными дарами природы, только присваивая их». Ко второй принадлежат все народы, занимающиеся земледелием и скотоводством (стр. 224). В отличие от Гроссе и «теории трех ступеней», Шурц признает большое многообразие хозяственной действительности. «Различные формы присвающего хозяйства не исчезают,—читаем у него,—но сначала преобладают, а потом постепенно вытесняются другими... они могут вступать в соединение то с земледелием, то со скотоводством, то с тем и другим и, наконец... возделывание полезных растений и воспитание скота могут существовать рядом в очень разнообразных комбинациях. Появление промышленности и торговли, которые возможны во всех группах, делают картину еще более разнообразной и менее доступной обозрению, а потому из этого можно только вывести заключение, что каждый народ имеет свою собственную смешанную форму хозяйства [2]) (стр. 233). Эта мысль Шурца о своеобразии хозяйства каждого конкретного общества глубоко правильна. К сожалению, у самого Шурца она сопровождается чувством неуверенности и переоценкой трудностей в исследовании. Отрывок рассуждений Шурца, приведенный выше, может внушить представление о четкости и определенности взглядов Шурца. На самом деле, в изложении Шурца, эти рассуждения переплетены с оговорками, нередко ослабляющими, а иногда даже опровергающими их. Помимо приведенной классификации, Шурц считает возможной иную, «совсем в другом направлении», на основе различия «мужского и женского хозяйства» (стр. 225), но, не развив ее характеристики, обрывает речь о ней. Двум своим главным «формам хозяйства» Шурц не прочь придать значение двух пластов. «Народы с исключительно присваивающим хозяйством (die aneignende Wirtschaft),—читаем у него,—в общих чертах можно считать самым низшим слоем (die unterste Schicht) современного человечества (стр. 232). Но тотчас же он добавляет: «Но это воззрение нельзя провести в частностях». По его мнению, некоторые земледельцы и скотоводы, «по своей духовной культуре» (ihrer geistigen Kultur nach) [3]) стоят ниже лучших представителей «собирающего хозяйства» (Sammelwirtschaft) [4]), а другие племена, достигнув в прошлом известного уровня «экономической культуры» (ökonomische Kultur), испытывают упадок, делаясь бродягами лесов или степей. Обратить свои хозяйственные формы в ступени Шурц не может еще и потому, что он решительно отказывается восстановить «первичную форму человеческого хозяйства» (die Urform). Главным мотивом своего

Цитирую Г. Шурц. История первобытной культуры, СПБ., изд. «Просвещение», 1907 г. Цитаты проверены по нем. изд. 1900 г. Влияние Бюхера на Шурца можно подтвердить не только самопризнанием последнего (стр. 224), но и тем фактом, что до Бюхера (в 1893 г.) он признавал 6 хозяйственных групп, а именно: 1) бродячие (Unstete Völker); 2) охотничьи; 3) рыболовные; 4) номадные; 5) земледельческие (Ackerbauer) и 6) индустриальные народы—см. H. Schurtz, Katechismus der Völkerkunde, Leipzig 1893 (есть русский перевод: Г. Шурц, Краткое народоведение, СПБ., 1895 г., 2-е изд.—1902 г.).

[2]) Курсив мой.

[3]) В русском переводе не точно: «по своему духовному развитию» (стр. 233).

[4]) Этот термин Шурц берет у Гана.

отказа Шурц выставляет неизвестность прародины человека с ее географическими и климатическими условиями (стр. 222—223). Доказав бесплодность попыток дать «ясную картину первобытного состояния» (Urzustand), Шурц, умалчивая о Бюхере, уничтожает тем самым всю его фикцию «индивидуальных поисков пищи» (стр. 223—224). Но этим же самым он замыкается в рамки этнографического материала и дает лишь три десятка мало значащих строк о хозяйстве доисторической Европы (на стр. 231—232). Подобный результат тем менее удовлетворителен, что сам же Шурц признает (и совершенно правильно) «чрезвычайно важным» познание именно «исходного пункта всех дальнейших образований» (стр. 223) в человеческом хозяйстве. Еще неудовлетворительнее, что и общий результат исследования Шурцем «хозяйственных форм» оказывается нетвердым и колеблющимся. Внешне это сказывается в неустойчивости его терминологии. Сам сознавая, что его деление человечества на два главных хозяйственных типа «недостаточно резко» (стр. 225), он все-таки даже в своей «Истории первобытной культуры» не выдерживает единства терминов, именуя то «присваивающее хозяйство» «собирающим», то «культивирующее»—«добывающим» (erzeugende Wirtschaft) (стр. 235). Очень небрежно он употребляет термины «форма», «ступень», говоря, например, «о высших ступенях этой формы хозяйства» (стр. 233). Внутренняя неустойчивость его воззрений выразилась в том, что в последней своей работе «Народоведение» он, отодвинув на задний план свою классификацию, почти целиком воспринял «ступени» Эдуарда Гана, более приближающиеся к схеме трех ступеней. Если все же, несмотря на эти дефекты, мы в праве признать, что им впервые дано изображение первобытного хозяйства без помощи этой схемы, то не надо забывать наиболее крупного дефекта Шурца—элемента робинзонады в его изображении. Правда, он признает, что «всем представителям присвояющего хозяйства» свойствен «широкий коммунизм (ein weitgehender Kommunismus) относительно пищевых веществ» (стр. 232). Но это отнюдь не означает признания специфической стадии первобытно-коммунистического хозяйства. Шурц считает, что нет народа, у которого совершенно отсутствовали бы не только обмен, но и торговля (стр. 224). Отсюда ясно, что, по представлению Шурца, не качественные, а лишь количественные различия отделяют первобытное хозяйство от современного. Такие расплывчатость, анемичность и шаткость изысканий Шурца находят об'яснение в его общей теоретической позиции. Ученик Ратцеля, Шурц испытал влияние со стороны не только своего учителя, но и Бастиана, Новацкого, Бюхера, Гана, Лампрехта. Своей задачей он поставил изучение происхождения и «развития» (Entwicklung) культуры. Однако для Шурца «все явления материальной культуры — только внешнее выражение внутренних процессов» (стр. 5). «Можно сказать,—пишет он, следуя, очевидно, Бастиану,—что история культуры есть история человеческого духа» (стр. 5). Но учитель Шурца, великий Ратцель, борясь с психологизмом Бастиана, возражал против «духовного самозарождения», подчеркивал связи между «народами и основной задачей созданной им антропогеографии, считал выяснение «географического распространения народных (иначе этнических) признаков» (Völkermerkmalen). Следуя Ратцелю, Шурц не отрывал культуру от общества [1]). Самый план его «Истории первобытной культуры» (1) основания культуры, 2) общество, 3) хозяйство, 4) материальная культура, 5) духовная культура) показывает, какое видное место отведено им обществу. Его взгляд можно сжать в формулу: культура вообще (экономическая, материальная, духовная) есть продукт «человеческого духа», человеческого общества вообще. Как для Лампрехта национальность была «социально-природным» (sozial - natürliche)

[1]) Задачей этнологии он считает изучение «людей, как продуктов и сочленов общественных групп» (H. Schurtz, Völkerkunde, Leipzig—Wien 1903, S. 1).

образованием, так и для Шурца характерно вплетание в изображение человеческого общества биологических черточек (под предлогом биологического неравенства полов, он даже отвергает политическое равноправие женщин). Поэтому Шурц полагает, что «исследование духовной жизни человека, которая обусловливает и развитие материальной культуры, не может пренебрегать естественно-научным методом исследования» (стр. VI). По его мнению, «потребностью нашего времени» и является «история первобытной культуры, рассматривающая явления с этих двух точек зрения» (стр. VI). Однако амальгама естественно-исторического с генетическим явилась шагом не вперед, а назад. Что время Шурца имело иную «потребность», показывает неуспех его «Истории». 2-го издания ее в Германии не появилось, переведена она, насколько мне известно, только на русский язык (правда, трижды). В Западной Европе эволюционно-генетическое направление Шурца для первого года XX в., после трудов генетиков Гана и Гроссе, могло показаться слишком архаичными. В кругах идеалистических историков и этнологов стали распространяться в качестве «передовых» идеи не Лампрехта, а Генриха Риккерта, выпустившего в 1899 году «Науку о культуре и науку о природе»[1]. Риккерт (в отличие от Лампрехта и следовавшего ему Шурца) не смешивал, а, напротив, резко противополагал обе отрасли знания. «Наука о природе» получала от него установку на обобщение («генерализацию»), лишаясь права оценок, а «наука о культуре»—на изучение единичных неповторимых фактов («индивидуализацию») с правом «отнесения к ценности» (Wertbeziehung), т.-е. выделение существенного из бесконечного множества частей.

V. Предпосылки изучения до-капиталистического хозяйства в посмертной работе К. Маркса.

Совсем иную, чем у Риккерта, и совсем не такую, как у Шурца, установку для изучения ранних стадий хозяйственного развития эти историки и этнологи могли найти во «Введении к Критике политической экономии» Карла Маркса, которое Каутский нашел в 1902 г. и напечатал в 1903 г. Маркс набросал это «Введение» в 1857 г., но не опубликовал его, считая, что «всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, не желательно». Редакция социал-демократического журнала «Die Neue Zeit», печатая посмертную работу основоположника марксизма, не позаботилась о выделении ее, не снабдила даже особым предисловием. Только Каутский в короткой сноске, сделав комплимент гениальности Маркса, заявил: «Несмотря на свой фрагментарный характер, данная работа открывает нам полноту новых взглядов»[2]. Но в чем конкретно эта новизна заключается, им не раз'яснено.

Маркс начинает с полного отрицания «робинзонад» буржуазных экономистов, блестяще, как мы видели выше, вскрывая их классовую подоплеку. Сам он застраховывает себя от впадения в робинзонаду путем блестящего диалектического различения «производства вообще (Produktion im Allgemeinen) от его «исторических форм». Маркс, конечно, признает, что «всем эпохам производства свойственны некоторые общие признаки, некоторые общие определения» (стр. 17). Такое единство «обусловлено уже тем, что как суб'ект—человечество, так и об'ект—природа существуют на всех ступенях» (стр. 17). Но с помощью только «определений, общих всем ступеням производства», «нельзя понять ни одной действительной, исторической ступени производства» (стр. 21). В реальности «не существует производства вообще» (стр. 18), это—лишь «абстракция» (стр. 17). Производство всегда «выступает перед нами в его конкретных формах». Маркс берет ряд экономических категорий, напр., собственность (стр. 20—21), обмен указывает, что «одни и те же категории могут занимать различное место на различных ступенях общественного развития» (стр. 45). Даже «самые абстрактные категории, присущие всем эпохам производства», являются... «продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» (стр. 42). В качестве примера таких категорий, Маркс берет «труд» (стр. 40—42).

Показав изменчивость экономических категорий, Маркс смог освободиться не только от уклона «в робинзонаду, но и от неправильного использования «пережитков» для реконструкции прошлого, в чем повинны и Тэйлор и другие эволюционисты. «Анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны,—пишет Маркс,—буржуазная экономика дает нам ключ к античной» и т. д. (стр. 42). «Буржуазное общество» есть «наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства» (стр. 42). Поэтому «отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в выродившемся или даже замаскированном виде, как, например, общинная собственность» (стр. 42). Поэтому никоим образом не следует стирать все исторические различия и во всех формах находя формы буржуазные, отождествлять категории буржуазной и предшествующих ей экономик. Так, еще в 1857 г., за несколько лет до формулирования Тэйлором «метода пережитков», Маркс уже набросал коррективы для применения его в области экономики.

Признав «производство вообще» (Produktion im Allgemeinen) вспомогательной «абстракцией», Маркс такой же абстракцией признал и «общее производство» (allgemeine Produktion). По его словам, «производство всегда представляет собою или особую отрасль производства (Produktionszweig)[1], напр., земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д.» или некоторую совокупность (Totalität) их как целое» (стр. 18)[2]. «Каждая форма общества,—говорит Маркс,—имеет определенную отрасль производства, которая преобладает над другими, и условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных» (стр. 44). Эту мысль далее он облекает в такие образы: «Это— общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифирует их в их особенностях. Это—особый эфир, который определяет специфический вес всякого существа в нем находящегося» (стр. 21). Маркс об'ясняет это обстоятельство «целостностью производства» (Totalität der Produktion), которую Маркс признает на ряду с «особыми отраслями производства» и «производством вообще, четко их различая друг от друга. Следовательно, в каждую эпоху общественного развития реально существуют производственные системы, единства или целостности.

Но целостно не только производство каждой эпохи. Маркс подвергает уничтожающей критике «первое поверхностное представление» (стр. 21), согласно которому «производство является... исходной точкой, потребление—конечным пунктом, распределение и обмен—серединой... Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, настоящий силлогизм: производство составляет в нем общее, распределение и обмен—особен-

[1]) H. Rickert, Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft, 1899.

[2]) Karl Marx, Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie («Die Neue Zeit» 1903, Jg. 21, Bd. I, S. 710—718, 741—745, 772—781), vide S. 710. С этим немецким текстом сверены цитаты, которые взяты мною по русскому изданию: К. Маркс, К критике политической экономики, перевод И. Рубина, со вступительной статьей Д. Рязанова, М.—Л., Гиз, 1929 г.

[1]) Строкой ниже Маркс, вместо «особых ветвей производства» (besondere Produktionszweige), говорит об особых формах производства (besondere Produktionsformen). Повидимому, оба эти термина употребляются им как синонимы.

[2]) Точнее, вместо слова «совокупность» было бы слово «целостность». В переводе Э. Эссена термин Маркса Totalität передается неологизмом «тотальность». См. Э. Эссен, Карл Маркс и его «Введение к Критике политической экономии» (Записки научн. общества марксистов» 1922 г., № 2, стр. 41—70).

ное, а потребление — единичное, замыкающее собою целое. Это, конечно, своего рода связь, но поверхностная» (стр. 22). В итоге своих рассуждений Маркс приходит к выводу, что, хотя производство, распределение, обмен и потребление «не одно и тоже» [1]), но все же образуют собою части целого [2]), различия внутри единства (Einheit). Производство превалирует как над самим собою в противоположности всех определений производства, так и над всеми другими моментами. С него каждый раз начинается снова процесс. Определенная (форма) [3]) производства обуславливает... определенные формы [3]) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» (стр. 35). Маркс при этом не отрицал, конечно, что «между различными моментами происходит взаимодействие», как это бывает во всяком органическом целом» (стр. 35). Таким образом, согласно Марксу, «органическое целое образует не только производство, но и такие неотделимые от него «моменты», как распределение, обмен и потребление.

У Маркса мы находим и превосходное об'яснение этой целостности. «Если речь идет о производстве,—говорит он,—то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития — о производстве индивидов, живущих в обществе» (стр. 17). С другой стороны, это не только та или иная «особая ветвь», но и всегда «целостность» производства. «Производство выступает всегда перед нами не только в своих особенных формах. Но всегда имеется определенный общественный организм, общественный суб'ект, действующий внутри более или менее богатой совокупности таких отраслей производства» (стр. 18). Следовательно, «целостность производства», единство всех его «отраслей» вызывается единством «общественного суб'екта», целостностью «общественного организма»), в свою очередь, складывающегося из совокупности отношения людей в производстве. Другими словами, всякое конкретное общество обладает своею конкретною целостностью производства, можно сказать даже—своим экономическим единством, поскольку производство мыслимо брать в широком смысле, включая в него моменты распределения, обмена и потребления.

«Суб'ект, т.-е. общество,—говорит Маркс,—разумея под ним конкретное общество,—должно постоянно витать в нашем представлении, как предпосылка» (стр. 38). Но при исследовании было бы «ошибочным» «начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии с населения, которое образует собой основу и суб'ект всего общественного производства» (стр. 35—36). «Правильным в научном отношении» будет начинать с «абстрактных общих отношений, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д.» (стр. 36). При этом, однако, не следует забывать, что все эти простейшие экономические категории предполагают «население, население производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д.» (стр. 37), что каждая такая категория в действительности (а не в умозрении) «не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого» (стр. 37). Маркс отмечает, что и до него «экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку» (стр. 36). «Конкретное и живое целое», являясь «исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления», в мышлении выступает, наоборот, не «как исходный пункт», а как

[1]) Nicht identisch, т.-е. «не тождественны».
[2]) Alle Glieder einer Totalität (p. 744), т.-е. «все члены одной целостности».
[3]) Вставка Каутского.

«процесс соединения, как результат», ибо «конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии» (стр. 36). Только идя таким путем, исследователь придет не к «хаотическому представлению о целом» (стр. 36), о населении, а к «полному представлению» о нем, как о «богатой совокупности (Totalität) с многочисленными определениями и отношениями» (стр. 36). Такой способ «воспроизведения... путем мышления» (стр. 36) «конкретного и живого целого» (стр. 37), «конкретной совокупности» (Totailtät) сам Маркс назвал «методом восхождения от абстрактного к конкретному» (стр. 37), сокращенно его зовут «методом конкретного анализа».

К сожалению, Маркс лишь мельком коснулся во «Введении» взаимоотношений отдельных «конкретных и живых целых». Среди его «нотабене в отношении пунктов, о которых следует здесь упомянуть и которые не должны быть пропущены», третий пункт дословно говорит: «Второстепенное и третьестепенное. Вообще производные, заимствованные, непервоначальные производственные отношения. Здесь (надлежит рассматривать) влияние международных отношений». При всей своей краткости, этот пункт достаточно красноречиво говорит о второстепенном и даже третьестепенном значении воздействия на производящее «общественное тело» со стороны других «социальных организмов».

Если тогдашний «радикальный» марксизм во главе с «ортодоксом» Каутским остался равнодушным, то ревизионисты и буржуазные ученые целиком игнорировали ту методологическую установку, которую полвека назад выдвинул Маркс, и которая привела бы к подлинной истории до-капиталистического хозяйства.

VI. Диффузионизм или псевдоисторическое направление.

Между первым и вторым опубликованием Марксова «Введения» в 1904 г. Берлинское общество антропологии, этнологии и праистории заслушало двойной доклад двух своих членов, ассистентов Берлинского музея народоведения Фрица Грэбнера и Бернгарда Анкермана. Темой его были «Культурные круги и культурные пласты» в Океании (часть Грэбнера) и в Африке (часть Анкермана). Этим моментом можно датировать начало нового направления в этнологии —«теории культурных кругов» (Kulturkreistheorie). С аналогичной теорией несколькими годами раньше выступил последователь одновременно Ратцеля и Лампрехта, нашумевший впоследствии Лео Фробениус, а в том же 1904 г. В. Фой (Foy). Окончательное оформление ее падает на 1911 г., когда вышли «Методы этнологии» Фрица Грэбнера, до этнологии занимавшегося средневековой историей. Редактор книги Фой, достигший полного согласования во взглядах с Грэбнером, определил в предисловии этнологию, как историю культуры внеевропейских народов за исключением древних передне-азиатских и северо-африканских» (F. Gräbner, Methode der Ethnologie, 1911, стр. IX), при чем для него «культурная история есть наука о причинном развитии всего того, что создает духовная жизнь и внешняя жизнедеятельность (Lebensführung) народов, живущих как прежде, так и теперь» (стр. VIII). В 1926 г., на торжественном заседании того же Берлинского общества по случаю 100 лет со дня рождения Бастиана, Анкерман в своей речи [1]) не преминул вспомнить «теорию культурных кругов». Прежде всего он вспомнил, что это направление возникло из «практической музейной работы». Музейные работники, изучая этнографические предметы, не раз замечали, что в числе вещей из различных областей повторно встречались не только отдельные сходные предметы, но и целые сходные сочетания их. Такие

[1]) B. Ankermann, Die Entwicklung der Ethnologie seit A. Bastian («Zeitschrift für Ethnologie» 1926, H. ½, S. 221—230).

повторения первые представители «теории культурных кругов», все горячие поклонники Ратцеля, об'ясняли с помощью его «теории миграции». Согласно антропогеографу Ратцелю, сходство группы «этнических признаков» (Völkermerkmale) даже в весьма далеких областях об'яснялось рассеянием их по земле через многообразные странствования, в итоге которых и сложилась «ойкумена», эта часть земли, заселенная человеком. Вместо «географических провинций» Бастиана, в каждой из которых из общего фонда «элементарной мысли» вырастали специфические «этнические мысли» у Ратцеля фигурировали «народные» или «этнические круги» (Völkerkreise), у его ученика Шурца «этнологические зоны». У Грэбчера и Анкермана появились «культурные круги», эти, по Грэбнеру, «области единой культуры» (Gräbner, цит. соч., стр. 132). «Хотя теперь эти культурные круги,—продолжает Анкерман,—вследствие тысячелетней истории с ее народными переселениями многократно смещались и смешивались один с другими, все же необходимо предположить, что каждый из них образовал свои особенности в местном обособлении и среди природных условий своей прародины. То, что мы теперь имеем перед собой, не является более пракультурами (Urkulturen); последние мы скорее должны пытаться вылущить путем анализа теперешних вторичных культур, возникших через дифференцирование и обоюдное смешение». Как ни стремился в 1926 г. Анкерман подчеркнуть близость своей теории к Бастиану, он не мог скрыть противоположности «методов работы» обоих направлений. Для Бастиана первой задачей этнологии было установление законов развития «этнической мысли» и лишь второй вопрос—изучение местных влияний на географические провинции и производимое этим преобразование. Обоюдное влияние и смешение для Бастиана—заключительная часть исследования [1]). Совсем наоборот «теория культурных кругов», по компетентному признанию Анкермана, исходит из современных фактических отношений, анализируя современные смешанные культуры, чтобы отделить друг от друга их компоненты, затем установить пространственное и временное отношение найденных таким путем культур, чтобы, «наконец, может быть [2]) в конце этого обратно направленного пути открыть закономерности, управляющие развитием (Entwicklung), от которого Бастиан хотел исходить». Как видим, Анкерман сам не уверен, что метод культурных кругов может привести к той цели, какую в первую очередь поставил себе Бастиан и которая здесь в ограничении сферой экономики интересна и нам. Неуверенность Анкермана вынуждает нас дать за него более определенное решение этого вопроса.

Музейные, а не полевые этнографы, теоретики культурных кругов поставили вещь на место человека, общество подменили его продуктом—культурой. Если уже и давать историю культуры, то ее следовало строить как отражение истории общества. «Культурные круги», поскольку они, как понятия географические, не совпадали с конкретными обществами, не могли быть внутренними единствами, а лишь — искусственными схемами. Для раскрытия исторической перспективы эти схемы были явно непригодны. Теоретики культурных кругов, пользуясь довольно зыбкими приемами, разбирать которые здесь нет места, правда, пытались дать картину диффузии (не развития) культуры по большим частям ойкумены. Внешне эта картина полна динамики, так как наполнена всякого рода миграциями, трансмиссиями, скрещениями, смешениями культур. Но это — псевдоисторическая динамика. Словно на мультипликационной кинофильме перед нами движутся искусственно вырезанные «комплексы культурных элементов», понятно, весьма искривленно отображающие об'ективное историческое движение. Как всякая мультипликация, теория культурных кругов имеет тенденцию. Во избежание упреков в тенденциозности, для выявления ее целесообразно воспользоваться высказыванием Роберта Лоуи (Lowie). Этот этнолог, едва ли не крупнейший в САСШ, в 1926 г. [1]), очень отрицательно отнесясь к положительным построениям «диффузионистов», признал, что благодаря их настойчивости «исторический анализ» стал «общим местом» этнологического исследования. На первый взгляд этот отзыв может показаться противоречивым и тенденциозным. Почему инициаторы «исторического анализа» в этнологии не дали правильного синтеза. Оказывается, потому, что они не должны были его давать. Лоуи — ожесточеннейший антиэволюционист. Он против «веры в исторические законы», которой были заражены столпы естественно-исторической школы. По его мнению, законы, если и существуют, то они так замаскированы бесчисленными дистурбациями, что оказываются понятиями, скорее метафизическими, чем пригодными для научного употребления. Лоуи считает, что на «культурные явления» (kultural phenomena) надо смотреть, «как на исторические, т.-е. индивидуальные, факты» (as historial, i. e. individual events). Свой антиэволюционизм Лоуи обосновывает риккертианством. Из этих высказываний Лоуи ясно, что «теория культурных кругов» должна была давать «исторический анализ» в духе Риккерта и своим устремлением к исследованию индивидуальных, неповторимых фактов отрицать самую возможность синтезов, предлагавшихся эволюционистами. Однако, как мы знаем, сам Риккерт считал необходимым «отнесение к ценности» для отбора некоторых среди бесчисленных единичных фактов. Такое отнесение к ценности и проделали австрийские последователи «теории культурных кругов».

Католическо-генетико-культурно-историческое направление патеров В. Шмидта и В. Копперса. Хотя неокантианец Риккерт мыслил свое «отнесение к ценности», как строго-об'ективный выбор, но венские иезуиты и патеры Вильгельм Шмидт и его ученик Вильгельм Копперс сумели произвести его в интересах католической церкви. В 1906 г. Шмидт в своем клерикальном журнале «Антропос» начал было ратовать за необходимость индивидуального исследования. Но проницательный патер вскоре заметил, что «этнология, работающая по историческим принципам», как выразился Копперс, привела по всей линии к абсурду крайний эволюционизм» (P. W. Schmidt u. P. W. Koppers, Völker und Kulturen, 1924, стр. 632). В 1910 г. Шмидт в работе «Положение пигмейских народов в генетической истории человека» пытался доказать, что среди всех народностей земли карлики и полукарлики представляют реликт древнейшего человечества и примитивнейшей культуры. Шмидт при характеристике и наименовании «культурных кругов» стал исходить «из социальной структуры», взяв за основу «положение обоих полов как при образовании семьи, так и вообще в социальном строе» (там же, стр. 77). Не ограничиваясь этим, Шмидт воспользовался и принципом Эрнста Гроссе—«уяснение формы семьи и общества через форму хозяйства» (там же, стр. 634). Введя, помимо этих преобразований, еще «экзогамно-моногамный культурный круг» пигмеев и пигмоидов в качестве исконного, Шмидт создал новую модификацию теории культурных кругов, которую сам стал называть «культурно-исторической» этнологией. В 1924 г. вышла большая работа «Народы и культуры», написанная им при участии Копперса и Крейхгауера и провозглашенная Э. Гроссе «пограничным камнем в этнологии» [2]). На долю Копперса как раз выпало дать «изображение действительного хода хозяйственного развития»

[1]) A. Bastian, Die Vorgeschichte der Ethnologie, 1881, S. 90.
[2]) Курсив мой.

[1]) Lowie, Antropology social (Encyclopoedia Britannica, 1926[13], v. 1).
[2]) «Anthropos», 1925, Bd. 20, S. 678.

(стр. 625). Мог ли он это сделать? Исходным пунктом для него служила последовательность культурных кругов, установления Шмидтом. В «пракультуре» люди вели «присвояющее хозяйство», носившее семейный характер, но уже знавшее отношения обмена и частной собственности, хотя и без накопления больших имуществ. На этой «праступени» (Urstufe) наблюдалась райская идиллия: чистота семейных отношений (строгая моногамия), равенство в общественных отношениях, первобытное единобожие. «Вечной тайной, конечно, останется, почему собственно определенные человеческие группы перешли к высшим формам хозяйства и культуры...» (стр. 626). Но, «по всей вероятности», три «первичных культуры» независимо друг от друга, в разное время и из разных мест (но каждая из одного центра), «излучились» из этой «праступени». Это был «экзогамно-отцовско-правовой круг» (der exogam-vaterrechtliche Kulturkreis) с хозяйственной формой «высшей охоты», когда хозяйство, оставаясь присвояющим, вместо семейного, приобрело племенной характер, производство стало интенсивнее, явилось ремесло. Параллельно ему возник «экзогамно-материнско-правовой культурный круг» (der exogam-mutterrechtliche Kulturkreis) с его, по существу, «женским хозяйством»—женским первичным земледелием. Третьей из «первичных культур» была «отцовско»-правовая больше-семейная культура» (vaterrechtlich grossfamiliale Kultur) с «кочевым скотоводством» (Hirtennomadismus), как формой хозяйства. Имевшийся в каждом случае экономический базис, говорит Копперс о всех этих трех «первичных культурах», является слишком узким, чтобы на нем могло воздвигнуться сравнительно более высокое здание культуры и хозяйства» (стр. 630). Движущей силой к «высшему хозяйственно-культурному развитию» становится контакт и смешение культур. В итоге различных слияний (Verschmelzungen) и являются «вторичные, смешанные культуры» (Mischkulturen) с более сложными формами хозяйства [1]).

Уже из этого, крайне сжатого изложения теории Копперса видно, что она, в сущности, является новым воспроизведением—только на канве «теории культурных кругов» в интерпретации Шмидта — схемы Гроссе. Неприемлемость как последней, так в особенности первой, настолько ясны, что мешанина Копперса оказывается неприемлемой вдвойне. Превращая в хронологические ступени хозяйственные формы Гроссе, Копперс воспроизвел в основном беглую не обоснованную фактами мысль В. Рошера (см. выше) о переходе «райского» первичного хозяйствования в одну из трех параллельных форм — земледелие, охоту или скотоводство. Искусственность построения Копперса этим совпадением доказывается вполне убедительно: он подобрал факты для доказательства априорной гипотезы Рошера, ему известной и ими одобренной (см. Koppers, цит. соч., стр. 644).

Но Копперс свою фиктивную картину хозяйственного развития прикрыл не именем Рошера (о нем он предпочел умолчать), а принципом историзма и даже «исторического материализма». Не только идеалистический немецкий этнолог и социолог Турнвальд [2]) не без иронии называет изложение Копперса «материалистичным», но и австрийский социал-демократ Менхен-Гельфен уже без всякой иронии видит «прекрасное доказательство правильности» экономического понимания истории (к этому сводится для него марксизм) именно в том, что «отцы» Шмидт и Копперс, «горчайшие враги социализма», все же «не могут говорить иначе, чем это должен делать всякий марксист, когда он, ознакомившись с методами учения о культурных кругах, начинает с его помощью новое построение марксистской истории хозяйства и общества» [3]). Сам Копперс охотно кокетничает своим «историческим материализмом». «Всегда и везде,—заявляет он,—человек является существом, не только владеющим культурой, но и хозяйничающим в каком-либо смысле. Ведь хозяйство образует материнскую почву для культурной жизни...» (стр. 625). Но особенно «материалистическим» выглядел принцип об'яснения формы культуры формой хозяйства, заимствованный им от Гроссе. По отзыву последнего, этот прием «впервые Копперсом проведен последовательно и с удивительно хорошим результатом» [1]). Однако ошибочность этого приема ясна для всякого марксиста: суб'ектом хозяйственной формы является общество, Копперс же с Гроссе подменивают его культурой. Правда, у Копперса мы находим попытку уяснить и форму хозяйства через общественную форму. Однако такое применение принципа Гроссе «в обратном понимании» (стр. 635) делается им исключительно редко, лишь «в некоторых обстоятельствах». Так в подразделении ряда австралийских племен каждого на две экзогамные половины («двухклассная система») он видит указание на, якобы, некогда бывшее у них, а затем исчезнувшее земледелие. Следовательно, общественной формой Копперс стремится об'яснить не настоящую, а отдаленно прошедшую связь между ней и формой хозяйства. Учтя же, что он не рассматривает общество, как совокупность производственных отношений, приходится «экономизм» Копперса считать явно немарксистским. Сам Копперс вкладывает в уста читателя вопрос, полностью ли разделяет он, Копперс, «принцип исторического материализма», и сам же восклицает: «Ответ звучит и да и нет» (стр. 636). По его словам, он, будто, берет «метод», «эвристический принцип» марксизма, но целиком отвергает его «эволюционистическо-материалистическую философию» (стр. 636). Положительная часть ответа Копперса совершенно не верна, он не сумел овладеть методом. Иначе и не могло быть, так как подлинно марксистский метод немыслим без марксистской философии, иначе говоря, без материализма, конечно, диалектического, а не «эволюционистического», развязно подсовываемого марксизму Копперсом. Связь философии и метода у самого Копперса столь тесна, что нередко прорывается в его изложении. «Во всех углах и концах этнологические факты протестуют против насилия, причиненного им старым методом,—пишет Копперс, разумея естественно-исторические направления.—Эти этнологические факты, как вполне ясно, не имеют предпосылкой природно - закономерное механическо - необходимое развитие (Entwicklung), но так или эдак, все вновь, внутри его играет (spielt hinein) обычная человеческая свобода (Freiheit). В этом положении фактов лежала и лежит необходимость исторического метода в области этнологии, заранее учитывающей действие человеческой свободы» (стр. 637). При наличии у Копперса представления об историческом процессе, как о смеси более или менее закономерного «развития» с человеческой свободой, его метод в соответствии с таким об'ектом исследования, не только не может быть материалистическим», но даже «историческим» назвать его можно, лишь ставя это слово в кавычки, так как мы наталкиваемся здесь на «историю» весьма специфическую.

Несомненно, что это не «история» во вкусе Риккерта. Копперса (как и его учителя Шмидта) многие критики упрекали в том, что, ополчившись против естественно-исторической школы, он дает схему эволюции. Эти упреки не совсем точны, потому что делавшие их не отличали эволюционного и генетического направлений. Сам Копперс (как и Шмидт) постоянно говорит о «развитии» (Entwicklung). Следовательно, его надо было бы причислить к генетической школе. Тем более, что Копперс, отрекаясь от «психолого-эволюционистского суб'ективизма» и устремляясь к «точному исто-

[1]) Не описываю, за отсутствием места.
[2]) D. L. Z., 1927, S. 1914.
[3]) «Der Kampf» 1925, № 7, S. 226.

[1]) «Anthropos», 1925, S. 694.

рическому методу», заявляет: «И. Ранке (I. Ranke) [1]) видел свой идеал в том, чтобы воспроизвести прошлое так, как оно действительно было (wie sie wirklich gewesen). Никакого другого идеала не могло парить и перед глазами культурно-исторически исследующего этнолога» (стр. 395). Однако это заявление о полном присоединении к великому историку генетической школы остается звонкой фразой. Копперс знал о Леопольде Ранке лишь из вторых [2]) рук. Иначе он не смешал бы его с антропологом «И.» (т.-е. Иоганном) Ранке. Опечатка в инициале здесь совершенно исключена, так как тот же инициал повторяется в указателе авторов (со ссылкой на стр. 395), а в указателе литературы (стр. 690) опять встречаем Ranke I. Der Mensch, Leipzig 1887, Bde 1—2. Во всем труде патеров «Народы и культуры» упоминается лишь однажды один И. Ранке, которому подброшен знаменитый лозунг Леопольда Ранке. И Копперс и учитель его Шмидт (неполучение последним специальной исторической подготовки засвидетельствовано самим Копперсом, цит. соч., стр. 1049), оба они, почерпнув свою историческую премудрость у Грэбнера, были дилетантами во всех остальных течениях исторической науки. Исторический, этнографический и всякий иной материал отбирался ими с точки зрения «отнесения к ценности». Но такого, какое едва ли мерещилось Риккерту. В одном и том же 1927 г. корректный Турнвальд печатно об'ясняет их вражду к эволюционистам «прежде всего эмоционально апологетическими мотивами», голландец Фаренфорт (Fahrenfort) [3]) бросается по адресу их крылатое словечко «тенденциозная этнология». Генрих Кунов не менее резко о представителях этой, как он выражается, «клерикальной этнологии» заявляет: «В своих выводах и заключениях они находятся под влиянием католической схоластики» [4]). Что в этих отзывах нет ни малейшего преувеличения, доказывают и сами патеры. Так, Копперс, например, резюмирует свои экономические штудии такими благочестивыми положениями: «Материальная нужда современности велика, часто гигантски велика. И все же... нужда душ еще больше. К полному оздоровлению хозяйственных отношений нельзя прийти, не оздоровив прежде души. Об этом же не может быть и речи, если не восстановлена будет гармония между культурой личности и культурой вещи. Решение этой коренной проблемы человеческого культурного развития ни на одной почве не проведено так далеко и глубоко, как на почве христианства» (стр. 644). Оба патера крепко стоят на этой почве, а потому и бессильны как что-либо доказать, так и что-либо опровергнуть. Имея базой католическое вероучение с его лозунгом «верю, потому что это—абсурд», Копперс не мог ни преодолеть полностью «теорию трех ступеней», ни избежать особенно в картине своей «преступлении» «робинзонады», ни привести к абсурду не только философию марксизма, но и эволюционную и генетическую школы. Считая, после всего сказанного, плеоназмом доказывать абсурдность выводов обоих трудолюбивых эрудитов, мы ограничимся изменением данного ими своему направлению названия «культурно-историческая школа» в более длинное, но более точное: «католическо-генетико-культурно-историческая».

Псевдоисторическое направление (диффузионизм как тупик исследования. Несомненно, эта школа является наиболее уродливой отраслью «теории культурных кругов». Однако другие модификации культурно-исторической школы тоже не могут похвалиться надежностью своего изучения «культурного» развития человечества. В виду крайне

[1]) Так в тексте Копперса.

[2]) См. цитируемую статью Корреrs'а в «Anthropos», 1915—1916, Bd. 10—11. S. 1040 — цитата из Futter'а.

[3]) Fahrenfort J. Hethoogste, Wezen der Primitiven, Groningen, den Hoog, 1927.

[4]) «Bücherwatre» 1927, Jg. 2, H. 7, S. 215.

незначительного места, отводимого в их построениях экономическим вопросам, приходится ограничиться их самой общей оценкой. «Исторические гипотезы» Фробениуса, Риверса, Шмидта и Грэбнера, стремительные отождествления культурных «комплексов» по всему земному шару, не могут служить удачным образцом,—пишет Бронислав Малиновский.—Они страдают от безжизненного и неорганического взгляда на культуру и трактуют ее как вещь, которая может быть сохранена в холодном складе на столетия, транспортирована через океаны и континенты, механически взята по кускам и вновь смешана» (Encyclopoedia Britannica, 1926 [13], v. 1, p. 132). По мнению Малиновского, заслуга «умеренных диффузионистов» (подобно Лоуи, он не называет это направление историческим) лежит скорее в их географических, чем в исторических изысканиях. В упрек этой суммарной оценке Малиновского можно поставить ее примиренчество. Вполне признавая пользу картографирования сочетаний культурных элементов, нельзя видеть в этом вспомогательном, предварительном приеме полный научный метод, достаточный для раскрытия исторической перспективы. За вычетом же картографирования этот диффузионизм, который хочется назвать псевдоисторическим, оказывается несомненно вредным, дающим «продукции, в которых», по словам того же Малиновского, «история изобретается ad hoc, в которых известное и эмпирическое из'ясняется воображаемым и непознаваемым». Собственно говоря, это лжеисторическое направление, нагромождая одну трансмиссию и диффузию на другую, об'ясняет, не как произошло то или иное историческое явление, а откуда оно мигрировало. Поэтому следует приветствовать, что Ленинградское совещание этнографов Москвы и Ленинграда 11 апреля 1929 года в резолюции по докладу В. Б. Аптекаря решительно от него отмежевалось. «Многочисленные буржуазные построения этнологии, «читаем в 5-м пункте этой резолюции,—как науки об явлениях культуры, в частности, попытки пресловутой «культурно-исторической» школы (Грэбнер, патер В. Шмидт, патер В. Копперс и др.) [1]) должны быть поэтому квалифицированы, как стремление к созданию буржуазной методологии общества, этнологического понимания истории, которое является совершенно неприемлемым для советских обществоведов, в рядах которых стоят и этнографы СССР, опирающиеся в своей работе на материалистическое понимание истории Маркса, Энгельса, Ленина».

VII. Новогенетическое направление, или неогенетизм.

Живучесть эволюционизма (Фридрих) и генетизма (Гёрнес, Лаш и др.). Культурно-историческое направление в этнологии вело и ведет своих приверженцев в тупик, из которого нет выхода в область подлинно научного исследования, так как его методология закрывает возможность реконструкции об'ективного исторического процесса. В Западной Европе и Америке это «лжеисторическое» течение одержало и продолжает одерживать новые победы (так во Франции в самое последнее время большой успех имеет умеренный «диффузионист» Поль Риве). Однако, это течение, не только у нас, но даже в буржуазных странах, не стало фарватером, хотя не прошла бесследно бурная критика его представителями «эволюционизма» (этот термин прилагается ими безразлично и к естественно-историческому, и к генетическому направлениям). В XX веке в чистой форме «теорию трех ступеней» ни один солидный исследователь не рисковал выдвинуть и защищать. Ступенчатые периодизации хозяйственного развития, правда, продолжали еще время от времени появляться, но не встречали успеха.

[1]) Имена в скобках вошли в резолюцию, как поправка, предложенная мною, В. К. Никольским.

Не совсем исчезли даже идеи естественно-исторической школы. В 1906 году географ Фридрих [1]) выступил с теорией о 4 ступенях хозяйства (Wirtschaftsstufen): 1) рефлекса (des Reflexes), 2) инстинкта (des Instinktes 3) традиции (der Tradition) и 4) науки (der Wissenschaft). Отсылая читателя за подробностями к Вейлэ (см. Первобытное общество и его хозяйство, 1923 г., стр. 20 сл.), я здесь вынужден ограничиться рассмотрением только двух первых ступеней. На ступени рефлекса или собирательства, по Фридриху, преобладающее значение имело приспособление тела к природе, так как орудий было еще слишком мало. Люди собирали растительную и животную пищу там, где ее предоставляла им природа. Так как никаких запасов еще не делается, они сыты или голодны в зависимости от времени года, откармливаясь в хорошее время года, люди умели голодать в дурное, и даже погружались в спячку. За этой ступенью следовала ступень инстинкта, в которую Фридрих включает и приготовление пищи на огне, и приручение животных, и капканы, и сани, и раннее земледелие. Биологизм Бюхера сочетается здесь с старо-немецким философским идеализмом. Даже Карл Вейлэ, удивляясь остроумию этой периодизации, все же не рискует принять ее. Для XX в. стопроцентный эволюционизм стал уже анахронизмом.

Но в более или менее больших дозах эволюционизм примешивается еще к различным теориям. Так, в 1908 г. венский археолог Мориц Гёрнес в своей «Естественной и первобытной истории человека» делит древнейшее человеческое хозяйство на паразитное (parasitische Wirtschaftsform) и симбиозное (symbiotische Wirtschaftsform). «Паразитным, — об'ясняет Гёрнес, — можно назвать беспощадное использование человеком животного и растительного мира... Под симбиозным хозяйством мы понимаем, напротив, такие формы совместной жизни человека с растениями или животными, благодаря которым обе стороны... сохраняются, как виды» [2]). Под новыми биологически звучащими названиями Гёрнес возрождает классификацию Шурца, заменяя его «присвояющее хозяйство» своим «паразитным», «культивирующее» — «симбиозным». Гёрнес, однако, еще худший экономист, чем Шурц, почему к делению Шурца присоединяет подразделение Гроссе (на охотников низших и высших, скотоводов и т. д.), не замечая неувязки и не доучитывая, что Шурц, вслед за Бюхером, правильно его отверг. Но, мало понимая в экономике, Гёрнес был превосходным археологом. Поэтому он сумел провести границу между своими двумя основными хозяйственными формами. Правда, он пользуется очень старым (Лёббоковским) делением каменного века на древний (палеолит) и новый (неолит) каменные века, относя к первому паразитное, а ко второму — симбиозное (или культивирующее хозяйство с земледелием и скотоводством). Заслуга Гёрнеса в том, что он придал классификации Шурца хронологическое значение, обратил ее в периодизацию. В этом новом аспекте присвояющее и культивирующее хозяйства Шурца стали наиболее распространенным расчленением первобытного хозяйства. Недаром Рихард Лаш ввел его в 1-е и во 2-е издания «Иллюстрированного народоведения» Георга Бушана (G. Buschan, Illustrierte Völkerkunde, Bde 1 — 2), под именем «присвояющего» или «собирающего» хозяйства (aneignende oder Sammelwirtschaft) и «производящего» (Produktionswirtschaft).

Макс Шмидт как представитель абстрактного или гологеического неогенетизма. Как ни велик был успех Шурца, он должен был разделить его с Гроссе и Ганом. Этих трех исследователей выдвинуло на первый план преимущественно возрождение генетического направления, представителями которого все они были.

[1]) E. Friedrich, Die Fortschritte der Anthropogeographie («Georg. Jahrb» 1908. Bd. 31). Vide. Idem. Aiigemeine und speziele Wirtschaftsgeographie, 1907, 2.

[2]) M. Hörnes, Natur und Urgeschichte des Menshen, 1908, Bd. 1, S. 483.

В самоновейшей этнологии, за пределами СССР генетизм занял положение, хотя и не монопольное, к которому некогда был близок эволюционизм, но во всяком случае руководящее. Однако это был уже не старый генетизм. В жестокой борьбе с диффузионизмом он сильно модифицировался, стал глубже и разнообразнее. Поэтому неогенетисты, как можно назвать представителей этого возрожденного генетизма, внесли новое оживление в изучение примитивного хозяйства, выдвинув новые построения, новые точки зрения.

В 1920—1921 гг. немецкий полевой этнограф Макс Шмидт, известный ценными исследованиями южно-американских индейцев, выпустил двухтомный «Очерк этнологического учения о народном хозяйстве» [1]). «В настоящее время, — писал он, — исследование хозяйственной жизни примитивного человечества продвинулось в фокус научной деятельности» (т. I, стр. V). Это и побудило Макса Шмидта дать первое введение в изучение хозяйства первобытного человечества, которое годилось бы и для этнографов, и для экономистов. Собственно говоря, он сузил свою тему. Согласно ему, «общее этнологическое хозяйствоведение (allgemeine ethnologische Wirtschaftskunde) включает две главных группы вопросов: 1) о физических средствах удовлетворения потребностей («материальное хозяйствоведение») и 2) о социальных средствах («социальное хозяйствоведение»). Изучению только этого последнего сектора хозяйства, давая ему пышное, но неуклюжее название «этнологическое учение о народном хозяйстве», Шмидт и посвящает свою работу. Под этнологией он понимает «учение о произвольных (willkürlichen) проявлениях жизни человечества (Menschheit), стоящего вне европейского круга» (стр. 6). В своем «этнологическом учении о народном хозяйстве», охватывающем, следовательно, «социальное хозяйствоведение» всего человечества, кроме европейского культурного круга, он предлагает видеть новую «частную научную дисциплину» (Teildisziplin), которую для краткости мы можем назвать этно-экономикой. Сам Шмидт признает, что об'ект созданной им дисциплины — «народно-хозяйственные моменты» (volkswirtschaftliche Momente) — является «чисто-искусственным» выделением из жизненного процесса человечества (I, стр. 205). По представлению Шмидта, этот процесс является «гармоническим единством, создаваемым взаимодействием трех главных движущих сил»: окружающей природы, доставляющей индивиду материалы для удовлетворения его потребностей; окружающего человечества, обусловливающего удовлетворение его жизненных нужд, и «духовной сферы», или «духовной культуры», обладание которой только и делает индивида способным к борьбе за существование с природой и прочим человечеством (I, стр. 37 и 26). Взяв об'ектом своего исследования вторую из этих сил, решительно отвергнув «довольно произвольно построенные материально-хозяйственные ступени хозяйства Гроссе» (I, стр. 157), Шмидт все же постоянно учитывает одновременное взаимодействие всех трех «сил». Главное же весь процесс развития социально-экономических отношений человечества внеевропейского культурного круга упорно воспринимается им в «гологеическом понимании» [2]), взятом у Ратцеля, т.-е. под углом зрения «всего человечества» (Menschheit), как единого целого, а не с точки зрения того или иного «единства населения» (Bevölkerungseinheit). Под этими двумя углами зрения Шмидт видит не всеобщие «ступени», стадии прямолинейного, единого развития, резко отграниченные друг от друга», а лишь действующие внутри этого про-

[1]) M. Schmidt, Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftschlehre, 1920 — 1921, Bde 1 — 2.

[2]) Hologäische Auffassung. Этот термин, образованный из греческих holos — «целый» и gea — «земля», ьведен Ф. Ратцелем и его «Антропогеографии» (см. Schmict, т. II, стр 42, прим. 1).

цесса силы, закономерности и цели (I, стр. 208). Но они не мешают ему, согласно старым «генетическим» (entwicklungsgeschichtliche) воззрениям, дать вполне определенную последовательность ступени (bestimmte Stufenfolge), разбив весь «социально-хозяйственный процесс человечества» на три периода. В основу этого расчленения им кладется развитие «хозяйственного обращения» (wirtschaftlicher Verkehr), под которым он понимает «вступление в отношения некоторого числа человеческих индивидов или единств населения (Bevölkerungseinheiten) для общего распределения, как рабочих сил, потребных для производства вещественных благ (Sachgüter) [1], так и самих этих благ» (I, стр. 32), или, «другими словами, распределение труда и вещественных благ внутри человечества» (II, стр. 37), которые для Шмидта неизменно служат исходным пунктом. Для понимания периодизации М. Шмидта необходимо еще знать, что он различает «коллективное хозяйство (Gemeinwirtschaft), охватывающее отношения, покоящиеся на общих интересах отдельных индивидов» (II, стр. 86) и «хозяйство обращения» (Verkehrswirtschaft) [2]), или «индивидуальное хозяйство» (Privatwirtschaft), являющееся совокупностью «отношений, основанных на обоюдной конкуренции отдельных индивидов, поскольку они мирной природы» (II, стр. 86). В первый период, по Шмидту, «период без всякого индивидуального хозяйства» (die Periode ohne all Verkehrswirtschaft) «внутреннее обращение» (Binnenverkehr) является исключительно «коллективно-хозяйственным, а внешнее (Aussenverkehr)—исключительно враждебным» (feindliche Verkehr). Во второй период, называемый Шмидтом «период коллективно-хозяйственного внешнего обращения» («die Periode des verkehrswirtschaftlichen Aussenverkehrs), внутреннее обращение продолжает регулироваться исключительно коллективно-хозяйственными принципами, но к внешнему враждебному обращению присоединяется «мирное» (friedliche Aussenverkehr) в форме обмена (Austausch) вещественными благами и, даже, зачатков настоящей меновой торговли (Tauschhandel). В третий период, называемый Шмидтом «периодом индивидуально-хозяйственного внутреннего обращения» (die Periode des verkehrswirtsschaftlichen Binnenverkehrs), преобразуется в направлении, указываемом наименованием периода, и внутреннее обращение. «Хозяйственный процесс человечества» характеризуется сосуществованием четырех «хозяйственных форм» — обращения внешнего: 1) враждебного, 2) индивидуально-хозяйственного и обращения внутреннего, 3) коллективно-хозяйственного и 4) индивидуально-хозяйственного. Важнейшими достижениями этого периода Шмидт считает «признание отдельного индивида как дееспособного субъекта хозяйства и тесно связанное с этим происхождение индивидуальной собственности» (Individualeigentum) и торговли (Kaufhandel). Давая эту периодизацию (часть 2, стр. 213), Шмидт еще годом раньше в первой части своей работы попытался раскрыть «силы», действующие «внутри социально-хозяйственного развития» (I, стр. 208). Поскольку для Шмидта сущность «социально-экономического процесса человечества» крылась в изменениях хозяйственного обращения, то его он и стремится в первую очередь об'яснить. Для него хозяйственное обращение есть лишь частный вид «произвольных проявлений жизни человека вообще» (I, стр. 32), общей целью которых является удовлетворение потребностей человеческой жизни (I, стр. 33). Но

[1]) Под Sachgüter М. Шмидт понимает те отдельные части природы, которые образуют отграниченные от окружающего мира самостоятельные единства и, кроме того, употребляются в качестве средств для косвенного удовлетворения потребностей (II, стр. 9). Таковы, например, оросительные сооружения в древнем Перу.

[2]) В виду необычности этого термина, в дальнейшем (даже в цитатах) он заменяется равнозначащим ему термином — «индивидуальное хозяйство», переводя его через «меновое хозяйство», несмотря на значительное соответствие содержания этих терминов, менее точен.

человек, уже в силу своего физического сложения, в качестве отдельного индивида не мог добыть из окружающей природы средства, необходимые для поддержания жизни и продолжения вида. «Только как сочлен какой-либо хозяйственной коллективности человек жизнеспособен и может размножаться» (I, стр. 208). Поэтому в самой природе человека имеется «двойственность», проявляющаяся в двух направлениях его воли — «эгоизме и альтруизме, попечении о себе и попечении о близких — и ставшая «основной предпосылкой» всякого «разделения труда и благ» и тем самым всякого хозяйственного обращения, внеся в него противоположность между конкурирующей и обобществляющей тенденциями». В первый период первая тенденция находила выход во внешнем враждебном обращении, тогда как вторая выразилась в мирном коллективно-хозяйственном характере внутреннего обращения. Индивид был еще слишком беспомощен, слишком еще нуждался в коллективе. Иной характер обращение приобрело во второй период. Начал обнаруживать свое действие «хозяйственный принцип (das wirtschaftliche Prinzip), зачатки которого тоже коренятся в человеческой природе. Сущность его в стремлении «к наивозможно совершенному удовлетворению потребностей с наивозможно незначительными средствами» (I, стр. 210),— в стремлении, вызываемом тем чувством недовольства, которое сопровождает отдачу человеческим организмом энергии в процессе труда. Согласно Шмидту, во второй период этот «хозяйственный принцип» определил первое об'единение двух противоположных социальных тенденций в новый «индивидуально-хозяйственный принцип». Как мы видели, это произошло в сфере не внутреннего, а внешнего хозяйственного обращения. Одним из проявлений хозяйственного принципа Шмидт считает стремление одного человека переложить часть работы на другого или присвоение себе продуктов чужого труда. Поэтому «резкие противоречия между богатым и бедным», появляющиеся даже у «естественных народов, поднявшихся на более высокую культурную ступень» (I, стр. 211), он ставит в вину не «индивидуально-хозяйственному принципу», возникшему позднее и в сфере внешнего, а не внутреннего обращения. Только в третий период «индивидуально-хозяйственный принцип» проник из внешнего во внутреннее обращение. Шмидт считает грубым заблуждением мнение, будто самое раннее «человечество» находилось на стадии наивысшего обобщения социально-экономических отношений. Это верно с точки зрения одного народа, но с точки зрения всего человечества («гологеической») степень этого обобществления измеряется не столько интенсивностью распределения труда и благ внутри определенного «единства населения», сколько распространенностью отношений внешнего обращения, величиною области, на которую простирается это распределение труда и благ (I, стр. 209). «Чем выше размер обобществления, — утверждает Шмидт, — тем сильнее действие «хозяйственного принципа», а чем сильнее это последнее, тем выше размер «обобществления труда» (I, стр. 48). Но усиление мощи «хозяйственного принципа» порождает и усиление и все более совершенную выработку из противоположных друг другу тенденций «индивидуально-хозяйственного принципа». Поэтому в третий период все в более быстром темпе непрерывно возрастает не только обобществление социально-хозяйственных отношений «человечества», но и внедрение в него индивидуально-хозяйственного принципа. С точки зрения всего человечества прогрессивно и то и другое. «Столь огромные различия в распределении труда и благ в отдельных классах» в современном развитии даже культурнейших народов, по Шмидту, об'ясняются не сущностью индивидуально-хозяйственного принципа, а, наоборот, тем, что даже у этой части человечества он не достиг еще полного совершенства. Шмидт предостерегает против слишком поспешной искусственной пересадки его на почву социально-хозяйственных

отношений «низших культур». Он напоминает, что социально-хозяйственный фактор теснейше связан с факторами материальной и духовной культуры, что постоянное гармоническое взаимодействие этих трех факторов направляет весь «ход развития» человечества. Где это «гармоническое равновесие» нарушается, там необходима для восстановления его «здоровая хозяйственная политика», которая, при низком духовном уровне данного «единства населения» может помочь и коллективно-хозяйственному принципу против несоответствующего этому уровню «индивидуально-хозяйственного принципа». Поэтому, с точки зрения всего человечества и в приложении к хозяйственным отношениям не только Европы, но и всего человечества, Шмидт предлагает тезис «восстановление коллективно-хозяйственного принципа для созревших для него отношений» (Betriebe) формулировать с такой маленькой поправкой: «восстановление коллективно-хозяйственного принципа для отношений еще не созревших для чистого индивидуально-хозяйственного принципа» (I, стр. 213). Нетрудно догадаться, что поправка Макса Шмидта была направлена против «социализма». В своей книге он только раз говорит о социализме (II, стр. 25). Представители того учения «социалисты» — рисуются ему людьми, сделавшими для изучения начатков хозяйства крайне мало, так как своим исходным пунктом они взяли не подлинные хозяйственные формы, как они «документируются еще сейчас в жизни примитивных народов», а «априорные предпосылки» и пошли «чисто-конструктивным путем», подбирая для доказательства разрозненные этнографические факты. Шмидт избирает совсем другой путь, на котором «партийно-политический способ рассмотрений хозяйственных проблем заранее должен быть исключен» (I, стр. VI). Он хочет рассматривать социально-хозяйственный процесс человечества с «народнохозяйственной точки зрения» (I, стр. 169). Он не хочет заявить, что эта точка зрения буржуазной политэкономии. Ни разу не назвав Маркса и Энгельса, не раз ссылаясь на буржуазных экономистов, он даже к главному своему авторитету — профессору Филипповичу — относится критически. Тем не менее—сознательно или бессознательно—он нарушает, и притом чрезмерно резко, свое обещание трактовать свою тему «без всякой партийно-политической примеси, имея под руками лишь материал фактов» (I, стр. VI). В работе М. Шмидта прежде всего поражает скудость фактов, тонущих в обилии абстрактных рассуждений. В такое рассуждение он обещает даже диалектику, о которой ни разу не говорит, но которую фактически пробует применить. Он не только делает в этом духе декларацию, заявляя, что на «ниже стоящих культурных ступенях» социальный прогресс не является «равномерно подымающимся путем развития», скорее он «возможен в смене разрушения существующего и восстановления разрушенного» (I, стр. 210). Не ограничиваясь словами, в своей трехчленной периодизации, вместо непрерывного развития в духе прежних генетистов в роде Гана или Шурца, Шмидт изобразил «социально-хозяйственный процесс человечества», пытаясь к некоторым моментам его подойти диалектически. Если он не выкрывается при этом из области абстракций, то прежде всего потому, что он прилагает диалектику не к фактам, а к абстракциям.

Мы можем пренебречь разбором общей роли тройки движущих «сил», направляющих по-Шмидту общий ход развития человечества. Но нельзя пройти мимо одной из этих сил — «социальной». Общая всем трем периодам Шмидта, она является природой человека, обусловленной дуализмом эгоизма и альтруизма. «Индивидуально-хозяйственный принцип» возникает, по мнению Шмидта, из этого дуализма в силу воздействия на него новой «силы» — «хозяйственного принципа». Этим об'яснением Шмидт подлинную диалектику самодвижения через противоречия подменивает механическим толчком извне. Возникший «индивидуально-хозяйственный принцип», подобно

силам, его породившим, самодвижения не имеет. Шмидт не указывает новой второй силы, под ударами которой он мог бы испытать новые изменения. Породив во второй период «индивидуально-хозяйственный принцип», подобие диалектики Шмидта исчезает навсегда. Сам Шмидт становится вновь генетиком, чтобы изобразить непрерывность и ускорение темпа прогрессивного развития в третий период. Индивидуальному хозяйству не грозит роковая судьба коллективного.

Укрепив колеблющееся равновесие современных социально-хозяйственных отношений на базе эгоистическо-альтруистической природы человека, Шмидт мог не придавать такого значения другой своей абстракции — «гологеической точке зрения», рассмотрению всего процесса под углом зрения всего человечества. Ее роль — двойная. С одной стороны абстракция «человечества» закрывает от него отдельные «единства человечества». Тем самым его характеристика социально-экономического процесса, несмотря на отсутствие ступеней развития, оказывается не конкретно-исторической, а абстрактно-схематической. С другой стороны, эта абстракция закрывает для него подлинную сущность начального социально-хозяйственного процесса. Отсюда вытекает отношение Шмидта к теории первобытного коммунизма.

Мы видели, что в «коллективном хозяйстве» Шмидта, во внутреннем обращении даже во второй период не появлялся «индивидуально-хозяйственный принцип». Шмидт четко различает владение (possessio) от «собственности» (proprietas), возникновение которой относит лишь к третьему периоду. Но тем не менее самым резким образом он отвергает «сказку» (Märchen) об «изначальном коммунизме». Уже шесть лет назад мною было показано [1]), в какое жалко-смешное положение Шмидт поставил себя, пытаясь в своей книге на протяжении дюжины строк разбить теорию первобытного коммунизма (I, стр. 149). Но, не имея против нее оружия фактов, он без труда может «разбить» ее с помощью абстракции «человечества». Не видя за нею реальных «единств населения», он с пресловутой «гологеической» точки зрения в силах доказать прогрессивное увеличение обобществления социально-экономических отношений и, следовательно, провозгласить фикцией первобытный коммунизм. Такое злоупотребление Шмидтом абстракциями в ущерб фактам невольно вызывает наше удивление, но удивление не его искусством, а полной обратимостью отзыва, данного им «социалистам», на него самого. Не повторяя этого отзыва еще раз, лучше выясним, почему произошел такой казус с ученым, столь кичившимся своей об'ективностью. Мы можем дать лишь один ответ: Макс Шмидт ставил себе целью создать новую экономическую науку, как часть этнологии, а не истории. В итоге его этно-экономика, как мы условились кратко ее называть, неминуемо стала на материале внеевропейских социально-хозяйственных отношений подтверждать константность европейских, другими словами, капиталистических отношений. Так, даже не упомянув ни разу о капитализме, фактически Шмидт дал не особую этно-экономическую науку, а робинзонаду. Правда, следует признать, что ему удалось дать действительно лучшую из буржуазных робинзонад. Она лишена, правда, блеска и изящества Бюхера, но превосходит его глубиной, обстоятельностью, тяжеловесной силой доказательств. Эгоистический индивид Бюхера бледнеет и блекнет перед эгоистическо-альтруистическим, следовательно социальным, индивидом Шмидта, поскольку первый является карикатурным, а второй реальным изображением среднего человека буржуазного общества. Как ни мало фактов было в распоряжении Шмидта, их у него все же много больше и пользуется он ими гораздо искуснее Бюхера. Тогда как последний в основу своей периодизации положил принцип потребительно-меновой, Шмидт взял в качестве такового изменение

[1]) См. «Вестник Социал. Академии» 1923 г., кн. 3, стр. 396—397.

хозяйственного обращения, ближе всего стоящего к распределению. В итоге «коллективное хозяйство» Шмидта гораздо ближе к первобытному коммунизму Энгельса, чем к «ступени индивидуальных поисков пищи» Бюхера. Самые ошибки Шмидта несравненно поучительнее. Найдя, их не трудно исправить. Шмидт схватился не за то звено. Исходным пунктом должна была служить не полубиологическая эгоистическо-альтруистическая природа человека, а отношения людей в производстве. Отчасти он хватается за это звено (его «хозяйственный принцип»), но тянет за него слишком слабо. Самодвижение общественного производства должно было стать главным об'ектом его исследования. Только тогда ему удалось бы вскрыть диалектичность его социально-хозяйственного процесса. Этот процесс ему следовало изучать внутри не абстрактного (его «человечество»), а конкретных обществ (его «единства населения»). Тогда его «коллективное хозяйство» совпало бы с первобытно коммунистическим, изложение стало диалектическо-историческим, тогда. Но тогда исчезла бы и его робинзонадная этно-экономика, обратившись в отдел подлинно-научной, следовательно, марксистской экономики, по самой сущности своей, науки исторической. Но, чтобы это могло случиться, надлежало абстрактному или гологеическому неогенетизму Шмидта измениться в направление историко-материалистическое. Но это не могло случиться, так как для этого из идеолога буржуазии ему пришлось бы стать идеологом пролетариата.

В послевоенных буржуазных странах с учеными такие превращения случаются исключительно редко. Ни М. Шмидт, ни другие представители неогенетической школы не принадлежали к таким исключениям. Поэтому преодоление ошибок Шмидта могло итти лишь очень медленно, и не путем усвоения марксистской теории, а путем «ползучего эмпиризма». На новое толкали не отвлеченные принципы, а потребность практической работы, при чем инициатива принадлежала не музейным, а полевым этнографам. Еще в 1914 г. Феликс Лушан в своей «Инструкции для полевых этнографов» писал: «Ражнейшая предварительная работа и единственно твердое основание всякого прогресса в этнологии, лежит в возможно подробном и тщательном монографическом описании каждого отдельного племени» [1]). Лушан исходил не из априорной теории, а из реального факта наличия в этнографической литературе довольно значительного числа монографий об отдельных племенах. Количество их еще было не велико, но оно непрестанно росло, и среди появившихся имелись превосходные по качеству (таковы работы Л. Моргана об ирокезах, Б. Спенсера и Ф. Гиллена об австралийских арунта (или аранда), Риверса о тодах Индостана и т. д.). Чо в труды, дающие обобщения о «первобытном человечестве, принцип племенных монографий» только начал просачиваться и не смог еще эформиться.

В 1922 г. Александр Гольденвейзер в своей «Древней цивилизации» единственным путем исследования этой цивилизации об'являет «изучение ее в целостности ее местных манифестаций» (стр. 31). Он исходит из принципа: «цивилизация есть сплошное (continuum)... которое должно изучаться, как органическое единство» (стр. 31). Реализуя этот принцип, он все свое исследование строит на изучении 5 «примитивных цивилизаций», взятых во всей их «исторической целостности» (historic wholeness). Три из них взяты им из Америки (эскимосская, племен гайда и тлинкитов, ирокезская), одна из Африки (племени баганда) и одна из Австралиии (племени арунта). В каждой из этих пяти цивилизаций Гольденвейзер выделяет особо типичные для нее явления (например, матриархат у ирокезов; государство у баганда), с тем

[1]) F. von. Luschan, Anleitung zu Wissenschaftlichen Beobachtungen auf dem Gebiete der Anthropologie, «Ethnographie und Vorgeschichte», Leipzig, 1914², S. 44.
[2]) A. Goldenweiser, Early Civilisation, London, 1922.

чтобы «иллюстрировать» различные аспекты древней цивилизации. Но при его довольно случайном выборе «иллюстрирующих» «конкретных цивилизаций» он совершенно не может, да и не хочет, дать исторической перспективы. Его внеисторизм типичен для новейшей американской этнологии и об'ясняется ее нежеланием вскрывать не только историю, но даже генезис своей американской цивилизации. Гольденвейзер, критикуя и эволюционистов и диффузионистов, несомненно ближе к последним. Недаром у него, как и у них, цивилизация (т.-е. культура) заняла место общества, которое представляется ему коренящимся в пространственных, временных и органических видах отношений (стр. 265). Сказанного довольно, чтобы признать слабость результатов применения Гольденвейзером его принципа конкретных цивилизаций (культур) к изучению «древней цивилизации» вообще, экономической же стороны ее в особенности.

Значительно удачнее этот принцип проведен в маленькой (самое изложение взглядов занимает всего 141 стр.) популярной книжке Фрица Краузе «Хозяйственная жизнь народов» (F. Krause, Wirtschaftleben der Völker, Breslau 1924). Автор тщательно проработал свою книжку: написав ее в 1921/22, переделав в 1922/23 гг., подвергнув переработке со стороны формы в 1924 г., он только в этом году выпустил ее в свет. Чрезвычайно содержательная, обильно иллюстрированная, книжка Краузе является миниатюрным введением в этнологическое учение о хозяйстве (ethnologische Wirtschaftslehre). Она распадается на три части: В первой — введении — дается общая установка и выясняются важнейшие понятия. Во второй дается классификация и описание важнейших форм хозяйственной жизни народов. Громадное преимущество Фрица Краузе над Максом Шмидтом в том, что первый внутри человечества увидал отдельные «человеческие коллективности» (Menschengemeinshaften) [1]). Он дает точное определение «формы хозяйства» (Wirtschaftsform), предлагая под ней понимать «способ ведения хозяйства определенным человеком коллективом» (стр. 22). Краузе указывает, что эти формы ведения хозяйства могут быть весьма различны как по об'ему и характеру человеческой коллективности, образующей «хозяйственное единство» — род, деревня, народ, государство, так и по роду хозяйственно используемых произведений природы (растение, животное, минералы) и т. д. Краузе различает в качестве двух «главных групп» хозяйственных форм: 1) собирающее хозяйство» (Sammelwirtschaft), т.-е. такой вид ведения хозяйства, которое довольствуется присвоением—путем собирания, ловли (Fangen) и охоты — того, что природа добровольно предлагает, как дары (стр. 22), и 2) «производящее хозяйство, т.-е. тот род ведения хозяйства, который вторгается в природное творчество, пытаясь при помощи особых процессов произвести природные блага, в особенности пищевые средства через разведение растений и животных» (стр. 22—23). Первую из этих двух групп Краузе разбивает на две хозяйственных формы: 1) простых охотников и собирателей и 2) высших охотников и собирателей, а вторую на две подгруппы: одну, основанную преимущественно на земледелии: а) мотыжное земледелие, б) садовая культура, в) полеводство или плужная культура), и на другую, основанную преимущественно на разведении животных — кочевое скотоводство (Hirtfennomadismus). Краузе говорит «преимущественно», так как признает во всех формах «производящего хозяйства» наличие элементов присвояющего хозяйства (согласно Шурцу). Описание этих 6 «хозяйственных форм» Крайне ведет по отдельным человеческим коллективам. Но в третьей части, ссылаясь на недостаток места,

[1]) Термин «Gemeinschaft», предложенный в 80-х годах прошлого века социологом Теннисом, не имеет эквивалентного слова по-русски. Передаю его, как «коллективность».

он отступает от этого принципа. Здесь его темой является «развитие человеческого ведения хозяйства». Дав обзор теорий хозяйственного развития, он дает и свою. По собственному его раз'яснению, это «генетическое связывание (genetische Verknüpfung) всех шести «хозяйственных форм», с которым, по его же словам, «не согласуется история человеческого хозяйства» (стр. 6). Ссылаясь на «юношеское состояние этнологического исследования» хозяйства «человеческих коллективностей», Краузе сам отказывается сделать из своей теории заключения о «происхождении и развитии производства благ, организации труда и распределения благ» (стр. 6). В свою очередь, мы вполне можем отказаться от роскоши критического разбора даваемой им генетической связи хозяйственных форм. После Бюхера, Шурца, Макса Шмидта даже для буржуазных экономистов должна была достаточно уясниться, мягко выражаясь, механичность и схематичность этих абстракций. Печально, что в его классификации, комбинирующей «хозяйственные формы» Шурца, Гана и Гроссе, главную роль играют наименее приемлемые формы (Гана, особенно Гроссе), а наиболее приемлемые (Шурца) обращены в простые систематизирующие определения. Еще печальнее, что Краузе признает их примат над отдельными хозяйствующими коллективами. Признавая все разнообразие последних, Краузе утверждает, что «есть определенное ограниченное число хорошо определенных видов ведения хозяйства, все вновь встречающихся нам. Не везде они выступают перед нами в одинаковой чеканке (Ausprägung), но всегда показывают у отдельных народов определенные специальные черты» (Sonderzüge, стр. 5). Таким образом, Краузе хватается, подобно Максу Шмидту, не за то звено. Правда, он ближе его к главному звену. Вместо «человечества», он берет за исходный пункт «определенное число» (сосчитав точно, скажем, ровно шесть) «хозяйственных форм», тогда как ему надо было исходить от хозяйствующих «коллективностей». В утешение Краузе, если в этом можно видеть утешение, приходится сказать, что и этот последний путь не привел бы его к лучшим результатам. Наиболее печально, что и самые хозяйствующие коллективности выступают у Краузе в качестве «хозяйственно-социальных структур» (wirtschaftlich-sociale Strukture). Под «структурой» Краузе понимает «целостность культуры данного народа» (стр. 295), при чем культура эта всегда находится в процессе изменения то восходящего, то нисходящего. Не имея здесь возможности входить в разбор всего сложного механизма, приводящего к изменению культуры, приходится лишь отметить, что основным двигателем для Краузе являются «душевные факты» (seelische Tatsachen). Недаром свое «учение о структуре» он иначе называет «генетической психологией культуры (genetische Kulturpsychologie) (стр. 312). Неудивительно, что такой подход не мог его привести к открытию действительной структуры хозяйствующей «коллективности». Но такой подход, острием направленный против эволюционистов, встретил полное одобрение у патера Копперса, который даже попытался дружески, но не без ядовитости убедить всех, не исключая самого Краузе, что его учение «о структуре» есть лишь «часть культурно-исторического метода» [1]). Патер в поисках новых адептов своей этнологической веры, конечно, переусердствовал. Но, несомненно, его различение развивающихся первично-примитивных (кубу на Суматре, ведда на Цейлоне, семанги на Малайском полуострове) и вырождающихся «вторично-примитивных» (австралийцы, бушмены) культур, поразительно совпадает со стремлением клерикальных венских этнологов доказать непримитивность культур австралийского типа.

[1]) P. W. Koppers, Fr. Krause's «Strukturlehre» als Teil der kulturhistorischen Methode («Antropos» 1927, Bd. 22, H. 3/4, S. 614—617).

Понятно, что такое идеалистическое оструктуривание единичных хозяйствующих «коллективностей» в значительной мере лишает их конкретности. Помимо этого, часть их становится второстепенными, и при том как раз наиболее ценные. С помощью своего «учения о структуре» Краузе обращает австралийские хозяйствующие «коллективности» из наиболее примитивных в упадочно или вторично-примитивные». Этим он не только закрывает себе путь в недра социально-экономических отношений, наиболее примитивных среди доступных этнографическому исследованию. Ставя на место австралийцев своих мнимо-«первично-примитивных», Краузе перевертывает свою перспективу, которая, и без того, у него не историческая, а лишь генетическая.

Но несмотря на эти методологические ошибки, книжка «Хозяйственная жизнь народов», появившись в общедоступной серии «Книга для всякого», представляет заметный шаг вперед в сравнении с этно-экономикой Макса Шмидта. Вместо хозяйствующего человечества, Краузе впервые пытался показать совокупность хозяйствующих «коллективностей». Правда, под оболочками его схем и полусхем их хозяйственная деятельность частью оказалась закрытой, частью приобрела в суб'ективной игре теней и полутеней об'ективно несвойственные ей оттенки. Но благодаря обилию фактов, доотказу наполняющих страницы книжки, картина ее оказалась достаточно поучительной. Но еще поучительней, гораздо в большей степени, чем ошибки Макса Шмидта, ошибки Фрица Краузе. Достаточно ясны и пути их исправления. Краузе следовало бы начинать исследованием хозяйствующих «коллективностей» и продолжать «формами хозяйства». Те и другие ему надлежало переработать. Начать надо было с коллективности. Ключ к ее «структуре» надо было искать не в культурно-психологическом понятии «целостности культуры одного народа», а в экономической категории «тотальности производства». Идя по этому пути, Краузе переработал бы свою «хозяйственно-социальную структуру» в «конкретное общество», суб'ект тотальности образующих его производственных отношений. Зная же достаточное количество конкретных обществ, он мог схемы своих «форм хозяйства» заменить социально-экономическими формациями, этими конкретными понятиями группы сходных конкретных обществ. Но для образования этих конкретных понятий ему надо было уметь открыть способ производства в конкретных обществах. Но этого-то как раз и не мог сделать Краузе. Недаром он жаловался на юношеское состояние этнографических исследований производства, распределения, организации труда «хозяйственно-социальных структур». Это исследование ему, опытному полевому этнографу, оказалось не по силам. Вот почему он не мог расстаться с шелухой своих абстракций. Вот почему он не мог дать истории хозяйства. Вот почему свое фиктивное изменение «всей культуры одного народа» он не мог заменить реальным и потому диалектическим самодвижением конкретного общества. Краузе в своей работе остался создателем структурно-генетического направления, не возвысившись хотя бы до идеалистического историка, не только потому, что он не знал и не хотел знать учения Маркса, но и потому, что методология его полевой этнографической работы была недостаточно совершенна, чтобы он чисто-эмпирическим, ползучим путем мог подойти к изучению не психологической структуры своей хозяйствующей «коллективности», а экономической структуры конкретного общества.

В 1926 году в новом (по счету 13-м) издании I тома «Британской энциклопедии» появилась большая статья Anthropology, принадлежащая Бронславу Малиновскому, еще до войны сменившему Краков на Лондон, а после войны прославившемуся своими полевыми исследованиями меланзо-

нийцев крохотных островов Тробриан, близ восточной оконечности Новой Гвинеи. В этой статье он сообщает, что недавно небольшое число антропологов (так англичане называют и этнографов), среди них W. Hoernle, сам Малиновский, Радклифф-Броун и немец Рихард Турнвальд, стали применять (систематически исключительно в полевой работе) «функциональный анализ культуры». Пункт приложения этого анализа является «интегральная система культуры» (the integral system of culture), т.-е. «конкретное культурное единство», аналогичное «структуре» Краузе. Но функционалисты умеют глубже заглядывать в «механизм культуры» (mechanism of culture) на различных уровнях. «Описание не может быть отделено от об'яснения», верно замечает Малиновский: со времени изречения великого физика: «об'яснение не что иное, как конденсированное описание». Каждый наблюдатель должен безжалостно изгонять из своего труда кон'юнктуру, предвзятые допущения и гипотетические схемы, но не теорию». В «функциональном анализе культуры» Малиновский как раз и видит «теорию», стремящуюся к об'яснению антропологических фактов всех уровней развития (levels of developement) той функцией, тем значением, которое они занимают внутри интегральной системы культуры, тем способом, которым они относятся ко всякому другому факту внутри системы, и способом, каким эта система относится к физическим окружениям. «Полевой работник, живущий среди диких, скоро отбросит антикварную манеру видеть,—заявляет он, разумея под антикварнями музееведов-диффузионистов, он видит каждое орудие в постоянном употреблении, каждый обычай опирающимся на сильное чувство и убедительные идеи...» (стр. 132—133). В итоге он придет к «принципу» функционалистов: «в каждом типе цивилизации каждый обычай, материальный предмет, идея и верование выполняют какую-нибудь жизненную функцию... представляет необходимую часть внутри действующего целого» (an indispensable part within a working Whele) (стр. 133). Функционалисты, враждебно и скептически относясь к теориям диффузионистов, в великих эволюционистах, особенно в Эдуарде Тэйлоре, видят своих предшественников. По мнению Малиновского, эволюционная точка зрения в «основе здоровая» (fundamentallysound), правильно двинутая вперед и более точно формулирующая проблему эволюции, приводит к функциональной точке зрения. Для этой последней «развитие культуры (the developement of culture) состоит в постепенной выкристаллизации (crystallisation) хорошо-определенных институтов (institutions) из смешанного и неспециализированного поведения» (behaviour) (p. 133). К сожалению, в энциклопедической статье Малиновского мы не находим картины развития «экономической организации». Он весьма пренебрежительно относится к «описательной» или «аналитической экономике», единственным подходящим предметом которой были хозяйственные занятия, в роде скотоводства, земледелия, рыбной ловли и т. д., и которая затем выдвигала на первый план «схемы ступеней или типов хозяйственных занятий», в роде собирателей, охотников и проч. Сам он предпочитает делать интересные, но всегда не вполне приемлемые, высказывания о специфичности отдельных категорий примитивной экономики, в роде труда, стоимости, деньгах и т. д. Другими словами, функционалист Малиновский исследует область, до которой со своим методом структуры не мог дойти Краузе. Так, например, характеризуя примитивное производство, Малиновский заявляет, что «экономический принцип максимального эффекта при минимальном усилии» (у Макса Шмидта это был в природе человека коренящийся «хозяйственный принцип») достигнут лишь постепенно, после того как «экономическое усилие было организовано и стандартизовано традицией» (стр. 135). Обычный прием Малиновского в подобных случаях состоит в придании примитивным экономическим категориям специфического характера путем примешивания к ним психологических и сквозь них профильтрованных и ими модифицированных биологических моментов. Естественно, что таким искусственным, механическим примешиванием ему не удается уловить качественного различия экономических категорий примитивной и высших социально-экономических систем. Поэтому он против Бюхера с его ступенью индивидуальных поисков пищи и против Моргана и «социалистов Энгельса, Бебеля и Кунова», делающих из дикаря коммуниста. «Примитивная собственность» (он пишет и property и ownership) представляется ему ни чисто-индивидуальной, ни коммунистической, но всегда смешанной» (стр. 135). Так в итоге Малиновский приходит к умеренной «робинзонаде».

Этого следовало ожидать, потому что для Малиновского антропология является «наукой о человеке и его культуре на различных уровнях развития», включала «изучение телесного строения человека, расовых различий цивилизации, социальной структуры и психических (mental) реакций человека на его среду» (environment). Представителя дисциплины со столь сверхсумбурным об'ектом спасти могло лишь такое радикальное средство, как исторический материализм, которым как раз и обладали «социалисты». Тогда только он сумел бы уловить качественный спецификум примитивных экономических категорий. Но тогда «функциональный анализ культуры» Малиновского оказался бы «снят» марксовым «методом конкретного анализа». Его «интегральные системы культуры» сменились бы «конкретными обществами». Тогда можно было бы изучить не «механизмы» «интегральных систем культуры» функциональным анализом, а способы производства конкретных обществ конкретным анализом. В дальнейшей перспективе за ней должно было следовать построение социально-экономических формаций, каждая из которых увенчала бы как конкретное понятие, группу конкретных обществ с близкими к тождеству способами производства. В отдаленной же перспективе могла появиться история первобытно-коммунистического общества, реконструирующая об'ективный процесс его диалектического развития, варьирующий по конкретным обществам и завершающийся распадом в противоположное ему классовое общество. Но такая история могла появиться лишь при условии применения метода конкретного анализа Маркса. Но этот метод оказался не по плечу не только Малиновскому, этому английскому буржуазному функциональному неогенетисту, но и германскому социал-демократическому неогенетисту Генриху Кунову, первый том «Всеобщей истории хозяйства» которого, посвященный «хозяйству первобытных и малокультурных народов», вышел в свет в том же 1926 году, что и статья Малиновского.

Социал-демократический неогенетист Генрих Кунов. По мысли Кунова, его 4-томник [1]) должен быть не «обзором хозяйственного развития всех стран и всех частей света» (стр. 13), а «обзором общего хода развития от его начальных стадий до современного капитализма» (стр. 14). Как во введении к своему труду (см. стр. 1), так и в особой журнальной статье Кунов представляет себе это «хозяйственное развитие», как «связный причинно-обусловленный, последовательный процесс», в течение которого каждая ступень хозяйства (Wirtschaftsstufe) неизменно воспринимала от предшествующей разнообразные остатки и новые посылки для дальнейшего развития» [2]). Несомненно, подобное представление типично

[1]) Г. Кунов, Всеобщая история хозяйства. Перевод с нем. А. Неусыхина и Рубина. Под общей редакцией проф. А. Д. Удальцова. Т. I. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. Под редакцией и с примечаниями проф. В. К. Никольского. Гиз. 1929 г.

[2]) H. Cunow, Wirtschaftsgeschichte («Bücherwarte» 1926, jg. I, H. 7, S. 199), S. 193.

для генетического направления. Сам Кунов тоже говорит о своем «генетическом рассмотрении» (стр. 2), о своей «генетической точке зрения» (стр. 6). Еще в 1897 году он писал (в рецензии на Р. Гильдебранда) о «всеобщей генетической истории человечества» [1]). Еще годом раньше он осмеливался утверждать: «Примыкание к гегелевской философии относится лишь к началу пятидесятых годов; в более старых публикациях Маркса оно еще не совершилось, и философское изложение имеет только ценность более острой и точной формулировки; по моему мнению, оно никоим образом не является необходимым реквизитом исторического материализма» [2]). Но если и за 30 истекших лет состарившийся Кунов (родился в 1862 году) все еще не уловил диалектичности исторического процесса, то он сумел выработать «метод исследования» более совершенный, чем применявшийся старыми генетистами Ганом, Гроссе и Шурцем.

Хорошо знакомый с работами Бюхера, немецких диффузионистов и неогенетистов Макса Шмидта и Фрица Краузе, Кунов смог учесть их ошибки. Поэтому он не взял за отправной пункт своего исследования ни человечество (как Макс Шмидт), ни «формы хозяйства» (как Фриц Краузе), а начал с «изучения состояния хозяйства» (Wirtschaftszustände), к сожалению, реже «отдельных народов» (Völker) и гораздо чаще «групп народов» (Völkergruppen), составляя последние нередко из народов довольно разнородных (см. гл. 9, 12, 13). «Хозяйство» каждой такой народности (или группы их) Кунов изучает в связи с природной средой и социальной организацией (стр. 11), так как «человек живет не только в природе, но и в обществе» (стр. 10). В итоге такого монографического изучения отдельных народностей или групп их им устанавливается «способ хозяйства» (Wirtschaftsweise) каждой (стр. 9), т.-е. определяется, «как и в какой мере он добывает себе трудом средства к существованию» (стр. 8). Путем сравнения «способов хозяйства» Кунов находит для хозяйства каждой народности (или группы) место в «последовательной смене возникающих друг из друга хозяйственных форм». При этом особое внимание он обращает на пережитки предшествующей и элементы последующей формы и различает самостоятельные хозяйственные состояния от заимствованных. Так, стремясь, чтобы «по возможности сами факты говорили за себя», Кунов наглядно показывает «ход хозяйственного развития», давая целую серию «типических примеров» из хозяйственной жизни целого ряда народов, стоящих на разных «ступенях культуры». Затем эту последовательную серию он расчленяет на возникшие друг из друга хозяйственные «ступени», «формы» или «фазы» (для него это—синонимы), после чего исследует «условия возникновения» (Entstehungsbildungen) каждой. В итоге Кунов надеется получить «систему всеобщей генетической истории хозяйства» (стр. 1). Искусственный характер этой «системы» не мог не обратить на себя внимания. Поэтому, когда его «история хозяйства» была еще в стадии университетских лекций, студенты Берлинского университета справлялись у своего экстраординарного профессора Г. Кунова, имеют ли все теперешние культурные народы за собой ту самую последовательность ступеней, какая намечена им в его системе. Кунов и говорил, и в книге пишет: «нет». Однако, признавая различие «локальной окраски», он заявляет, что «направление развития везде одинаково или, по крайней мере, однородно и в основном ведет везде к одним и тем же целям» (стр. 14). Нас здесь интересует лишь та часть модели Кунова, которая вошла в I том его труда и которая должна иллюстрировать «историю первобытного хозяйства» (стр. 2).

[1]) «Neue Zeit», 1897, Ig. XV, Bd I, p. 502—503.
[2]) Ibidem, 1896, jg. XIV, Bd. 2, S. 411.

В 20 главах II тома Кунов дает вереницу отдельных народностей (чаще группы их) от тасманийцев с австралийцами до киргизов с калмыками (см. стр. 11—13). Но он не только не подчеркивает, но затушевывает те «хозяйственные стадии», по которым они должны быть распределены. Кунов нигде не формулирует своей ступенчатой классификации, бросая лишь беглые, краткие и скупые замечания об отдельных хозяйственных ступенях. По его мнению, самым примитивным способом хозяйства было простое собирание пищи. Однако такое «собирающее хозяйство» (Sammelwirtschaft) нигде более не существует, соединяясь даже у самых отсталых племен с «низшей первобытной охотой» (стр. 15—16). За этой «низшей ступенью хозяйственного развития» (стр. 17) следует «ступень, характеризующаяся «соединением собирающего хозяйства с первобытной охотой» (стр. 17). Типичны для этой второй ступени тасманийцы и австралийцы (гл. 1—2). Кунов полагает, что «способ хозяйства» австралийцев находит свое продолжение в формах хозяйства южных палеазиатов («негритосов»), бушменов и ботокудов (гл. 3). Он называет их «низшими охотничьими народами» (die niedere Jägervölker, стр. 81), хотя и видит в некоторых из них (именно в семангах, андаманцах и сакаях) «переходящую фазу к более высокой хозяйственной ступени» (Wirtschaftstufe), представленной северо-американскими «охотничьими народами» (Jägervölker) (стр. 86). Кунов говорит и об еще более «развитых рыбацких племенах» (vorgeschrittene Fischervölker) (стр. 149), пример которых «показывает, что не только переход к оседлости, но и развитие относительно высоких ремесленных навыков широкого торгового обмена возможно без земледелия» (стр. 148). Но, избегая «самодовлеющих, законченных и ограниченных друг от друга образований», он заявляет, что «нельзя довольствоваться простым схематическим разграничением «высших» и «низших охотничьих племен» (стр. 103). То же самое повторяется и со «ступенью земледелия» (Ackerbaustufe), которую Кунов ведет непосредственно со «ступени охоты». Хотя он говорит о «примитивном земледелии» (primitive Ackerbau), сводившемся к «культивированию лишь немногих плодов» (стр. 104: в переводе ошибочно «злаков», см. стр. 8 сверху), хотя он касается и столь развитых форм земледелия, как ирригационное в Перу или начально-плужное в Индонезии, расчленения на высших и низших земледельцев мы у него не находим. Зато «кочевое скотоводство» (Hirtennomadenthum) он не считает «ступенью развития», повсюду составлявшей «переход к оседлости и обработке земли посредством плуга» (стр. 102). Формулируя даваемую Куновым в I томе «историю примитивных форм хозяйства», мы можем дать такую ступенчатую классификацию: 1) собирающее хозяйство, 2) охота (плюс собирающее хозяйство), 3) земледелие (плюс одомашнение животных) и, в особых природных условиях, 4) кочевое скотоводство. Не трудно заметить, что эта классификация представляет улучшенную комбинацию взглядов 3 крупных генетистов: всего больше Гроссе (фактически охота и земледелие у Кунова распадаются на высшую и низшую формы), меньше Гана (место кочевого скотоводства) и совсем мало Шурца (смешанный характер каждой ступени хозяйства). Решительно отбрасывая на словах «эволюционную схему» (стр. 102) пресловутых «трех ступеней», Кунов фактически от нее не освободился, поскольку свою собственную модель развития не наполнил качественно-новым содержанием, не построил по другому основанию деления. Правда, Кунов стремился придать своим хозяйственным ступеням текучесть, пытался превратить их развитие в «изменчивый и постоянно меняющийся комплекс процессов» (стр. 103), в «становление» (стр. 1). Но это стремление побуждало его не к чеканению ступенчатости, а к заглаживанию линий раздела между ступенями, к скрытию швов. Оно направлялось не на уясне-

ние последовательности внутри ансамбля примитивных экономических стадий, а на раскрытие возникновения отдельных хозяйственных ступеней.

Действительно, их происхождение Кунов ищет в «медленно осуществляющемся» (стр. 103), постепенном развитии (стр. 429), тщательно собирая поэтому все «мелкие промежуточные звенья длинной цепи развития» (стр. 103). Переход от одной хозяйственной ступени к другой, по его мнению, происходит постоянно «без коренной ломки всего быта» (стр. 104). Прослеживая до самых зачатков способ добывания пищи, свойственный самым развитым народам современности, Кунов надеется восстановить «с довольно большой достоверностью» (стр. 15), как самую стадию собирательства, так и постепенное присоединение к ней охоты (стр. 15—17). Встав на более твердую почву этнографических фактов, Кунов гораздо подробнее и надежнее изображает происхождение земледелия (стр. 102—106) и кочевого скотоводства (стр. 425—430). «Мужчина охотится и ловит рыбу, как он делал это и раньше», рисует Кунов начало земледельческой ступени: «и женщина продолжает собирать дикорастущие плоды; только теперь она сажает в землю некоторые из тех растений, которые она раньше собирала» (стр. 104). Бродячее охотничье племя предварительно, до перехода к земледелию должно стать оседлым, при чем оседлость обусловливается лишь достижением «известного уровня в деле добывания пищи и ее консервирования» (стр. 106). Аналогично земледелию, с такой же постепенностью возникает и скотоводство. Отрицая достоверность непосредственного перехода охотничьего племени к скотоводству, минуя стадию земледелия, Кунов считает «правилом», что «сперва от охотничьего хозяйства переходят к обработке земли, и лишь затем на ряду с земледелием, при известных благоприятных условиях, возникает скотоводство» (стр. 428). Начинается оно с одомашнения скота мелкого (а не крупного), как неверно думал Fax (стр. 426). «Прежний охотник принимает на себя все связанные со скотоводством работы, после того как охота сокращается и заменяется скотоводством», не бросая однако охоты и рыболовства (стр. 429).

При такой постепенности переходов одной ступени в другую хозяйственное развитие на протяжении отдельной ступени происходит еще медленнее, еще тягучее. Репрезантивные племена, выбранные Куновым для отображения накопления изменений на одной и той же стадии, слишком мало отличаются друг от друга, почему автор, описывая их, сам признает неизбежность «утомительных повторений» (стр. 11). Недаром изображение общего развития первобытного хозяйства, даваемое Куновым, вызывает у рецензента, правда, ему рецензента такой чрезмерно резкий отзыв: «Невероятно, чтобы избежать другого выражения, на 546 страницах волочит составитель свое изложение» [1]). Игнорирование диалектичности исторического процесса Куновым не могло не привести его к механическому представлению о нем. Это же игнорирование, при решительном отказе Кунова рассматривать хозяйственный процесс под углом зрения «современных расовых теорий, религиозных и этических представлений» (стр. 9), неминуемо толкнуло его на крайне высокую оценку роли природы. Заявив о «зависимости механизма хозяйства от определяющего влияния географической среды» (стр. 7), Кунов поставил себе задачей показать в I томе своего труда, «как под влиянием своеобразных географических и климатических условий постепенно развивалось хозяйство различных так называемых «первобытных» и «полукультурных» народов, и как оно достигло в своем развитии начальной стадии феодального хозяйства» (стр. 2). «Человек живет не только в природе, но и в обществе», которое постепенно, «в процессе совместного

[1]) См. отзыв Naumann'a в «Preussiche jahrbücher» 1927, Bd. 210, H. 1, S. 112—114.

труда», «ослабило его прежнюю зависимость от природы» и привело к тому, что человек, все более подчиняясь «влиянию среды социальной», «все более превращался из существа природного в существо общественное» (стр. 10). Однако определяющее влияние природы не кончилось на ступени собирающего хозяйства, но продолжалось и на стадиях охоты и земледелия. «Противоположность» хозяйственного развития Океании американскому об'ясняется Куновым резким различием «островного мира Океании» и «обширных материковых областей», которые с самого начала предоставляли своим обитателям совсем другие жизненные возможности» (стр. 13). Равным образом и еще более позднее кочевое скотоводство, по Кунову, могло развиться только там, где были налицо совершенно своеобразные природные предпосылки его развития (стр. 402). Можно согласиться с мнением довольно благосклонного к Кунову рецезента Зифекинга [1]), что Кунову гораздо лучше удалось исследование связей первобытного хозяйства с географической средой, чем с развитием социальной организации. Недаром он даже считает, что книга Кунова могла бы называться «хозяйственной географией диких народностей». Правда, Затернус, другой рецензент, горячий поклонник Кунова, утверждает, что при внимательном и повторном чтении книги Кунова можно узнать больше, чем из об'яснений, даваемых автором. Затернус [2]), советуя внимательно и повторно читать его книгу, находит в ней больше, чем об'ясняет ее автор. Можно узнать,—перечисляет Затернус,—«далекий путь, ведущий от простого собирания плодов (Fruchtsammlung) и охоты к хозяйству запаса (Vorratswirtschaft), от самодовлеющего хозяйства орды и от самых ранних видов неупорядоченного обмена до простой торговли и системы кредита, от простейшего разделения труда между мужчинами и женщинами до ранних форм мануфактуры, от организации в орды через родовую до рабовладения (Sklavenhaltung) и начатков сословного расчленения. Можно проследить шаг за шагом первые фазы развития сельского хозяйства, притом как земледелия, так и скотоводства. Однако Затернус несомненно увлекается. Давший о Кунове очень хороший отзыв Пройс [3]) вообще находит, что «систематика не его предмет», что его книга представляет «простое изложение фактов», в котором рассеяны «часто умные замечания» об отдельных фактах, в особенности о происхождении земледелия и скотоводства. Пройс прямо утверждает, что Кунова не интересуют в его книге вопросы о материнском и отцовском праве, о совпадении тотемизма и двуклассной системы со стадией охоты или земледелия, хотя при описании хозяйства отдельных народностей он и касается этих вопросов. К этому можно добавить, что и столь важные вопросы, как формы брака и семьи, иногда оставляются им почти или вовсе без описания. Невнимание к социальным отношениям выразилось в особой небрежности его терминологии в этой области. Не отличаясь вообще точностью своей терминологии, Кунов здесь становится особенно неряшлив. Так он употребляет как синонимы Grossfamilie («большая семья»), Jointfamily («сложная семья»), Familiensippe («семейно-родовая группа») и Sippenfamilie (то же значение). Надо радоваться, что заимствованный им у Теннисса термин «Gemeinschaft» («община», «коллективность») перестал им противополагаться Gesellschaft («обществу»), за неразличение которых в 1920—1921 гг. он уличал Каутского в «вульгарном марксизме». Термины Familiengemeinschaft («больше-семейная община») и Hausgemeinschaft

[1]) См. отзыв Sieveking'a в «Weltwirtschaftliches Archiv» 1927, Bd. 26, H. I, Literatur, S. 44—46.
[2]) См. отзыв Saternus'a в «Bücherwarte» 1927, Jg. 2, H. I, S. 26.
[3]) Отзыв Preuss'a, см. в «Ethnologischer Anzeiger» 1927, S. 261—262.

(«домовая община») [1]) у него равнозначны. Einzelfamilie и Kleinfamilie обозначают малую семью. Раз даже Кунов отождествляет Grossfamilie с Hausgenossenschaft, при чем последнее приходится переводить не «домовое товарищество», а «домовая община». Допускается им и смешение терминов Sippenhaus («родовой дом») и Familienhaus («больше-семейный дом»). К сожалению, не ограничивает он и Sippe («рода») ни от «большой семьи», ни от тотемических союзов. Очень часто он вместо термина Besitzung («владение») употребляет термин Eigentum («собственность»), хотя он знает о римско-правовом значении последнего термина (стр. 166). Между тем, в результате этого смешения у него выходит (см. стр. 49, 50, 64, 65), что австралийцам неизвестна «частная собственность» на землю (что вполне верно), но известна «индивидуальная собственность» (Individuelles Eigentum) на продукты своего труда (что совсем неверно). Самое отрицание им «первобытного коммунизма» производится им на основании не фактических данных, а смешивания понятий собственности и владения, с одной стороны, и совершенно неправильного истолкования смысла этого термина (ср. предисловие к рус. изд. проф. А. Н. Удальцова).

Понятно, что такая путаница в терминологии не только затрудняет интерпретацию его работы (и, следовательно, перевод ее), но придает неотчетливость, расплывчатость и смутность тем очеркам социальных отношений, которыми богата его книга. «Историю хозяйства,—утверждает Кунов,—следует рассматривать как историю общества» (стр. 10). Если частично еще можно согласиться с Зифекингом, что Кунов дал первобытно-экономическую географию, то никак нельзя допустить (и утверждать это не рискнет даже Затернус), будто он дал историю первобытного общества. В результате тем самым Кунов сорвал возможность и подлинной истории первобытного хозяйства.

Такой результат неминуемо вытекал из тех методологических ошибок, которые сделал Кунов в ходе своего исследования. Ему следовало исходить исключительно из конкретных обществ, не беря вовсе «группы народов». В каждом конкретном обществе он должен был исходить из целостности, тотальности производства, чтобы итти к определению «способа производства» (Produktionsweise). Между тем Кунов стал искать «способ хозяйства» (Wirtschaftsweise), следуя не за Марксом и Энгельсом, а за Гроссе. Это не было случайным уклоном.

Уже с самого начала своей научной деятельности Кунов, хотя и осторожно, пересматривал построение Моргана—Энгельса, направляя свои аргументы, правда, против первого, а не последнего. Много раз он утверждал, что Гроссе, выставив «хозяйственный фактор» в качестве «наиболее могущественного», значительно ушел вперед по пути «мимо и дальше Моргана» (über Morgan hinaus) [2]), что «его результат в существенном (im wesentlichen) совпадает с причинным пониманием (Kausalauffassung) исторического материализма» [3]). В 1924 г. патер Копперс, оскорбившись за такую трактовку Гроссе, уже заметил о Кунове: «Поэтому, когда он выставлял работы Гроссе якобы в смысле теории исторического материализма, то он, конечно, вкладывал в него не старомарксистский, но ревизионистский смысл» («Anthropos» 1925, стр. 637). Патер Копперс только показал свою осведомленность. К 1920—1921 гг. относится двухтомная работа Г. Кунова «Марксова теория истории, общества и государства», 4-е издание, которое вызвало со стороны проф. Дорека такой отзыв об ее авторе: «Со стороны ревизионизма (Reformsozialismus) Г. Кунов с М. Адлером, ныне, конечно, самый глубокий и умнейший мыслитель марксистской школы» [1]). Еще раньше, когда 1 октября 1917 г. Г. Кунов был поставлен вместо тогда казавшегося «левым» независимца Каутского, во главе «Neue Zeit», органа германской социал-демократии, то «новая редакция» (т.-е. Кунов) признавала себя «марксистской», но заявляла о стремлении освободиться от той вульгарно-марксистской схоластики, которая ставит букву выше духа» [2]). Двухтомник Кунова как раз и явился проявлением этого освобождения, более прозаически выражаясь, ревизионизма или, по остроумному замечанию Рудаша, даже «кастрации марксизма» [3]). Подмена «способа производства» «способом хозяйства» была одним из проявлений этой ревизующей тенденции Кунова. Другой такой подменой явилась переоценка им роли природы. Всем известна формула Маркса: «простые моменты процесса труда следующие: 1) целесообразная деятельность, или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия, которыми он действует» (Капитал, т. I, стр. 120; Das Kapital, I, S. 141). Тем не менее Кунов в своей книге «Марксово учение», предварительно даже процитировав ее, ухитрился не только заменить ее формулой «рабочая сила (Arbeitskraft), природа (Natur) и техника» (Technik), но еще допустить, что в процессе производства они могут действовать часто как «три совсем самостоятельные фактора» (drei ganz selbständige Faktoren) (т. II, стр. 164). Для всякого марксиста ясна неравноценность этих двух формул. Ни один марксист не должен отождествлять «предметы труда» с «природой», поскольку «предметами труда» становятся только те из данных природой предметов, к которым прилагается труд. «Каждая полезная вещь», по бесспорному утверждению Маркса, «есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития» (Капитал, т. I, стр. 1). Выбор в природе предметов для приложения труда определяется не природой, а историческим развитием человеческого общества. Однако Кунов не учитывает этого. В «Истории хозяйства» он опять утверждает: «Постоянно повторяющийся процесс труда заключается в соединенном действии (zusammenwirken) сил природы (Naturkraft) и рабочей силы (Arbeitskraft) при участии технических орудий труда» (technische Arbeitsmittel) (стр. 9). Отсюда неправильность его основного представления «о постепенном превращении человека из «существа природного» (Naturwesen) в «существо общественное» (стр. 10). Человек всегда был существом общественным (и это признает и сам Кунов), но никогда человек, как таковой, не был «существом природным», «естественным человеком» (Naturmensch), «дикарем» (das Wilde) и т. п., потому что всегда человеческое общество, всегда совокупность производственных отношений активно относилось к природе, в историческом процессе увеличивая, на основе роста своих производительных сил, свою власть над ней. Кунов упустил, что конкретное общество всегда является суб'ектом каждой тотальности производства, всегда—меньше или больше—господствует над своей природной средой (в противном случае оно перестает быть обществом, гибнет).

Свои теоретические ошибки Кунов не мог поправить эмпирически. Для того, чтобы вплотную подойти к определению «способа производства» или, если употреблять его выражение, «способа хозяйства», ему необходимо было суметь раскрыть специфичность экономических категорий в конкретных обществах, стоящих на разных ступенях производства. Однако, как

[1]) В новом двухтомике Каутского передается так термин «задруга».
[2]) «Neue Zeit» 1905, Jg. XXIII, Bd. 2, S. 87.
[3]) Ibidem, 1898, S. 107.

[1]) См. отзывы A. Doren'a в «Archiv für Kulturgeschichte» 1927, Bd. 17, H. 3.
[2]) «Neue Zeit» 1918, S. 1.
[3]) К. Каутский, Марксова теория государства, Москва 1924 г., предисл. Л. Рудаша, стр. 6.

исследователь не музейный, а только кабинетный, он еще менее мог достичь этого, чем Краузе, поскольку метод конкретного анализа Маркса им игнорировался, а функциональный метод Малиновского не мог быть ему известен. В итоге он не смог построить социально-экономических формаций и должен был ограничиться «терпимой схемой», как иронически называет его конструкцию его рецензент Науман.

Едва ли стоит говорить, что подобный отзыв не дооценивает труда Кунова. Центр этого труда не в теориях (их мы и не должны искать у ревизионирующего марксиста), а в тех обильных фактах, которые 20 глав его книги превращают в 20 самостоятельных монографий по первобытному хозяйству. Этот «строительный материал» собран Куновым в итоге громадной критической работы над первоисточниками. Он представляет такую ценность, мимо которой не пройдут ни буржуазный, ни марксистский историк хозяйства, ни создатели будущей диалектической истории первобытного коммунизма. Книга Кунова, несмотря на ее методологические недостатки, все же должна быть признана относительно лучшим введением в изучение первобытного хозяйства.

VII. Заключение.

Важнейшие направления. Наш очерк изучения первобытного хозяйства не является историей его в полном смысле слова [1]. Для этой истории еще нет достаточного числа предварительных исследований. До сего дня самым полным очерком развития этно-экономического исследования является уже цитированная не раз работа [2]) патера Вильгельма Копперса «Этнологическое исследование хозяйства». Но и она страдает пробелами, главное же слишком тенденциозно кладет светотени. Отвлекаясь от деталей, все же можно установить, кроме марксистского, еще 4 последовательных буржуазных направления: 1) естественно-историческое (иначе: эволюционизм), 2) генетическое (генетизм), 3) псевдо-историческое (иначе: диффузионизм) и 4) ново-генетическое (неогенетизм). Развитие этих направлений совершалось скорее через противоречия, чем путем постепенного накопления фактов. Процесс этот не всегда направлялся по восходящей прямой. Поэтому он поучителен для нас не только своими положительными достижениями, которые можно непосредственно усвоить, но и своими заблуждениями, которые следует предварительно преодолеть. Проследив борьбу этих направлений, мы вскроем ошибки, допущенные исследователями первобытного хозяйства; вопросы, назревшие, но ими не решенные; методы, намечающиеся, но ими не примененные. Обобщая, можно сказать, что «этнологическое исследование хозяйства» должно быть сменено «историческим» исследованием хозяйства, понятно марксистско-историческим, а не «культурно-историческим». Только встав на этот путь, наука может притти к восстановлению об'ективно-диалектического процесса развития первобытного общества и его хозяйства.

[1]) Недостаток места заставил меня опустить характеристику даже таких интересных взглядов на «первобытное хозяйство», какие дают такие недавние работы, как Вебер, М. И.—История хозяйства. Петроград, 1923 г., Маслова, П.—Общедоступный курс истории народного хозяйства. Петроград, 1914; Müller-Lyer, F.—Phasen der Kultur, 1908 (I изд.); Thuruwald, K.—Die gestaltung der Wirtschaftsentwicklung ausihren Anfangeu heraus (Erinnerungsgabe für Max Weber. Die Hauptprobleme der Soziologie, 1923, Bd. 1 S. (279—283), не говоря о менее важных.

[2]) См. Anthoropos, 1915—16, т. 10—11.

Христиан Гюйгенс[1])

(К трехсотлетию со дня рождения).

З. Цейтлин.

1. Ученый эпохи буржуазного Sturm und Drang'a.

Фигура Христиана Гюйгенса, его жизнь и деятельность чрезвычайно типичны для ученых XVII века. В ту эпоху юношески могучая буржуазия приступала к генеральному штурму крепостей феодализма. Наиболее прогрессивные элементы дворянства переходили на сторону нового класса, который политически еще был «ничем», но с полной уверенностью готовился быть «всем». В соответствии с размахом исторических задач теоретический горизонт буржуазии был чрезвычайно широк. Буржуазия выдвигала не просто узких специалистов той или иной отрасли знания, а настоящих мыслителей энциклопедического пошиба, которые хорошо выражали гуманитарную и прогрессивную сторону деятельности буржуазии периода под'ема. Энгельс как-то замечает, что для XVII и XVIII веков чрезвычайно характерна идея энциклопедии. Действительно, буржуазия не только стремилась быть всем—политически и экономически, но она хотела обнять все—в философском и научном познании. Буржуазная мысль не только не ставила еще границ себе самой, но, не довольствуясь даже нашими земными границами, переходила на другие небесные тела, утверждая, что и там должны быть представители мыслящего рода. Идея бесконечности и множественности обитаемых миров была очень популярна в эпоху Возрождения и в начале нового времени; ее развивали Н. Кузанский, Бруно, Кеплер, Фонтенель, Гюйгенс (Kosmotheoros) и др. Пропаганда этой идеи была формой антирелигиозной пропаганды, так как множественность обитаемых миров противоречила христианскому учению о воплощении Христа и спасении человеческого рода. Явно противопоставляя свои взгляды господствовавшему христианскому воззрению, Гюйгенс пишет: «было бы неразумно думать, что небесные тела, между которыми наша земля занимает столь ничтожное место, были созданы единственно для того, чтобы мы, ничтожные люди, могли пользоваться их светом и созерцать их положение и движение» [2]).

Очень популярна была также идея международного языка, построенного на рациональных принципах (Декарт, Лейбниц). Страсть к путешествиям и неусидчивость характерны для интеллигенции того времени. Гюйгенс, родившийся в Гааге (14 апреля 1629 г.), посещал в 1645 г. Лейденский университет; в 1646 г.—университет в Breda; в 1649 г. он путешествовал по Германии и Дании; в 1655 г. посетил Францию, где в Анжерском университете получил степень доктора прав; в 1660 г. он снова во Франции, а затем в Англии в 1663 г. В 1665 г. Гюйгенс был приглашен Кольбером в Париж в Академию наук; в 1681 г. незадолго до отмены Нантского эдикта протестант Гюйгенс окончательно переселяется в свое отечество, где уми-

[1]) Редакция помещает статью т. Цейтлина как материал к истории естествознания эпохи Гюйгенса, Ньютона и т. д. В то же время редакция констатирует, что, несмотря на большой шаг вперед, проделанный т. Цейтлиным в применении метода марксизма к истории естествознания, у него имеются в предлагаемой статье некоторые остатки изживаемых им механистических воззрений (некоторая переоценка исторического значения методов Гюйгенса).

[2]) См. «Biographie Universelle» Michaud—статья Biot; см. также Л. Фигье, Светила науки.

рает в 1695 году 67 лет от роду. Теоретические работы Гюйгенса-юриста — по официальному образованию—обнимают четыре научных области: математику, механику, оптику и физическую астрономию [1]). Характерным для Гюйгенса является: 1) тесная увязка теории и практики, 2) сочетание картезианских принципов с ньютонианским методом. Развивая картезианские принципы в оптике и учении о тяжести, Гюйгенс, в противоположность многим современникам, умел воплощать их в весьма конкретные формы, пользуясь методом, который обосновал Галилей и впоследствии широко развил Ньютон. Гюйгенс был основателем учения об эволютах кривых, но развил он это учение в связи с теорией маятника («Horologium oscillatorium», Paris, 1673) и изобретением часов с маятником. Это изобретение, а также изобретение часов со спиралью были проблемами, прямо поставленными Гюйгенсу важнейшею потребностью мореплавания—определением долгот на открытом море. Другим характерным математическим достижением Гюйгенса было изобретение непрерывных дробей. В 1682 г. Гюйгенс занялся постройкой механического планетария. Как указывает Лагранж в «Additions a l,Algebre d'Euler» (t. II) необходимость найти приближенные отношения между частями механизма планетария привела Гюйгенса к понятию непрерывной дроби. Это понятие встречается уже у лорда Броннекера и Валлиса, но последние не замечали особенных свойств непрерывных дробей. Гюйгенс нашел главные свойства подходящих дробей, проистекающие от непрерывных.

Оптические работы Гюйгенса равным образом связаны с практикой изготовления оптических инструментов. Гюйгенс также прилежно занимался вопросами конструкции воздушных насосов, барометров, термометров и др. аппаратов. Гюйгенс построил п о р о х о в у ю м а ш и н у—насос для поднятия воды в Версале; под поршнем насоса воспламенялся порох, энергия которого использовалась в машине. Денис Папин работал в это время вместе с Гюйгенсом в королевской библиотеке; у него и возникла мысль заменить порох паром [2]).

М а т е м а т и ч е с к и е и с с л е д о в а н и я Гюйгенса, кроме теории эволют, касаются квадратур кривых и теории вероятности («De rationibus in ludo aleae», 1657). В 1651 г. Гюйгенс написал работу «Рассуждение о квадратуре гиперболы, эллипсиса и круга при данном центре тяжести некоторых из их частей». Эта работа направлена против иезуита Григория де Сен-Висана (Gregorius a Sancto Vicentio), который полагал, что нашел квадратуру круга («Quadratura circuli et hyperbolae»).

Гюйгенс придумал способ приводить к квадратурам выпрямление кривых и вычислил поверхности кривых коноидов и сфероидов.

В 1656 г. он написал рассуждение о приложении теории вероятностей к азартным играм, развивая принципы, найденные Паскалем и Ферма. Жак Бернулли поместил работу Гюйгенса в виде предисловия к своему «Art de conjecturer». Гюйгенс пользовался в своих математических работах геометрическими методами древних, но, ознакомившись с дифференциальным исчислением (переписка с Лейбницем), он «не пренебрегал знанием новых методов, а, изучив их, соглашался в их полезности. Он употребил дифференциальное исчисление для задачи, которую решил в 1693 г.» (Condorcet Eloges, t. II).

М е х а н и к а обязана Гюйгенсу фундаментальными исследованиями по теории маятника и центробежной силы и по теории толчка. Механические

[1]) Краткое изложение содержания основных работ Гюйгенса см. A. Heller, Geschichte der Physik, т. II, стр. 179.

[2]) См. Л. Ф и г ь е, Светила науки, стр. 209; E. G e r l a n d, Geschichte d. Physik, стр. 546 и 591; J. P o g g e n d o r f, Geschichte d. Physik, стр. 547.

исследования Гюйгенса часто сравнивают с исследованиями Архимеда. Необходимо, однако, заметить, что Гюйгенс, будучи учеником Картезия, лишь гениально сочетал широту принципов картезианской физики с математической строгостью исследования Архимеда. В работе «Dissertatio de causa gravitatis» [1]) Гюйгенс развивает вихревую теорию тяжести Декарта. На ряду с этим он в той же работе, пользуясь наблюдениями астронома Richer в Кайене над длиной секундного маятника, дает на основании своего учения о центробежной силе—теорию изменения силы тяжести вследствие вращения земли и выводит величину сжатия земного шара.

Наиболее важным, в методологическом отношении, достижением Гюйгенса была его трактовка кругового движения тел. Ньютон признает в одном из писем к Галлею, что именно метод Гюйгенса дает настоящее обоснование теории всемирного тяготения. Тот факт, что именно картезианец Гюйгенс [2]) открыл основной для физики Ньютона метод, доказывает, что между этой физикой и физикой Декарта нет того непримиримого противоречия, которое так часто подчеркивается историками науки. Контраст между физикой Декарта и физикой Ньютона возник отчасти вследствие того, что первые картезианцы слишком упрощенно поняли руководящие идеи своего учителя. Гюйгенс был одним из тех великих последователей физики Декарта, которые как следует уразумели картезианские принципы познания природы. Вот почему на ряду с существенным исследованием процессов природы Гюйгенс уделил также подобающее место относительно формальному. Чтобы изучить движение физического маятника, нет необходимости знать теорию самой силы тяжести, а лишь закон действия этой силы. Значит ли это, что теория силы тяжести, вообще говоря, не имеет значения? Гюйгенс был слишком глубоким мыслителем, чтобы утверждать, что познание сущности процесса не имеет значения для познания формы его проявления. Вот почему на ряду с относительно формальным исследованием движения маятников мы находим у Гюйгенса изучение причины гравитационных сил. Гюйгенсова теория маятника сама базируется на нескольких существенных принципах, образующих основу современной механики. В «Horologium oscillatorium» Гюйгенс выидвигает т р и г и п о т е з ы, которые аналогичны Ньютоновым Leges Motus.

При исследовании движения маятника Гюйгенс фактически пользуется принципом сохранения живой силы, хотя в очень специальной форме: при колебательном движении около горизонтальной оси системы тел общий центр тяжести системы не может подняться выше первоначального уровня подъема. Что этот принцип понимался Гюйгенсом в широком смысле закона сохранения энергии, видно из того, что он обосновывает им невозможность perpetuum mobile («Opera varia», изд. 1724, vol. I, p. 123).

[1]) Приложение к «Traité de la lumière», Leyde 1690. В «Opera reliqua», изд. G. J. s'Gravesande'a, помещено в I томе под названием: «Dissertatio de causa gravitatis». См. также «Oeuvres complètes», изд. Голландского общества наук.

[2]) Во избежание недоразумений—здесь и в дальнейшем—подчеркнем, что, называя Гюйгенса картезианцем, мы тем самым отнюдь не утверждаем, что Гюйгенс был во всех частностях своего мировоззрения согласен с Декартом. Но он безусловно принимал самое существенное в физике Декарта, именно, об'яснение процессов природы помощью различных форм механического (в философском смысле) движения материи и фактически осуществлял философскую программу Декарта в своих научных работах. Вот почему мы не считаем существенной форму а т о м и з м а Гюйгенса, которая была гораздо ниже формы Декарта, ибо утверждала совершенную твердость и неделимость в качестве существенных свойств атомов. (См. переписку Гюйгенса и Папина, письма от 18 июня и 2 сентября 1690 г., «Oeuvres complètes», т. IX, стр. 423 и 484). Можно показать, на основании некоторых мест из сочинений Гюйгенса (напр., «Traité de la lumière»), что Гюйгенс, резко утверждая твердость и неделимость атомов и противопоставляя себя Декарту, сам не был достаточно тверд в этой своей концепции.

рает в 1695 году 67 лет от роду. Теоретические работы Гюйгенса-юриста—по официальному образованию—обнимают четыре научных области: математику, механику, оптику и физическую астрономию [1]). Характерным для Гюйгенса является: 1) тесная увязка теории и практики, 2) сочетание картезианских принципов с ньютонианским методом. Развивая картезианские принципы в оптике и учении о тяжести, Гюйгенс, в противоположность многим современникам, умел воплощать их в весьма конкретные формы, пользуясь методом, который обосновал Галилей и впоследствии широко развил Ньютон. Гюйгенс был основателем учения об эволютах кривых, но развил он это учение в связи с теорией маятника («Horologium oscillatorium», Paris, 1673) и изобретением часов с маятником. Это изобретение, а также изобретение часов со спиралью были проблемами, прямо поставленными Гюйгенсу важнейшею потребностью мореплавания—определением долгот на открытом море. Другим характерным математическим достижением Гюйгенса было изобретение непрерывных дробей. В 1682 г. Гюйгенс занялся постройкой механического планетария. Как указывает Лагранж в «Additions à l'Algebre d'Euler» (t. II) необходимость найти приближенные отношения между частями механизма планетария привела Гюйгенса к понятию непрерывной дроби. Это понятие встречается уже у лорда Броннекера и Валлиса, но последние не замечали особенных свойств непрерывных дробей. Гюйгенс нашел главные свойства подходящих дробей, проистекающие от непрерывных.

Оптические работы Гюйгенса равным образом связаны с практикой изготовления оптических инструментов. Гюйгенс также прилежно занимался вопросами конструкции воздушных насосов, барометров, термометров и др. аппаратов. Гюйгенс построил п о р о х о в у ю м а ш и н у—насос для поднятия воды в Версале; под поршнем насоса воспламенялся порох, энергия которого использовалась в машине. Денис Папин работал в это время вместе с Гюйгенсом в королевской библиотеке; у него и возникла мысль заменить порох паром [2]).

М а т е м а т и ч е с к и е и с с л е д о в а н и я Гюйгенса, кроме теории эволют, касаются квадратур кривых и теории вероятности («De ratiociniis in ludo aleae», 1657). В 1651 г. Гюйгенс написал работу «Рассуждение о квадратуре гиперболы, эллипсиса и круга при данном центре тяжести некоторых из их частей». Эта работа направлена против иезуита Григория де Сен-Висана (Gregorius a Sancto Vicentio), который полагал, что нашел квадратуру круга («Quadratura circuli et hyperbolae»).

Гюйгенс придумал способ приводить к квадратурам выпрямление кривых и вычислил поверхности кривых коноидов и сфероидов.

В 1656 г. он написал рассуждение о приложении теории вероятностей к азартным играм, развивая принципы, найденные Паскалем и Ферма. Яков Бернулли поместил работу Гюйгенса в виде предисловия к своему «Art de conjecturer». Гюйгенс пользовался в своих математических работах геометрическими методами древних, но, ознакомившись с дифференциальным исчислением (переписка с Лейбницем), он «не пренебрегал знанием новых методов, а, изучив их, соглашался в их полезности. Он употребил дифференциальное исчисление для задачи, которую решил в 1693 г.» (Condorcet Eloges, t. II).

М е х а н и к а обязана Гюйгенсу фундаментальными исследованиями по теории маятника и центробежной силы и по теории толчка. Механические

[1]) Краткое изложение содержания основных работ Гюйгенса см. A. Heller, Geschichte der Physik, т. II, стр. 179.

[2]) См. Л. Ф и г ь е, Светила науки, стр. 209; E. G e r l a n d, Geschichte d. Physik, стр. 546 и 591; J. P o g g e n d o r f, Geschichte d. Physik, стр. 547.

исследования Гюйгенса часто сравнивают с исследованиями Архимеда. Необходимо, однако, заметить, что Гюйгенс, будучи учеником Картезия, лишь гениально сочетал широту принципов картезианской физики с математической строгостью исследования Архимеда. В работе «Dissertatio de causa gravitatis» [1]) Гюйгенс развивает вихревую теорию тяжести Декарта. На ряду с этим он в той же работе, пользуясь наблюдениями астронома Richer в Кайене над длиной секундного маятника, дает на основании своего учения о центробежной силе—теорию изменения силы тяжести вследствие вращения земли и выводит величину сжатия земного шара.

Наиболее важным, в методологическом отношении, достижением Гюйгенса была его трактовка кругового движения тел. Ньютон признает в одном из писем к Галлею, что именно метод Гюйгенса дает настоящее обоснование теории всемирного тяготения. Тот факт, что именно картезианец Гюйгенс [2]) открыл основной для физики Ньютона метод, доказывает, что между этой физикой и физикой Декарта нет того непримиримого противоречия, которое так часто подчеркивается историками науки. Контраст между физикой Декарта и физикой Ньютона возник отчасти вследствие того, что первые картезианцы слишком упрощенно поняли руководящие идеи своего учителя. Гюйгенс был одним из тех великих последователей физики Декарта, которые как следует уразумели картезианские принципы познания природы. Вот почему на ряду с существенным исследованием процессов природы Гюйгенс уделил также подобающее место относительно формальному. Чтобы изучить движение физического маятника, нет необходимости знать теорию самой силы тяжести, а лишь закон действия этой силы. Значит ли это, что теория силы тяжести, вообще говоря, не имеет значения? Гюйгенс был слишком глубоким мыслителем, чтобы утверждать, что познание сущности процесса не имеет значения для познания формы его проявления. Вот почему на ряду с относительно формальным исследованием движения маятников мы находим у Гюйгенса изучение причины гравитационных сил. Гюйгенсова теория маятника сама базируется на нескольких существенных принципах, образующих основу современной механики. В «Horologium oscillatorium» Гюйгенс выдвигает т р и г и п о т е з ы, которые аналогичны Ньютоновым Leges Motus.

При исследовании движения маятника Гюйгенс фактически пользуется принципом сохранения живой силы, хотя в очень специальной форме: при колебательном движении около горизонтальной оси системы тел общий центр тяжести системы не может подняться выше первоначального уровня под'ема. Что этот принцип понимался Гюйгенсом в широком смысле закона сохранения энергии, видно из того, что он обосновывает им невозможность perpetuum mobile («Opera varia», изд. 1724, vol. I, p. 123).

[1]) Приложение к «Traité de la lumière», Leyde 1690. В «Opera reliqua», изд. G. J. s'Gravesande'a, помещено в I томе под названием: «Dissertatio de causa gravitatis». См. также «Oeuvres complètes», изд. Голландского общества наук.

[2]) Во избежание недоразумений—здесь и в дальнейшем—подчеркнем, что, называя Гюйгенса картезианцем, мы тем самым отнюдь не утверждаем, что Гюйгенс был во всех частностях своего мировоззрения согласен с Декартом. Но он безусловно принимал самое существенное в физике Декарта, именно, об'яснение процессов природы помощью различных форм механического (в философском смысле) движения материи и фактически осуществлял философскую программу Декарта в своих научных работах. Вот почему мы не считаем существенной форму атомизма Гюйгенса, которая была гораздо ниже формы Декарта, ибо утверждала совершенную твердость и неделимость в качестве существенных свойств атомов. (См. переписку Гюйгенса и Папина, письма от 18 июня и 2 сентября 1690 г., «Oeuvres complètes», т. IX, стр. 423 и 484). Можно показать, на основании некоторых мест из сочинений Гюйгенса (напр., «Traité de la lumière»), что Гюйгенс, резко утверждая твердость и неделимость атомов и противопоставляя себя Декарту, сам не был достаточно тверд в этой своей концепции.

Принцип сохранения живой силы формулируется также Гюйгенсом в XI предложении его работы по теории удара («De motu corporum ex percussione»).

При выводе законов удара Гюйгенс чрезвычайно остроумно пользуется принципом относительности движения.

Для широты образа мышления Гюйгенса характерна идея установления связи между пространством и временем в форме естественной единицы длины—«часового фута» (pes horarius), равного одной трети длины секундного маятника в Париже.

Оптические работы Гюйгенса касаются трех тем: а) геометрии световых лучей в связи с теорией телескопа (см. «Dioptrica» и «Commentarii de formandis poliendisque vitris ad telescopa»); б) теории солнечных и лунных кругов, гало и паргелиев («Dissertatio de coronis et parheliis»); в) наконец, физической теории света («Traité de la lumière»). Работы Гюйгенса по усовершенствованию телескопа привели его к ряду важных астрономических открытий. В 1655 году Гюйгенс открыл шестого спутника Сатурна (Титана), а в 1656 г.—туманность в созвездии Ориона; в том же году Гюйгенс опубликовал работу «De Saturni Luna observatio nova», в которой дал анаграмму, об'ясняющую форму Сатурна путем предположения окружающего Сатурн планетарного кольца. Смысл анаграммы раскрыт Гюйгенсом в работе «Systema Saturnium» (1653). Гюйгенс первый наблюдал полярные пятна на Марсе и дал оценку вращения Марса. В «Kosmotheoros» Гюйгенс формулирует принципы распределения звезд и впервые устанавливает фотометрический метод оценки яркости звезд и их расстояний.

Исследование Гюйгенса о природе гало и паргелиев развивает идеи, высказанные Декартом в «Метеорах». Предположения Гюйгенса по этому вопросу не оказались удачными. Фундаментальное значение в истории физики имеет зато «Трактат о свете». Трактат этот является наиболее характерным сочинением Гюйгенса. В нем дан классический образец синтеза картезианских принципов и относительного формального метода Ньютона. Трактат начинается со следующей формулировки основного принципа картезианской физики:

«Не следует сомневаться в том, что свет есть движение какого-то вещества. Так, если мы станем разбирать возникновение света, то найдем, что здесь, на земле, возникает он преимущественно благодаря огню и пламени, которые без сомнения содержат тела, находящиеся в стремительном движении, так как они растворяют и расплавляют твердейшие тела; далее, если мы станем разбирать действие света, то увидим, что свет, собранный с помощью вогнутого зеркала, обладает способностью гореть, как огонь, т.-е. разделять тела на части, что несомненно означает движение, по крайней мере, в истинной философии, которая все естественные явления сводит к механическим причинам. И это, по моему мнению, необходимо должно делать, если мы не желаем оставить всякую надежду что-нибудь постигнуть в физике».

Эрнст Мах подверг это положение Гюйгенса критике в работе «Принцип сохранения энергии» (§ 2 «Механическая физика»).

Свой основной аргумент Мах формулирует в следующих словах:

«Разве по существу дела мы знаем больше о том, почему тело, оставляя одно место, возникает в другом, чем то, каким образом холодное тело становится горячим? Допустим, что мы вполне постигли механические процессы; могли ли бы мы и должны ли бы мы тогда устранить из мира другие процессы, которых мы не понимаем? Согласно этому воззрению, было бы действительно самым простым отрицать существование мира. Элеаты, собственно, дошли до этого, гербартианцы же были недалеко от этой цели».

Мах имеет здесь в виду «мир ощущений», которые бесспорно нельзя свести к механическому движению.

Мах утверждает, что если аксиомы механики считать аксиомами физики, то получится «отрицание всех процессов за исключением движения».

Мах пытается об'яснить стремление к механическому об'яснению процессов природы тем, что механические движения наиболее просты и доступны наблюдению, что, разумеется, является об'яснением весьма поверхностным.

«Как бы ни было понятно,—замечает Мах,—стремление свести все физические процессы к «движению атомов», но все же нужно сказать, что этот идеал является химерой. Последний не раз служил эффектной программой популярных лекций. Для трудов же серьезных испытателей вряд ли имело оно какое-либо существенное значение».

Но как тогда понять собственные же слова Маха, которыми начинается параграф «Механическая физика»: «Нельзя отрицать того, что начиная с Демокрита и до новейшего времени существует необ'яснимое стремление к механическому об'яснению всех физических процессов».

Мах приводит в качестве примеров Гюйгенса и С. Карно. Получается стало быть, что Демокрит, Гюйгенс, Карно и другие крупные мыслители, стремившиеся к механическому об'яснению процессов природы, не являются серьезными испытателями природы. Мах пытается смягчить этот вывод указанием на значение механических аналогий. Но что такое аналогия в научном исследовании — этого Мах не об'ясняет. Если теплота и электромагнетизм обнаруживают аналогию с формами механического движения, то этот факт, который никто не в состоянии отрицать, должен быть каким бы то ни было образом истолкован. Мах и другие ему подобные критики «механизма» уклоняются, однако, от такого истолкования и тем самым доказывают свое полное бессилие или догматическое неже..ание об'яснить то «необ'яснимое стремление к механическому об'яснению всех физических процессов», которого нельзя отрицать на протяжении всей истории физики, «начиная с Демокрита до новейшего времени».

Приведенный нами отрывок из трактата Гюйгенса вскрывает, однако, совершенно отчетливо всякому непредубежденному читателю истинный смысл и значение «механизма». Этот смысл и значение можно выразить следующими словами Энгельса («Диалектика природы», «Основные формы движения», стр. 231):

«Всякое движение связано с каким-нибудь перемещением—перемещением небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем мельче это перемещение. Оно нисколько не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него. Поэтому его приходится исследовать раньше всего остального».

Энгельс называет такое исследование—первой задачей науки.

Выражаясь философским языком, можно сказать, что «механизм» исследует процессы природы с точки зрения атрибута протяженности и внешнего движения—перемещения. Ясному пониманию этой сути «механизма» препятствует запутанный ход исторического развития «механизма» в естествознании. Исторически дело обстояло так, что ученые стремились подогнать процессы природы под определенную исторически сложившуюся механику, например, механику тяжести и упругости. В XVIII веке сложнейшие биологические процессы изображались наподобие

процессов в сложных механизмах, процессов, протекающих по законам механики тяжести и упругости. До самого конца XIX века аналогия электромагнитного движения и обычного волнового—в жидкостях и газах—истолковывалась в смысле тождества. Но так как даже в упрощенном и вульгарном понимании сути дела скрывалось зерно важной истины, то этим именно об'ясняется исторический успех «механизма» в естествознании. Классическим примером такого успеха является рассматриваемый трактат Гюйгенса. Историк физики Герлянд пишет [1]), что достаточно открыть любой современный учебник физики, чтобы там найти не только в точности рисунки Гюйгенса, но и его изложение в том виде, в каком оно было более чем 200 лет тому назад представлено Парижской Академии Наук.

Мы ныне знаем всю сложность вопроса о природе света. Гюйгенс добился, однако, определенного успеха, исходя из той правильной, по существу, мысли, что свет представляет собой форму движения некоторой субстанции, наполняющей пространство.

Полное заглавие Гюйгенсова трактата о свете—«Traité de la lumière avec un discours de la cause de la pesanteur». Соединение теории света с теорией тяжести не является случайным. Гюйгенс стоял на точке зрения единства материального мира и стремился истолковать разнообразие процессов природы разнообразием форм движения единой материальной субстанции. Гюйгенс пишет: «Декарт пробовал также об'яснить тяжесть движением некоторого вещества, вращающегося вокруг земли; выдвинуть первым такого рода мысль является большим достижением» («c'est beaucoup d'avoir eu le premier cette pensée»).

В наше время эпигоны великих буржуазных мыслителей, научные импотенты, но чрезвычайно ловкие катехизаторы науки, основная задача которых—вытравить все материалистическое содержание науки, сохранив необходимую еще буржуазии форму — чрезвычайно презрительно относятся к попыткам об'яснить силы природы из форм движения единой материальной субстанции. Концепции Декарта, Гюйгенса, Фарадея характеризуются как младенческие, давно превзойденные, состояния научного исследования, как научная мифология, придерживаться которой не подобает «современному» ученому. Критерием истины является, однако, практика. Практика четырехсотлетнего развития буржуазной науки и техники неопровержимо доказывает, что крупнейшие научные и технические достижения были связаны с принципом единства процессов природы. Классическим примером является учение об электромагнетизме Фарадея-Максвелла. Фарадей и Максвелл построили учение об электрических и магнитных явлениях в весомой материи, как особых формах движения, связанных с процессами в некоторой среде—эфире. Так как, с другой стороны, наука давно уже установила, что свет является формой движения некоторой материальной среды, то отсюда естественным образом возникла идея единства электромагнитных и световых процессов.

Гюйгенс первоначально принимал, что эфир, вихревое движение которого обусловливает силу тяжести, отличен от светоносного эфира и проникает последний. После появления «Начал» Ньютона и измерения Пикаром поперечника земли Гюйгенс написал к своей работе о тяжести дополнение, смысл которого сводится к отождествлению эфира поля тяжести со светоносным эфиром.

Прибавим, что Гюйгенс рассматривал также магнетизм и сцепление, как проявление скрытого движения некоторых сред.

[1]) Geschichte d. Physik, стр. 516.

В «Traité de l'Aimant» он для об'яснения магнетизма принимает магнитную жидкость, которая тоньше светоносного эфира, но более груба, нежели гравитационный эфир. Явления магнетизма обусловлены, по Гюйгенсу, протеканием магнитной жидкости через магнитные тела. Боша [1]) показал, что воззрения Гюйгенса легко могут быть согласованы с современными, так как, по существу, у Гюйгенса движение магнитов определяется тем, что мы ныне называем потенциальной энергией магнитов.

Точно так же из писем Гюйгенса к Лейбницу и Папину [2]) видно, что он сцепление тел об'яснял движением некоторого флюида. Гюйгенс считал, что весомая материя состоит из атомов, обладающих твердостью и упругостью. При известных условиях, благодаря движению и действию некоторой среды, атомы сцепляются друг с другом, образуя твердые и упругие тела. Ласвиц указывает в своей «Истории атомистики», что Гюйгенс считал возможным построить кинетическую атомистику на основе законов сохранения количества движения и энергии, которые он применил к обоснованию явлений удара.

Необходимо подчеркнуть здесь одно обстоятельство, которое очень часто служит источником недоразумений и ошибок. Когда говорят о жидкостях или флюидах,—тепловых, магнитных, электрических и т. д., при помощи которых старые физики пытались об'яснить различного рода процессы природы, то это обычно делается для того, чтобы выявить наивный характер старинных концепций и подчеркнуть слабое развитие научного познания. При этом упускаются из виду не только фактические услуги, которые оказали представления о флюидах науке, и, стало быть, та истина, которая заключена в таких представлениях, но, главным образом, то, что концепции флюидов у различных физиков бывали разные.

Последнее различение очень важно с методологической точки зрения. Если проанализировать как следует концепцию флюидов у Гюйгенса, нетрудно убедиться, что центр тяжести концепции не в самих флюидах, как особых материальных образованиях, а в присущем этим флюидам движении. Гюйгенс об'ясняет различного рода процессы природы не столько флюидами, как таковыми, сколько присущим этим флюидам движением. Множество флюидов у Гюйгенса означает, таким образом, не множество специфических субстанций, а многообразие форм движения материи.

* * *

Будучи в Париже, Гюйгенс познакомился с знаменитой Ниной Ланкло. Пораженный ее красотой и остроумием, Гюйгенс выразил свое восхищение в неудачном четверостишии. Злой остроумец Вольтер сохранил поэтический опыт Гюйгенса и показывал его всем в качестве доказательства несовместимости поэтического гения с гением научным. Анекдот со стихами очень хорошо, однако, характеризует Гюйгенса, как представителя буржуазно-дворянской интеллигенции эпохи буржуазного «Sturm und Drang'а».

Юрист по образованию, Гюйгенс был крупным математиком, гениальным теоретиком и практиком механики и оптики, выдающимся физиком и астрономом, философом, стремившимся раскрыть тайну строения материи, автором «Kosmotheoros»—научной фантазии, символизировавшей непоколебимое убеждение Гюйгенса в познавательной мощи человеческого ума. Гюйгенс хотел также быть поэтом, чтобы размеренной речью выразить восхищение перед совершеннейшей формой природы. Если с этим типом дворянско-буржуазного интеллигента XVII века сравнить современный тип сухого буржуазного специалиста, радующегося ограниченности человеческого

[1]) Bosscha, Ch. Huygens.
[2]) См. Gerland, Gesch. d. Physik, стр. 518.

ума, везде ищущего эту ограниченность, чуждого всякой научной и философской фантазии и верующего лишь в чистое описание помощью математических формул, за которыми часто скрываются плоскость и убожество мысли, тогда станет очевидным, что буржуазно-капиталистический мир склоняется к закату. Деградация и измельчание философии в современном буржуазном обществе показывает, что теоретически буржуазии уже не нужно познание природы; оно нужно ей лишь практически, чтобы поддержать свое шатающееся господство. В теории буржуазия все более и более приближается к религии, мистике и обскурантизму, которые обычно прикрываются научным формализмом и плоским эмпиризмом. Вот почему празднование трехсотлетия со дня рождения Гюйгенса приобретает для буржуазии зловещий смысл гиппократова лица. Для пролетариата же это празднование имеет радостное значение, так как пролетариат является законным наследником всего того лучшего и положительного, что сделано буржуазией за время ее длительного господства.

2. Механика Гюйгенса [1]).

Перейдем теперь к подробностям, в первую очередь к механике Гюйгенса, чтобы более конкретно выяснить метод физики Гюйгенса. Метод этот не может быть как следует понят без отчетливого уразумения общефилософской концепции природы Гюйгенса. В принципах познания природы Гюйгенс следовал за Декартом [2]). Сущность механики (в философском смысле) Декарта сводится к следующему:

1. Протяженность — атрибут материи. Нельзя мыслить о материи, не мысля о протяженности. Наоборот, всякая протяженность связана с материей. Обычно говорят, что Декарт отождествлял материю с пространством. Это верно лишь в смысле картезианской теории абстракции, в связи со взглядом Декарта на сущность движения.

2. Движение — перемещение, согласно Декарта, это внешний модус или форма существования материи, в н е ш н е определяющая все качества конкретной материи. Качества по Декарту, это формы движения материи, определяющие как структуру данной материальной системы, так и ее отношение к другим системам. Декарт называл движение модусом, а не атрибутом материи по той, во-первых, причине, что движение в отличие от протяжения может быть сообщено или отнято от тел; во-вторых, однако, определение движения, как модуса, было обусловлено боязнью Декарта быть обвиненным в пантеизме. Декарт открыто признает это в одном из писем к Генриху Мору. Если бы Декарт действительно считал движение чистой относительностью, он не сформулировал бы закона сохранения движения и не писал бы Мерсенну, что вся его философия зиждется на учении Коперника.

Вот почему те, которые усматривают противоречие у Декарта между его определением движения как относительности, провозглашением верховности закона сохранения движения и защитой системы Коперника, не понимают блестящей диалектики Декарта. Декарт на самом деле рассматривал движение как синтез относительного и абсолютного. Если он подчеркнул относительность движения, то по той причине, что в его эпоху царило одностороннее и антропоморфно-узкое качественное понимание движения, между

[1]) Помимо указанных выше общего характера сочинений, характеризующих ученую деятельность Гюйгенса, см. E. J o u g u e t, Lectures de Mécanique, 2 тома, изд. 1924 г.; P. D u h e m, Les origines de la statique, 2 тома, изд. 1906 г.; Э. Мах, Механика, изд. 1909 г.; P. D u h e m, L'évolution de la Mécanipue, изд. 1903 г.; A. Voss, Die Prinoipien der rationellen Mechanik, «Enc. d. Mat. Wiss.», B. IV; E. Düring, Kritische Gesohichte der allgemeinen Prinzipien der Mechanik; Розенбергер, История физики.

[2]) См. примечание на стр. 199.

тем как принцип о т н о с и т е л ь н о с т и движения, как это конкретно показал вслед за Декартом Гюйгенс, а в наше время Эйнштейн, имеет большое методологическое значение при решении физических проблем.

3. Декарт был атомистом, но его атомы были кинетическими образованиями в чистой протяженности или п е р в о й м а т е р и и (materia prima) Протяженность или первая материя существует лишь в абстракции, конкретным существованием обладает в т о р а я м а т е р и я (materia secunda), представляющая собою синтез протяженности и движения. Вот почему все конкретные формы материи и все физические процессы необходимо изучать с точки зрения образующего их синтеза протяженности и движения.

Механика Декарта—это философская программа естествознания постольку, поскольку она ставит перед собою задачу изучения в н е ш н е г о движения материи.

Гюйгенс применил картезианские принципы к решению ряда важных механических и оптических задач. Принцип относительности движения он использовал в теории удара («De motu corporum ex percussione») и в теории центробежной силы («De vi centrifuga) [1]).

П р и н ц и п о т н о с и т е л ь н о с т и д в и ж е н и я и Гюйгенсова т е о р и я у д а р а. Jouguet приводит следующие отрывки из писем Гюйгенса [2]), касающиеся понятия движения: «Я покажу, что движение тела может быть в одно и то же время действительно равномерным и действительно ускоренным в зависимости от того, относят ли движение к другим различного рода телам» (Письмо № 1688, год 1668?). «С моей точки зрения покой и движение могут быть, рассматриваемы лишь относительно, и то же самое тело, о котором говорят, что оно в покое относительно одних тел, может рассматриваться, как движущееся относительно других; в одном нет более реальности движения, нежели в другом: «il n'y a pas plus de réalité de mouvement dans l'un que dans l'autre». (Письмо № 1754, 10 авг. 1669 г.). «И если он не соглашается со мною, что движение и покой могут быть рассматриваемы лишь относительно, я прошу его сказать мне и определить, что значит трактовать их a b s o l u t e и без отношения» (Письмо № 1770, 30 октября 1669 г.).

Было бы, однако, ошибкой думать, что в приведенных словах содержится вообще отрицание абсолютности движения. Если вспомнить современные споры о принципе относительности движения, то не покажется удивительным, что три столетия тому назад Гюйгенс, следуя Декарту, хотел подчеркнуть значение этого принципа в противовес тем, которые этого значения не понимали. Гюйгенс не отрицает абсолютности движения, но утверждает лишь, что эта абсолютность не может быть р а ц и о н а л ь н о понята без относительности. Это обстоятельство вынужден признать релятивист Jouguet, который пишет (стр. 150, т. I): «В приложениях Гюйгенс не сохранил в их целостности эти общие идеи; он не исключил полностью из своей Механики понятие абсолютного движения. Формулировка, которую он дает своей первой гипотезе, принципу, известному ныне под названием принципа инерции, предполагает это понятие. И в своей третьей гипотезе, в основу которой он первоначально столь отчетливо кладет понятие относительности движения, он затем ограничивает свое утверждение предположением равномерного движения».

Jouguet высказывает ту мысль, что п р о т и в о р е ч и я Гюйгенса обусловлены, тем, что он был современником Галилея и великих битв, разыгравшихся вокруг вопроса о движении и неподвижности земли. Необходимо, однако, заметить, что Декарту в особенности, а также Гюйгенсу, если бы они действительно считали движение чистой относительностью, было бы гораздо

[1]) См. «Ostwald's Klassiker», № 138, редакция Hausdorff'a.

[2]) См. «Oeuvres complètes», изд. Голландского общества наук.

удобнее противопоставить себя Копернику и Галилею, нежели примыкать к чрезвычайно опасной в то время точке зрения и входить в столкновение с могущественными силами церковной реакции. Общеизвестно, например, что Бэкон отрицал систему Коперника, Декарт же, услышав об осуждении Галилея, припрятал свое сочинение «Du Monde» из страха перед инквизицией. Последнее сочинение об'ясняет, именно почему Декарт считал движение абсолютной реальностью, а не только относительностью: «Du Monde» дает эволюционную картину происхождения мира. Статически анализируемое движение может еще так или иначе трактоваться как чисто-относительное, но историческое рассмотрение движения неизбежно приводит к понятию абсолютности движения. Простой пример выясняет это обстоятельство. Пусть на плоскости имеется два тела A и B с массами 1 кг и 10^n кг. Ставится задача сообщить телу B скорость $v = 1$ м/с относительно тела A. Существует бесконечное число путей решения этой задачи, при чем пути эти можно подразделить на три основных: или телу B непосредственно сообщается искомая скорость, или же она сообщается телу A, тогда тело B относительно тела A имеет искомую скорость, или, наконец, телам A и B сообщаются скорости, дающие в итоге искомую относительную скорость, что можно выполнить бесчисленным количеством способов. Все эти способы существенно различны между собою и указывают на абсолютный характер движения. Например, для непосредственного сообщения телу B скорости v необходимо или действовать малой силой в течение длительного времени, или же сконструировать мощный двигатель для получения желаемого эффекта в короткое время; для сообщения скорости телу A достаточно короткое время и незначительная сила человеческой руки; наконец, величина силы в третьем случае зависит от характера сообщаемых телам A и B движений. Если полученное движение рассматривать статически, то можно еще, пожалуй, защищать чистую относительность движения, но исторический анализ происхождения данного относительного движения немедленно обнаруживает бесконечные абсолютные различия времен и сил, различия, указывающие на абсолютную природу движения. Только крайние абстракты, потерявшие всякое сознание реальности, могут не замечать абсолютного различия между длительными и короткими временами, между необходимостью сконструировать двигатель и возможностью применить силу человеческой руки в тех или иных случаях получения одного и того же относительного движения. Если иметь в виду природу, то абсолютный характер движения выявляется в различии между дурной бесконечностью возможностей и истинной бесконечностью реального времени и движений природы.

Реальность времени и реальные различия путей исторически определяют абсолютность внешне как будто равнодушного относительного движения. Сознание абсолютности движения имеет в первую очередь своим источником практическую деятельность людей. Если бы сторонники абсолютного релятивизма попытались на практике провести поддерживаемую ими теорию, то весьма чувствительные интересы кармана немедленно же заставили бы их отказаться от подобного рода затеи.

Необходимо, однако, признать, что определение абсолютных моментов движения представляет неизмеримо большие трудности, нежели определение относительных. Ньютон в знаменитом опыте с вращающимся ведром с водой дал пример проявления абсолютности движения, пример, методологическое значение которого в свое время пытался оспорить Мах, а ныне на более серьезных основаниях пытаются оспорить релятивисты.

Не останавливаясь на этом вопросе, укажем лишь, что Ньютон вполне прав, утверждая, что научное определение абсолютного движения трудно, но не невозможно.

Трудность эта связана с трудностью общефилософской проблемы абсолютного и относительного в познании. Можно полагать, что теория относительности, широко разработавшая понятие относительности движения, будет иметь своим синтетическим завершением теорию абсолютного движения, которая основательно, наконец, выяснит поднятую три столетия тому назад и еще смутную до сих пор проблему полного определения движения. На основе теории диалектики необходимо утверждать, что это определение будет носить характер синтеза абсолютного и относительного.

* * *

Теория удара Гюйгенса основывается на следующих сформулированных им трех гипотезах:

«Hypotheses. — I. Движущееся тело, если оно не встречает никаких препятствий, стремится бесконечно двигаться с той же скоростью по прямой линии. II. Какова бы ни была причина, вследствие которой два сталкивающихся тела отскакивают друг от друга, мы сделаем следующую гипотезу: если оба тела равны, если их скорости равны, полученные скорости имеют обратное направление; если имеет место центральный удар, каждое тело отскакивает со скоростью, которую оно имело до столкновения. Говорят, что два тела центрально сталкиваются, если движение происходит по прямой соединяющей центры тяжести и соприкосновение происходит на этой прямой. III. Движения тел, равные или неравные скорости — эти выражения должны пониматься в отношении других тел, которые считаются неподвижными, хотя возможно, что как те, так и другие тела увлекаются общим движением. При столкновении двух тел, если даже они подвержены общему равномерному движению, они будут отталкиваться друг от друга, для наблюдателя, увлекаемого общим движением, точно таким же образом, как будто это добавочное движение (mouvement parasite) не существовало.

Так, пусть экспериментатор, находящийся на равномерно-движущемся судне, производит столкновение двух шаров, сообщая им равные и противоположно-направленные скорости относительно его самого и судна. Мы говорим, что оба шара отскочат с равными скоростями относительно судна в точности так же, как будто удар производился на неподвижном судне или на твердой земле».

Из приведенных гипотез исключительно трудной для понимания является первая — принцип инерции. С одной стороны, мы чрезвычайно отчетливо представляем себе прямую линию в пространстве, вдоль которой по инерции движется тело, с другой стороны, однако, совершенно непонятно, о какой прямой идет речь, ибо прямолинейное движение по отношению к одной системе координат не является таковым по отношению к другой—тело, падающее в поле земной тяжести по вертикали, падает по параболе в системе координат равномерно и прямолинейно движущегося поезда. Указанная трудность, являющаяся классическим аргументом абсолютных релятивистов, проистекает от укоренившейся привычки отделять пространство от материи в качестве самостоятельной сущности. В действительности геометрическое пространство является лишь формой существования материи, формой, отделить которую от содержания можно лишь в абстракции. Если эту абстракцию превращать в самостоятельную субстанцию—нечто в роде бесконечного пустого сосуда, в котором находятся и движутся материальные системы, то на деле такой modus operandi приводит к сотворению для каждой материальной системы особо ей присущего пространства. Неудивительно поэтому, что форма движения тел меняется при переходе из одного абстрактного пространства в другое. Обычно, однако, когда утверждают, например, что падающее на землю по вертикали тело падает по параболе относительно равномерно-прямолинейно движущегося поезда, не замечают, что квалификация форм движения относится к абстрактному геометри-

ческому пространству, созданному вокруг каждой из систем отсчета. В действительности же всякое движение тел происходит по вполне определенным физическим траекториям и лишь геометризация этих реальных траекторий в абстракции приводит к их релятивизации, к зависимости их формы от выбранной системы координат. Чтобы стать на единственно правильную диалектико-материалистическую точку зрения, необходимо раз-на-всегда твердо помнить, что геометрические формы—это абстракция, а физические тела—«вещи в себе», существующие независимо от каких бы то ни было точек зрения бесчисленного количества возможных систем координат.

Практически прямолинейный материальный стержень или прямо-расположенный ряд световых частиц действительно являются таковыми «an und für sich», хотя они могут представляться в бесконечном многообразии возможных систем координат. Движение поршня в прямолинейном материальном цилиндре является действительно прямолинейным постольку, поскольку мы пренебрегаем физическим влиянием абсолютного движения земли и других физических факторов, практическое значение которых ничтожно. Сказанное необходимо понять как следует, т.-е. диалектически. Утверждая, что прямолинейный физический стержень об'ективно является таковым, мы имеем в виду выявить то об'ективное различие, которое существует между таким стержнем и, напр., стержнем в форме круга. Рассматривая прямолинейный стержень с точки зрения составляющих его атомов, мы обнаруживаем, что эти атомы расположены не прямолинейно, но, вместе с тем, мы утверждаем, они все же расположены прямолинейно, именно, в среднем, интегрально. Те, которые подчеркивают субективность нашего восприятия прямолинейности, не понимают диалектики суб'ективного, то именно, что все суб'ективное имеет своим основанием нечто об'ективное. Все искусство философии и науки в том, чтобы как следует определить это основание. Неправильные или искаженные определения ведут к ошибочному или идеалистически искаженному познанию, напр., эмпириокритицизму.

Приведенные рассуждения отнюдь не имеют целью отрицать значение изучения движений с точки зрения абстрактных геометрических пространств. Такое изучение имеет большое значение, ибо оно по существу является изучением относительного движения различных материальных систем. Необходимо, однако, ясно отдавать себе отчет в истинном смысле значения употребляемых понятий. Всякого рода абстракции способствуют научному познанию постольку, поскольку они понимаются диалектически, иначе они ведут к тяжелым заблуждениям и путанице.

Одна из существенных истин диалектики учит, что материальная система существует не только в своем отношении к другим системам, но также в себе и для себя, о чем не следует забывать, если добиваются ясности в понимании научных и философских проблем.

К сожалению, недостаток сознательного диалектического мышления у подавляющего большинства ученых и философов истекших столетий обусловил неясность и недостаточность формулировок важнейших научных принципов, в частности принципа инерции, хотя практически эти принципы в большинстве случаев применялись правильно. Недоразумения с принципом инерции, затемнение его смысла проистекают от абстрактно-геометрической формы, в которую он облекается. Наиболее правильную формулировку принципу инерции дал Декарт.

В VIII главе трактата «Du Monde» Декарт следующим образом выражает принципы инерции:

«Каждая часть материи в отдельности всегда сохраняет свое состояние, пока встреча с другими частями не заставляет ее изменить это состояние; в

частности, раз придя в движение, она будет продолжать двигаться с той же силой, до тех пор, пока другие части не остановят ее или не замедлят ее движения.

«Хотя каждое тело чаще всего движется по кривой и вообще говоря не может быть движения, которое не было бы в известной степени циклическим, как это было сказано выше, все же каждая часть тела в отдельности всегда стремится продолжать свое движение по прямой линии». Поясняя это правило, Декарт подчеркивает: «лишь различное расположение частей материи делает движение неправильным и искривленным» («Du Monde», стр. 262, изд. Кузена); «множество частей материи принуждено часто сворачивать с прямого пути, потому что на этих путях встречаются другие части материи» («Principes», стр. 154, изд. Кузена).

Отличие Декартовской формулировки принципа инерции от обычных в том, что в этой формулировке отчетливо выявляется физический смысл принципа как отношения к реально-физическому, а не абстрактно-геометрическому пространству. Впоследствии Г. Герц, следуя Декарту, дал так называемый обобщенный принцип инерции, характеризующий поведение частей тел в физической среде.

С точки зрения картезианской физики прямолинейно-равномерное движение тел по инерции не является каким-то независимым от чего-либо механическим постулатом; оно представляет собою факт физического опыта в обычных условиях так наз. «пустоты» для обычных тел. Если же мы, напр., рассматриваем условия так наз. бесконечно-малого вихревого движения в идеальной несжимаемой жидкости, то там движение происходит согласно обобщенному принципу инерции Герца. Вот почему Гюйгенс везде квалифицирует закон инерции, как гипотезу. Для Гюйгенса обычный закон инерции не был априори очевидным, каковым он является для сторонников абсолютной пустоты. То, что тело при отсутствии тяжести и сопротивления воздуха будет двигаться прямолинейно-равномерно в эфире — это лишь гипотеза, нуждающаяся в проверке опытом. На самом деле Гюйгенс, вслед за Декартом считал, что инерционное движение зависит от физических условий среды и что даже обычное движение по инерции является стремлением (conatus) двигаться прямолинейно, так как вечное прямолинейное движение в эфире невозможно. Жестокую критику обычного в школе Ньютона абстрактно геометрического подхода к инерционному движению (в случае кругового движения) дали Гегель и Энгельс.

Интересно отметить, что в результате длительной дискуссии вокруг смысла принципа инерции ученые постепенно приходят к правильному пониманию смысла принципа. Так, Э. Вихерт, подводя в своей статье: Механика в рамках общей физики» [1]), итог дискуссии указывает, что в принципе инерции находят свое выражение две особенности физического мира: а) «отдельные материальные тела обнаруживают в своем движении известную самостоятельность» и б) «нечто общее об'единяет все тела во времени и пространстве» («in Zeit und Raum etwas Gemeinsames alle materiellen Körper verbindet»). Но ведь то, что говорит здесь Вихерт, не что иное, как выражение давно сформулированного Гегелем общего положения диалектической логики: всякая вещь является одновременно бытием в себе и для себя и вне себя бытием.

Что Гюйгенс понимал принцип инерции, как принцип, выражающий отношение к физическому пространству, видно из тех приложений, которые он дал этому принципу.

В третьей гипотезе теории удара Гюйгенс ограничивает приложение принципа относительности движения случаем равномерно-прямолинейного

[1]) См. том «Physik», серии «Kultur der Gegenwart», стр. 41.

движения системы координат. Если в инерции выражается абсолютность движения тела, то в ускорении выражается абсолютность взаимодействия тела с другими телами. Поэтому, для применения принципа относительности к ускоренным движениям, необходимо точно знать характер этого взаимодействия. Постольку, поскольку Гюйгенс не ставил перед собою в общей форме такой задачи в виду ее большой трудности, он ограничил себя случаем равномерно-прямолинейного движения. Три столетия спустя Эйнштейн предпринял попытку применить принцип относительности к ускоренным движениям. Эта попытка имеет большое методологическое значение, несмотря на свой односторонний и слишком формальный характер.

В виду большого интереса, который ныне проявляют к принципу относительности, мы полностью приведем Гюйгенсово доказательство первого закона удара тел при помощи этого принципа:

«Предложение I. Если покоящееся тело соударяется с другим, равным ему, то после удара второе тело будет в покое, а первое приобретет скорость, которую имело второе до удара.

Вообразим судно, увлекаемое вдоль берега течением реки. Судно движется так близко от берега, что пассажир, находящийся на судне, может схватить руки помощника, стоящего на берегу. Пассажир держит в руках A и B два равных тела E и F, подвешенных на нитях, и расстояние между которыми делится на равные части точкой G. Перемещая одинаковым образом руки навстречу друг другу относительно себя и относительно судна, пассажир может произвести удар тел E и F с одинаковыми скоростями, тела необходимо отскочат с равными скоростями (гипотела II) относительно пассажира и судна. Но в это время пусть судно движется со скоростью GE, равную той, с которой правая рука движется к левой. Тогда рука A пассажира будет в покое относительно берега и стоящего на нем помощника, но рука B, относительно этого помощника перемещается со скоростью EF, в два раза большей GE или FG.

Предположим, что помощник, стоящий на берегу, хватает своей рукой C руку пассажира A вместе с концом нити, которая поддерживает шар E рукой же D руку пассажира B и нить, на которой висит шар F. Мы видим, что, в то время как пассажир соударяет шары E и F с равными скоростями относительно себя и судна, в то же время его помощник, стоящий на берегу, соударяет неподвижный шар E с шаром F, движущимся со скоростью FE относительно его и берега. Несомненно, что для пассажира, перемещающего, как указано, шары, нет никакого препятствия к тому, чтобы его помощник, стоящий на берегу, схватил его руки и концы нитей, лишь бы этот последний сопровождал как следует движение шаров и не чинил ему препятствий. Точно так же, для помощника на берегу, соударяющего шар F с неподвижным E, нет препятствий к тому, чтобы пассажир соединил свои руки с его руками, если только руки A и C в покое относительно берега и помощника, в то время как руки D и B двигаются с той же скоростью FE. Как сказано, шары E и F отскакивают после удара с равными скоростями относительно пассажира и судна: шар E со скоростью GE и шар F со скоростью GF. В то же время судно перемещается направо со скоростью GE или FG. Следовательно, относительно берега и помощника, шар F остается в покое после удара, шар E двигается налево со скоростью в два раза большей, нежели GE, именно со скоростью FE, с которой шар F ударил E. Мы доказываем стало быть, что для наблюдателя, стоящего на земле, движущееся тело, соударяющееся с другим равным ему, теряет после удара всю скорость, ударяемое же тело, напротив, приобретает эту скорость».

Доказательство Гюйгенса поражает своей конкретностью — такого рода доказательства мы не найдем ни в одном из современных изложений механики. Не следует думать, что все конкретные аксессуары мысленного опыта Гюйгенса приведены лишь для наглядности [1]). Гюйгенс хочет ими доказать, что сцепление физических факторов движения вызывает принцип относительности. Поэтому совершенно неправильным является утверждение Jouguet (см. стр. 151, т. I), будто бы принцип инерции собственно говоря никакой роли не играет в теории Гюйгенса. Сам Jouguet опровергает это утверждение в своем определении условий возможности построения теории удара в любой системе пространственно-временных координат. Для доказательств основного предложения (VIII) теории удара о взаимодействии тел, сталкивающихся со скоростями, обратно-пропорциональными массам, Гюйгенс пользуется теоремой живых сил в приведенной нами выше (см. § I) форме. Jouguet доказывает, что теорема живых сил сохраняет силу в любой системе координат при условиях: а) сохранения количества движения при ударе, что эквивалентно закону равенства действия и противодействия, б) отсутствия мгновенных изменений относительного движения систем координат.

Сверх того Jouguet рассматривает удар тел, как происходящий воистину мгновенно.

Формулированные Jouguet условия являются, однако, не чем иным, как выражением принципа инерции. Закон сохранения энергии, закон сохранения количества движения или закон равенства действия и противодействия и процессы мгновенных изменений движений систем резко выявляют абсолютную природу движения и физического взаимодействия [2]). Если энергия и движение не абсолютны, то не имеет никакого смысла говорить об их сохранении. Принцип относительности в материалистическом понимании как раз подтверждает абсолютность движения материи, ибо, если в любой системе координат имеет силу закон сохранения энергии и количества движения, то это именно и означает абсолютность движения материи, его независимость от точки зрения наблюдателя. Идеалисты-релятивисты при помощи различного рода логических тонкостей и фокусов, стараются затемнить истинный смысл принципа относительности и заменить абсолютность движения материи абсолютностью абстрактных отношений, при чем реальные суб'екты этих отношений, т.-е. элементы движущейся материи, выкидываются вон.

Гюйгенсова теория центробежной силы. Наиболее важным методологическим достижением Гюйгенса является его теория кругового движения тел. В современных курсах механики теория эта излагается абстрактно-геометрически и формально. Мы считаем, поэтому, необходимым остановиться на ней подробнее. Напомним прежде всего еще раз, что Гюйгенс, вслед за Декартом, рассматривал т. н. силы, как результаты более или менее сложных движений материальных сред. Гюйгенс выступил поэтому против тех, которые защищали гравитационное дальнодействие, и в работе «De causa gravitatis» дал теорию силы тяжести, как проявления вихревого движения эфира. Гюйгенс сумел, однако, сделать важнейший методологический шаг, именно отделить вопрос об окончательном определении сущности тех или иных сил от формы их проявления, т.-е. закона их действия. Для изучения движения маятников Гюйгенс выдвигает, например, три следующих гипотезы:

---

[1]) В этом смысле высказывается Dühring, а вслед за ним Hausdorff. См. «Ostwald's Klassiker», № 138, стр. 64.

[2]) О значении законов сохранения энергии и количества движения для понятия абсолютного движения см. И. Орлов, «Классическая физика и релятивизм». Сб. «Теория относительности и материализма». ГИЗ. 1925 г.

«I. Если бы не было ни тяжести, ни сопротивления воздуха, тело, однажды приведенное в движение, продолжало бы двигаться с равномерной скоростью по прямой линии.

II. Действие тяжести, каково бы ни было его происхождение, придает телам сложное движение, состоящее из равномерного движения, которым они обладали в том или другом направлении, и движения вниз, обусловленного тяжестью.

III. Каждое из этих движений можно рассматривать в отдельности; они не мешают друг другу».

Здесь, как в теории удара, основные положения квалифицируются как гипотезы, — и рассматривается не движение элементов материи вообще, а движение обычных тяжелых тел в т. н. «пустоте», подчиняющееся определенному основному закону (Галилея). Точно также Гюйгенс начинает трактат «De vi centrifuga» со следующего определения силы тяжести: «Сила тяжести есть стремление (conatus), к нисхождению». Далее он говорит, имея в виду рамки исследования: «Нет необходимости знать причину происхождения conatus'a; достаточно, что оно существует. И conatus существует всякий раз той же интенсивности, когда в данных условиях, не уничтоженное, оно порождает то же движение». Гюйгенс прибавляет, что движение падения необходимо рассматривать в течение малого промежутка времени, так как тело, первоначально падающее вертикально, может вследствие различных условий падать криволинейно. Те, которые анализируют высказывания Гюйгенса вне связи с его общей концепцией природы, зачисляют Гюйгенса, на основании вышеприведенных формулировок, в представители «статического течения» в механике (см., например, Jouguet, стр. 178, т. I). Гюйгенс, мол, дает статическое определение силы. На самом деле концепция силы у Гюйгенса насквозь кинетична. Гюйгенс лишь методологически отделяет сложный вопрос — о происхождении данной силы — от более простого вопроса — о форме ее проявления. Груз висит на нити, обуславливая натяжение последней. Упругое напряжение нити и сила тяжести вызываются сложнейшими движениями в эфире. В рамках известного исследования нет необходимости знать характер этих движений, а достаточно определить закон напряжения нити под влиянием того или иного груза. Гюйгенс измеряет напряжение нити величиной действующей силы тяжести, а последнюю движением падения, согласно закону Галилея, т.-е. произведением массы тела на его ускорение в поле тяжести.

Приведенные замечания позволяют как следует уразуметь метод трактовки Гюйгенсом кругового движения. Этим методом в расширенном масштабе, но в сильной степени формально, пользуется Эйнштейн в своей общей теории относительности. Гюйгенс рассматривает большое вращающееся горизонтальное колесо, на окружности которого находится экспериментатор, держащий в руке привязанный на нити свинцовый шар. Прилагая к рассматриваемому движению принципы инерции и относительности [1]), Гюйгенс ставит следующий вопрос: какова будет форма инерционного движения (в эфире — «пустоте») сброшенного вращением груза по отношению к вращающемуся экспериментатору. При помощи простого геометрического чертежа и весьма простых рассуждений Гюйгенс показывает, что эта форма движения подчиняется тому же закону, что и падение тела в поле тяжести, т.-е. представляет собою равномерно-ускоренное движение в пределах небольшого промежутка времени, так как кривая относительного движения — это эвольвента круга, касающаяся радиуса, идущего к экспериментатору.

Conatus, возникающее при вращении, или центробежная сила будет, следовательно, измеряться произведением массы на ускорение, а так как

[1]) В анализе движения сила тяжести не принимается во внимание.

ускорение это пропорционально квадрату скорости вращения и обратно пропорционально радиусу, то центробежная сила выражается формулой: $F = \frac{mv^2}{R}$.

Мы видим таким образом, что центробежное движение является тем же движением инерции, но только относительно вращающихся частей материальной системы.

Гюйгенсова теория центробежной силы представляет собой точный аналог его теории силы тяжести. Сила тяжести и центробежная сила одинаково порождаются движением материи, но об'яснение механизма тяжести гораздо более сложно, нежели об'яснение механизма центробежной силы.

Ньютон, как он это сам признает в одном из писем к Галилею, развил метод Гюйгенса в приложении к проблеме всемирного тяготения. Гюйгенс дал определение центробежной силы при вращении, Ньютон расширил вопрос и поставил задачу определения сил при движении по коническим сечениям. Гений Ньютона сказался в том, что он поставил эту задачу для «материальных точек», т.-е. атомистических элементов материи, к понятию которых он пришел через закон падения тел Галилея. Полученный Ньютоном дифференциальный закон всемирного тяготения сделался основанием небесной механики. В наше время метод Гюйгенса получил свое развитие в теории относительности.

Для Гюйгенса, как ученого эпохи буржуазного Sturm und Drang'a, характерно то, что он свой метод обосновывает общей концепцией процессов природы, как реальных форм движения материи. Эйнштейн же, например, пользуясь по существу тем же методом относительности, обосновывает его лишь формально при помощи некоторого числа положений, которые рассматриваются как «аксиомы опыта», так как они дают возможность сравнительно просто и легко систематизировать экспериментальные данные науки. Образно выражаясь, можно сказать, что Гюйгенса интересует не только то, что происходит на сцене природы, но также и то, что происходит за кулисами, внимание же Эйнштейна всецело поглощено происходящим на сцене.

Представители современной буржуазной науки, как и ее государственные и общественные деятели, не хотят заглядывать слишком далеко. Разумеется было бы антидиалектическим на этом основании целиком отрицать значение теории относительности; теория эта имеет свои отрицательные и положительные стороны, которые необходимо уметь разделять и оценивать.

Теория центра колебания. Третьим важным достижением Гюйгенса в области механики, которое мы рассмотрим, является его теория центра колебания физического маятника. Задачу о нахождении центра колебания поставил друг Декарта — Мерсенн. Сам Декарт первый дал решение этой задачи, пользуясь понятием количества движения; затем различными методами ее решали Роберваль, Гюйгенс, Лопиталь, Жак Бернулли и др. Из всех этих методов наиболее замечательным и характерным для автора является метод Гюйгенса. Лагранж в «Аналитической механике» замечает, что трудно понять, каким образом Гюйгенс пришел к идее своего метода; Лагранж полагает, что эта идея была внушена Гюйгенсу теоремой Галилея, согласно которой тяжелые тела, падающие с некоторых высот вертикально или по наклонной плоскости, всегда приобретают скорости, достаточные для под'ема на те же высоты. Предположение Лагранжа верно, но лишь по отношению к частностям метода решения задачи о центре колебания Гюйгенсом. Что касается общей идеи метода, то ее источник не так трудно обнаружить. Этим источником является основной закон картезианской механики — закон сохранения движения.

Декарт дал не совсем удачное математическое выражение закону, предполагая сохранение количеств движения (mv) в скаларном смысле. Гюй

генс в теории удара показал, что собственно говоря сохранение количеств движения имеет векториальный смысл. Значение закона Декарта не заключается, однако, в том или ином математическом выражении закона. Те, которые любят подчеркивать ошибку Декарта, забывают, что математическое выражение закона является частностью, и что даже векториальное сохранение количеств движения в обычном смысле зависит от физических условий; например, при ударе тел только идеально упругие тела дают строгое сохранение векториального количества движения. Энгельс совершенно прав поэтому, называя Декарта отцом современного закона сохранения энергии. Декарт первый высказал совершенно точно и всеобъемлюще общую идею сохранения движения в природе. Конкретное воплощение этой идеи и ее математическое выражение зависят от степени развития наших знаний, так что ошибаются те, которые думают, что ныне мы имеем уже окончательную формулировку закона сохранения движения или энергии.

Гюйгенс, исследуя движение физического маятника, исходил из общей идеи сохранения движения. Он искал конкретное выражение закона сохранения и нашел закон сохранения кинетической энергии («живой силы»), который, как это показал Гюйгенс, имеет также место при упругом ударе. Основные гипотезы Гюйгенса таковы:

«Гипотезы. — I. Если некоторое число грузов начинает двигаться под влиянием их тяжести, то центр тяжести грузов не может подняться выше точки, в которой этот центр находился в начале движения.

II. Абстрагируясь от сопротивления воздуха и других препятствий, как мы это делаем в последующих доказательствах, центр тяжести движущегося маятника проходит одинаковые дуги, опускаясь и поднимаясь».

Гюйгенс предполагает, что характер связей между падающими телами или частями маятников не влияет на сформулированные им гипотезы, иначе возможно было бы perpetuum mobile. Если бы, благодаря изменению связей, центр тяжести мог подниматься выше, чем он упал, то периодическое изменение связей дало бы возможность поднимать системы тел на любые высоты; если бы, наоборот, изменение связей вызывало уменьшение высоты под'ема, то обращение процесса опять-таки дало бы возможность построить perpetuum mobile. Гюйгенс пишет: «Если бы механики, изобретатели новых машин, напрасно изыскивающие способы осуществления perpetuum mobile, умели воспользоваться нашей гипотезой, они легко заметили бы свои ошибки и поняли бы, что достичь этого механическим путем невозможно».

Э. Мах замечает («Механика», стр. 144), что в гипотезах Гюйгенса выражено инстинктивное познание того, что тяжелые тела сами собой не могут подыматься. «То, что утверждает сейчас Гюйгенс, ни в коем собственно никогда не возбуждало сомнений, а напротив всяким было познано инстинктивно. Но Гюйгенс дал этому инстинктивному познанию логическую форму». Утверждение Маха резко противоречит, однако, историческим фактам. Если бы гипотезы Гюйгенса были столь инстинктивно очевидными, как это изображает Мах, не было бы бесчисленного количества искателей вечного движения, процветающих до сих пор. Но не только искателям вечного движения теория Гюйгенса представлялась сомнительной, против нее были выдвинуты возражения со стороны ученых. Лагранж замечает, что теория Гюйгенса была бы превосходна, если бы она не опиралась на «сомнительный принцип» («principe précaire»), который сам нуждается в доказательстве. Когда современники Гюйгенса усомнились в правильности его принципа, Гюйгенс ответил, что в принципе выражено лишь то, что тяжелые тела сами собой не могут подниматься. Маху этот ответ представляется неопровержимым выражением инстинктивного познания, но Лагранж, например, находит ответ Гюйгенса неопределенным и мало удовлетворительным («vague et peu satisfaisante»). Ошибка Маха в том, что он слишком упрощает теорию Гюйгенса. Теория эта далеко не проста и не является выражением инстинктивного познания.

Напротив, в ее состав входят элементы, которые представляются инстинктивному познанию весьма парадоксальными. Гюйгенс в своей теории опирается на закон инерции и законы падения тяжелых тел Галилея. Если бы закон инерции был инстинктивно очевидным, он был бы сформулирован задолго до эпохи Галилея—Декарта. Между тем древность и средневековье в лице такого калибра мыслителей, как Аристотель, не знали как следует этого закона. Открытый Галилеем факт, что тяжелые тела, несмотря на разнообразие величины, формы, структуры, физического состояния, одинаково падают в поле тяжести, представляется с обычной точки зрения удивительным парадоксом. То, что тяжелые тела сами собой не могут подниматься—это еще можно признать очевидным, но совсем не очевидным является то, что разнообразные тела, упавшие с некоторой высоты по некоторой поверхности, в состоянии подняться по любой другой поверхности лишь на ту же высоту. Совсем не очевидным является также и то, что связи между тяжелыми телами, хотя бы в виде невесомых и лишенных массы стержней, не играют роли в процессе падения. Фикция таких связей употребляется Гюйгенсом в его доказательствах. Она безусловно имеет свое об'ективное обоснование в законах падения тел Галилея, но как раз эти законы являются весьма загадочными и могут быть об'яснены лишь при помощи гипотезы атомизма. Общеизвестно, однако, что Мах совсем не склонен был рассматривать атомистическую концепцию в качестве инстинктивного познания, хотя бы в логической обработке. Мы видим, стало быть, что теория Гюйгенса имеет весьма сложное основание. Сам Гюйгенс безусловно видал эту сложность. Сила этого мыслителя как раз сказалась в том, что он сумел из запутанного клубка процессов природы извлечь некоторые элементы и подвергнуть их научной обработке. Руководимый общей идеей сохранения движения и держась в рамках определенной задачи, Гюйгенс нашел конкретное выражение закона сохранения движения.

Мах в работе: «Принцип сохранения энергии» (русское издание 1909 г., стр. 11) обращает внимание на выражение Гюйгенса в вышеприведенной цитате, касающейся perpetuum modile: «... достичь этого механическим путем невозможно». «Иезуитское reservatio mentalis,—замечает Мах,—можно еще, быть может, усмотреть в словах: «механическим путем». Из этого можно было бы вывести, что Гюйгенс не механическое perpetuum mobile считает возможным». Последнее предположение не может быть верным по отношению к картезианцу Гюйгенсу. Гюйгенс соблюдал reservatio mentalis не иезуита, а диалектика, который, отвергая метафизику «истин в конечной инстанции», умеет ставить и решать конкретные задачи.

В эпоху Декарта сильно развилась фантастика беспочвенных гипотез; естественно, что такие ученые, как Гюйгенс и Ньютон, стремились отгородить себя от этой фантастики и соблюдали научную осторожность там, где сложность процессов не давала еще возможности конкретного исследования.

Решение Гюйгенсом задачи о центре колебания сводится к следующему: вообразим себе маятник, состоящий из нескольких грузов, связанных между собой при помощи негнущихся, лишенных массы и тяжести нитей. Гюйгенс определяет сперва высоту падения центра тяжести грузов при перемещении маятника из одного положения в некоторое другое, скажем, в положение равновесия; затем он воображает, что связи между частями маятника уничтожены, и определяет высоту поднятия центра тяжести совокуп-

ности свободных грузов. Согласно принципу Гюйгенса, эти высоты должны быть равны друг другу, что дает соответствующее уравнение между элементами задачи. Так как глубины падения пропорциональны расстояниям грузов от оси, а высота поднятия, согласно закону Галилея, пропорциональна квадратам приобретенных скоростей, которые также пропорциональны расстояниям от оси,— то уравнение задачи можно свести к соотношению между глубиной падения h_1 и приобретенной скоростью v_1 точки маятника на расстоянии единицы от оси. Это уравнение имеет форму:

$$h_1 \frac{\Sigma mr}{\Sigma m} = \frac{v_1^2}{2g} \frac{\Sigma mr^2}{\Sigma m},$$

где g—константа ускорения в поле тяжести, m—массы, r—расстояния от оси.

Так как центр колебания определяется длиной изохронного простого маятника совокупной массы Σm, то аналогичное уравнение можно написать для искомой длины простого маятника L:

$$h_1 \frac{L \cdot \Sigma m}{\Sigma m} = \frac{v_1^2}{2g} \frac{\Sigma m}{\Sigma m},$$

что вместе с первым уравнением дает:

$$L = \frac{\Sigma mr^2}{\Sigma mr}.$$

Если через R обозначить расстояние центра тяжести от оси, то, как известно, $\Sigma mr = R\Sigma m$, следовательно,

$$L = \frac{\Sigma mr^2}{R\Sigma m} = \frac{\Sigma pr^2}{R\Sigma p},$$

где вес $p = mg$.

Это и есть формула теоремы Гюйгенса: «Пусть мы имеем маятник, состоящий из некоторого числа грузов. Умножим эти грузы на квадраты соответствующих расстояний от оси колебания и разделим сумму этих произведений на произведение суммы грузов на расстояние центра тяжести от той же оси; мы получим таким образом длину простого маятника, изохронного сложному, т.-е. расстояние между осью и центром колебания сложного маятника».

Заметим, что у Гюйгенса не было еще отчетливого понятия массы и он употреблял понятие веса («poids») $p = mg$.

Нетрудно видеть, что уравнение Гюйгенса есть уравнение энергии. Если вместо h_1 и r ввести высоты падения h, а вместо v_1 и r приобретенные скорости v, тогда

$$\frac{\Sigma mh}{\Sigma m} = {}^1/_2 g \frac{\Sigma mv^2}{\Sigma m}$$

или $\Sigma ph = {}^1/_2 \Sigma mv^2$

заменяя mg через p; т.-е. потерянная потенциальная энергия (работа сил веса p) равна приобретенной кинетической энергии.

3. Теория света Гюйгенса[1]).

Теорию света Гюйгенса квалифицируют как волновую теорию. Эта квалификация, будучи в общем совершенно правильной, тем не менее вво-

[1]) Мы цитируем «Traité de la lumière» из серии «Les maîtres de la pensée scientifique», 1920 г. См. также E. Mach, Die Prinzipien der physikalischen Optik

дит в заблуждение тех, которые незнакомы в деталях с учением Гюйгенса. Волновая теория Гюйгенса отличается одной чрезвычайно важной особенностью, которая в явной форме отсутствует в современной волновой теории [1]). Этой особенностью является понятие волны у Гюйгенса.

Гюйгенсово понятие волны. Мы уже цитировали выше известное место из «Traité de la lumière», в котором Гюйгенс аргументирует в пользу признания света особой формой движения мирового эфира. В современной волновой теории света принимается, что эта форма движения представляет собой периодический процесс электромагнитной природы. Целый ряд выдающихся ученых пытался определить конкретно сущность тех колебаний эфира, которые вызывают явление света. Задача эта осложнилась открытием световых квант. В настоящее время считается бесспорным, что свет представляет собой какой-то синтетический процесс, корпускулярно-волнового характера, ближайшее определение которого еще только намечается в самом общем виде. Как мы это подробно показали в статье «Развитие воззрений на природу света», одной из причин неудачи многочисленных попыток определения природы света заключается в слишком близком аналогизировании волнового движения в эфире и волновым движением в обычных материальных средах.

Замечательно то, что Гюйгенс в своей теории света резко отклоняет такую слишком далеко идущую аналогию. Вот почему в Гюйгенсовом трактате о свете нет совершенно теории цветов. Гюйгенс, аналогизируя световые волны с водяными и воздушными, остерегался, однако, приписывать частицам эфира колебательные движения, аналогичные движениям в воде или воздухе. Понятие волны у Гюйгенса—это понятие Декарта. Декарт рассматривал обычные волны как частные случаи общего процесса передачи движения от одних частей материи к другим. Вот почему Ньютон, Эйлер и Френель называют Декарта одним из основоположников волновой теории света, несмотря на то, что Декарт рассматривал свет как мгновенно передающийся импульс движения, а не как колебательное движение, распространяющееся с конечной скоростью.

Гюйгенс, принимая понятие волны Декарта, устанавливает прежде всего, вопреки Декарту, что свет распространяется с конечной скоростью. Основываясь на наблюдениях Ремера (стр. 3—11) он определяет скорость света как в 600.000 раз большую, нежели скорость звука. В этой конечной скорости распространения—первое сходство со звуком. Второе сходство в том, что свет, как и звук, распространяется сферообразными волнами. Далее Гюйгенс устанавливает следующие различия между светом и звуком (стр. 11): а) звук порождается сотрясением всего тела или значительной его части, свет—отдельными точками светящегося тела; б) среда распространения света—это не воздух, а более тонкая среда—эфир, так как свет распространяется в бойлевой и торричеллевой пустотах (ссылка на опыты Бойля и Торричелли—стр. 12 и 13); в) распространение звука представляет собой распространение периодического сжатия и расширения упругого воздуха, распространение света—беспорядочную передачу движения от одних частиц эфира к другим; эти частицы необходимо мыслить твердыми и упругими тельцами, вследствие колоссальной скорости света. Гюйгенс приводит пример прямолинейного ряда очень твердых и соприкасающихся

1921 г.; O. Wiener, Entwiclung der Wellenlehre des Lichtes, серия «Kultur der Gegenwart», Physik; Розенбергер, История физики, ч. II, изд. 1886; З. Цейтлин, Развитие воззрений на природу света, приложение к книге Дж. Томсона «Электричество и материя», Гиз, 1928 г.

[1]) Заметим здесь, что современная так называемая волновая механика базируется по существу на понятии волны Декарта—Гюйгенса.

шариков; если подобного же рода шариком ударить первый из элементов ряда, движение с большой скоростью пробежит весь ряд и через очень короткое время обнаружит себя на конце ряда (стр. 14). Гюйгенс показывает далее, что удивительное свойство свободного перекрещивания лучей света может быть также об'яснено на примере ряда шариков, через который в двух противоположных направлениях распространяется импульс движения (стр. 20). Гюйгенс предполагает, что частицы эфира все одинаковой величины и одинаковой упругости, вследствие чего импульсы равномерно передаются через эфирную среду и распространяются с неослабевающей скоростью. Таким образом, согласно Гюйгенсу, сущность света заключается в огромном числе, возбуждаемых частицами источника света, изолированных импульсов, беспорядочно чередующихся и распространяющихся сферообразными волнами вокруг точек светящегося тела. Эта концепция света об'ясняет тему первой главы трактата Гюйгенса—«О прямолинейности лучей света» («Des rayons directement étendus»).

С точки зрения Гюйгенсовой концепции света прямолинейность световых лучей должна быть обоснована. Он дает это обоснование при помощи т. н. принципа Гюйгенса.

Принцип Гюйгенса и прямолинейность световых лучей. Сущность принципа в том, чтобы рассматривать конкретные действующие световые волны, как синтез элементарных волн. Такая точка зрения непосредственно вытекает из представления Гюйгенса о свете. Если свет—это хаос распространяющихся по всем направлениям импульсов, то движение каждой частицы эфира представляет собой синтез многообразных полученных ею импульсов; это синтезированное частицей движение, в свою очередь, передается дальше, так что каждая частица является источником сферообразной волны. В конечном счете импульсы в некоторых местах складываются, а в других уничтожаются, что дает видимые свет и тень. Вообразим, например, что из светящейся частицы исходят волновые импульсы, достигающие круглого отверстия в сфере, описанной вокруг источника. Каждая частица эфира на площади отверстия представляет собой волновой центр. Если из точек отверстия описать одним и тем же радиусом ряд волновых сфер, то на соприкасающейся сфере, проведенной из источника в пределах сферического сегмента, вырезываемого конусом (с вершиной в источнике) и проходящего через отверстие, мы получим сгущение элементарных волновых поверхностей, а за пределами конуса—разрежение.

Мы видим, таким образом, что Гюйгенсово об'яснение прямолинейности световых лучей основано на понятии интерференции световых волн. Об'яснение это является диалектическим, так как, утверждая прямолинейность, оно вместе с тем его отрицает. В самом деле из теории Гюйгенса непосредственно следует наличие боковых толчков, так что распространение света не может быть абсолютно прямолинейным. Чем уже отверстие, тем боковая отдача сильнее и, стало быть, прохождение света через очень узкие отверстия должно обнаружить явление искривления лучей или диффракцию. Сам Гюйгенс этого вывода не сделал. Он, наоборот, утверждает (стр. 24), что величина отверстия не нарушает прямолинейности лучей, аргументируя это утверждение невообразимой малостью («petitesse inconcevable») эфирных частиц. Нигде, однако, Гюйгенс не определяет порядка величины частиц эфира, так что его утверждение не является обоснованным. Мы ныне знаем, что прохождение света через узкие отверстия действительно обнаруживает явление диффракции. Об'яснение этого явления дается на основании принципа Гюйгенса.

Методологическая сила этого принципа в том, что он представляет собой синтез существенного и относительно формального методов исследования процессов природы. Гюйгенс пришел к своему принципу, рассматривая свет как форму движения эфира. Однако, вместо того, чтобы непосредственно исследовать конкретный характер движения отдельных частиц эфира, Гюйгенс в своем принципе охватывает общую форму светового движения, как интегрального процесса. Это именно дало возможность Гюйгенсу с большой легкостью («spielend», по выражению Винера) вывести законы отражения, простого и двойного преломления лучей света.

Отражение и простое преломление света. Главы II, III и IV трактата Гюйгенса дают об'яснение законов отражения и простого преломления лучей света.

Для об'яснения закона отражения Гюйгенс рассматривает сначала отражение от геометрической плоскости. Пользуясь своим принципом, он при помощи известной конструкции выводит равенство углов падения и отражения. Характерным, однако, для Гюйгенса является то, что он не ограничивается геометрическим доказательством закона отражения.

Гюйгенс, употребляя в своих исследованиях метод геометрического рассмотрения процессов, никогда не забывает о том, что геометрическое представление процессов природы является абстракцией, которая должна быть физически оправдана и обоснована. В этом отношении многим современным физикам, беззаботно оперирующим математическими абстракциями, не мешало бы поучиться у Гюйгенса. Для доказательства физической правомерности своего геометрического вывода закона отражения, Гюйгенс пользуется понятием физической поверхности. Какая-нибудь хорошо отполированная физическая плоскость в известном смысле действительно является таковой, хотя по отношению к чрезвычайно малым частицам эфира эта плоскость представляется весьма шероховатой, так как состоит из относительно крупных, хаотически расположенных частиц. Гюйгенс прекрасно понимал одновременную абсолютность и относительность понятий гармонии и хаоса. Гармоничная физическая плоскость является об'ективно таковой в известном отношении, хотя в другом отношении она представляет собой хаотическое и искривленное скопление материальных частиц. Мы уже указывали выше, при обсуждении принципа инерции, что Гюйгенс с этой же диалектической точки зрения рассматривал физическую прямую. Если, таким образом, физическая плоскость, рассматриваемая интегрально, действительно является таковой,—то, с другой стороны, закон отражения точно так же имеет интегральный характер, как относящийся к сложной совокупности элементарных волн. В наших конкретных измерениях, посредством которых мы проверяем физические законы, фигурируют не отдельные атомы или волны, а физические тела и системы волн определенной интегральной об'ективной структуры. Геометрические образы и математические символы являются абстрактным выражением этой структуры. Постольку, поскольку математическое абстрагирование произведено правильно, оно дает правильные результаты. Рассуждения Гюйгенса во второй половине главы об отражении имеют целью защитить правомерность и правильность произведенного им геометрического абстрагирования.

Закон преломления света Снеллиуса—Декарта доказывается Гюйгенсом аналогичным образом при помощи принципа Гюйгенса, принимая во внимание различие скоростей распространения света в различных средах. Геометрическому выводу закона рефракции Гюйгенс предпосылает теорию физической структуры материальных сред. Он выдвигает при этом три гипотезы:

Первая гипотеза состоит в том, что тела совершенно непроницаемы для эфира и распространение света в различного рода телах

происходит через посредство собственных частиц этих тел. Гюйгенс замечает, что подобного рода предположение не вызывает затруднений в случае жидкостей, частицы которых свободны, но его труднее понять в случае твердых тел, воспринимающих движение во всей своей массе. Гюйгенс доказывает несколькими аргументами, что понятие твердости является относительным, что на самом деле твердые тела также состоят из отдельных частиц, связанных вместе лишь давлением, источник которого, по мнению Гюйгенса, в движениях эфирной среды.

Гюйгенс отвергает, однако, первую гипотезу на основании некоторых опытов, показывающих, что эфир проникает в материальные тела. Один из таких опытов, приводимых Гюйгенсом, является следующий. Вообразим себе замкнутый стеклянный шар, из которого выкачан воздух. Так как свет проходит сквозь такой шар, то он, согласно теории Гюйгенса, наполнен эфирной материей. Если бы эфир не проходил свободно сквозь поры стекла, то при движении шара по горизонтальной плоскости мы обнаружили бы сопротивление инерции, соответствующее не только массе стекла, но и массе заключенного в шаре эфира. Между тем опыт показывает, что полый материальный шар обнаруживает при движении сопротивление инерции, соответствующее лишь массе оболочки.

Вторая гипотеза Гюйгенса состоит поэтому в том, что свет распространяется в телах через промежутки между частицами, заполненные всепроникающим эфиром. Гюйгенс указывает на то, что об'ем этих промежутков гораздо больше об'ема самих частиц тел. Так как количество материи тела пропорционально весу, а вода, например, при том же об'еме весит в четырнадцать раз меньше ртути, в еще большее число раз меньше золота, очевидно, что между частицами воды должны быть большие промежутки, так как таковые имеются у металлов, обладающих свойствами магнетизма и тяжести, порождаемых движением магнитных и гравитационных вихрей сквозь поры тела. Контраргумент, что предположение промежутков между частицами воды противоречит ее малой сжимаемости, Гюйгенс парирует соображением об интенсивном внутреннем движении водяных молекул, обуславливающим жидкое состояние вопреки внешнему давлению. Наконец, третья гипотеза Гюйгенса утверждает, что световое движение передается как через посредство частиц эфира, заключенных в телах, так и через посредство частиц самих тел. Эту гипотезу Гюйгенс считает наиболее вероятной и применяет ее в своей теории двойного преломления. Гюйгенс делает из принятых им гипотез тот важный вывод, что свет в обычных материальных телах должен распространяться медленнее, чем в эфире, так как частицы тел, обладая бо́льшими массами, нежели частицы эфира, менее подвижны. В эпоху Гюйгенса слабое развитие экспериментальной техники не дало возможности проверить этот вывод; соответствующий опыт, оправдавший утверждение Гюйгенса, был поставлен лишь спустя полтораста лет Фуко.

Непрозрачность тел Гюйгенс об'ясняет предположением мягких неупругих частиц, поглощающих движение. Металлы, например, состоят из твердых и упругих частиц, перемешанных с мягкими и неупругими. Благодаря присутствию первых происходит отражение света, вторые вызывают его поглощение. Гюйгенс, как мы видим, прилагал механику удара тел к об'яснению оптических свойств материи. Развитая Гюйгенсом теория удара была действительно одним из источников его учения о свете.

Двойное преломление. В IV главе трактата Гюйгенс об'ясняет атмосферическую рефракцию, рассматривая прохождение света сквозь однородную среду переменной плотности. В V главе он переходит к еще более сложному случаю распространения света в кристалле исландского

шпата. По замечанию Лапласа («Exposition du Système du Mohde»), Гюйгенсову теорию двойного преломления «можно рассматривать, как результат опыта и как одно из прекраснейших открытий этого редкого гения... Можно без всяких сомнений отнести эту конструкцию к самым надежным и прекрасным результатам физики».

Оценка Лапласа не является преувеличенной. Гюйгенс в теории двойного преломления дал наиболее блестящий образец приложения своего метода и доказал общую правильность концепции света, как формы движения некоторой среды. Не останавливаясь на подробностях, требующих для своего понимания соответствующих чертежей, мы в общем виде изложим структуру теории Гюйгенса.

Кристалл исландского шпата, в котором впервые заметил явление двойного преломления Erasmus Bartholinus (1670 г.), принадлежит к числу одноосных кристаллов т. н. гексагональной системы. Он состоит из углекальциевой соли и встречается в прозрачных кристаллах различной формы, между прочим, в форме параллелепипеда, который можно естественно превратить в ромбоэдр. Гюйгенс рассматривает кристалл в форме параллелепипеда, но обычно в курсах физики для упрощения определений различных параметров кристалла пользуются ромбоэдром. Ромбоэдр исландского шпата ограничен шестью ромбами, углы которых равны 101°53′ и 78°7′. Два противоположных угла ромбоэдра образованы тремя тупыми углами, шесть остальных—двумя острыми и одним тупым. Если первые два из упомянутых телесных углов, состоящих из равных тупых двугранных углов в 105°5′ соединить прямой, то получится т. н. кристаллографическая ось кристалла. Она образует углы в 63°45′ с боковыми ребрами и в 45°22′ с боковыми гранями. Плоскость, проходящую через кристаллографическую ось, перпендикулярно к одной из граней кристалла, Гюйгенс назвал главным сечением. Таковым будет, например, диагональная плоскость, проходящая через вершины тупых телесных углов ромбоэдра. Всякая прямая, параллельная кристаллографической оси, называется оптической осью, а всякая плоскость, параллельная главному сечению — также главным сечением [1]).

Гюйгенс путем тщательных измерений изучил характер лучей, получающихся в кристалле шпата. Всякий луч, падающий на поверхность кристалла, вообще говоря, делится на два луча, которые названы Гюйгенсом обыкновенным и необыкновенным. Обыкновенный луч подчиняется обычному закону преломления: падающий и преломленный лучи находятся в одной плоскости и показатель преломления луча, равный $V^5/_3$, не зависит от расположения плоскости падения-преломления в кристалле. Необыкновенный луч, вообще говоря, не остается в плоскости падения и, кроме того, его показатель преломления зависит от направления луча в кристалле.

Если плоскость падения находится в главном сечении, то оба луча остаются в плоскости падения. Возьмем в таком сечении два луча—перпендикулярно и косо падающие. Обыкновенная составляющая перпендикулярно падающего пройдет сквозь кристалл не переломляясь, необыкновенная составляющая переломится в сторону тупого угла главного сечения. Косой луч вообще говоря дает двойное преломление, но если направить его под углом в 73°20′, который почти параллелен ребру кристалла в главном сечении [2]), то необыкновенная составляющая пройдет не преломляясь, обыкновенная же составляющая переломится. Распределение лучей вдоль оптических осей происходит так же, как в оптически изотропных средах. Если поэтому срезать два тупых угла кристалла перпендикулярно кристаллогра-

[1]) У Гюйгенса все эти определения усложнены вследствие того, что он вместо ромбоэдра пользуется параллелепипедом.

[2]) Это ребро образует с гранью кристалла (плоскостью падения) угол в 70°57′.

фической оси, то рассматриваемая сквозь кристалл черная точка представляется одиночной в направлении перпендикулярном к плоскости среза (в направлении оптической оси) и двойной в косвенном направлении. Для об'яснения двойного лучепреломления Гюйгенс принимает (стр. 73—74) две волны—одну распространяющуюся в эфире кристалла (ординарная волна), а другую—в эфире и частицах (экстраординарная). Вторая волна имеет сфероидальную (эллипсоидальную) форму. Гюйгенс дает модели расположения частиц в кристаллах (стр. 113—116), а потому расположение, а также форму (сфероидальную), самих частиц рассматривает как условия, порождающие двойное лучепреломление. Гюйгенс пишет (стр. 74), что он укрепился в своей гипотезе двойных волн после того, как, наблюдая своеобразное расположение частиц горного хрусталя, он заключил, что в горном хрустале также должно иметь место двойное лучепреломление. Правда, это преломление меньше, нежели в шпате, но оно достаточно для об'яснения негодности кварцевых линз.

На основании своих измерений Гюйгенс определяет форму сфероидальной волны. Если волновую поверхность обыкновенного луча в эфире (воздухе) изобразить в виде сферы радиуса 1, то та же волновая поверхность в кристалле шпата будет сферой радиуса [1]) 0,60, а волновая поверхность необыкновенного луча—сплюснутым сфероидом вращения с осями [2]) 0,60 и 0,67.

Пользуясь сферическими и сфероидальными волнами, Гюйгенс, применяя свой основной принцип, обосновывает наблюдаемые в кристалле шпата характерные особенности хода и преломления лучей.

Методологическая сила исследования Гюйгенса сделается очевидной, если указать, что оно привело его к открытию тончайшего и фундаментальнейшего свойства света, именно: поляризации. Гюйгенс лишь описывает это «удивительное явление» («phènomène merveilleux»), которое он наблюдал при помощи двух кристаллов шпата, не давая ему никакого об'яснения. Гюйгенс указывает, что он не сумел еще найти такого об'яснения («Je n'en aie pas pu trouver jusqu'ici la cause», стр. 109). Как мы отметили выше, Гюйгенс не решался слишком близко аналогизировать свет с волновым движением в обычных средах, т.-е. приписать частицам эфира колебательное движение. Это обстоятельство показывает, насколько осторожен был Гюйгенс в своих гипотезах. Он прибегал к гипотезам не из какой-то врожденной любви к ним, а из повелительной необходимости разобраться в явлениях природы.

Вышеизложенное показывает, что различные части физики Гюйгенса тесно связаны друг с другом и образуют систематическую цепь взаимнозависимых теоретических положений. Совершенно недоказательной, поэтому, является попытка некоторых натурфилософ-идеалистов, в частности Дюгема, вырвать из этой цепи отдельные звенья и доказать их самостоятельность. Дюгем, например, пишет в своей «Физической теории» [3]), имея в виду теорию двоякого лучепреломления Гюйгенса: «вывел ли Гюйгенс эту прекрасную плодотворную теорию из принципов космологии, из тех «доказательств механики», на основе которых, по его словам, «истинная философия постигает причину всех естественных явлений»? Никоим образом. Пустое пространство, атомы, твердость их, их движения [1]) — все это не играло ни малейшей роли в создании этого описания. Сравнение между распространением звука и распространением света, экспериментальное установление того факта, что один из двух преломленных лучей подчиняется закону Декарта, а другой—нет, счастливая гипотеза о форме световой волны внутри кристаллов—вот средства, при помощи которых великий голландский физик вывел принципы своей классификации». Всякий, кто хоть несколько знаком с подлинными сочинениями Гюйгенса, должен быть поражен неслыханной смелостью и, скажем резче, бесцеремонностью утверждений эмпириокритического философа.

[1]) Показатель преломления шпата для обыкновенного луча равен $^3/_5$, следовательно, скорость света в кристалле равна 0,60 скорости в эфире.

[2]) Наименьшая скорость распространения необыкновенного луча равна скорости обыкновенного, а отношение к наибольшей скорости—$^9/_8$; так как скорость обыкновенного луча равна $^3/_5$ скорости в эфире (воздухе), то наибольшая скорость необыкновенного луча равна $\frac{3}{5} \cdot \frac{9}{8} = 0{,}67$ скорости в эфире.

[3]) См. русское издание 1920 г., стр. 43.

Разумеется, всякий волен придерживаться какой ему угодно философии и искать обоснований для нее, но путь, избранный Дюгемом, едва ли может привести к иной цели, кроме окончательной дискредитации тех взглядов, которые он защищает. Дюгем пишет «о счастливой и смелой гипотезе», которая сыграла большую роль в теории Гюйгенса. Для автора «Физики верующего» [2]) счастье и смелость являются дарами свыше, но в материальной действительности они реально обоснованы. Можно, разумеется, post factum заявлять, что те или иные философские положения не играли ни малейшей роли в теории, вопреки тому, что автор теории тщательно подчеркивает, систематически и многократно в различных работах обсуждает эти положения. Но это нужно доказать во всяком случае не парой бесцеремонных фраз, а столь же тщательно и систематически. Такого доказательства мы не находим у Дюгема, он не в состоянии его дать, так как об'ективное исследование сочинений Гюйгенса с полной очевидностью обнаруживает тот факт, что его смелые и счастливые гипотезы возникали на весьма реальном материалистическом основании. Дюгем не может и не хочет признать этого, ему гораздо выгоднее изобразить теорию Гюйгенса, как достижение метода чистого описания. Но в таком случае мы имеем право квалифицировать изображение Дюгема изображением в кривом зеркале эмпириокритицизма. Действительная теория Гюйгенса столь же отлична от теории, изображаемой Дюгемом, сколь отличен реальный предмет от своего изображения в зеркале, да еще кривом.

Заметим, что такой эмпирик, как Поггендорф, вынужден признать, что факт двойного лучепреломления Гюйгенса «совершенно невозможно («ganz unmöglich») вывести из ряда угловых измерений и простого их сравнения», т.-е. путем простой индукции, помощью которой получаются часто закономерности.

Поггендорф является, однако, эмпириком классического периода буржуазного господства, эпохи Канта и Гегеля. Он поэтому все же смутно понимал, что философское и научное творчество в своем реальном протекании не является произвольным, а реально обосновано, что изобразить существенные части теории Гюйгенса как проявления метафизической мании, значит окончательно покинуть почву об'ективизма в угоду предвзятой философии. Философские и научные теории необходимо изучать так же об'ективно и конкретно, как изучаются природа и общество. Могут ли, однако, философы, основная тенденция которых в отрицании об'ективной реальности природы и общества, могут ли они об'ективно и конкретно изучать философские и научные теории? Ответ на этот вопрос

[1]) Дюгем считает Гюйгенса атомистом демократического типа, что не совсем соответствует действительности.

[2]) См. «Annales de Philosophie chretienne», 1905 г. Статья приложена ко второму французскому изданию «La théorie physique».

ясен сам собою. Ясно также и то, что материалисты в состоянии дать об'ективную оценку сущности рассуждений эмпириокритических философов.

Гюйгенс был представителем выступавшего на историческую арену буржуазного класса, заинтересованного в развитии производительных сил. Вот почему физика Гюйгенса—это физика, построенная на материалистическом фундаменте.

Эмпириокритические философы же — это идеологи деградирующей буржуазии, стремящейся сломать выковывающееся в недрах науки теоретическое оружие материализма, поедающей плоды дерева науки и уничтожающей его корни, согласно девизу: après nous la deluge, заимствованному у погибавшего феодализма.

История, к счастью, представляет собой диалектический процесс. Если буржуазный класс сумел в противовес феодальной схоластике выдвинуть своих Декартов, Гюйгенсов и Ньютонов, то пролетариат, идущий на смену буржуазии, тем более сумеет, и уже отчасти сумел, выдвинуть своих великих философов и ученых, которые окончательно сокрушат буржуазную схоластику и будут строить науку на базе единственно верной философии диалектического материализма—этого зрелого плода тысячелетнего развития человеческого мышления и человеческой практики.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

К БОРЬБЕ С ФОРМАЛИСТИЧЕСКИМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

(По поводу книги И. А. Кушина «Диалектическое строение Капитала Маркса». Под редакцией и с предисловием И. И. Рубина. Государственное издательство. Москва — Ленинград 1929 г. 180 страниц).

Изучение диалектики «Капитала», без всякого сомнения, представляет огромный интерес для марксистской науки.

Философы-марксисты, поставившие себе в настоящее время задачу дальнейшей разработки материалистической диалектики на основе изучения Гегеля и его материалистической критики, найдут при изучении диалектики «Капитала» ценнейший материал для построения диалектической логики; они найдут здесь ключ к пониманию того «рационального», что имеется в гегелевской философии.

Не меньшее значение имеет изучение «Капитала» с методологической точки зрения для экономистов. Если, по замечанию Ленина (в конспекте «Науки логики»), марксисты «спустя полвека после Маркса» не поняли Маркса, то причина эта лежит в недооценке его диалектического метода. Для нас совершенно очевидно, что в наше время дальнейшее развитие марксистской экономической науки возможно лишь в том случае, если оно будет тесно связано с углубленной работой в области методологии. Разгоревшаяся в последние годы дискуссия лишь подтверждает это.

В самом деле, чем больше развивается дискуссия, тем все яснее обнаруживается связь разногласий по отдельным частным вопросам политической экономии с общей методологической установкой спорящих сторон. Не случайно, что именно на данной ступени дискуссии в спор между экономистами вовлекаются и философы (ст. Карева, Вайштейна и др.).

Изучение диалектики «Капитала»—дело, конечно, не легкое. Для того чтобы выполнить эту работу, требуются соединенные усилия экономистов и философов. Первые попытки, которые делаются в этом направлении отдельными исследователями, конечно, не могут быть лишены некоторых ошибок и промахов. Но кто не ошибается, тот, как известно, ничего не делает. Какими бы недостатками ни обладала та или иная работа, но если она хоть до некоторой степени помогает обогатить наше понимание диалектики «Капитала»—мы можем ее только приветствовать. С этой точки зрения нельзя не признать положительного значения доклада И. И. Рубина [1]); эта работа, несмотря на то, что ее ни в коем случае нельзя признать «безгрешной» по части отдельных ошибок, без сомнения, представляет собою значительный шаг вперед по сравнению с теми обрывочными и несистематизированными замечаниями о диалектике экономического исследования Маркса, которые мы имели до сих пор в нашей литературе.

[1]) Доклад, прочитанный в Институте Красной Профессуры; с небольшими изменениями перепечатан в №№ 4 и 5 «Под Знам. Марксизма».

Если Рубин в своей работе пытался проследить главным образом диалектику развития категорий первого тома «Капитала» и притом прежде всего категорий стоимости и денег, то И. А. Кушин пытается проследить в одинаковой мере диалектическое развитие категорий на протяжении всех трех томов «Капитала». Больше того: он даже пытается восполнить картину движения категорий политической экономии, данную Марксом, наметив движение тех категорий, которые Маркс не смог развить в силу того, что он не успел закончить своей работы над «Капиталом». Базируясь на замечаниях Маркса, имеющихся в других его экономических работах, (в частности во введении «К критике») и письмах, И. А. Кушин не останавливается на том месте, где Маркс в III томе обрывает свое исследование о доходах и их источниках, переходит дальше к государству и налогам, к эмиграции, мировому рынку и, наконец, к вопросу о капиталистических кризисах.

Общий план работы И. А. Кушина таков. В первой, наиболее обширной главе, занимающей половину книги, прослеживается «диалектика развития товара». Идя от товара и его противоречий, Кушин пытается воспроизвести все движение категорий политической экономии, которое представляется ему как единая цепь «отрицаний» и «отрицаний отрицания».

В следующей, второй, главе автор пытается показать, какое соотношение существует между логическим движением категорий в «Капитале» и историческим развитием общественных отношений в реальном товарно-капиталистическом обществе; при этом автор хочет показать как моменты совпадения того и другого, так и моменты их расхождения.

В третьей главе автор возвращается снова к логическому движению категорий и рассматривает, в какой мере в нем нашел свое отражение диалектический закон «перехода количества в качество и обратно».

Наконец, в четвертой и последней главе, автор пытается показать, как развитие экономических категорий все больше усложняет фетишистскую оболочку людских отношений в товарно-капиталистческом обществе.

Из сказанного видно, что книга И. А. Кушина, несмотря на нестройность ее архитектуры и отсутствие достаточной связи между отдельными ее главами, ставит целый ряд безусловно интересных вопросов.

В какой же мере автору удалось осветить и разработать эти вопросы? Сам автор признается, что его книга не лишена в этом отношении существенных недостатков. «Я далек от мысли утверждать,—пишет он в конце своей книги (стр. 180),—будто в своей попытке обнаружить диалектическое строение экономической теории Маркса и Энгельса мне удалось дать совершенное изложение этой диалектики»... «Многие переходы,—пишет он там же,—могли быть в предыдущем изложении недостаточно убедительными, а изложение внутренней диалектики экономической теории могло подчас казаться наполненным множеством натянутостей, поверхностных переходов, провалов...».

Признавая некоторые недостатки и «несовершенства» своей книги, автор, конечно, рассчитывает на снисходительность читателя и критика, которые должны при своей оценке книги учесть новизну и трудность разрабатываемых в ней тем. Такое «снисхождение» действительно можно было бы оказать автору, если бы его книга, при всех ее недостатках, продвинула бы вперед изучение затрагиваемых ею вопросов: мы уже указывали выше, что для нас ценна всякая работа, которая хоть до некоторой степени обогащает наше понимание диалектики «Капитала».

Можно ли это сказать о книге И. А. Кушина? Действительно ли она является шагом вперед в изучении методологии марксистской политической экономии?

На этот вопрос, к величайшему сожалению, приходится ответить отрицательно.

Основной грех книги И. А. Кушина, который в тысячу раз важнее отдельных «несовершенств» изложения и нестройности архитектуры, заключается в том, что автор ее, изучая диалектику «Капитала», совершенно неправильно и извращенно понимает самое существо диалектики.

В своем предисловии автор замечает, что он «не мог дать обоснование метода, которым он пользуется», ибо это является предметом другой части его работы, которая не вошла в данную книгу.

Предварительное «обоснование» диалектического метода в книге, которая специально посвящена диалектике «Капитала», конечно, не обязательно.

Но это ни в коем случае не дает права автору подменить диалектику формальной логикой и эклектикой.

А такая подмена у автора налицо.

Уже первые страницы его книги дают в этом отношении неопровержимые доказательства.

И. А. Кушин начинает свой анализ марксовых категорий — и в этом отношении он, конечно, прав — с противоречия товара.

Всем, в том числе и И. А. Кушину, известно, какое значение Маркс придавал правильному пониманию его учения о двойственности товара и труда его создавшего, учения, на котором, по словам самого же Маркса, «покоится все понимание фактов». Не поняв правильно противоречия товара и возникающего на его основе диалектического движения, нельзя понять всех остальных категорий, ибо они являются дальнейшим развитием этого исходного противоречия. Здесь, как в фокусе проявляется вся сила Марксовой диалектики.

Посмотрим же, как Кушин трактует диалектику товара. Он рассуждает приблизительно так. Понятие товара включает в себе как понятие общественного и частного труда, как и понятия стоимости и потребительной стоимости (абстрактного и конкретного труда).

Как потребительная стоимость, товар является некоторой материальной вещью с определенными физико-химическими свойствами; но, как стоимость, он не является материальной вещью — здесь Кушин имеет, очевидно, в виду положение Маркса о том, что стоимость не включает в себе «ни атома природного вещества».

Какие же выводы делает отсюда Кушин?

Понятие товара требует того, чтобы товар был одновременно и материальной вещью, и нематериальной. Но одна и та же вещь не может, по мнению Кушина, иметь одновременно два противоречивых свойства. Такое противоречие, по его же словам, «нестерпимо»—оно должно быть «разрешено»—и «разрешено» в том смысле, что противоречивые элементы должны как-то отделиться друг от друга и существовать отдельно. Холст, будучи потребительной стоимостью, т.-е. определенной материальной вещью, не может быть в то же время стоимостью, — поэтому он свою стоимость выражает в другой вещи, например, в сюртуке.

«Холст, как ценность,—говорит Кушин,—это совсем другая вещь, это — сюртук. Холст в таком случае перестает быть противоречивой вещью» (стр. 12; подчеркнуто нами. *И. Л.).*

Здесь выявляется вся «сила» Кушинской «диалектики». Его «интеллект» «не терпит» внутренних противоречий. Для него не только невозможно, чтобы вещь обладала двумя противоречивыми свойствами, но и чтобы вещь была одновременно в двух местах (стр. 17). Движение образуется у него не через сочетание и взаимное проникновение противоположностей, а через их разрыв.

Противоречие товара разрешается» у него таким образом, что оно уничтожается: раз «товар перестает быть противоречивой вещью», то его внутреннее противоречие пропадает. «Каждая из этих вещей,—как говорит недвусмысленно сам Кушин (т.-е. каждый из товаров),—свободна от внутреннего противоречия» (стр. 17, подчеркнуто нами).

Здесь вполне очевидно, что Кушина «нестерпимо» тянет к механическому и формально-логическому пониманию противоречия, как внешнего соотношения двух разных, в отдельности непротиворечивых, элементов.

При этом движение представляется ему как беспрерывное перескакивание от одной стороны противоречия к другой.

Об этом опять-таки довольно красноречиво и откровенно повествует нам сам Кушин.

«Всякое действительное противоречие, по его мнению, может быть осуществлено и разрешено... лишь путем перехода от одной стороны противоречия к другой» (стр. 26, подчеркнуто нами).

При таком «понимании» диалектики поневоле вспоминаются слова Маркса в «Нищете философии», о тех «мыслителях», которые, отрывая отдельные стороны движения, «без толку мечутся из стороны в сторону и бесплодно тратят силы на разрешение неразрешенных проблем» [1]).

Если движение идет от одного противоречивого момента к другому, то пропадает всякое самодвижение. Если внутренние противоречия уничтожаются, то должна быть какая-то внешняя «третья сила», которая поднимает движение на более высокую ступень. Эту «третью силу» И. А. Кушин находит в схоластических потугах своего ума. Забавно видеть, как Кушин на всем протяжении книги воздвигает «нестерпимые» противоречия, чтобы их потом разрушить и упасть в пропасть; затем он опять применяет подлинно сизифовы усилия, чтобы вновь воздвигнуть новую категорию, с тем чтобы опять ее разрушить и снова впасть в «небытие».

Кушин, как мы видели, сам признает некоторые «провалы» и «натянутости» в своей «диалектике»; но он, конечно, об'ясняет их тем, что работа его не вполне закончена. Теперь, как нам кажется, нетрудно видеть, что его «провалы» не «технического», так сказать, свойства, а принципиального: причина их лежит в таком «понимании» диалектики, которая целиком ее сводит к формальной логике.

Вся книга Кушина от начала до конца «пропитана» невыносимым формализмом. Кушина как будто вовсе не интересует живая диалектика реальных процессов; его дело—лишь бесконечные искусственные операции над застывшими понятиями: недаром слово «понятие» на ряду со словами «но» и «однако» так часто повторяется в его книге: застывшие, оторванные от их реального содержания понятия иначе через схоластические натяжки и через оговорочки «но» и «однако» соединить, конечно, невозможно.

При анализе товара Кушин, как мы видели, мечется от стоимости к потребительной стоимости и, уничтожив их противоречие, путем казуистических хитросплетений приходит к форме стоимости. В анализе обмена и товарно-денежного обращения он опять мечется от «покупки» товара к «продаже». Верный своему методу, он здесь опять таки разрывает «покупку» от «продажи», как «два самостоятельных обмена», упуская из виду то, что всякая «продажа» есть в то же время и «покупка», и наоборот.

В анализе капитала он опять-таки возвращается к своей излюбленной теории о несовместимости противоречий. «В действительности,—говорит он,—один и тот же капитал не может обладать сразу всеми противоречащими друг другу свойствами» (стр. 67).

[1]) «Нищета философии», пер. Ульриха, СПБ—Одесса, 1906, стр. 97.

Выходит, что возникновение разных форм капитала является не результатом развития внутренних противоречий единого капитала, а результатом того что законы формальной логики не терпят единства противоположностей.

Не мудрено, что, не видя диалектического единства противоположностей, Кушин, пытаясь связать отдельные формы капитала, соединяет их чисто механически: для него все формы как бы одинаково необходимы; диалектическое же их единство на основе производства у него исчезает.

Такой же метафизический отрыв с последующим механическим соединением мы видим у него в его анализе связи отдельных томов «Капитала». Здесь схоластические ухищрения, при помощи которых он пытается уложить марксову диалектику в прокрустово ложе формальной диалектики, доходят до смешного. Так как в конце I тома Маркс уже говорит о будущем коммунистическом обществе, а во II томе он снова возвращается к капиталистическому, то Кушину представляется, что он должен для об'яснения этого перехода решить такую задачу: он должен доказать, что понятие коммунизма, как оно рассматривается Марксом в конце I тома, является недействительным, и что это понятие должно притти к своему «отрицанию», т.-е., по Кушину, к своему уничтожению и востановлению понятия капиталистического хозяйства.

К каким только «тонкостям» ни прибегает Кушин, чтобы «изничтожить» «категорию» коммунизма, явившуюся раньше времени, и снова вернуть капитализм из его небытия! Мы не будем здесь приводить всех «хитросплетений» кушинской «диалектики», которые им здесь применяются. Интересующих мы можем только отослать к страницам 142—143 его книги.

Стоя на формально логической точке зрения, И. А. Кушин не смог, конечно, правильно поставить и важнейший вопрос о соотношении «логического» и «исторического». Известно, что формальная логика по самому существу своему является логикой антиисторической. Если формалист обнаруживает в чем-либо совпадение логического и исторического, то это совпадение представляется ему чем-то случайным, не вытекающим из природы логики и действительности.

Как раз так и ставит вопрос И. А. Кушин.

Отдельные проводимые им сопоставления логического и исторического не лишены некоторого интереса. Но основная его мысль, повторяемая им на каждом шагу, заключается в том, что совпадение того и другого может быть лишь «внешним и поверхностным» (см., напр., стр. 100, 107, 145), «кажущимся» (стр. 118).

Вряд ли стоит доказывать, что диалектический материализм стоит на прямо противоположной точке зрения.

Маркс, конечно, никогда не отождествлял «исторического» и «логического», как это делали, например, Богданов и Степанов и как это пытаются ныне делать их последователи-механисты из среды экономистов. Но он не мог не считать, что между «историческим» и «логическим» движением существует глубокая внутренняя связь, и что логическое движение (если оно только является диалектическим, т.-е. «содержательным», а не «формальным») в конечном счете определяется историческим. Недаром ведь Энгельс в своей рецензии на книгу Маркса «К критике» замечает, что логическое есть то же историческое, но освобожденное от «случайных» отклонений.

Таким образом, и в этом вопросе И. А. Кушин обнаруживает свой формализм и неспособность понять суть диалектики.

После сказанного мы не будем останавливаться на других деталях книги. Справедливость требует, отметить что на ряду с неправильной общей установкой, на ряду с ошибочной трактовкой отдельных частных проблем (в частности, вопроса о кризисах), в книге имеются и отдельные интересные замечания.

Но формалистические и эклектические извращения диалектики, которые красной нитью проходят по всей книге, заставляют нас подвергнуть эту книгу самой суровой критике и признать работу И. А. Кушина, неудачной и в известном отношении даже вредной.

В связи с развернувшейся дискуссией по вопросам теоретической экономии уже отмечалось, что на ряду с основной опасностью механического извращения диалектики в политической экономии намечается и другая опасность—опасность формализма.

«Было бы совершенно неправильно думать,—заметил справедливо Н. А. Карев в своем выступлении в Институте Красной Профессуры по поводу доклада И. И. Рубина [1]),—что в наших условиях невозможно появление такой тенденции, которая бы чисто-формалистически стала понимать и диалектику развития категорий, и диалектику развития экономических отношений».

Мы потому так подробно остановились на критике книги И. А. Кушина, что считаем ее одним из проявлений этих формалистических тенденций, с которым необходимо бороться, не упуская, конечно, из виду борьбу с основной опасностью.

В связи с нашими спорами, нельзя не пожалеть, что книга И. А. Кушина выпущена под редакцией и с предисловием И. И. Рубина.

И. И. Рубин, правда, сам делает оговорки о недостатках книги; но сам по себе тот факт, что он взял на себя редактирование книги и написал к ней предисловие, которое в общем дает положительный отзыв о книге, налагает на Рубина известную ответственность. И. И. Рубин здесь, по нашему мнению, допустил большую ошибку. И эта ошибка усугубляется тем, что он в своем предисловии как будто молчаливо соглашается с тем, что «исторический» и «логический» ряд совпадают лишь «внешне» и в действительности между ними существует «глубокое отличие» (стр. 5). Это тем более досадно, что в своих других работах подходит к вопросу правильнее (хотя не всегда достаточно четко).

Эти ошибки И. И. Рубина мы считаем нужным отметить, ибо солидарность экономистов и философов, стоящих на последовательно-диалектической точке зрения с Рубиным по целому ряду вопросов, обычно трактуется механистами из лагеря Бессонова, Кона и К°, как «замазывание» и игнорирование» отдельных ошибок, которые у Рубина безусловно имеются. Все дело только в том, что механисты не видят и не понимают того ценного, что дал Рубин для марксистской политической экономии. По самому существу своему они не в состоянии дать правильно подойти к критике Рубинских ошибок; под флагом борьбы с «рубинщиной» они лишь протаскивают свои неправильные, антидиалектические взгляды.

И. Лапидус.

Письма Маркса к Кугельману. Перевод М. И. Ульяновой, предисловие Н. Ленина. Со вступительной статьей Э. Цобеля и примечаниями Ц. Фридлянда. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека марксиста. Под редакцией Д. Рязанова. Вып. XV. Гиз. 1928 г. Стр. XXV + 134.

Существенной частью литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса является их переписка. Перед читателем этой многотомной переписки, адресованной к многочисленным корреспондентам различных стран, проходят как в калейдоскопе все перипетии личной судьбы основоположников марксизма, встают во весь свой рост их титанические фигуры. Однако значение этого литературного памятника не исчерпывается ценными биографическими данными из жизни

[1]) Ник Карев, К вопросу о предмете политической экономии. «Под Знаменем Марксизма», № 4 за 1929 г., стр. 49.

К. Маркса и Ф. Энгельса,—переписка является своеобразной энциклопедией научного знания, где ставится громадное количество проблем как теории, так и практики марксизма. «Если попытаться одним словом,—говорит Ленин,—определить, так сказать, фокус всей переписки Маркса и Энгельса, тот центральный пункт, к которому сводится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их гениальнейший шаг вперед в истории революционной мысли».

Письма Маркса к Кугельману освещают внешние обстоятельства, при которых Маркс работал над «Капиталом», в них ставится ряд важнейших проблем по теории марксизма, содержатся краткие, но весьма выразительные характеристики выдающихся деятелей науки и политики того времени, дается ценный материал для истории I Интернационала. В своей «Исповеди» Маркс указывает, что всего сильнее его характеризует—«единство цели», что счастье для него—в борьбе, а несчастье—в подчинении. Письма Маркса к Кугельману являются блестящим доказательством изумительной целеустремленности Маркса, который, несмотря на исключительно неблагоприятные внешние условия своей жизни, не прекращал своей теоретической работы над «Капиталом» и практической работы для Интернационала. Приведем несколько отрывков из его писем, характеризующих внешнюю обстановку, при которой создавался «Капитал». В письме от 28 декабря 1862 г. Маркс пишет. «В 1861 г. я потерял из-за американской гражданской войны свой главный источник дохода—«New-York Tribune». С тех пор и до настоящего времени мое сотрудничество в этой газете прекратилось. И вот, как и раньше, я принужден брать массу мелких работ, чтобы не очутиться со своей семьей в буквальном смысле слова на улице. Я даже решился сделаться практиком и поступить с начала нового года на службу в управление железной дороги. Не знаю уже, считать ли это счастьем или несчастьем? Но благодаря своему плохому почерку я не получил этого места. Итак, вы видите, что мне осталось мало времени и спокойствия для теоретических работ. Вероятно, те же самые причины затянут окончательное подготовление моей работы к печати на более долгий срок, чем я бы этого хотел» (стр. 3—4). В письме от 23 августа 1866 г. Маркс пишет: «... Вследствие моей долгой болезни в моем экономическом положении наступил кризис. Я наделал долгов, которые давят меня, как кошмар, делают неспособным ни к чему, кроме работы, поглощающей меня целиком. Если мне не удастся занять по крайней мере 1.000 талеров, хотя бы по 5%, то я, право, не вижу выхода... Мне не удалось еще восстановить свои старые денежные связи в Америке... Я бы мог помочь этому, если бы сам переселился туда. Но я считаю своим долгом остаться в Европе и закончить свою многолетнюю работу» (стр. 14). Подобно Прометею, «благороднейшему святому и мученику в философском календаре», который не хотел променять свой жребий,—быть прикованным к скале,—на безропотное подчинение Зевсу,—Маркс остается верен своему девизу—революционная борьба и научное творчество во имя коммунизма, в интересах рабочего класса.

Целый ряд своих писем к Кугельману Маркс посвящает «Капиталу». В письме от 23 декабря 1862 г. Маркс сравнивает популярность «К критике...» и «Капитала». Маркс пишет: «Способ изложения в первом выпуске (т.-е. «К критике...». *А. Р.*). конечно, был очень непопулярен. Это об'ясняется отчасти абстрактным характером предмета, ограниченным местом, которым я располагал, и самой целью работы. Вторая часть (I том «Капитала») более понятна, потому что она трактует о более конкретных вещах». Маркс далее указывает на необходимость особых «красок и чернил» для популярного изложения. «Научные попытки революционизирования науки, — говорит Маркс, — никогда не могут быть

действительно популярными. Но, раз научное основание заложено, популяризацию сделать уже легко. Если наступит более бурный период, то можно найти иные краски и чернила, чтобы дать популярное изложение *таких* тем» (стр. 4—6). В письме от 11 октября 1867 г. К. Маркс называет «Капитал» «обработанным сочинением», имеющим своею целью—«поднять партию на возможно более высокую ступень...» (стр. 26). В письме от 30 ноября 1867 г. Маркс указывает, как надо читать «Капитал». «Сначала легче всего, — пишет Маркс, — читать следующие отделы моей книги: о «Рабочем дне», «Кооперация, разделение труда и машины», а потом уже «Первоначальное накопление» (стр. 30).

Официальная наука встретила ранние работы Маркса — «заговором молчания». Естественно было ожидать, что и первый том «Капитала» встретит такой же прием со стороны буржуазной публицистики и буржуазной науки. Для того, чтобы нарушить «заговор молчания», за «рекламирование» «Капитала» взялся Энгельс. Благодаря Кугельману целый ряд рецензий Энгельса был помещен в либеральных и демократических газетах. Маркс, сильно заинтересованный, в виду тяжелых материальных обстоятельств, в сбыте своей книги, торопил Кугельмана поднять вокруг «Капитала» шумиху. В письме от 11 октября 1867 г. Маркс пишет, что продолжение его работы над вторым томом «Капитала» зависит от успеха первого тома, в противном случае, в виду тяжелого материального положения, он не будет располагать ни временем, ни спокойствием, необходимыми для окончания работы. «Потребуется ли для второго тома, — продолжает Маркс, — больший или меньший промежуток времени, это зависит, следовательно, от расторопности и энергии моих друзей по партии. Основательной критики—будь то со стороны врагов или друзей—можно ожидать не скоро, потому что такое обемистое и в некоторых своих частях такое трудное сочетание требует времени для прочтения и усвоения. Но непосредственный успех обусловлен не основательной критикой, а, выражаясь вульгарно, шумом, барабанным боем который и врагов вынуждает прервать молчание. В первую голову важно не то, что говорят, а то, что *говорят*. *Главное — не терять времени!*» (стр. 27).

Под «успехом книги» Маркс, таким образом, понимал—«*быстрый* сбыт ее, необходимый для того, чтобы оказать влияние на Англию» (письмо от 15 октября 1867 г., стр. 29). Маркс был чрезвычайно признателен Кугельману за его энергичное «рекламирование» «Капитала». «Если бы в Германии, — писал Маркс 7 декабря 1867 г., — было шесть человек, подобных Вам, то все противодействие филистерской массы, весь заговор замалчивания моей книги специалистами и всяким газетным сбродом, все это удалось бы преодолеть настолько, что началось бы, по крайней мере, серьезное обсуждение книги. Но приходится ждать! В этих словах заключается вся тайна *русской политики*» (стр. 31). 12 октября 1868 г. Маркс писал Кугельману: «Для моей книги, — не говорю уже о себе лично, — вы сделали больше, чем вся Германия вместе взятая» (стр. 53).

В этом же письме, от 12 октября 1868 г., Маркс сообщает Кугельману, что печатается русский перевод «Капитала». «Такова ирония судьбы, — пишет Маркс: — русские, с которыми в течение 25 лет беспрерывно боролся, не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими доброжелателями. В 1843—1844 годах в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859) нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский» (стр. 53). Цитируемое нами письмо представляет большой интерес для проблемы генезиса русского марксизма. Значительное влияние идей Карла Маркса на русскую общественную мысль относится лишь к концу XIX в. Лишь тогда на развалинах революционного народничества возникло здание русского марксизма, ставшего идейным гегемоном среди различных течений общественной мысли. Однако известное влияние воззрений Маркса на отдельных представителей русской интеллигенции, преимущественно «русских аристократов», имело место еще в «сороковые годы». Знакомство

Маркса с людьми сороковых годов, — указывает Д. Б. Рязанов, — является любопытным эпизодом в истории «западного влияния в русской литературе», между «марксизмом» Анненкова и Боткина и современным нет никакой преемственной связи (Д. Б. Рязанов, «Карл Маркс и русские люди сороковых годов»).

«Нищета философии» прошла как в Германии, так и во Франции почти незамеченной, не причинив ни единой бреши влиянию Прудона, который был одним из властителей дум революционной интеллигенции того времени. В России же эта книга, как видно из цитированного письма, нашла исключительный сбыт. «Нищета философии» имелась в коллективной библиотеке «петрашевцев». Некоторые исследователи (В. Семевский) допускают возможность влияния на одного из петрашевцев Спешнева, на ряду с революционным коммунизмом Дезами, также учения Маркса и Энгельса. Спешнев читал «Нищету философии», которую он брал в коллективной библиотеке петрашевцев.

Большим успехом пользовалась в России «К критике...». Первым литературным откликом на нее был библиографический обзор П. Ткачева, посвященный Ю. Жуковскому и Маклеоду, где сочувственно цитируется предисловие «К критике...» («Русское Слово» 1865 г.). Маркс не придавал серьезного значения успехам своих работ в России. В цитированном нами письме от 12 октября 1868 г. Маркс писал: «Но этому не следует придавать большое значение. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее сластолюбство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетия. «Это не для портных и сапожников», говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодяями...» (стр. 53). Однако Маркс вскоре должен был убедиться, что его книга вызвала горячую полемику, в которой приняли участие виднейшие русские публицисты и ученые того времени, — Зибер, Михайловский, Чичерин и Жуковский. Более того, Маркс должен был убедиться, что кроме турниров вокруг «Капитала», которые разыгрывались на арене русской журналистики, имеются еще другие отклики на «Капитал», которые исходили из русского революционного подполья, где «Капитал» воспринимался, как призыв к революционному действию, как знамя революционной борьбы.

В целом ряде писем к Кугельману мы встречаем места, посвященные вопросам философии марксизма и политической экономии. Большой интерес, в связи с современными спорами с механистами, представляют письма к Кугельману, где речь идет об отношении Маркса к Гегелю и его диалектике. В письме от 6 марта 1868 г. Маркс пишет: «...Мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является *основной формой всякой диалектики, но лишь после очищения ее от ее мистической формы, а это-то, как раз, и отличает от нее мой метод*» (стр. 40. Курсив наш. *А. Р.*). В письме от 27 июня 1870 г. мы читаем следующее по поводу Ланге: «То, что тот же самый Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является поистине ребяческим. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем *критическом способе его применения*... Ланге наивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь с самой редкой свободой». Ему и в голову не приходит, что это «*свободное движение в материале*» *есть не что иное, как парафраза известного метода изучения материала, — именно диалектического метода*» (стр. 87). В противоположность механистам, которые свое отрицательное отношение к гегелевской диалектике прикрывают тем, что Гегель был идеалистом, мистиком,—Маркс указывает, что гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики после ее освобождения от мистической оболочки. В письме от 17 апреля 1871 г. мы встречаем следующие мысли Маркса, посвященные проблеме случайности: «Творить мировую историю, — пишет Маркс, — было бы,

конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь с другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай, как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (стр. 99—100). В противоположность механистам, которые, став на почву абстрактного механического детерминизма, рассматривают случайность, как беспричинность как чисто-субъективную категорию, — Маркс дает диалектическую трактовку случайности, как специального случая необходимости, как объективной категории.

В письме от 27 июня 1870 года Маркс ставит вопрос о сведении.— «Господин Ланге,—пишет Маркс,—сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе «Struggle for life», «борьба за существование», а содержание этой фразы—закон Мальтуса о населении, или, скорее, о перенаселении. Таким образом, вместо того, чтобы анализировать «Struggle for life», как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «Struggle for life», а эту фразу—под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикрывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли» (стр. 87). Комментируя приведенную цитату, Ленин говорит, что основа критики Ланге заключается у Маркса в том, что перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза. «С «хорошими» ли целями,—продолжает Ленин,—предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой. И «социальная энергетика» Богданова, его присоединение к марксизму учения об общественном подборе есть именно такая фраза» (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм). Не в бровь, а в глаз современным экономистам-механистам, ученикам Богданова, которые полагают, что энергетический баланс между обществом и природой является решающим в деле развития общества, которые считают, что различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда.

Исключительный интерес для понимания теории стоимости Маркса представляет собой письмо от 11 июня 1868 г. В ответ на сообщение Кугельмана что, по мнению многих читателей, в «Капитале» не доказано понятие стоимости, Маркс писал, что «болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода» (стр. 49. Курсив наш. *А. Р.*). Далее Маркс выдвигает целый ряд положений, демонстрируя тем самым свой метод. «...Необходимость разделения общественного труда,—пишет Маркс,—в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожен определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления... А форма,—заключает Маркс,—в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов» (стр. 50). Здесь Маркс указывает на основные принципы теории стоимости: форму стоимости, связанную с вещным характером производственных отношений автономных товаропроизводителей и распределение общественного труда, связанного с процессом производства. «Задача науки,—пишет Маркс,—состоит именно в том, чтобы об'яснить, как проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «об'яснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку раньше науки» (Там же). Далее Маркс указывает на ошибки Рикардо, который стремится показать непосредственным образом совпадение экономических

категорий. Критика Рикардо в цитируемом нами письме чрезвычайно схожа с той критикой этого английского экономиста, которую Маркс дал в «Теориях». Далее Маркс дает характеристику вульгарного экономиста, который «не имеет ни малейшего представления о том, что действительные обыденные отношения обмена и величины стоимости не могут быть непосредственно тождественными.. А вульгарный экономист,—продолжает Маркс,—«думает, что делает великое открытие, когда он раз'яснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи иначе выглядят. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное об'яснение. К чему тогда вообще наука!» (стр. 50—51. Разрядка наша. *А. Р.*). Приведенные нами рассуждения Маркса о сущности и явлении чрезвычайно напоминают формулировку, которая дана была Марксом в «Капитале». «А если бы форма проявления и сущности вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня». В заключение Маркс указывает на связь теории стоимости с интересами господствующих классов ,ибо «раз понятна связь вещей,—рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике» (стр. 51). Остается пожелать,—скажем мы вслед за Лениным,—чтобы каждый изучающий «Капитал» читал и перечитывал изложенное нами письмо.

Интересно замечание Маркса о крупной промышленности в письме от 17 марта 1868 г. «...Крупную промышленность,— пишет Маркс,—я представляю не только источником антагонизма, но также творцом материальных и духовных условий, ведущих к разрешению этих антагонизмов,— разрешению, которое не может, конечно, произойти благодушно-мирным путем» (стр. 42).

В письмах Маркса к Кугельману мы встречаем отзыв о Дюринге, Дицгене, Бюхере, Лассале и др. Из этих отзывов отметим отзыв о Лассале, приобретающий большой интерес в свете новейших данных о переписке Лассаля с Бисмарком. В письме к Кугельману от 23 февраля 1865 г. Маркс писал, что после смерти Лассаля для него «обнаружилось, что на деле Лассаль изменил партии. Он заключил формальный договор с Бисмарком (при этом, конечно, без всяких гарантий с его стороны). В конце сентября 1864 г. он должен был отправиться в Гамбург и там... «принудить» Бисмарка инкорпорировать Шлезвиг-Гольштинию, т.-е. провозгласить это от имени «рабочих», за что Бисмарк обещал всеобщее избирательное право и некоторые социалистические шарлатанства (стр. 7). Далее Маркс критикует Лассаля, как представителя «реальной политики», т.-е. оппортунистической политики, которая «принимает за «реальность» находящиеся под носом интересы», тогда как «разум вещей требует, чтобы рабочий класс был честно революционен». В письме от 8/VI 1868 г. Лассаль писал Бисмарку, что рабочее сословие—«склонно видеть в короне естественного носителя социальной диктатуры, если бы корона... пошла воистину революционным и национальным путем и превратилась из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию!». Так писал пламенный трибун «четвертого сословия» «железному канцлеру», представителю прусского юнкерства. Маркс, конечно, был в праве утверждать что Лассаль изменил партии. Интересно отметить, что письмо Маркса, направленное против «реальной политики» Лассаля, не было опубликовано Каутским в 1902 году. Оно было опубликовано им в последний период мировой войны. В письме от 13 октября 1866 г. Маркс говорит о «бесцеремонном плагиировании» его работ Лассалем. «Я еще не решил окончательно,— пишет Маркс,—надо ли в предисловии коснуться в нескольких словах плагиирования Лассалем. Бесстыдное выступление его поклонников против меня, во всяком случае, оправдывало бы это» (стр. 19). Однако в предисловии к первому изданию Капитала» Маркс об этом упоминает в мягких тонах. «...Если Ф. Лассаль,— писал Маркс,—всеобщие теоретические положения своих экономических работ, напр., об историческом характере капитала, о связи между производственными отноше-

ниями и способом производства и т. д. и т. д. заимствует из моих сочинений почти буквально вплоть до созданной мною терминологии и, притом ,без указания источника, то это об'ясняется, конечно соображениями пропаганды» (Капитал т. I).

Венцом писем к Кугельману, как говорит Ленин, является оценка Марксом Коммуны. В обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал против несвоевременного восстания. Но, когда восстание происходит, Маркс пишет об «исторической инициативе» парижан, об их готовности «штурмовать небо», об их «способности самопожертвования». 12 апреля 1871 г. Маркс писал Кугельману: «Если ты просмотришь последнюю главу «18-го Брюмера» то увидишь, что, по моему мнению, ближайший под'ем французской революции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте» (стр. 98). Комментируя приведенную нами цитату Ленин отмечает ,что в словах «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. Ленин останавливается также на понятии «народной революции». «В Европе 1871 г. на континенте,—писал Ленин,—ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ»... «Разбить эту машину, сломать ее—таков действительный интерес «народа», большинства его рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия, невозможно социалистическое преобразование» (Ленин, Государство и революция). Правильная трактовка Лениным понятия «народной революции», как революции, которая захватывает не только пролетариат, но и неимущее крестьянство, выступает с большой очевидностью при чтении письма Кугельмана Марксу от 5 апреля 1870 года. Кугельман писал: «Происходящее в Париже восстание заслуживает, по моему мнению, безусловного осуждения... Вместо того, чтобы организоваться и занять твердые позиции по отношению к правительству, в крупных городах приобрести влияние в муниципалитетах — вместо этого, путем оскорбительной для сельского населения диктатуры, провоцируется поражение. Если Париж будет противопоставлять себя стране (крестьянам), то его восстание обречено на неудачу...» (стр. IV). Цитированное нами выше письмо Маркса, где речь идет о «народной революции» и является ответом на это письмо Кугельмана.

Мы далеко не перечислили все проблемы, затронутые в письмах Маркса к Кугельману. Но даже при беглом обзоре выступает исключительное богатство содержания этой переписки. Письма снабжены предисловием Ленина, написанного в 1907 году, представляющим самостоятельный интерес. Следует также отметить содержательное предисловие Э. Цобеля, сообщающего интересные биографические данные из жизни Кугельмана. Э. Цобель на основании анализа некоторых воззрений Кугельмана считает последнего утопическим марксистом,—формулировка несколько парадоксальная. Желательно, чтобы в последующих изданиях рецензируемой книги были бы даны в качестве приложения—письма Кугельмана к Марксу, хранящиеся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Желательны также примечания, посвященные теоретическим проблемам, затронутым в переписке.

А. Реузль.

У. РАНДОЛЬФ БЭРДЖЕС. Банковская организация американского капитализма. Резервные банки. Перевод с английского Б. Б .Соловейчика. С предисловием Г. Я. Сокольникова. Л. 1929 г. Стр 279. Изд. «Прибой».

Как это ни странно, но рецензировать нам приходится отнюдь не ту книгу, которая указана в заголовке. Перу У. Рандольфа Бэрджеса (W. Randolf Burgess) отнюдь не принадлежит книга «Банковская организация американского капитализма». На эту тему написана книга немецким экономистом Геллвигом (B. Hellwig, Das Bankwesen d. Vereinigt. Staat .v. Amerika), с той основательностью и тщательностью, которой вообще отличаются описательные работы немецких экономистов. Если бы издательство «Прибой» хотело познакомить русского читателя с банковской организацией американского капитализма, то перевести следовало указанную книгу Геллвига, а не Бэрджеса. Последний написал далеко не блестящую, но в общем заслуживающую внимания работу на тему об организации резервных банков и влиянии их политики на денежный рынок. Эта книга называется «The reserve banks and money market» («Резервные банки и денежный рынок»), что вполне соответствует содержанию труда; в переводе же эта книга каким-то чудом превратилась в «Банковскую организацию американского капитализма». Конечно, это «чудо» об'ясняется рекламными стремлениями издательства, но на сколько такой прием приемлем для советского издательства, не может быть двух мнений.

Итак, раньше всего мы должны порекомендовать читателю не верить своим глазам: купивший эту книгу найдет в ней описание системы резервных банков и анализ денежного рынка с 1913 по 1927 гг. в связи с политикой резервных банков, и ничего иного. Но и эти вопросы представляют большой интерес.

Дело в том, что организованная в 1913 году так называемая «федеральная резервная система» представляет собою, мы бы сказали, высшее достижение «капиталистического разума» в отношении централизованного регулирования денежного обращения и кредита. Цель этой системы и заключается в том, чтобы действия отдельных капиталистических банков подчинить общим капиталистическим интересам.

Это достигается с одной стороны, посредством введением твердых норм резервов денежной наличности предотвратить крахи банков; с другой стороны, согласованными действиями всей федеральной системы под руководством Federal Reserve Board направить кредитно-денежную политику по пути стабилизации капитализма. Отсюда ясно, что ознакомление с работой резервных банков и оценкой реальных результатов их политики представляет интерес, поскольку речь идет о стабилизации капитализма. С этой точки зрения для марксиста-экономиста будут весьма полезны главы рецензируемой работы, посвященные «реформе банковской системы САСШ», «структуре и росту резервной системы», «изменениям структуры и использованию банковских резервов», «изменениям в денежном обращении», «улучшению методов деловых расчетов» и «роли резервной системы, как банкира государства» (I — VI главы). В этих главах читатель найдет хорошо подобранный фактический материал об организации и функциях резервных банков и удачно обработанные статистические данные, почерпанные из первоисточников. Таким образом читатель получит представление о фактической стороне дела.

Следующие главы (VII—XV) посвящены анализу американского денежного рынка, находившегося с 1913 года под воздействием кредитной политики резервных банков. Здесь уже дается и принципиальная оценка роли федеральной резервной системы, при чем эта оценка базируется на анализе богатого опыта кредитной политики резервных банков во время и после войны. Эти главы подвергает критической оценке Г. Сокольников в своем весьма содержательном предисловии к русскому переводу книги Бэрджеса.

Дореформенная кредитно-денежная система САСШ отличилась крайней неэластичностью. Эта система, созданная законами 1863—1865 гг., связывала эмиссию банкнот приобретением государственных займов, что, конечно, было наилучшим способом для размещения этих последних. Но банкнотная эмиссия была связана по рукам и ногам, и этим тормозилось то расширение денежного обращения, которое прямо диктовалось ростом производительных сил американского капитализма и, следовательно, ростом товарного обращения. Если Маркс назвал билевский акт 1844 года Англии «нелепым банковым законодательством» именно потому, что этот акт связывал об'ективно-необходимое расширение банкнотной эмиссии массой наличного золота, то с нашей точки зрения американская эмиссионная система 1863—1865 гг. в полной мере заслуживала такой же оценки. Эта «нелепая» система была устранена реформой 1913 года, которая, с одной стороны, открывала возможности для кредитной экспансии на основе эмиссии непокрытых золотом банкнот, но, с другой стороны, установила твердые нормы покрытия банкнот и текущих счетов золотой наличностью.

Это покрытие, которое в отношении банкнот было установлено в 40% суммы их эмиссии, должно было служить сдерживающим началом против чрезмерной кредитной экспансии, могущей привести к денежно-кредитному кризису и общему потрясению капитализма. Итак, новая система, с одной стороны, допускала экспансию денежного обращения и кредита, а, с другой стороны, ее ограничивала определенными пределами. «Реформа 1913 года,—говорит тов. Сокольников,—должна была создать систему более эластичную, и нет сомнения в том, что эта задача была достигнута. Однако как нельзя видеть в «неэластичности» прежней системы «причину» кризиса 1907 года, так неправильно видеть в нынешней организации резервных банков гарантию против кризисов. Апологеты американского капитализма нередко готовы утверждать именно последнее. К этой же точке зрения примыкает и Бэрджес...».

Г. Сокольников в целом совершенно прав. Однако Бэрджеса отнюдь нельзя безоговорочно отнести к той группе апологетов американского капитализма, которые видят в федеральной резервной системе панацею от всех бед капиталистической анархии.

Правда, Бэрджес говорит об устранении, благодаря этой системе, внезапных финансовых паник и выражает надежду, что «колебание конъюнктурного цикла будет ограничено в своем размахе» (стр. 264). Но, на ряду с этим, мы имеем со стороны Бэрджеса—без сомнения крупнейшего знатока федеральной резервной системы—такого рода заявления, которые показывают, что Бэрджес далек от иллюзий стабилизации капитализма, и отдает себе отчет в паллиативности кредитной политики резервных банков. И именно эти заявления следовало бы привести в предисловии, дабы показать, что устами самих «организаторов» капитализма уничтожается иллюзия «организованного капитализма». «Общественное мнение,—говорит Бэрджес,—склонно скорее переоценивать значение и возможности резервной системы. Многие готовы видеть в ней едва ли не универсальное средство от всех болезней экономической жизни и требовать от нее полной стабилизации товарных цен, предупреждения банковских крахов, уничтожения спекуляции и устранения колебаний экономических циклов» (стр. 17; разрядка наша. *З. А.*).

Как же относится к этому общественному мнению сам Бэрджес, который тщательно изучал на практике действие резервной ситемы? «Нет, впрочем, ничего удивительного в том,—говорит Бэрджес, вслед за процитированным выше абзацем,—что в публике преобладают довольно туманные и неопределенные воззрения на федеральную резервную систему и ее место в общей системе финансовых учреждений.

Прежде всего широкая публика не приходит в соприкосновение с резервными банками, являющимися банками банков и имеющими дело не с публикой, а почти исключительно с банками, входящими в состав резервной системы. Последняя поэтому для широких слоев общества представляет собою почти что отвлеченную идею» (стр. 17, разрядка наша. *З. А.*). Кроме того, Бэрджес к этому добавляет, что исчерпывающую оценку роли этой системы нельзя дать потому, что она «насчитывает всего 13 лет от роду, при чем едва ли хоть один из этих годов можно назвать нормальным в экономической жизни страны».

Итак, Бэрджес, вообще говоря, осторожен в оценке резервной системы. Но он решительно выступает против всякого рода «отвлеченных идей», вытекающих из недостаточного знакомства с самой системой. Как мы видим, он считает возможность достижения при посредстве этой системы стабильности товарных цен и предупреждения банковских крахов плодом «туманных и неопределенных воззрений на федеральную резервную систему».

Бэрджес считает лишь, что эта система придает большую устойчивость кредитно-денежному аппарату. На это указывает и т. Г. Сокольников. «Нынешняя система,—говорит он в указанном предисловии,—бесспорно лучше справляется с сезонными колебаниями денежного обращения; создав областные регулирующие центры, она укрепила отдельные районы и ослабила их зависимость от нью-йоркского центра, вместе с тем разгрузив этот последний от провинциальных дезорганизующих наскоков; она организовала более тщательное и единое наблюдение за рынком денег и кредита, она значительно отодвинула границу возможного легального напряжения банкнотной эмиссии в случае повышенного спроса на платежные средства» (стр. 5).

Итак, федеральная резервная система—это высшее достижение «капиталистического разума», действительно создает наиболее эластичную, и в то же время относительно наиболее устойчивую денежно-кредитную систему. Но, конечно, эта устойчивость относительна: ее нужно понимать лишь в том смысле, что федеральная резервная система ограничивает возможность денежного и банкового кризиса, как такового, т.-е. порожденного денежно-кредитной политикой. Но, по признанию самого Бэрджеса эта система не является «универсальным средством от всех болезней экономической жизни: для марксиста это заявление Бэрджеса означает не что иное, как признание невозможности при помощи этой системы устранить имманентные капитализму противоречия, а, следовательно, и время от времени неизбежный взрыв этих противоречий.

Непоследовательность Бэрджеса заключается в том, что он, принимая первое, отрицает второе: он надеется на то, что эти «болезни», т.-е. противоречия, неустранимые федеральной резервной системой, не будут перерастать в «финансовые паники», как это было в 1907 году. Его кардинальная ошибка в том, что он находится в плену у монетарной теории кризисов, и не понимает того, что даже при самой идеальной организации денежно-кредитного аппарата и наивысшей его устойчивости, кризисы неизбежны, как форма разрешения имманентных капитализму противоречий. Впрочем, и сам Бэрджес признает, что банковские крахи неустранимы и при федеральной резервной системе, а где банковские крахи, там и «финансовая паника» и кризис!

Книгу можно рекомендовать, как ценный конкретный материал при изучении вопросов регулирования денежно-кредитных систем и кредитной политики центральных банков.

З. А.

В. КИРПОТИН. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. Ленинградский Научно-Исследовательский Институт Марксизма. Изд. «Прибой» 1929 г. 252 стр. Тираж 3.000. Цена 2 руб. 20 коп.

Общественное значение русской литературы в XIX веке, а особенно во второй его трети, факт слишком очевидный, чтобы о нем стоило много говорить. В эти годы тяжелого полицейского гнета единственное сколько-нибудь возможное общественное выступление было допустимо лишь в литературной области. Известно также, что такого рода выявление общественного интереса к тем или иным сторонам российской действительности, находилось под строгим правительственным контролем, заставлявшим литераторов прибегать к ряду ухищрений для того, чтобы их действительные мнения так или иначе доходили до читателя. К сожалению, до настоящего времени мы не имеем сколько-нибудь полной работы по выявлению общественного значения русской периодической литературы XIX века, особенно за вторую его треть. И удивляться этому не приходится. Такая сводная, и крайне нужная, работа упирается в отсутствие монографических исследований в этой области—ряд вопросов в научной литературе не освещен совсем, а ряд других разработан совершенно недостаточно. Ярким примером этого служит Д. И. Писарев, современник Чернышевского, крупный и влиятельнейший публицист 60-х годов, о котором наперечет имеется 3—4 работы, далеко не уясняющие роль Писарева в целом. Поэтому появление работы В. Кирпотина надо только приветствовать.

Рассматриваемая книга Кирпотина содержит небольшое предисловие автора и девять глав основного текста. Эта работа представляет собою попытку анализа основных элементов мировоззрения Писарева и его деятельности. Кирпотин не излагает внутреннего плана своей работы, который на первый взгляд совершенно неясен. При первом поверхностном ознакомлении с работой получается впечатление, что это сборник статей по отдельным самостоятельным темам, друг с другом не связанным, и лишь при дальнейшем чтении выясняется их единство. Выявление плана работы и ее структуры в предисловии было бы крайне уместно и сделало бы книгу понятнее. Отмечу также, что необходимо было бы дать сводку работ о Писареве—они немногочисленны и разбросаны иногда в ряде журналов, так что указать их было бы нужно.

В первой главе своей работы Кирпотин останавливается на вопросе о превращении Писарева в радикала. Указав на дворянское происхождение его и на типичное для его среды воспитание, автор переходит к годам студенчества Писарева и, рисуя реакционную атмосферу в университете 50-х гг., отмечает постепенный отход его от академической жизни в область журналистики. В этой части работы даются довольно подробные сведения чисто-биографического характера, при чем в начальный период работы Писарева в печати (с 1858 года) его взгляды характеризуются нечеткостью и эклектичностью. Датой превращения его в радикала Кирпотин считает период м а й - с е н т я б р ь 1861 г о д а, и, переходя к первому замеченному в публицистике выступлению («Схоластика XIX века»), указывает на необходимость выяснить картину журнальной полемики 60-х, вернее—начала 60-х, годов. Отмечу здесь несколько моментов, к которым автор и ниже возвращается не раз. Прежде всего, им усиленно подчеркивается б ы с т р ы й т е м п созр е в а н и я Писарева, как публициста, при чем в этом усматривается типичное явление для эпохи 60-х годов, когда впервые возник широкий интерес к социальной проблеме и начали играть заметную роль разночинцы. Стараясь доказать быстроту темпа внутреннего роста Писарева, автор, мне кажется, мало критически отнесся к данным письма его (Писарева, разумеется) матери, написанного во время заключения его уже в крепости. Ясно, что Писареву было выгодно представить свой радикализм незрелым, поверхностным, и он оказал в этом направлении на свою мать определенное влияние (о том, что письмо было инспирировано Дмитрием Ивановичем, говорит и Кирпотин—стр. 15). Игнорирование этого привело автора к излишнему сгущению красок и к об'яснению неустойчивой позиции Писарева после 1862 года именно этой быстротой его духовного роста. Ниже, в ряде случаев, он эту мысль неустанно повторяет не раз. В этой же главе имеется место, использованное автором в дальнейшем, о переходе Писарева из рядов дворянства в разночинцы, при чем, несмотря на это, Кирпотин корни неустойчивой позиции его в 1862 году и в следующие годы склонен об'яснять сохранившимися в нем чертами дворянского воспитания.

Во II главе дается характеристика журнальной полемики 1860—1862 годов. Истинный реакционный характер англоманства Каткова выяснен в нескольких словах; удачно отмечена промежуточная, колеблющаяся позиция «Отечественных Записок»; вскрывается антиреволюционная по существу позиция Страхова, этого «реакционера из 3-го сословия». Лавров, Чернышевский и Писарев составляли противоположный лагерь радикалов, при чем об'единенные общей основной линией, они исходили из разных предпосылок и занимали каждый в этой полемике особую позицию. Лавров, отражая интересы крестьянства, являлся представителем мелкобуржуазной идеологии и подвергался дружеской критике своих товарищей слева. Позиция Чернышевского отмечена схематично, но в общем она верна.

Полемика 60-х годов, говорит далее Кирпотин, велась в условиях усилившегося гнета, когда участникам ее, главным образом, из лагеря радикалов, приходилось вести спор в неясной, замаскированной форме. В полемике 60-х годов Писарев, борясь рука об руку с другими радикалами, занимал, однако, особую позицию и требует поэтому особого изучения. В итоге своей работы Кирпотин считает необходимым дать характеристику его воззрений, место и значение его в истории общественной мысли и, наконец, обрисовать «социальную базу, которая его выдвинула, и на которую он опирался» (стр. 52).

Глава III — «Материализм Писарева» — посвящена выяснению основных философских позиций Писарева. Задачей мышления он считал поиски средств улучшить судьбу человечества и категорически отрицал всякого рода кабинетные знания. Характерной чертой для Писарева Кирпотин считает упорную и постоянную борьбу с идеализмом. Разбор и внутренняя критика идеалистических систем Писаревым не применялись — он лишь приводил мотивы их отрицания (стр. 57). Идеализм, по его мнению, по существу реакционен и является источником рутины и застоя. Недаром совершенно очевидна внутренняя связь его с деспотизмом и «понукательной системой» (стр. 58). Отрицая идеализм, Писарев об'являл себя сторонником материалистического мировоззрения. Зависимость мышления от материальных процессов — неоднократно повторяемая Писаревым мысль. В связи с этим, он весьма высоко ставил значение естествознания и его воспитательную роль. Отсюда же вытекает мысль о социальной задаче естественных наук. Кирпотин, разбирая материализм Писарева, справедливо отмечает механистичность и схематизм его мировоззрения. Диалектика им была не понятна, он считал ее ненужным хитросплетением и, признавая вечные и неизменные законы, не допускал в развитии скачков (стр. 68). В основе научной работы он видел констатирование факта и, вдаваясь в борьбе с виталистами и телеологами в крайность, доходил до отрицания причинного об'яснения явлений и всякого рода теорий (стр. 70). В основе его взглядов лежала философия «здравого смысла», которая, при отсутствии серьезной школы и выучки, приводила к схематизму, весьма невыгодно характеризующему Писарева. В этом Кирпотин видит снижение (после Чернышевского) философского уровня в 60-х годах, который был, однако, вполне достаточен для борьбы с реакцией.

Глава IV озаглавлена «Исторические воззрения Писарева». Держась в области естествознания материалистической точки зрения, Писарев в общественных науках был идеалистом, — что было обычным явлением в то время (ср., например, Чернышевского). В полном соответствии с точкой зрения утопистов Писарев считал разум главнейшим фактором прогресса и в успехах человеческого знания видел главное средство улучшить судьбу человечества. При таких исходных пунктах,

полагая, что естествознание даст ключ к пониманию истории людей, Писарев естественно видел в распространении точных наук залог лучшего будущего. Эта вера в спасительную миссию естественных наук логично сочеталась у него с неуверенностью в научность истории (стр. 92—93). Придавая в общественном развитии просвещению и науке такую исключительную роль, он полагал, что лишь меньшинство образованных и просвещенных людей является решающей силой в истории, в то время как на долю масс выпадает при этом исключительно пассивная роль (стр. 95). Отрицая исключительную роль личности в истории, Писарев недостаточно четко выдерживал это положение, и Кирпотин находит возможным в его взглядах усмотреть корни суб'ективного метода в социологии. При такой чрезвычайно высокой миссии интеллигенции естественна мысль Писарева о необходимости увеличения кадров «мыслящих реалистов» (стр. 100), что ставилось им, как боевая задача современности. Эта глава, как и три предыдущие, является подсобной для основных глав—V и VI, и только в таком понимании ясна будет и их структура. Главным минусом IV главы является малая дифференцированность взглядов Писарева по отдельным этапам его развития и нечеткая аргументация автора его положений. Пытаясь в следующих главах установить некую кривую развития Писарева, в первых четырех главах Кирпотин разбирает его взгляды суммарно и, пользуясь выводами этого суммарного рассмотрения, несомненно вредит верному в общем приему периодизации взглядов Писарева. Затем, при выяснении исторических взглядов Писарева, было бы правильно исходить из комплекса его исторических статей, а не пользоваться отдельными цитатами, может быть и более яркими. И вот здесь-то и чувствуется пробел в работе — отсутствие главы о «просветительстве» Писарева. Эта глава дала бы верную оценку его статей и позволила бы, вставив его работу в живую картину публицистических схваток 60-х годов, дать более правильную оценку и подбор необходимых данных. Это сделать было бы тем более необходимым, что, приводим отдельные цитаты, автор, если и указывает, из какой работы они взяты (а это, к сожалению, делается далеко не всегда), то почти не отмечает, к какому периоду они относятся. Такое упущение тем более досадно, что в других главах им проводится довольно точная, я сказал бы, даже излишне точная, периодизация взглядов Писарева по ряду основных, принципиальных пунктов.

Кульминационным пунктом работы Кирпотина является глава пятая — «Писарев и революция», где рассматривается наиболее интересный и сложный вопрос. Кирпотин полагает, что у Писарева взгляд на революцию претерпел ряд изменений, которые можно изобразить в виде некоей кривой. В начале своих первых принципиальных выступлений, в мае 1861 года («Схоластика XIX в.»), Писарев не имел еще четкой точки зрения — он еще не отдавал себе отчета об истинном предмете спора Лаврова—Чернышевского с Катковым и Юркевичем и, выставляя слишком умеренные требования, считал еще вполне возможным примирение крайних взглядов в этой принципиальной полемике. Но скоро острота полемики и четкие статьи Чернышевского помогли ему разобраться в действительном положении вещей, и он выступил единым фронтом с «Современником» против реакционеров. С этого момента в его статьях исчезают нотки примирения, и он, разоблачая «официальные» корни позиции Каткова, громит своих противников по существу, бравируя отчасти своим радикализмом (стр. 118). Следующим этапом в развитии Писарева автор считает 1862 год, когда, под влиянием напряженной атмосферы крестьянских волнений, Писарев переходит к ориентировке на революцию, как на путь, дающий выход из создавшегося положения. Но быстрый темп политического развития приводит его к ряду промахов и противоречивых положений — еще в 1862 году у него замечаются некоторые колебания в этом вопросе, — ставка на мирный путь реформ и т. д. Все это заставляет высказать автора предположение о том, что Писарев, в силу своего дворянского прошлого, был неспособен к подготовке революции, но легко мог принять ее, как факт, и явиться одним из ее вождей (стр. 124).

Этим же дворянским происхождением Кирпотин об'ясняет и невыдержанную позицию Писарева на допросах (стр. 130). Весьма жаль, что, говоря о «деле» Писарева, по поводу его нелегальной статьи против Шедо-Ферроти, автор ограничивается лишь опубликованными уже Лемке материалами и, повидимому, не ознакомился с подлинными документами этого процесса. Возможно, самостоятельная разработка архивных данных дала бы кое-какие дополнительные сведения к известной нам по литературе картине. Странно звучит совершенно излишняя фраза и о том, что статья по поводу брошюры Шедо-Ферроти была «вполне неизбежна» (стр. 133). Такой «прорицательный» стиль мало что может дать автору и звучит достаточно непривычно.

Видя в этой статье кульминационный пункт, так сказать, вершину кривой в развитии Писарева, автор последующую и последнюю стадию его считает снижением в его взглядах и тактике, которые в этот период, под влиянием общей реакции, характеризуются отходом от революции, как средства общественной реорганизации. Поиски новой тактики привели Писарева к ставке на преобразующую силу знания. С этого времени основной своей задачей он считает популяризацию естествознания и всякое отвлечение от него, — будь то занятия искусством, активной общественной или политической работой, — полагает нежелательным и вредным. Здесь Писарев близко подходит к своему исходному пункту и близко увязывает свою тактику со своими историческими взглядами. Ведь последние характеризовались у него как раз весьма высокой оценкой интеллигенции, «мыслящих реалистов», наравне с мало-внимательным отношением к массам, которое привело его, наконец, к признанию несущественности вопроса о всеобщей грамотности (стр. 141). Эта новая тактика, благодаря своей легальности, казалась Писареву более действительной и реальной, хотя он сам отмечает несоответствие средств с поставленной им себе задачей (стр. 143). Отмечая, что отход от революции у Писарева являлся отражением общей реакции, после выяснения неосновательности расчета на революцию в 60-х годах, автор не говорит ясно — является ли новый курс Писарева лишь тактикой или он сигнализирует коренной и принципиальный сдвиг в основных, принципиальных вопросах. Из ряда мест следующих глав как будто следует именно последнее предположение, хотя в V главе речь все время идет о перемене тактики (ср. стр. 149).

Как видим, отношение Писарева к революции представлено в виде ясной схемы, весьма простой и, на первый взгляд, убедительной. При ближайшем же ее рассмотрении многое кажется слишком схематизированным. Этому способствует недостаточно четкая обрисовка последней стадии развития взглядов Писарева, на которую, несомненно, оказало сильное влияние заключение в крепости. Невольно, поэтому, встает вопрос о том, что в эти годы мы имеем тактическое отступление Писарева, под влиянием усилившегося гнета реакции. Следующие главы добавляют кое-что по этому вопросу — они, как и все предшествующие, исполняют, главным образом, служебную роль по отношению к главе пятой, которая является, несомненно, стержнем книги. Жалко, что для иллюстрации своих положений Кирпотин продолжает пользоваться выхваченными из текста цитатами, не давая общего представления о цитируемой работе и не учитывая весь комплекс работ его за это время. И в этой главе очерк о «просветительстве» Писарева мог бы быть чрезвычайно полезен.

Глава VI — «Писарев и социализм» — отмечает неровное его отношение к социальной проблеме, в общем, развивающееся параллельно с его отношением к революции. В первый период своей журнальной деятельности Писарев признавал принцип частной собственности (стр. 152), при чем Кирпотин указывает на отрицание им коммунизма, который якобы принижал личность. Затем следует следующий этап развития Писарева, характеризующийся вначале согласием лишь с критической частью учения социалистов-утопистов, которое быстро сменилось полным признанием точки зрения Прудона, Л. Блана и Лассаля. В этой быстроте принятия

социализма Кирпотин опять отличает основную причину неустойчивости и незрелости воззрений Писарева, при чем в этом пункте, как и в предыдущей главе, Кирпотин дает неясное и противоречивое решение вопроса. С одной стороны, он признает, что в 1862 году у Писарева замечается лишь изменение тактики, при сохранении тех же самых конечных задач, — коренного переустройства общества (стр. 162), а, с другой стороны, отмечается сомнение его в принципах социализма и слабое осознание неизбежности отрицательных сторон при капиталистическом строе (стр. 169). Из этого противоречия Кирпотин старается выйти при помощи указаний на то, что с истинной природой капитализма в российских условиях 60-х годов Писарев был незнаком, но это звучит мало убедительно. Наоборот, приводимые им яркие цитаты говорят за желательность, по мнению Писарева, для России капиталистического развития (стр. 173), при чем он отрицал лишь некультурный капитализм и вел борьбу с остатками старых крепостническо-феодальных отношений, оставляя органические пороки капиталистической системы в стороне. Оперируя и здесь отдельными цитатами, автор делает свою аргументацию мало надежной, и неясности V главы не устраняются. В заключение рассматриваемой VI главы Кирпотин указывает, что подпочвой социализма Писарева являлся крестьянский вопрос, в очень условном смысле. Будучи горожанином, он не отображал интересов крестьянства (стр. 183), но в то же время сам подпадал под влияние крестьянской стихии: «его теория и тактика (стр. 182; здесь сказано ясно, но противоречие от этого не стирается) стояла в прямой связи с настроением крестьянства».

Глава VII носит заголовок «Крушение эстетики». Здесь Кирпотин, рассматривая эстетические воззрения Писарева, считает их производными от философских и политических его взглядов (стр. 186), с которыми на первый взгляд они стоят в кажущемся противоречии. Вся глава посвящена, таким образом, рассмотрению эстетики Писарева под углом зрения той же схемы, которая изложена автором в V и VI главах, и содержит, кроме обьяснения этого мнимого противоречия, добавочное обоснование этой схемы. Отметив материалистические предпосылки эстетики Писарева, отрицание неизменных ее законов, автор указывает на то, что Писарев в основу своих построений положил «индивидуалистическо-сексуальное определение сущности прекрасного», и тем самым историзм в эстетике подменил суб'ективизмом (стр. 187). Затем следует рассмотрение отдельных этапов его эстетических воззрений. Первый период, до 1862 года, по мнению Кирпотина, характеризуется в общем правильной позицией Писарева, близкой к точке зрения основных работников «Современника». В эти годы Кирпотин его называет продолжателем Белинского, Чернышевского и Добролюбова. До 1862 года Писарев, высоко ценя искусство, требовал от него служения общественным интересам и, естественно, содержание ставил выше формы (стр. 192). Второй этап, после 1862 года, т.-е. после его отхода от революции, при общей более умеренной позиции его в области социально-политической, характеризуется, наоборот, весьма крайними взглядами Писарева в области эстетики. Эта кажущаяся несообразность, однако, логически вытекает из новой тактики Писарева. Ведь в это время основной задачей он считал подготовку и умножение кадров «мыслящих реалистов», а единственным путем для достижения этого он полагал занятие естествознанием. Сознавая несоответствие рекомендуемого им средства с колоссальными конечными целями, Писарев оговаривается, что реальный результат может быть достигнут лишь при наличии концентрации и экономного использования всех имеющихся сил на занятиях точными науками. Отсюда логично следовало, что искусство, отвлекая к себе силы и внимание, должно было являться тормозящим началом. К этому выводу пришел Писарев, прямолинейно следуя своей схеме. Вот каковы корни похода его против искусства. Такова основа радикализма Писарева в области эстетики. Этот радикализм не противоречит умеренной политической его позиции за это время, а, наоборот, находится в полном с ней соответствии. Левая фраза в эти годы является маскировкой по существу крайне умеренных взглядов Писарева.

Задавшись целью выяснить общественное значение деятельности Писарева, автор не мог обойти молчанием полемику его с «Современником» и посвятил рассмотрению этого вопроса отдельную (VIII) главу. Указав в начале на своеобразие взглядов Писарева, Кирпотин отмечает, что Писарев, отрицая философские концепции, не добавил своей системы философии, а стоял на точке зрения «здравого смысла» (стр. 216). Сказалось это в полемике с Антоновичем. Расхождение с «Современником» стало совершенно ясно уже в 1862 году, когда оценка «Отцов и детей» у Писарева резко разошлась с оценкой у Антоновича в «Современнике» (статья Антоновича, по мнению автора, была напечатана с ведома и, повидимому, с одобрения Чернышевского). Писарев в своей оценке этого романа, «поддавшись влиянию таланта Тургенева», не учел общественного значения романа и невольно попал в неловкое положение, сыграв в руку реакционным журналистам. Оценка Антоновича была вернее — он отмечал карикатурность выведенных Тургеневым радикалов, усматривал в романе клевету на молодое поколение. Спор Антоновича и Писарева разростался дальше и в конце концов привел к основному вопросу о революции, как пути реорганизации общества. Писарев внешним радикализмом в области искусства, прикрывая свои умеренные взгляды, недвусмысленно требовал по этому пункту ответа от «Современника» и, разумеется, его получить не мог — отрицательная позиция этого журнала, достаточно уместная и реальная в борьбе с реакционным лагерем, в споре с левыми, хотя бы только по форме, была совершенно недостаточна, и Антонович оказался побежденным, Кончает Кирпотин эту главу указанием на снижение теоретического уровня в середине 60-х годов, считая такое снижение вполне закономерным, и выводит его из самого философского развития того времени. Эти его рассуждения, подводящие общий итог, очень спорны. Вот ход его мыслей. Отметив, что в эти годы (имеется в виду эпоха реакции 60-х годов) читатель пред'являл спрос на более легкую духовную книгу (стр. 235), нежели серьезные построения Чернышевского, следующей за которыми ступенью явился бы марксизм, и, указав, что социальных условий для последнего в то время не было, а теория не терпит застоя, Кирпотин из этого логично заключает, — следовательно, возможен был лишь один путь, назад, и снижение социализма было неизбежно. Это об'яснение общего характера философии середины 60-х годов исчерпывающим вполне признать нельзя, схематизм его бьет в глаза. Напрасно автор упускает здесь из виду общую реакцию этих годов, мысль о которой все время у него чувствуется, но, к сожалению, не получает надлежащего развития. Благодаря именно этому он в той же главе впадает в противоречие, указав, что спор Антоновича с Писаревым первый проиграл не благодаря своим личным качествам, что верно, и в то же время писал, что «дело было в направлении журнала. Добролюбов умер, Чернышевский был на каторге. Некому стало поддерживать журнал на его старом теоретическом и политическом уровне» (стр. 235). Для полной ясности в этом отделе работы надо было дать краткий очерк положения литературы и основных, дебатировавшихся в ней вопросов в середине и в конце 60-х годов, в связи с общей обстановкой этого десятиления. Жаль, что автор мало, повидимому, использовал и статью Козьмина о «расколе в нигилистах» — она в этом вопросе уяснила бы многое.

Заключительная—IX—глава подводит итоги всей работе. Пытаясь определить весьма важную для характеристики Писарева категорию «мыслящих реалистов», автор приходит к заключению, что признаками людей этой категории является труд и знание. Под «мыслящими реалистами», по его мнению, надлежит понимать не класс, а скорее профессию (стр. 243), т.-е., главным образом, людей умственного труда, интеллигенцию. Переходя к определению социальной природы Писарева, Кирпотин определяет его, как разночинца, мелкобуржуазная природа которого ясна и из его колебаний (для этой же черты характерна отмеченная выше левая фраза при умеренности общих взглядов). Стоя на точке зрения производственной,

социализма Кирпотин опять отличает основную причину неустойчивости и незрелости воззрений Писарева, при чем в этом пункте, как и в предыдущей главе, Кирпотин дает неясное и противоречивое решение вопроса. С одной стороны, он признает, что в 1862 году у Писарева замечается лишь изменение тактики, при сохранении тех же самых конечных задач, — коренного переустройства общества (стр. 162), а, с другой стороны, отмечается сомнение его в принципах социализма и слабое осознание неизбежности отрицательных сторон при капиталистическом строе (стр. 169). Из этого противоречия Кирпотин старается выйти при помощи указаний на то, что с истинной природой капитализма в российских условиях 60-х годов Писарев был незнаком, но это звучит мало убедительно. Наоборот, приводимые им яркие цитаты говорят за желательность, по мнению Писарева, для России капиталистического развития (стр. 173), при чем он отрицал лишь некультурный капитализм и вел борьбу с остатками старых крепостническо-феодальных отношений, оставляя органические пороки капиталистической системы в стороне. Оперируя и здесь отдельными цитатами, автор делает свою аргументацию мало надежной, и неясности V главы не устраняются. В заключение рассматриваемой VI главы Кирпотин указывает, что подпочвой социализма Писарева являлся крестьянский вопрос, в очень условном смысле. Будучи горожанином, он не отображал интересов крестьянства (стр. 183), но в то же время сам подпадал под влияние крестьянской стихии: «его теория и тактика (стр. 182; здесь сказано ясно, но противоречие от этого не стирается) стояла в прямой связи с настроением крестьянства».

Глава VII носит заголовок «Крушение эстетики». Здесь Кирпотин, рассматривая эстетические воззрения Писарева, считает их производными от философских и политических его взглядов (стр. 186), с которыми на первый взгляд они стоят в кажущемся противоречии. Вся глава посвящена, таким образом, рассмотрению эстетики Писарева под углом зрения той же схемы, которая изложена автором в V и VI главах, и содержит, кроме объяснения этого мнимого противоречия, добавочное обоснование этой схемы. Отметив материалистические предпосылки эстетики Писарева, отрицание неизменных ее законов, автор указывает на то, что Писарев в основу своих построений положил «индивидуалистическо-сексуальное определение сущности прекрасного», и тем самым историзм в эстетике подменил субъективизмом (стр. 187). Затем следует рассмотрение отдельных этапов его эстетических воззрений. Первый период, до 1862 года, по мнению Кирпотина, характеризуется в общем правильной позицией Писарева, близкой к точке зрения основных работников «Современника». В эти годы Кирпотин его называет продолжателем Белинского, Чернышевского и Добролюбова. До 1862 года Писарев, высоко ценя искусство, требовал от него служения общественным интересам и, естественно, содержание ставил выше формы (стр. 192). Второй этап, после 1862 года, т.-е. после его отхода от революции, при общей более умеренной позиции его в области социально-политической, характеризуется, наоборот, весьма крайними взглядами Писарева в области эстетики. Эта кажущаяся несообразность, однако, логически вытекает из новой тактики Писарева. Ведь в это время основной задачей он считал подготовку и умножение кадров «мыслящих реалистов», а единственным путем для достижения этого он полагал занятие естествознанием. Сознавая несоответствие рекомендуемого им средства с колоссальными конечными целями, Писарев оговаривается, что реальный результат может быть достигнут лишь при наличии концентрации и экономного использования всех имеющихся сил на занятиях точными науками. Отсюда логично следовало, что искусство, отвлекая к себе силы и внимание, должно было являться тормозящим началом. К этому выводу пришел Писарев, прямолинейно следуя своей схеме. Вот каковы корни похода его против искусства. Такова основа радикализма Писарева в области эстетики. Этот радикализм не противоречит умеренной политической его позиции за это время, а, наоборот, находится в полном с ней соответствии. Левая фраза в эти годы является маскировкой по существу крайне умеренных взглядов Писарева.

Задавшись целью выяснить общественное значение деятельности Писарева, автор не мог обойти молчанием полемику его с «Современником» и посвятил рассмотрению этого вопроса отдельную (VIII) главу. Указав в начале на своеобразие взглядов Писарева, Кирпотин отмечает, что Писарев, отрицая философские концепции, не добавил своей системы философии, а стоял на точке зрения «здравого смысла» (стр. 216). Сказалось это в полемике с Антоновичем. Расхождение с «Современником» стало совершенно ясно уже в 1862 году, когда оценка «Отцов и детей» у Писарева резко разошлась с оценкой у Антоновича в «Современнике» (статья Антоновича, по мнению автора, была напечатана с ведома и, повидимому, с одобрения Чернышевского). Писарев в своей оценке этого романа, «поддавшись влиянию таланта Тургенева», не учел общественного значения романа и невольно попал в неловкое положение, сыграв в руку реакционным журналистам. Оценка Антоновича была вернее — он отмечал карикатурность выведенных Тургеневым радикалов, усматривал в романе клевету на молодое поколение. Спор Антоновича и Писарева разростался дальше и в конце концов привел к основному вопросу о революции, как пути реорганизации общества. Писарев внешним радикализмом в области искусства, прикрывая свои умеренные взгляды, недвусмысленно требовал по этому пункту ответа от «Современника» и, разумеется, его получить не мог — отрицательная позиция этого журнала, достаточно уместная и реальная в борьбе с реакционным лагерем, в споре с левыми, хотя бы только по форме, была совершенно недостаточна, и Антонович оказался побежденным, Кончает Кирпотин эту главу указанием на снижение теоретического уровня в середине 60-х годов, считая такое снижение вполне закономерным, и выводит его из самого философского развития того времени. Эти его рассуждения, подводящие общий итог, очень спорны. Вот ход его мыслей. Отметив, что в эти годы (имеется в виду эпоха реакции 60-х годов) читатель предъявлял спрос на более легкую духовную книгу (стр. 235), нежели серьезные построения Чернышевского, следующей за которыми ступенью явился бы марксизм, и, указав, что социальных условий для последнего в то время не было, а теория не терпит застоя, Кирпотин из этого логично заключает, — следовательно, возможен был лишь один путь, назад, и снижение социализма было неизбежно. Это об'яснение общего характера философии середины 60-х годов исчерпывающим вполне признать нельзя, схематизм его бьет в глаза. Напрасно автор упускает здесь из виду общую реакцию этих годов, мысль о которой все время у него чувствуется, но, к сожалению, не получает надлежащего развития. Благодаря именно этому он в той же главе впадает в противоречие, указав, что спор Антоновича с Писаревым первый проиграл не благодаря своим личным качествам, что верно, и в то же время писал, что «дело было в направлении журнала. Добролюбов умер, Чернышевский был на каторге. Некому стало поддерживать журнал на его старом теоретическом и политическом уровне» (стр. 235). Для полной ясности в этом отделе работы надо было дать краткий очерк положения литературы и основных, дебатировавшихся в ней вопросов в середине и в конце 60-х годов, в связи с общей обстановкой этого десятиления. Жаль, что автор мало, повидимому, использовал и статью Козьмина о «расколе в нигилистах» — она в этом вопросе уяснила бы многое.

Заключительная—IX—глава подводит итоги всей работе. Пытаясь определить весьма важную для характеристики Писарева категорию «мыслящих реалистов», автор приходит к заключению, что признаками людей этой категории является труд и знание. Под «мыслящими реалистами», по его мнению, надлежит понимать не класс, а скорее профессию (стр. 243), т.-е., главным образом, людей умственного труда, интеллигенцию. Переходя к определению социальной природы Писарева, Кирпотин определяет его, как разночинца, мелкобуржуазная природа которого ясна и из его колебаний (для этой же черты характерна отмеченная выше левая фраза при умеренности общих взглядов). Стоя на точке зрения производственной,

в области экономики, Писарев может показаться более завершенным и сложившимся человеком, чем Чернышевский, который стоит на распределительной точке зрения. Но это неверно — Чернышевский стоял за надел крестьян землей и отражал их интересы. Писарев же, по природе горожанин, смотрел на крестьян сверху вниз (стр. 246). Отрыв его от масс привел его к ставке на капитализм вообще, у него явился мелкобуржуазный уклон. Революционность Писарева Кирпотин именует относительной, — при ярко выраженной непримиримости к крепостничеству и ставке на революцию в моменты крестьянского брожения, он отходит от революции в период затишья и реакции. Писарев отражал интересы городской и мелкобуржуазной интеллигенции, «тех ее слоев, появление и расширение которых было связано с потребностями нарождающегося капитализма...» (стр. 249). Он стоял особняком и был, благодаря этому, особенно подвержен влиянию общественных настроений. Отметив еще раз, что Писарев знаменует собою после Чернышевского теоретическое снижение уровня общественной мысли, Кирпотин в заключение говорит об исключительно важной роли его в эпоху затишья 60-х годов и о той популярности, какой пользовались его произведения. Легкость и популярность языка при изложении им своих мыслей способствовали этому влиянию Писарева и поставили его в число виднейших публицистов 60-х годов.

Вот каков, примерно, ход мыслей автора книги. Кирпотин ставит себе задачей установить общие принципы общественно-политической линии Писарева и для ее уразумения строит ясную, но, по моему мнению, слишком прямолинейную схему, искажающую действительного Писарева. Не совсем удачное использование работ Писарева отрицательно сказывается на аргументации автора, что еще больше осложняется игнорированием с его стороны некоторых важнейших сторон деятельности Писарева. Но, несмотря на это, книгу эту надо считать весьма полезной — дальнейшие работы о Писареве, несомненно, не пройдут мимо работы Кирпотина и, дополнив его исследование, уточнят и проверят, выставленные им положения. Книга написана ясным, живым языком и, хотя часто в ней встречаются повторения и длинноты, читается она легко.

А. Нифонтов.

И. И. ЛИТВИНОВ. Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства. ГИЗ. 1929 г. Тираж 3.000. Ц. 1 р. 50 к.

В данной работе автор изучает влияние столыпинского аграрного законодательства на промышленность, емкость рынка, на рост городов и рассматривает, как влияла аграрная реформа на взаимоотношения классов между двумя революциями. Автора интересует вопрос о том, как содействовало столыпинское законодательство улучшению выполнения крестьянством функций, необходимых для капитализма, и как влияли последствия этого законодательства на соотношения классов и на развитие классовой борьбы в России.

В первой главе автор ничего нового не дает, добросовестно излагает теорию Маркса и Ленина о роли и значении крестьянства для капитализма и заостряет свою полемику против Каутского и Люксембург. Зато возбуждает ряд сомнений вторая глава об особенностях экономического и политического развития царской России.

Своеобразие России автор видит в ее крестьянском характере, в узкости внутреннего рынка, агрессивности буржуазии, ведшей захватническую политику на Дальнем Востоке тогда, когда внутренний рынок был еще недостаточно использован, в бурном темпе концентрации рабочих на фабриках и заводах, в быстром перерождении капитализма в империализм и в том, что экономическое здание царской России увенчалось архаической постройкой, в виде самодержавной монархии полицейского режима. Причины пестроты в экономическом и политическом состоянии России автор видит в позднем развитии ее капитализма. Против этих бесспорных положений возражать не приходится, но они нуждаются в дополнении и дальнейшем развитии. Автор наметил их слишком бегло и разрешает наспех. Корни своеобразия развития России гораздо глубже и требуют большого специального и детального изучения. Хочу только отметить, что нельзя разрешить этого вопроса без привлечения эпохи торгового капитала, без анализа взаимоотношения метрополии с колониями России, без выяснения роли колоний в системе хозяйства, без анализа взаимоотношений аграрной и промышленной буржуазии XIX в. и т. д. Еще ничего не дает ссылка на такие общеизвестные истины, что в России капитализм наступил поздно и т. д. Автором на 12 — 13 стр. приводится замечательная цитата Ленина, которая дает ключ к пониманию особенностей истории России XIX и начала XX вв. Задача историка как раз состоит в том, чтобы при помощи правильного методологического положения развернуть ряд конкретных данных. Между тем, у автора размах большой — он начинает со Сперанского (начала XIX в.) и очень бегло касается всего XIX и XX вв.

В четвертой главе автор дает данные, говорящие о том, что «развитие русской кредитной кооперации, рост крестьянских вкладов в сберегательные кассы и быстрый прогресс вывоза хлебных, животных и сырьевых продуктов по времени, а часто и по пространству совпадает с действием аграрных реформ» (стр. 24). Это дает т. Литвинову несомненное право притти к выводу, что «те гигантских размеров процессы, происходившие в русской деревне после 1906 года, благодаря столыпинскому законодательству, сильно влияли на рост товарности крестьянского хозяйства в России». Тов. Литвинов убедительно доказывает влияние аграрной реформы на рост потребительской и сельскохозяйственной производственной кооперации, об'единявшей крепких мужиков, и приходит к выводу, что реформа частично освободила деревню от архаических остатков полуфеодальных производственных отношений. Дальше автор подробно изучает процесс роста потребления. В этой главе автор умаляет рост городского потребления. Однако на основе большого материала он приходит к тому важному выводу, что «душевое потребление пролетариата навряд ли могло расти» (стр. 33).

Прежде чем перейти к изучению положения рабочих в России, автор дает большое теоретическое введение о законе трудовой стоимости и о союзе пролетариата с крестьянством. В особенности положения рабочего класса и низкой оплате труда на заре капиталистического развития тов. Литвинов видит первую и наиболее важную причину революционности молодого пролетариата. Совершенно правильно одну из причин Октябрьской революции автор видит в том, что «методы первоначального накопления применялись в этой стране в эпоху уже весьма развитого капитализма и даже империализма во всем мире» (стр. 59). Эта глава в целом представляет интерес, так как она пытается по-новому поставить ряд вопросов; далее автор приходит к тому выводу, что положение рабочего класса в течение периода промышленного под'ема изменялось не к лучшему, а к худшему. Положение рабочих ухудшалось, потому что «расходы по воспроизводству рабочей силы, в отношении оплаты необходимых расходов на воспитание смены, на содержание семьи и потомства рабочего, не лежало на предпринимателе» (стр. 86), так как новой рабочей силой фабрика обеспечивалась деревней, где был неисчерпаемый источник дешевых рабочих рук. В этом источнике живой рабочей силы крылась главная причина высоких прибылей предпринимателя, в нем же ключ и к пониманию низкого уровня зарплаты в довоенной России.

«Столыпинщина, как это ни странно звучит, открыла, — по мнению автора, — слишком широкую отдушину» (стр. 89): промышленность, вырастая на казенных заказах, оказалась не совсем приспособленной к новым задачам, перестройка промышленности происходила не безболезненно, и буржуазия совершенно растерялась, когда стал падать активный торговый баланс. В дальнейших выводах уже нельзя согласиться с тов. Литвиновым: совершенно непонятно, почему помещик,

экспортер хлеба, не интересовался активным торговым балансом. Ведь активный торговый баланс России строился исключительно на вывозе хлеба. Каким же образом помещик был заинтересован в том, чтобы подрубить сук, на котором он сидел? Представители торгового капитала выигрывали от падения нашего рубля на мировом рынке. Однако помещики наживались благодаря тому, что наш хлебный экспорт и цены росли быстрее разницы между нашим и иностранным рублем.

Автор пишет: «Россия как раз принадлежала к тем государствам, которым крайне необходим был активный торговый баланс: на нем зиждилась устойчивость ее денежной системы и возможность платить по иностранным долгам» (стр. 92). «Торговый капитал был в нем (т.-е. в активном торговом балансе. *С. Т.*) меньше всего заинтересован. Торговый капитал был заинтересован главным образом в развитии внешней торговли, но не столько в активном или пассивном сальдо этой торговли» (стр. 93). Как примирить эти противоречия? Наконец, одним торговым балансом причину мировой войны не об'яснить. Поворот России к Англии об'ясняется рядом сложных обстоятельств, не нашедших об'яснения в данной работе. Историю внешних политических комбинаций надо было обосновать или вовсе не коснуться. Наконец, из толкования т. Литвинова нельзя понять, почему промышленная, а не торговая буржуазия была заинтересована в дарданельской проблеме. Кажется, в первую очередь Дарданеллами интересовались, вопреки положению Литвинова, хлебные экспортеры. Промышленной буржуазии вряд ли стоило драться из-за проливов.

Последняя глава (XI) посвящена социально-экономическим последствиям столыпинских реформ. Выводы автора здесь ценны: пролетариат в результате реформ революционизировался, буржуазия же, наоборот, все более правела и все более приближалась к власти, происходила смычка интересов буржуазии и передового дворянства, реформа содействовала освобождению рабочего класса России от земли, и благодаря этому росло и крепло классовое сознание рабочего класса и его готовность к борьбе с царизмом и капитализмом, благодаря освобождению рабочих от земли, теряла свое влияние на пролетариат партия с.-р., за которой в 1905 — 1907 гг. шли значительные слои рабочих. В то же время реформа вызвала ожесточенную борьбу между различными слоями крестьянства и обострялись противоречия между крестьянством в целом и дворянством. Реформа же способствовала громадному росту слоя обездоленных крестьян в деревне, недовольных существующим строем и враждебно настроенных и по отношению к кулаку, и по отношению к помещику. Тем самым столыпинщина подготовляла почву для создания государства рабочих и крестьян взамен государства дворян и капиталистов.

Перейдем к выводам: 1) тов. Литвинов дает полезную работу для наших вузовцев. Достоинство его работы в том, что она выдвигает ряд теоретических проблем и методологических вопросов. Эта работа отличается от тех наших работ по истории, где обычно игнорируется методология и теория вопроса, и поэтому нельзя согласиться с тов. Сидоровым, обрушивающимся на тов. Литвинова за то, что он поставил ряд теоретических проблем, связанных с эпохой империализма («Историк-Марксист» № 11), якобы не имеющих ничего общего с основным содержанием работы; 2) ленинская методологическая установка о столыпинщине насыщается богатым фактическим материалом.

К недостаткам работы следует отнести следующее: 1) выдвигая «мировые» проблемы, автор большей частью пытается их разрешить бегло, на-«лету», 2) к работе привлечен небольшой архивный материал; 3) автор совершенно обошел молчанием, как проводилась «столыпинщина» в колониях б. империи: на Кавказе, в Литве (интересно отметить, что правительство не принимало никаких мер к ликвидации крепостнического права на Кавказе и культивировало крепостнические пережитки в других колониях); 4) хотя автор дает анализ классовых взаимоотношений между двумя революциями, но следовало бы уделить внимание третьеиюньскому блоку и не ограничиться только беглым замечанием по поводу половинчатости тактики кадетов в Думах.

В заключение нельзя не отметить «мелочи», от которых давным-давно следовало бы отучиться: надо выбросить терминологию «русская история», «русский рабочий», когда дело идет об истории России и российском рабочем.

С. Т.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

Материалы к дискуссии по теоретической экономии.

Письма в редакцию [1]).

Уважаемые товарищи!

Широко развернувшаяся за последнее время дискуссия по основным вопросам экономической теории требует самого пристального внимания партийного и общественного мнения. Между тем, помещавшиеся в течение последних месяцев в библиографическом отделе «Правды» рецензии по вопросам теоретической экономии, принадлежавшие представителям механистического направления тт. Кону, Бессонову и Бутаеву, дают совершенно неправильное и тенденциозное представление о сути разногласий. В последней рецензии т. К. Бутаева на сборник «Против механистических тенденций в политической экономии», выпущенный ИИЗ под редакцией тт. Б. Борилина и А. Леонтьева (см. «Правда», от 4/VIII—1929 г.), встречается такое грубое извращение основных марксистских положений политической экономии, такая неприкрытая защита механистических взглядов и, в довершение всего, абсолютно необоснованное обвинение противников механистических тенденций в отсутствии политического чутья в области экономической теории, что нижеподписавшиеся товарищи считают своим долгом обратиться в редакцию со следующим письмом.

Начнем с краткой оценки тех примеров мнимого отклонения от марксизма у противников механистических взглядов, которые приводит рецензент. По его мнению, они совершают отход от марксизма прежде всего тем, что различают, с одной стороны, —материально-технический процесс производства» или «производство материальных ценностей», относя их к сфере технологии и производительных сил, и, с другой, общественные отношения людей по производству, относя их к сфере политической экономии. Но, это различие всегда проводилось Марксом и марксистской политической экономией в противоположность всей буржуазной науке. Рецензент, очевидно, не знает, что Маркс прямо говорит о необходимости отдельного рассмотрения этих различных сторон единого процесса производства и труда. Рецензент приводит цитату из «Критики политической экономии», где Маркс говорит: «Предмет настоящего исследования—это, прежде всего, материальное производство», и больше ничего. Но, если бы он перевернул страницу, то смог бы прочитать недвусмысленное заявление Маркса в развитие вопроса о предмете политэкономии, что «политическая экономия не технология». Поскольку речь идет о сфере конкретного труда, о производстве потребительных стоимостей и т. д., Маркс выделял все это из непосредственного об'екта политэкономии—производственных отношений людей. Наиболее определенно высказывается по этому вопросу Ленин, который пишет: «Ее (политической экономии) предмет — вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (Т. II, стр. 220). Ошибку смешения об'ектов технологии и политической экономии делал Богданов и вся буржуазная экономия. Приходится поистине поражаться, что абсолютно подобное же смешение, которое свойственно всей буржуазной политэкономии, теперь преподносится рецензентом под флагом ортодоксальнейшего марксизма.

Но рецензент продолжает обвинять. Раз противники механистических взглядов относят «материально-техническую сторону производства» к технологии

1) Печатаемые ниже 2 письма получены от ред. газ. «Правда», для опубликования в журнале. Ред.

и производительным силам и далее выделяют «производственные отношения», а не просто «производство» в качестве об'екта политэкономии, то они «вслед за Рубиным, лишают капитализм его основного движущего противоречия между производственными отношениями и производительными силами». Не лишает ли марксистская политическая экономия, в самом деле, капитализма основного движущего противоречия между производительными силами и производственными отношениями людей? К счастью для марксизма, это обвинение основано на извращенном представлении рецензента о существе производственных отношений и закономерностях их развития. Производственные отношения суть отношения людей по производству. Эти отношения по поводу «вещей» и через посредство «вещей», фигурирующих в производстве. Уже по одному этому «вещи», материально-технические факторы производства, процессы воздействия человека на природу, хотя специально не изучаются политэкономией, — отнюдь не исчезают из рассмотрения политэкономии, но рассматриваются постоянно в связи с рассмотрением самих производственных отношений. Как моменты, по поводу и на основании которых создаются и развиваются общественные отношения между людьми, «вещи», потребительные стоимости, материально-технический процесс производства не исчезают из поля зрения исследователя политэкономии. Производственные отношения не могут рассматриваться в политической экономии иначе, как в связи и во взаимодействии с производительными силами, хотя последние изучаются постольку, поскольку этого требует изучение самих производственных отношений. Почему? Потому, что в политэкономии речь идет «не о вещах, а об отношениях между лицами, а в последней же инстанции между классами» (Энгельс).

Но, далее, если мы исследуем специально и особо производственные отношения, то воздействие производительных сил на производственные отношения не только не ускользают от нас, но именно на внутреннем движении самих производственных отношений это воздействие производительных сил и выясняется наиболее полно. Воздействие производительных сил и выражается в первую очередь в том, что оно создает внутри производственных отношений такие факторы, которые действуют изнутри на данную систему производственных отношений, ее изменяя, двигая, развивая. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями и выражается прежде всего в создании сил внутри производственных отношений, которые выступают с ними в конфликт и взрывают их. Поэтому, только стоя на сугубо-механической точке зрения, игнорирующей внутренние имманентные противоречия, можно притти к выводу, что если мы будем изучать в политэкономии производственные отношения, а не «производство материальных ценностей», то у нас исчезнет противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Нет, именно изучение внутренних противоречий в движении производственных отношений и обнаруживает глубочайшие антагонизмы, которые свойственны производственным отношениям капитализма и которые выражают в последнем счете основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, изложенное во всей капиталистической системе. Поэтому можно оценить «мудрость» рецензента, который пишет, что «нельзя вскрыть внутренние противоречия производственных отношений, взятых сами по себе». Это утверждение прямо бросается в глаза по своему глубоко-механистическому смыслу. И, вместе с тем, — какие оппортунистические уши выглядывают у рецензента в этом пункте. Одним махом рецензент ликвидирует (подумайте!) все внутренние противоречия производственных отношений, как таковых. Ни классовой борьбы, ни конкуренции, ни анархичности и т. д., т.-е. ничего характеризующего именно глубочайшую внутреннюю антагонистичность производственных отношений, как таковых. Ничего этого рецензент не признает.

Рецензент нападает на противников механистических взглядов за то, что они подчеркивают факт овеществления общественных отношений при капитализме. Он согласен с тем, что экономические категории суть одновременно социальные формы вещей только в отношении категорий, выражающих, как он говорит, отно-

шения равноправных или просто товаропроизводителей, и не согласен с таким утверждением, поскольку речь идет о производственных отношениях между буржуазией и пролетариатом. Мы не имеем возможности, за отсутствием места, полностью ответить на подобное «марксистское» понимание рецензентом отношения между буржуазией и пролетариатом. Но совершенно ясно, что, отрицая факт овеществления общественных отношений между буржуазией и пролетариатом, т. Бутаев решительно разрывает с марксистской теорией. Энгельс, Маркс и Ленин писали неисчислимое число раз о том, что классовые экономические отношения при капитализме проявляются, как вещи, выражаются в вещах, опосредствованы обменом вещей и т. д. Непонимание этого неизбежно приводит к отрицанию господства закона стоимости в обмене между трудом и капиталом, неизбежно приводит ко взглядам, которых придерживался Туган-Барановский в своей «социальной теории распределения» и которых придерживается современная социал-демократия. Выводом из них является «теория» беспрерывного улучшения положения рабочих при капитализме и мирного врастания в социализм.

Рецензия т. Бутаева чрезвычайно интересна по той неприкрытой защите механистов, которая в ней получила себе выражение. Признавая механистическую опасность, для приличия, в паре мест, он приходит к тому выводу, что вообще не следует никого об'являть «механистами», не следует кричать о «механической ревизии» Маркса, а только критиковать «отдельные ошибки экономистов-коммунистов». И вообще стоит ли говорить о механистическом течении в политэкономии, когда есть «основная идеалистическая опасность»!

Всякого поразит удивительное сходство этой ламентации рецензента в защиту механистов с подобными же ламентациями философов-механистов. Вряд ли у кого-либо из нас есть сомнения в необходимости ожесточенной, ни на минуту не прекращающейся борьбе с идеализмом. Борьбу с «социальным направлением» буржуазной экономии противники механистических взглядов ведут не на словах, а на деле, вынося на своих плечах почти всю тяжесть этой борьбы. Однако возможна ли такая борьба, если наше марксистское оружие не будет остро отточено, если мы не разоблачим до конца механистические взгляды? Мы считаем, что это разоблачение является необходимейшим условием для успеха в борьбе со всеми направлениями в буржуазной экономии и в первую голову с социально-идеалистическими течениями. Именно выросший за последнее время фронт механистов-путаников является существенным тормозом в этой борьбе. Ошибочно думать, что речь здесь идет только «о паре ошибающихся экономистов-коммунистов». Речь идет не только о тт. Коне и Бессонове; речь идет о Шабсе, Дашковском, Кажанове, Финн-Енотаевском, Базарове, Вейдемюллере, Цейтлине и др. Речь идет еще о не умершей и достаточно живучей идеологии Богданова. Речь идет о возрождающихся попытках открытой ревизии Маркса под материалистически-механистическим флагом (см., например, новую статью Финн-Енотаевского в № 3 «Социалистического Хозяйства»). Не нужно забывать всей хозяйственной и политической обстановки, в которой мы живем и которая питает механистические взгляды, особенно в области экономики. В нашей обстановке безусловно заложена возможность такого механистического понимания экономических явлений, когда социальная форма непосредственно отождествляется с материально-техническим содержанием. Выпячивание чисто-технического момента, взятой вне социально-классовой форме ,разве это не та тенденция, которую поддерживает вся мелкобуржуазная стихия, капиталисты и враждебно настроенные нам специалисты в условиях, когда пролетариат ведет ожесточенную классовую борьбу за социалистическую реконструкцию нашего хозяйства. Мы полностью согласны с мнением одного видного философа-диалектика, высказанным им на недавнем диспуте в ИКП, что «из тех задач, которые стоят сейчас перед марксизмом-ленинизмом, вытекает необходимость в первую голову приложения к изучению политической экономии метода материалистической диалектики, вытекает борьба против механистического его понимания».

О необходимости борьбы с механистическими взглядами в общественных науках говорят и решения 2-й всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Мы указываем и на то, что о механистической опасности в политической экономии не говорят, а трубят ряд журналов («Под Знаменем Марксизма», «Революция и Культура», «Книга и Революция» и др.).

В заключение несколько слов о методах дискуссии. Мы считаем совершенно недопустимой и в высшей степени вредной ту установку в настоящей дискуссии, которая так ярко выражена в рецензии и которая пытается свести всю дискуссию к вопросу «за или против Рубина». Дискуссия далеко перешагнула за рамки работ Рубина. Речь идет о принципиальных линиях, установках, направлениях, а отнюдь не просто об оценке достоинства и недостатков работ Рубина. Мы безусловно считаем, что работы Рубина имеют ряд ошибок и односторонностей. Являясь в основном существенным вкладом в марксистскую теорию, они отнюдь не лишены ошибочных моментов. На это справедливо указывают и авторы сборника.

Однако мы считаем, что под флагом борьбы с «рубинщиной» в настоящее время делается попытка реставрировать и развить явные богдановско-механистические взгляды, делается попытка нападения на всю марксистскую политическую экономию, даются лозунги протаскивания в экономическую теорию таких вещей, как изучение потребительной стоимости, технологии, смешение экономических и технических категорий, смазывание социально-классовых моментов в угоду моменту техническому, анти-исторические взгляды на категории политэкономии, идея «железного» закона трудовых затрат, якобы диктующего неизменные для всех эпох пропорции между частями общественного производства (в то время, как мы проводим индустриализацию, коренным образом изменяя пропорции, созданные в прошлом, между тяжелой индустрией и легкой и т. д.), отрицание важности факта овеществления общественных отношений и значения конкуренции и рынка при капитализме (что неизбежно ведет к теории организованного капитализма), представление об обмене, как о безразличной внешней форме, в то время как обмен—не только внешняя форма проявления; обмен и торговля глубочайшим образом связаны с капитализмом и его порождают (Ленин) и т. д. В настоящем месте нет нужды доказывать, к каким опасным и в теории и на практике выводам может привести распространение подобных взглядов в области экономической науки. Вот почему мы не только отводим обвинение в отсутствии у противников механистических тенденций политического чутья в теории, но считаем своим долгом решительно заявить, что вся социально-экономическая и политическая обстановка, в которой развиваются науки в СССР, требуют, прежде всего, от всего коллектива коммунистов-экономистов дружной работы над преодолением в первую голову механистических взглядов.

С коммунистическим приветом

Н. Березин, Б. Борилин, С. Кругликов, А. Леонтьев И. Литвинов, Л. Мендельсон, Л. Мехлис, К. Островитянов, Л. Эвентов, Е. Хмельницкая.

август, 1929.

Уважаемые товарищи!

За последнее время на страницах некоторых журналов небольшая, но сплоченная группа сторонников Рубина, целиком разделяющая «социально»-идеалистические ревизионистские взгляды последнего, ведет бурную кампанию против всех марксистов, не желающих скатываться вместе с Рубиным в болото идеализма. Ни одним словом не отвечая на серьезнейшие обвинения, выставленные марксистами против Рубина, участники группы пытаются перекрыть эти обвинения криками об ошибках, допущенных когда-то критиками Рубина. Использовывая в своих интересах принятый всей партией лозунг борьбы с механистами, они пытаются

подогнать под это враждебное течение каждого, кто подымет свой голос в защиту марксизма против рубинских извращений. На этом пути рубинцы не останавливаются ни перед прямым искажением взглядов своих противников (примеры этого рода см. в статье тов. Кона в «Пробл. Эк.» № 6, а также в письме его, опубликованном в июле 1929 г. в «Правде»), ни перед демагогическим улюлюканьем и травлей отдельных товарищей (Кон, Бессонов). Путем этой травли, наклеивания ярлыков и пришивания теоретических уклонов, рубинцы пытаются запугать всех, кто не согласен с Рубиным, пытаются отвлечь внимание читателей от писаний и ошибок своего учителя и вывести таким образом Рубина из-под ударов марксистской критики.

Эта недостойная марксистов защита «социально»-идеалистических рубинских извращений нашла себе полное отражение в декларации десяти экономистов, доставленной в редакцию «Правды» под видом ответа на рецензию тов. К. Бутаева, посвященную разбору явно неудачного сборника рубинцев, носящего претенциозное заглавие «Против механистических тенденций в политической экономии».

В рецензии на этот сборник тов. К. Бутаев совершенно правильно отметил серьезную политическую ошибку его авторов, рассыпающихся в похвалах Рубину и Гильфердингу и некритически об'являющих их стопроцентными ортодоксальными теоретиками марксизма. Вместе с тем, тов. К. Бутаев на нескольких примерах отчетливо показал, в какое опасное болото попадают авторы сборника, присоединяясь к основным положениям рубинской идеалистической теории.

Что же ответили рубинцы на это серьезное обвинение? Вместо того, чтобы резко и решительно отмежеваться от социально-идеалистических утверждений Рубина в вопросе о предмете политической экономии (игнорирование противоречий между производительными силами и производственными отношениями), в вопросе о труде (об'явлении труда, созидающего стоимость, лишь формой труда, лишенной материального содержания), в вопросе о форме и содержании (превращение политической экономии в вульгарное учение о «социальных формах вещей»). Вместо того, чтобы категорически осудить меньшевистскую меновую концепцию Рубина, об'явившего классовые (по Рубину в кавычках) отношения разновидностью отношений обмена (см. «Современные экономисты на Западе», стр. 188, подчеркивающего в положении наемного рабочего «независимость» и «равноправие» последнего, считающего основным в купле-продаже рабочей силы отношение «автономных суб'ектов», провозгласившего рабочего «равноправным и автономным товаропроизводителем», «суб'ектом» капиталистического хозяйства» (ср. «Очерки», изд. 3-е, стр. 102 — 105). Вместо того, чтобы подобным честным и прямым отмежеванием от рубинских извращений положить начало созданию единого фронта всех диалектиков-марксистов против социальных идеалистов, с одной стороны, и механистов, с другой стороны,—молодые представители рубинской школы на этот раз в своей декларации не нашли ничего лучшего, как еще раз прикрыть своим партийным именем рубинские извращения марксизма.

«Дискуссия, — пишут они, — далеко перешагнула за рамки работ Рубина. Речь идет о принципиальных линиях, установках, направлениях, а отнюдь не просто об оценке достоинств и недостатков работ Рубина. Мы безусловно считаем, что работы Рубина имеют ряд ошибок и односторонностей, являясь в основном существенным вкладом в марксистскую теорию, они отнюдь не лишены ошибочных моментов».

Этим своеобразным свидетельством о бедности ограничиваются ученики Рубина, когда они пишут о своем учителе. Ни одного слова, в действительности характеризующего ошибки Рубина. Ни одного замечания, на деле осуждающего его идеалистические и меньшевистские извращения.

Весь смысл и значение приведенного места декларации заключается в том, чтобы вывести Рубина из-под обстрела, спасти от развенчания это важнейшее знамя новой ревизионистской школы. Между тем, никто и никогда не интересовался

«достоинствами и недостатками работ Рубина» как таковых. С самого начала дискуссии, т.-е. с 1923 года, речь неизменно шла именно о тех «принципиальных линиях, установках, направлениях», которые содержатся в работе Рубина и которые прямо и косвенно ревизуют марксизм. До выступлений тт. Борилина и Леонтьева и др. за все пять лет дискуссии не было ни одного марксиста, который в той или иной форме не отмежевался бы от той или иной части взглядов Рубина, как от явно или скрыто ревизионистских. Только сейчас, когда Рубину удалось создать школу молодых учеников из среды коммунистов, в защиту его идеалистической концепции начинают подниматься голоса, не стесняющиеся использовать любые аргументы для безоговорочной защиты учителя.

Мы категорически отводим поэтому попытку десяти экономистов еще раз спасти Рубина от неминуемого осуждения его идеалистических позиций.

В своей декларации рубинцы делают целый ряд отступлений от их прежних взглядов, на ряду с повторением ряда прежних своих ошибок.

Начнем с вопроса о предмете политической экономии.

Свое знаменитое «Введение в Критику» Маркс начинает словами:

«Предмет исследования—это прежде всего материальное производство. Социально обусловленное производство индивидов — вот, очевидно, отправной пункт». Рубин в своих «Очерках», Леонтьев и Хмельницкая в своих писаниях и авторы сборника неоднократно заявляли, что предметом политической экономии является не материальное производство (Рубин, «Очерки», изд. 3-е, стр. 52 и др.).

Сборник «Против механистических тенденций» (стр. 145). Они полагали, что материальное производство это то же самое, что производство материальных ценностей, и потому считали материальное производство только техническим процессом. В противоположность этому мы считали и считаем, что процесс материального производства есть не только технический, но и общественный процесс и в качестве такового (общественного и общественно-оформленного) процесса образует предмет политической экономии. Никто из нас никогда не предлагал включать в предмет политической экономии технический процесс производства или то, что Ленин называл «производством материальных ценностей»,—напротив, мы предлагаем различать производство, как технический процесс, от производства, как общественного процесса. Что же ответили на это авторы декларации? Может быть, они об'яснили, как они примиряют свое утверждение, что политическая экономия не изучает материального производства, с утверждением Маркса, что предмет политической экономии — «прежде всего материальное производство»? Нет. Они предпочли приписать тов. Бутаеву, как одному из марксистов-антирубинцев, нежелание отличать общественную форму производства от технического процесса производства. Однако именно мы настаиваем на том, что политическая экономия изучает производственные отношения капитализма в их возникновении, развитии и упадке. Тем не менее, в отличие от рубинцев, мы настаивали также на том, чтобы не только употреблялся термин «производственные отношения», но чтобы в термин этот вкладывалось то содержание, которое вкладывают Маркс, Энгельс и Ленин. Основоположники научного социализма, говоря о системе производственных отношений, всегда понимали под ней форму существования и развития производительных сил. Диалектическое единство этой формы и этого содержания (производственных отношений и производительных сил) и есть то, что Маркс называет общественно обусловленным материальным производством. Рубинцы же, отождествляющие общественно-обусловленное материальное производство с производством материальных ценностей, т.-е. с техническим процессом, и выбрасывающие общественное материальное производство на этом основании из предмета политической экономии, превращают тем самым производственные отношения в бессодержательные формы. Вследствие этого, получает полное искажение верный принцип имманентного движения,

которым так настойчиво клянутся авторы декларации. Бессодержательная форма не обладает и не может обладать никаким имманентным принципом движения. Имманентное движение может быть присуще лишь содержательной форме, т.-е. производственным отношениям, рассматриваемым в качестве формы движения производительных сил.

Рубин и рубинцы неоднократно утверждали, что политическая экономия не изучает противоречий между производительными силами и производственными отношениями капитализма (Рубин, «Абстрактный труд», стр. 87; Леонтьев, «Советская экономика», 1926 г., стр. 18; «Очерки переходной экономики», стр. 26). Тем самым они отказывались изучать основные противоречия капиталистического строя. Марксисты неоднократно указывали на то, что это является отступлением от марксизма. Что же сделали авторы декларации? Может быть, они открыто отмежевались в этом вопросе от ревизионистских взглядов Рубина и отказались от своих собственных ревизионистских ошибок? Нет. Они предпочли, во-первых, обвинить антирубинцев в отрицании противоречий внутри системы капиталистических отношений и, во-вторых, потихоньку изменили свои формулировки, приближая их к марксистским. Теперь уже оказывается, что «производственные отношения не могут рассматриваться иначе, в связи и во взаимодействии с производительными силами». Но не значит ли последнее признание десяти экономистов, что все противоположные высказывания Рубина и рубинцев были неверными, ревизионистскими и что марксисты, следовательно, правильно отмечали эти авантюристские прорывы в их концепции? Отступая таким образом в этом важном пункте от позиций своего учителя, рубинцы, подписавшиеся под декларацией, делают это, однако, недостаточно последовательно. Вместо того, чтобы открыто и честно сказать, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями является движущей основой возникновения, развития и гибели капитализма и что, следовательно, рубинское отсылание этого противоречия в другие науки выхолащивает политическую экономию, превращая ее в формально схоластическую болтовню, авторы декларации последующими неясными формулировками обесценивают свое собственное признание. С точки зрения этих формулировок производительные силы привлекаются лишь в «последнем счете», каковой счет может подводиться, как известно, и не в политической экономии. Именно так и подходит к вопросу Рубин, отсылая противоречия между производительными силами и производственными отношениями в исторический материализм. Излишне останавливаться на том, что вместе с этим из политической экономии выпадает и все учение Маркса о классовой борьбе, в которой выражаются и находят себе разрешение основные противоречия между силами и производственными отношениями («Нищета философии»). Таким образом, позиция авторов декларации в этом существенном вопросе до сих пор продолжает оставаться неясной. Между тем для марксиста крайне существенно признание того, что производительные силы рассматриваются политической экономией не как «предпосылка», «исходный пункт» (Рубин) и не только в «последнем счете» (декларация), а как неотъемлемая сторона того противоречия, которая движет капитализм к социальной революции.

Рубин неоднократно определяет политическую экономию, как науку о социальных формах вещей («Очерки», изд. 3-е, стр. 48). Марксисты не раз указывали, что такое определение неверно. Политическая экономия изучает не социальные формы вещей, не формы проявления сами по себе, но сущность—производственные отношения капитализма, проявляющиеся через вещи. Задача экономиста открыть за отношениями вещей производственные отношения людей, реальные классовые противоречия капитализма, а не довольствоваться констатированием противоречий одних только внешних форм. Перенесение Рубиным центра тяжести из сферы отношений между классами в сферу социальных форм вещей ведет к замазыванию классовых противоречий, к меньшевистскому выхолащиванию марксистско-ленинской политической экономии, все назначение которой служить орудием

классовой борьбы пролетариата. Мы же всегда утверждали, что классовые отношения капиталистического общества проявляются через посредство вещей, мы утверждали также, что понять эти отношения во всей их специфичности невозможно, если упустить из виду факт их овеществления. Однако мы подчеркивали, что действительным предметом политической экономии являются производственные отношения капиталистического общества, реальные внутренние противоречия капитализма, а не внешние только проявления этих противоречий в вещах. Чем же ответили на это авторы декларации? Признали ли они замазывание Рубиным реальных противоречий капитализма? Подчеркнули ли значение классовых противоречий капитализма к гибели? Нет. Они ни одним словом не ответили на то важное замечание тов. Бутаева, в котором он говорит, что если действительно «экономические категории суть всегда социальные формы вещей», как это вслед за Рубиным заявил в сборнике рубинцев тов. Борилин, то совершенно непонятным и неясным становится, каким образом Ленин считал буржуазию и пролетариат «важнейшими категориями капиталистического общества»? Радикальный ревизионизм Рубина—Борилина в этом вопросе отчетливо выступает, если сравнить их формулировку с формулировкой Маркса, неоднократно повторенной Лениным. Экономические категории по Марксу суть «теоретическое выражение исторических производственных отношений, соответствующих известной ступени развития материального производства» («Нищета философии», 1919 г., стр. 27).

Таким образом, ослепление социально-меновой концепцией Рубина и в этом вопросе вовлекает его учеников в вульгарно-идеалистическое болото, из которого они, к сожалению, не сумели выбраться и в предлагаемой декларации.

Декларация десяти экономистов характерна еще в одном отношении. Всякого знакомого с экономической литературой последних лет не может не удивить, что борьбу с «механистами в политической экономии» возглавили товарищи (Леонтьев, Хмельницкая, Островитянов), сами серьезно повинные в механистических ошибках. Достаточно просмотреть писания Леонтьева и Хмельницкой, чтобы наткнуться на утверждение, что экономические науки изучают не только рост производительных сил, но и производственные отношения («Советская экономика», 1926 г., стр. 72, 88), что отношение формы к содержанию в марксовой системе есть отношение изменяющейся формы к качественно неизмененному содержанию («Советская экономика», 1926 г., стр. 12, и «Очерки переходной экономики», 19), что отношения менового общества складываются из «горизонтальных» отношений обмена и «вертикальных» классовых отношений («Советская экономика», 1926 г. стр. 52 и «Очерки переходной экономики» стр. 44), что советское хозяйство имеет товарно-рыночную форму и т. д. («Советская экономика», 1926 г., стр. 77; «Очерки переходной экономики», стр. 107, 265; «Советская экономика» 1928 г., стр. 45 и др.). В книгах Леонтьева и Островитянова не трудно найти трактовку абстрактного труда, как только логической категории, полное принятие Бухаринского закона трудовых затрат и пр. (см., напр., Лапидус и Островитянов «Политэкономия», изд. 1, 24; Леонтьев, «Очерки переходной экономии», 3-я глава и др.). Недаром журнал «Под Знаменем Марксизма» еще в 1926 г. в № 6 характеризовал концепцию Леонтьева и Хмельницкой, как механистическую концепцию. Если товарищи, подписавшие декларацию, хотят действительно не на словах, а на деле бороться с механистическими тенденциями, они должны прежде всего обратить острие своей критики против «внутреннего врага» — собственных своих соратников — Леонтьева, Хмельницкой и Островитянова. Если бы они занялись этим общественно-полезным делом, они легко смогли бы убедиться, что Леонтьеву, Хмельницкой и Островитянову по целому ряду вопросов найдется вполне подходящее место в рядах Шабса, Дашковского, Кажанова, Финн-Енотаевского и др.

Категорическая и решительная борьба с механистами не выдуманными, а действительными — с богдановцами и физиологистами типа Ерманского, Кажанова, Дашковского, с неприкрытыми врагами марксизма в роде Финн-Енотаевского, к со-

жалению, печатающегося в наших марксистских журналах (не без содействия некоторых подписавших «декларацию десяти» товарищей); с путаниками и схоластами типа Шабса — эта непрекращающаяся борьба ни на одну минуту не должна заслонять перед нами борьбу с «социально»-идеологической школой, конкретно представленной у нас Рубиным, к которому на-днях торжественно присоединился в особой книжке бывший кантианец, переводчик и популяризатор Штаммлера, открытый «социальный» идеалист Давыдов (см. его книгу «Абстрактный труд»).

Замазывать эту борьбу против социально-идеалистической школы в настоящее время более чем опасно. Именно отсюда, из этого лагеря, и идет та гипертрофия меновых отношений, которая является основой для меньшевистских теорий социальной революции (Реннер), для теории «организованного капитализма», для буржуазного отождествления советского хозяйства с товарным хозяйством вообще (Юровский) и для общей гипертрофии вещно-выраженных меновых рыночных отношений (правый уклон).

Авторы декларации «десяти» пытаются неправильно информировать партию, заявляя, что будто бы «борьбу с социальным направлением» буржуазной экономии противники механистических взглядов ведут не на словах, а на деле, вынося на своих плечах почти всю тяжесть этой борьбы. Если они под противниками механистических взглядов имеют в виду себя, то, мягко выражаясь, их заявление не соответствует действительности. Из числа десяти экономистов, подписавших декларацию, никто и никогда не выступал против социального направления в политической экономии. Напротив, рецензию тов. Бессонова в «Правде», направленную против Петри, авторы декларации вместе с другими рецензиями «Правды» относят к числу «грубых извращений марксистских положений в политической экономии».

Если же авторы декларации имеют в виду не себя, а кого-то другого, то крайне странно в таком случае наличие вообще подобного заявления в декларации.

Не касаясь обычной для рубинцев манеры полемики, целиком основанной на изготовлении в собственной кухне «макета» взглядов противника на предмет их опровержения, нижеподписавшиеся не могут не остановиться в заключение на попытке авторов декларации сблизить борющихся против Рубина марксистов с правыми уклонистами в партии.

Этот во всех отношениях недостойный прием, пытающийся использовать великую историческую задачу партии по преодолению оппортунистических шатаний для целей мелко-фракционной защиты ревизиониста Рубина и ошибок его учеников, мы категорически осуждаем. Со всей решительностью мы заявляем, что ни у кого из подписавшихся здесь марксистов не было и нет ни малейших сомнений в правильности генеральной линии партии в ее борьбе с правыми уклонистами внутри ВКП(б) и в Коминтерне.

Мы считаем поэтому недостойным прием десяти экономистов, не постеснявшихся пустить в ход это опасное оружие для защиты Рубина, представляющегося, повидимому, авторам декларации ортодоксальнейшим представителем теоретических позиций ленинской партии.

Вот это-то политическое легкомыслие тов. Бутаев правильно характеризовал в своей рецензии, как недостаток политического чутья.

Авторы «декларации 10 экономистов» полностью оправдали эту характеристику.

С. Бессонов, Я. Бумбер, К. Бутаев, В. Кац, А. Кон, И. Лаптев, Н. Медников, Я. Раппопорт, М. Сайгушкин, А. Хозмяцкий, Д. Черномордик, И. Шумский.

Сентябрь

Резолюция по вопросу о современной дискуссии в теоретической экономии.

(Принятая общим собранием экономистов Института Красной Профессуры 16 XI—29 г.) [1]).

По вопросу о разногласиях в области теоретической экономии собрание считает обязательным для членов ячейки подчинять эти разногласия задачам борьбы с правым уклоном.

Собрание считает, что механистические тенденции, обнаружившиеся в области политической экономии, могут в дальнейшем их развитии сомкнуться с теми не марксистскими, не диалектическими механистическими установками, которые характеризуют Бухарина и его «школу». Поэтому необходимо особо заострить теоретическую борьбу против механистического направления в политической экономии. На ряду с этим собрание находит актуальным и обязательным решительную борьбу с идеалистическим направлением в политической экономии и идеалистическими извращениями марксизма.

Собрание целиком солидаризируется с оценкой современного этапа дискуссии, которая дана редакцией «Правды» и считает, что эта оценка должна явиться базой, на почве которой может быть разработана положительная теоретическая платформа, на которой должны об'единиться коммунисты.

Однако, эта платформа не может являться эклектическим соединением разных точек зрения, а должна представлять единое целостное понимание всего учения Маркса и применение этого учения к эпохе диктатуры пролетариата, к вопросам теории советского хозяйства, к теории империализма, к оценке теперешнего этапа развития мирового хозяйства.

На теоретическом фронте должен играть решающее значение коллектив коммунистов. Задача нашей ячейки помочь партии вырастить крепкий, партийно-выдержанный коллектив, который мог бы преодолевать все возможные отклонения от марксистско-ленинской теории и ее методологических основ и заняться положительной разработкой вопросов современной эчкономики.

Условия пользования консультацией на заочно-консультационном отделении ИКП для партактива и преподавателей в 1929/30 уч. году.

(Утвержденные ЦК ВКП(б) от 26 IX—29 г.).

Заочно-консультационное отделение ИКП организует в предстоящем учебном году работу в следующих 4 направлениях:

1. Систематическая консультация в теоретической работе партактива и преподавателей в вузах и комвузах.
2. Заочное прохождение программы основных отделений ИКП (см. условия, опубликованные в «Правде» от 17 октября).
3. Помощь в подготовке к выступлению на основные отделения ИКП.
4. Помощь в подготовке к поступлению на подготовительное отделение ИКП.

Опубликовывая настоящие условия приема на консультацию партактива и преподавателей вузов и комвузов, ЗКО считает необходимым особо подчеркнуть политическую важность комплектования этого кадра на предстоящий 1929/30 год.

Согласно постановления ЦК ВКП(б) от апреля и сентября 1929 года, состав консультируемых этого типа должен быть в предстоящем учебном году увеличен в 3 раза по сравнению с прошлым годом.

Всем ЦК, облкомам и окружкомам партии представляется право рекомендации партийного и комсомольского актива на консультацию в ЗКО.

---

[1]) Приводимый текст представляет собой часть общей резолюции ячейки экономического отделения ИКП по докладу бюро ячейки и деканата.

Никакой разверстки в комплектовании этого кадра консультируемых ЗКО не устанавливает и зачисление на консультацию будет продолжаться непрерывно весь год.

Комплектуя этот состав консультируемых, необходимо иметь в виду, как обязательное условие, достаточную подготовку (не менее, примерно, комвуза) для самостоятельной, научно-исследовательской работы и создание для него благоприятных условий в академической успеваемости (возможная разгрузка, пользование местными архивами и книгохранилищами и т. д.).

Единых стандартных программ или заданий для этой категории консультируемых ЗКО не дает, так как руководство поставлено исключительно на индивидуальных началах.

От каждого желающего получать консультации требуется: а) личное заявление на зачисление в состав консультируемых ЗКО; б) рекомендация ЦК, облкома, крайкома или окружкома; в) подробное изложение целевой установки своих занятий под руководством ЗКО с точным указанием дисциплины или темы, которая намечается к проработке.

Консультация дается как по отдельным дисциплинам, так и по разделам их и даже по отдельным проблемам, но с обязательным условием систематического углубленного изучения их.

Формы руководства ЗКО работой партактива и преподавателей устанавливаются следующие:

1. Письменная или устная консультация по предварительной заявке в связи с разрабатываемым вопросом к предварительно составленному плану работы и списку литературы, либо в процессе работы при возникновении затруднений, сомнений и т. д. по принципиальным вопросам у консультируемого возникает потребность в соответствующей помощи консультанта.

2. Письменная рецензия на представленные конспект, черновые наброски или тезисы прорабатываемой проблемы, темы, курса.

3. Письменная рецензия на проработанный под руководством ЗКО доклад, брошюру и т. д.

Примечание: ЗКО содействует печатанию наиболее ценных работ консультируемых.

4. Конференция групп товарищей, прорабатывающих однородные проблемы, которые организуются при наличии достаточных условий, по мере надобности.

В задачу ЗКО не входит консультация эпизодического характера по отдельным вопросам или оценке каких-либо готовых письменных работ, составленных не под руководством ЗКО.

Каждому товарищу, зачисленному на консультацию, ЗКО прикрепляет соответствующего специалиста, который руководит теоретической работой консультируемого путем устной консультации или письменных указаний и рецензий на работы.

Подробные правила пользования консультацией для партактива и анкету можно получить в ЗКО, Остоженка, 53, ИКП, тел. 5-66-06, или местных партбинетах.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКА!

Уважаемый товарищ!

Срок Вашей подписки на ежемесячный философский и общественно-экономический журнал „Под Знаменем Марксизма" истекает 31-го декабря с. г.

Во избежание перерыва в доставке журнала просьба заблаговременно возобновить подписку на 1930 год.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

(Об условиях подписки на 1930 год см. на обложке журнала).

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**

Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.**

Главлит № А—45410 Тираж 5.000 экз.

Центральное бюро международного книгообмена палата

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА"

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева.

Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Айхенвальд, Арк. А—н, В. Асмус, В. Астров, З. Атлас, Гр. Баммель, А. Бартенев, Я. Берзтыс, А. Болотников, В. Борзенко, Б Борилин, В Боровский, Н. Бухарин И. Бутаев, В. Ваганян, И. Вайнштейн, П. Виноградская, А. Вишневский, А. Воден, А. Вознесенский, Р. Выдра, Б. Выропаев, Б. Гессен, С. Гоникман, Б. Горев, И. Дашковский, А. Деборин, Гр. Деборин, Ш. Дволайцкий, Г. Дмитриев, Ф. Дучинский, Мих. Дынник, В. Егоршин, Б. Завадовский, Г. Зайдель, Я. Захер, Н. Звенигородцев, Л. Зивельчинская, П. Ионов, Ф. Капелюш, Ник. Карев, В. Кирпотин, Б. Козо-Полянский, В. Колоколкин, К. Корнилов, А. Кон, Ст. Кривцов, И. Куразов, М. Левин, Н. Ленцнер, Н. Лукин-Антонов, И. Луппол, А. Максимов, Дм. Марецкий, акад. Н. Марр, Л. Мендельсон, К. Милонов, В. Милютин, Я. Мирошкин, Ф. Михалевский, А. Михайлов, А Молок, С. Моносов, Л. Надеждин, В. Невский, И. Орлов, Е. Пашуканис, В. Позняков, В. Полянский, М. Покровский, И. Разумовский, А. Реуэль, Я. Розанов, М. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, И. Рубин, Д. Рязанов, И. Сапир, П. Сапожников, Вл. Сарабьянов, Н. Саргин, А. Серебровский, А. Слепков, Вас. Слепков, Л. Спокойный, Ю. Стеклов, А. Столяров, П. Стучка, Я. Стэн, Ф. Тележников, А. Тимирязев, С. Томсинский, Г. Тымянский, А. Удальцов, М. Фурщик, Ю. Франкфурт, Ц. Фридлянд, В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шмидт и другие.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 4-84-21.

Прием по делам редакции от 12 до 4 час.

Непринятые рукописи не возвращаются.